

ИГОРЬ ДАВЫДОВ

VIVA LA

DOPPELGÄNGER

Фраза "твой самый опасный враг — это ты" звучала на земле издревле. В конце концов, единственный, от кого человек никогда не сумеет убежать, это он сам. А ведь люди пытаются. Раз за разом, день за днём. И ничему их не учат ошибки прошлого.

Но порой появляется возможность заглянуть в глаза самому себе и увидеть там свой главный страх. Осознать, что есть ты сам. И победить самого себя, пусть даже подобная победа не обойдётся без боли.

Порой невозможность отступить, принятая и осознанная, является величайшим даром из возможных.

Так славься же Зеркало! Славься Отражение! Славься Доппельгангер!

Viva la Spiegel. Viva la Reflexion! Viva la Doppelgänger!

Viva la Doppelgänger, или Слава Доппельгангеру

Глава 1. Доппельгангер

1.

– “Ужасное место, чтобы умереть”... примерно так должна начинаться книга, а не как у тебя. Запомни, Илега, нет ничего хуже, чем стартовать повествование с диалога или описания погоды. Сие буквально преступление против хорошего вкуса. За подобное Максим Горький тебя посадил бы в пожизненный эдикт с гвоздями, если бы знал, что это такое.

За последние месяцы Прага успела привыкнуть к двум вещам: к бархатистому, слегка капризному голосу будущей жены одного из завиднейших женихов стольного града, обожающей делать ультимативные заявления, да к тому факту, что погода зависит скорей от воли этой барышни, чем от естественных природных явлений, наблюдениями за которыми обычно зарабатывают себе на кусок хлеба сотрудники метеобюро.

По-началу богемийцев изрядно смущало и даже пугало то, сколь чутко реагируют небеса на настроение упомянутой выше вздорной особы. Иных особенно выбивало из колеи тот факт, что солнце и тучи выбрали себе госпожой не кого-нибудь из королевской семьи или заслуженных дворянских родов, а случайную простолюдинку.

Броню Глашек. “С ударением на первый слог”, как она частенько любила представляться, прежде чем завести свою любимую шарманку на тему общества, что слишком ленится ставить точки над йотированными гласными. Это, как полагала повелительница ветров и гроз, являлось первым признаком того, что человечество встало на путь деградации.

Ещё полгода назад никто и не знал о том, что эта девица вообще существует, но события последних шести месяцев перевернули с ног на голову как сам мир, так и представление многих людей о нём.

В конце концов, одно дело верить в богов, а совсем иное — узреть кого-то из них воочию. И не покровительствующую праздности Вагху, не воплощение справедливости — Малфурию, даже не закалённого в кровавых боях Цезаря, а Лешего, древнейшего врага всего человечества и самого понятия цивилизации, саму персонификацию хаоса.

Узреть и осознать всю глубину своих заблуждений, когда окажется, что хтонический Леший явится в образе прекрасной юной девы, которая, к тому же, впервые применила свои божественные силы для помощи смертным, а не для того, чтобы растереть их каблуком, как мерзких тараканов.

Прага успела привыкнуть. Ну, да, богиня. Да, что-то там мутит с политикой. Но это всё происходит где-то там, в высших сферах. Простой челяди ведь интересно иное. В основном, чтобы её никто не трогал и позволил пару раз в месяц донести до дома зарплатку, которая покрывала бы приобретение продуктов питания и товаров первой необходимости, да чтобы оставался “хвостик”, которого бы хватило, чтобы со временем накопить на покупку ценной подорожной и важностью поболее.

Но, к сожалению, именно в этой мелочи простолюдином и было отказано.

И, к ещё большему сожалению, попытка возмутиться подобным развитием событий как раз привела к тому, что множество мужчин и женщин сейчас лежало на земле, лицом вниз, имея из развлечений только возможность наблюдать за тем, как по весне неспешно растёт трава под аудиосопровождением из криков боли тех, кто привлёк к себе слишком много внимания бойцов Группы Немедленного Вмешательства.

А у иных с развлекаловом дела обстояли куда как хуже, ибо им глядеть предстояло исключительно в асфальтированный плац.

По крайней мере, так было до тех пор, пока на закрытой территории государственного учреждения, ответственного за перевоспитание опасных для целостности государства людей, не объявилась лично богиня с сопровождением.

Стук её каблучков разительно отличался от тяжёлой поступи закованных в броню ГНВшников, а звуки мягкого женственного голоса — от грозного гарканья правительственных силовиков. Вот только смушал подбор одежды этой бледной синеокой брюнетки, уж слишком явно отсылающий к парадной униформе Богемийских Вооружённых Сил, что довольно недвусмысленно намекало, на чьей стороне в данном конкретном конфликте Лешая выступала. Ну а змея, обвивавшая шею девушки, вовсе придавала образу некоторой зловещести. И это несмотря на то, что рептилия мирно себе спала, подставляя изумрудную шкурку ласковым лучам жаркого весеннего солнца.

— Ты — бака и бука, — надулась обиженно та, кого богиня называла Илегой: девушка в одеяниях горничной, самыми яркими атрибутами которой являлись обилие острых черт во внешности да шикарная длинная копна густых русых волос. — Я, между прочим, летопись твоих подвигов веду! Могла бы и порадоваться.

Однако Броню Глашек подобный аргумент не убедил. Она картинно закатила синие очи и беспечно отмахнулась рукой в белоснежной перчатке.

— Я тебя умоляю, Илега, это не летопись. Это художественное произведение, хоть и основанное на реальных событиях. И если уж ты берёшься делать нечто подобное, то делай это хорошо, а не как некоторые.

Богиня остановилась и замолчала, глядя в сторону одного из задержанных. Он словно бы издевался над силовиками. Смеялся в лицо, выкрикивал лозунги, причём, кажется, вообще все возможные, а не только относящиеся конкретно к данной ситуации. Вплоть до “живе Беларусь” и “Скайрим для нордов”. Бойцы ГНВ, конечно же, не оставались в долгу, но соревнование по остроумию очевидно слили всухую ещё до прибытия госпожи Глашек, а потому активно пытались успокоить несгибаемого протестующего ударами дубинок.

Безуспешно.

В этот момент прикрытого дизайнерским кителем плечика Лешей коснулась изящная ручка светловолосой девицы, одетой в легкомысленный наряд, включающий в себя розовую маечку и коротенькие шортики. Пожалуй даже чересчур легкомысленный для той, к поясу кого приторочены изящная волшебная палочка и держава с прахом.

— Может, перейдём к делу? Думаю, люди заждались.

Однако ответ на вопрос магичка получила не от госпожи, а от стильного молодого парня в тёмно-синей рубашке с коротким рукавом. Кстати, тоже обременённого магической атрибутикой. Только более строгой, чем у блондинки.

— Да ладно тебе, Жаки, мы всю ночь и всё утро мотаемся по различным полицейским участкам и тюрячкам, где каждый раз Лешая произносит перед местными обитателями одну и ту же речь с незначительными изменениями. Мы все устали и заслужили небольшой отдых.

— Устали больше, чем они? — кивнула блондинка на лежащих мордами в пол задержанных. — Не будь так эгоистичен, Лукан.

Ровнёхонько в этот момент со стороны неунывающего избиваемого донёлся очередной перл:

— Мои предки улыбаются, глядя на меня, имперцы, а ваши — улыбаются, глядя на вас?! Эта реплика встретила одобрителный кивок со стороны Лукана.

— Спасибо, тебе, парень!

— Не за что! — успел отозваться задержанный, прежде чем схлопотал дубиной по зубам.

Последний факт не особо смутил колдуна-стилягу, и тот лишь небрежно махнул рукой в сторону жертвы побоев.

— Видишь? Он полон сил и энергии. А остальные вообще лежат. расслабляются и отдыхают.

— В довольно неудобной позе, вообще-то, — прыснула ядом в сторону спутника Жаки. — И ты сам отлично знаешь, что это является одной из форм пыток. Или в УСиМ не физ-ре не тренируют противостоять подобному?

Молодой человек может и хотел что-то ещё сказать, но передумал, когда богиня решительно двинулась в сторону того самого несломленного и несгибаемого задержанного.

— Ей-Форде, Даркен, сие что, твой новый фетиш? — поинтересовалась она у бедолаги. — Намекаешь на то, как должна пройти наша с тобой первая брачная ночь?

Последние слова заставили ГНВшников застыть в нерешительности. Лишь один из них не успел отреагировать и остановить движущуюся по направлению лица собеседника госпожи дубинку.

Впрочем, как выяснилось, у того всё и так было под контролем. Задержанный на удивление ловко подставил под удар лоб, а затем, как ни в чём не бывало, перехватил руку бойца и в одно движение сломал её. Ответ на вопрос, почему наручники не помешали пленнику повернуть нечто подобное, болтался на его запястьях, шурша лопнувшим пластиком.

Тот, кого Лешая назвала Даркеном, выпрямился и утёр предплечьем кровь из расквашенного носа. Вообще, для кого-то, чьё лицо из-за побоев мало чем напоминало человеческое, задержанный двигался чересчур бодро. Куда бодрее, чем бойцы ГНВ, торопливо пятящиеся от него назад.

— Во имя Хидео, мать его, Кодзимы, Броня, ну нельзя быть такой душной. И вообще, как ты меня узнала? Я же перед внедрением сменил внешность. Меня тебе Ёла спалила? Эта коварная закладчица?

— Да нет, всё проще, — девушка сделала ещё шаг к молодому человеку и принялась мягко поглаживать пальчиками следы побоев, из-за чего те на глазах уменьшались, пусть даже порой выплёвывая в пространство порцию гноя, которую богиня без тени брезгливости смахивала на плац. — Гораздо проще. Ты кричал “живе Беларусь”, что уже довольно подозрительно, учитывая, что в Форгерии никакой Беларусью и не пахнет, а затем начал славить Ульффрика-Буревестника.

Молодой человек непонимающе и возмущённо развёл руками.

— Да ладно! Это мог быть кто угодно! Мало ли в Богемии попаданцев из мира, похожего на наш прошлый, со Скайримами и вотчинами усатых батек?

Броня закатила глаза.

— Это не мог быть, кто угодно. Это мог быть только ты. Думаю, читатели со мной согласятся. Сколь многие узнали тебя после твоего первого появления в этой главе?

Исцеляемый подарил богине недовольный взгляд.

— С чем они точно согласятся, так это с тем, что слом четвёртой стены —

исключительно моя, великого Даркена Маллой, фишка и ничья больше. Так что, попрошу, верни, откуда взяла.

Лешая тем временем закончила с лицом молодого человека и принялась лохматить ему волосы, с каждым движением делая их всё светлей и светлей.

— А разве после свадьбы у нас не будет всё общее? Фамилия, имущество, любовницы, фишки?

Птичий взор серых глаза Дарка обратился к небесам, чистую голубизну которых портили пока ещё редкие облака: первые предвестники приближающегося грозового фронта.

— Это так не работает. Я же не стану после свадьбы богом.

— Ты всё неправильно понял, — Лешая в одно движение пальца рассекла и без того рваную футболку собеседника, обнажая его покрытый синяками рельефный торс. — Моя фишка не в том, что я — бог, а в том, что я — богиня. Ты решил сменить пол?

— Не-е-ет, — подозрительно кося взгляд на девушку, ответил блондин.

— Вот потому ты и не возьмёшь мою фишку. С любовницами та же пьянка. Если я пересплю с Ёлко, никакой ссоры ни с кем меня не ожидает, а вот если ты покусишься на Илегу, весьма вероятно драка с её женихом.

— А ты удобно устроилась, слушай, — возмутился молодой человек.

Он упёр руки в боки и теперь с интересом наблюдал за процессом исцеления, требующим от богини личного внимания к каждой из ран. Где-то секундами тремя позже, Даркен вновь заговорил:

— Кстати, ты так и не спросила, зачем я сломал руку тому парню, при том, что официально нахожусь на стороне короля. Это ты стала такой невнимательной, или это я намекаю недостаточно ясно?

— Я думаю, сейчас просто не время и не место, — ответила девушка. — Мы на территориях, роду Маллой неподконтрольных, а подобные вещи лучше озвучивать в обстановке, более располагающей. Приглашаю тебя сегодня забуриться ко мне в храм. Там расскажешь, что успел выяснить. Заодно в съёмках видоса поучаствуешь.

Богиня положила руки на пояс собеседнику. Из оснований её ладоней проросли длинные зелёные побеги да скользнули ловкими вёрткими щупальцами в штаны молодого человека. Не с пошлыми целями, а чтобы нащупать требующие лечения повреждённые участки плоти, однако со стороны могло показаться иначе, особенно с учётом того, как дёрнулся и переступил с ноги на ногу юный пан Маллой в самом начале этого процесса.

— Знаешь, Броня, ты вроде бы и изменилась после своего пробуждения, но осталась такой же социально неуклюжей. Если бы я не был в курсе твоего канала с религ и политпросветом, мог бы подумать о видео иного плана.

Девушка коварно прищурилась.

— А с чего ты взял, что это именно неуклюжесть, а не намеренный флирт?

Она отдёрнула руки от пояса собеседника, однако щупальца вернулись “на место” лишь спустя ещё пару секунд. Выражение лица пана Маллой было неподражаемо. Этакая смесь конфуза, недовольства и обиды за то, что столь удачная шутка не пришла ему в голову.

Впрочем, спустя уже секунды две он словно бы потерял интерес к девушке и принялся выискивать в небесах среди прочих птиц одну конкретную: сову Букля. Богиня заметила его ещё на подъездах к этому учреждению, однако вида не подала. Специально. Чтобы застать врасплох Дарка.

Это того стоило.

— Ладно, граждане задержанные, тунеядцы, нарушители общественного порядка, бунтовщики и протестующие. У кого есть желание размяться? Наверняка уже все мышцы затекли лежать в такой позе. А ведь такая волшебная возможность! Пообщаетесь с богиней! Лично выскажете ей свои причины для недовольства и хотелки.

Броня окинула внимательным взглядом двор исправительного учреждения. Множество людей. Мужчины и женщины. Разных возрастов, включая тех, кого даже она назвала бы детьми.

Взор богини отмечал ряд нарушений в вопросе проведения исправительных работ. В частности, тот факт, что практически все лежали и лишь некоторым позволили сидеть на коленях, уткнувшись лбом в землю. По методичке полагалось бы уже к этому моменту как минимум стариков и мелкотню поставить лицом к забору. Да, Лешая конечно обеспечила бунтующим тёплые ночь и утро, чтобы снизить количество заболеваний среди задержанных, но, тем не менее, для многих эта занимательная экскурсия с погружением в работу пенитенциарных учреждений Богемии не пройдёт без последствий.

Богиня молча указала, кого поднять с земли и поставить перед ней. Двух “бойких”, одного из тех, кого даже местные силовики сочли настолько покладистым, чтобы позволить ему сменить позу на якобы более удобную, пару стариков и пару детей возрастом от одиннадцати до четырнадцати.

Вообще, изначально девушка планировала брать побольше “бойких” для начала беседы и нескольких “покладистых” для её окончания, но ей сегодня постоянно приходилось отступать от изначальной задумки. Всего несколько раз отработала по сценарию, а в остальных же случаях приходилось разбавлять первые ряды совершенно бесполезными с точки зрения выступления фигурами. Просто, чтобы дать им возможность слегка размяться.

Дождавшись, пока всю семёрку разместят перед ней, богиня подошла тому из задержанных, кто выглядел застрявшим между детством и юностью, взяла его за подбородок и взглянула в глаза.

Взор мальчишки был полон страха. Парнишка явно сожалел о том, что влез во всю эту веселуху. Однако гордости хватило для того, чтобы как минимум предпринять попытку взять себя в руки и хотя бы попытаться смотреть смело.

Броня криво усмехнулась на правую сторону.

— Ну что, соплежуй? Это тебя тупые родаки притащили на протест, или ты сам возомнил себя до Лешей взрослым, а свои политические взгляды — хтонически прогрессивными? Спойлер: в во втором случае ты очень, очень, очень, очень-очень-очень далёк от правильного образа мыслей.

Мальчишка где-то секунды две пытался придумать, как ему реагировать на этот вопрос, но затем он разродился обвинением:

— Но это ведь ты развязала войну, из-за которой мы голодаем!

Высказавшись, подросток нацепил на лицо некое подобие гордой улыбки и поспешил стрельнуть глазами по сторонам, надеясь увидеть поддержку и одобрение.

Лешая вздохнула.

— Я сейчас поведаю тебе три умных вещи, только ты пожалуйста не обижайся. Мне, в принципе, будет приятно, если смысл сказанного дойдёт до твоего высушенного просмотром минутных роликов лишённого воображения мозга, но если этого не случится, плакать не буду.

Она схватила нижнюю полу широкой серой футболки мальчика и задрала её. Торс

паренька не внушал. Ничего. Ни уважения, ни ужаса. Ни мускулов, ни проглядывающих рёбер тут не наблюдалось. Обычная подростковая дрищеватость, связанная скорее с отсутствием активных занятий спортом да с особенностями ускоренного роста, характерного для данного периода жизни.

— Во первых строках этого метафорического письма, я хочу отметить, что ты, пан голодающий молокосос, либо обладаешь слишком незапоминающейся внешностью, либо же действительно ни разу не посетил открытой для всех желающих бесплатной столовой моего храма. Да и в целом, у меня не имелось особой нужды её расширять в последние недели, хотя, судя по тому, как ты сейчас пытаешься нагнать масштабов, в ней очереди должны быть до самого горизонта, — девушка для красноречивости даже ручку приложила козырьком ко лбу, словно бы желала разглядеть что-то вдаль. — И не надо мне говорить про лень. Во мне сотни душ, и многие из них не понаслышке знают, что такое голод. Ради краюхи хлеба стоит поднапрячься. И если уж не оседлать общественный транспорт, на который как раз денег может и не хватить, то уж снять трубку и набрать номер горячей линии точно ничего не помешает.

Лешая коснулась пальчиком губы и задумчиво обратила взгляд к становящимся всё более и более хмурым небесам, да начала неспешно вышагивать из стороны в сторону.

— Ну, кроме вопиющего идиотизма, пожалуй. Но в этом случае Прагу пешком из конца в конец пересечь — задача вполне выполнимая. А потому перейдём пожалуй к пункту “во-вторых”. А он, кстати, куда более интересен, чем твоё детско-юношеское лицемерие, ибо касается он лицемерия властителей земель, титулованных монархов, вершителей судеб человеческих et cetera, et cetera.

Никто из присутствующих не решался перебить некромагичку. Даже если не касаться её властности, сквозящей в каждом жесте и слове, спесь с задержанных старательно сбивали всю прошедшую ночь. С некоторых — буквально. К текущему моменту мало у кого вообще остались хоть какие-то физические или моральные силы активно спорить и уж тем более рисковать прерывать сию многословную речь той, кого на высшем уровне официально признали богиней.

— Многие называют причиной войны мой конфликт с русским цесаревичем. И эти многие — идиоты, которые даже школьный курс истории, видать, забыли, едва лишь получив аттестат. Если не ещё раньше, — Лешая остановилась аккуратно перед мальчишкой, а затем склонилась к нему и принялась стучать указательными пальцами по вискам. — Думай, молокосос, думай. Почему вас на уроках заставляли учить причины и поводы для войны. Причины и поводы. Это был повод. И цесаревич старательно его искал. Ему требовался скандал. Сын правителя Российской Империи много умнее и образованней всех вас вместе взятых. И даже если он кажется повесой, так это лишь потому, что такой образ ему удобней и, что вероятно, заставляет трепетать сердечко у представителей простого люда его страны.

Девушка выпрямилась и завела руки за спину.

— Я не выбирала, начинать войну или нет. Наш король не выбирал, начинать войну или нет. Никто не выбирал, начинать войну или нет, кроме Николая за номером три, нынешнего официального правителя восточного гиганта. Всё, что было нам доступно для выбора: это то, с каким лицом вы вступим в этот вооружённый конфликт. И я выбрала хищный оскал, — Лешая картинно коснулась перстами уголков губ и оттянула их, демонстрируя тот самый оскал, о котором говорила. — Ибо война закончится либо же нашим поражением и капитуляцией, либо же после слов “оно того не стоит” со стороны государя земли русской. И

чем мы выглядим смелее, решительней, неколебимей, тем раньше та благая фраза слетит с уст Николашки, правителя Рашки.

Наконец некромагичка убрала пальцы от лица. Жесты её стали медленными. Очень. Практически сонными. Девушка подняла вверх один перст наставительно, да продолжила уже без того задора, с которым громила единственный аргумент мальчишки ранее.

— Ну а в-третьих, и в главных: я всегда поощряла в челяди политическое мышление. Мышление, а не скудоумие. Первое от второго отличить легко. Когда ты, глядя на стоящего пред тобой представителя магического сословия, который хотя бы делает вид, что желает тебе блага, демонстративно его хулишь, желая заслужить одобрение людей, которые тебе помочь не смогут, даже если захотят, ты, мой дорогой пан молокосос, имбицил, — девушка вновь склонилась к мальчишке, на лбу которого уже выступил пот. — А политическое мышление, это когда ты предпринимаешь попытку вникнуть и осознать суть происходящих в стране процессов. Тогда ты бы выучил имена хотя бы ключевых фигур. Например, Брони Глашек, которая, прежде чем получить официальное звание богини, была принята на работу в дом Маллоев на должность палача.

Она выдержала паузу.

— Чуешь, чем пахнет? Палача. Да и богиня я, всё же, не благая. Я — аватара хаоса. Знаешь, некромаги часто делают то, чего им делать не хочется. Но нужно. Потому что они должны сохранить лицо. Имидж. Репутацию. У иных некромагов кроме репутации ничего не осталось. А у таких, какой я была полгода назад, никогда и не имелось иных активов, — богиня мягко коснулась пальчиком точки меж бровями мальчишки. — Тут с какой точки не посмотри, всё выходит, что следовало впечатлять меня, а не своих дружков, которые даже не дружки.

В следующую секунду паренёк свалился на бок, схватился руками за лоб, да начал кричать. Крики выходили отрывистыми, короткими и какими-то глухими. Надо сказать, что для многих присутствующих завершение сцены оказалось внезапным. Даже Даркен Маллой слегка расширил на секунду глаза, хотя, пожалуй, мало кто сумел отметить и понять этот выверт мимики сероглазого некромага.

Что уж говорить о том, как отреагировали задержанные, которым вроде как и бежать охота, но коим этого делать было нельзя, ибо спасение их крылось скорей в умении не привлекать к себе внимания, чем в быстрых ногах.

Богиня выпрямилась и окинула взглядом тех задержанных, что остались стоять пред ней на коленях. Кто-то забыл обо всём и смотрел на корчащегося в муках подростка, а кто-то — благоразумно глядел строго вперёд.

— Полагаю, те из присутствующих, с кем я заговорю следом, будут более предрасположены к конструктивному диалогу и не станут проверять на прочность мою дурную репутацию, коию я пестовала всю свою сознательную жизнь?

Броне не нравилось делать то, что сейчас делала. Однако богиня осознавала, что ей требуется действовать максимально эффективно. Именно потому в данный момент она повысила голос, желая завладеть вниманием задержанных в минуту, когда их восприятие, шокированное внезапной жестокостью, наиболее уязвимо.

— Я полагаю все присутствующие здесь заметили, что в последнее время цены на продукты питания и предметы первой необходимости подскочили в два раза, а порой и втрое! Если кто не очень хорош в экономике, я сейчас вкратце, для самых маленьких, поясню, как оно работает! — девушка уверенно вышагивала перед стоящими на коленях

людьми. — В этой стране большая часть производственных мощностей сосредоточена в руках дворянства! А дворяне чувствуют, что дело пахнет керосином! Многие из них не очень высокого мнения об обороноспособности нашей страны, а потому готовятся свинтить за бугор к своим родственникам, прихватив с собой как можно больше того, что не прикручено к полу! А заводы, фабрики, сельхозугодья и прочая недвижимость к полу очень даже прикручены!

Лешая ступала решительно. Словно на победном марше. Доходила до возглавляющего импровизированный строй задержанных, разворачивалась и двигала обратно. Каждое её слово и шаг звучали в едином ритме, резонируя. Некромагичка буквально их чеканила, придавая таким образом своей речи некой весомости.

— Они надеются урвать побольше в кратчайшие сроки! Но, так же, если вы не заметили, есть одна крупная сеть, которая следует принципам сохранения доступных цен на товары первой необходимости! Вы о ней не можете не знать! Иначе откуда те скандалы, в результате которых пришлось вывесить объявления в стиле “две штуки в одни руки”?! — богиня остановилась перед одним из “бойких”. Тот предпочитал смотреть строго вниз, на обувь ораторши, не рискуя поднимать головы. — Если вы не в курсе, то эта инициатива стоит денег. Серьёзных денег. А уж сколь тяжело было протолкнуть подобное решение наверх. Хвала принцессе Лотарингской, что в дело вписалось государство, а потому разницу в цене на каждую покупку мне приходится возмещать не в полном объёме, а лишь частично.

Она чуть повернула голову и обожгла взглядом “бойкого” задержанного. Хотя, пожалуй, этот эпитет к нему больше нельзя было применить с прямым лицом: после демонстративной расправы над юнцом — он, кстати, уже затих и только лишь тихонько всхлипывал — все стали подобны кротким овечкам. По какой-то причине люди боялись магии больше, чем, например, дубинки или пистолета. Хотя, казалось бы, какая разница? Особенно когда ты уже в застенках. И там, и там суровость кары зависит не столько от инструмента, сколько от того, кто этот инструмент использует.

— Иными словами, вопрос, как скоро вы сможете нормально жрать, прямым подчинён вопросу о том, как скоро закончится война и в чью пользу будет итоговый счёт. И вы, выходящие на улицы, останавливающие движение, оставляющие за собой кучи мусора, вы, вынуждающие правительство усиливать охрану стольного града теми ресурсами, которые могли быть брошены на фронт, вот ни капелюсечки не помогаете.

Она опустила на корточки пред тем, кого всё ещё мысленно называла бойким.

— Ради чего? За что вы боретесь? Ответь мне?

Лешая замолчала, а её собеседник не сразу решился заговорить. Кажется, он даже надеялся на то, что некрамагичка продолжит свою душераздирающую речь и забудет о нём навсегда. Однако через две секунды — достаточно долго, чтобы осознать необходимость ответа, но недостаточно, чтобы молчание могло взбесить живую богиню, — он заговорил.

— Мы боремся против коррупции, деспотизма и попыток нажиться на простых подданных, госпожа.

Лешая молчала. Она просто сидела на корточках и внимательно изучала макушку задержанного. А вот её змея, напротив, решила сбросить негу сна. Рептилия неспешно поднялась, время от времени пробуя воздух на язык, а затем начала медленно, осторожно, словно бы смакуя страх бедолаги, оплетать его шею.

— Ты считаешь свой ответ удовлетворительным? — поинтересовалась девушка.

— Что-то не так, госпожа? — поспешно переспросил тот, словно бы испытывал

необходимость экономить дыхание.

— Повтори мой вопрос.

— Вы спросили за что мы боремся, госпожа.

— И что ты мне ответил?

Змея застыла у самого уха задержанного. По её холодному взгляду сложно было понять, что именно она задумала или какие эмоции испытывает. Быть может рептилии просто нравилось шипеть так, чтобы хоть кто-то её хорошо слышал.

— Мы боремся против коррупции, деспотизма и попыток нажиться на простых подданных, госпожа. И-и-и... и ещё против беззакония, если мне дозволительно дополнить свой ответ, госпожа.

Богиня задумчиво покивала.

— Ты всё ещё не осознаёшь, что не так?

— Н-н-нет, госпожа. Я — человек маленький. Что вижу со своей колокольни, о том и говорю.

— Давай попробуем ещё раз, но я тебя буду останавливать в нужный момент. Что я спросила?

— За что...

Допрашиваемый замолчал, ощутив, как девичий пальчик касается его губ.

— Тс-с-с... хватит. Этого достаточно. А что ты мне ответил?

— Против...

— Тс-с-с-с... что я спросила?

— За что? — на сей раз мужчине не требовались подсказки, чтобы осознать, когда потребно замолчать.

— А что ты ответил?

Небольшая пауза.

— Против.

Девушка выпрямилась, не забыв при этом прихватить с собой змеюку. Богиня нежно почёсывала шейку рептилии, не особо, впрочем, обращая внимания на реакцию той. Хотя, если честно, морде изумрудношкурой зверюги отчаянно не хватало выразительности.

— Осознаёте, в чём ваша проблема? Вы не боретесь “за”. Вы боретесь “против”. А это означает, что вы ничего не можете построить, ибо не стремитесь. Вы буквально намереваетесь только сломать. Никто из вас не задумывался о том, что случится, если вы вдруг, по какой-то счастливой — или несчастной — случайности победите? — синие глаза Лешей скользили взглядом по дворику, однако ни чьего взора богине поймать не удалось. Все смотрели исключительно в землю. — Цены упадут? А может быть, настанет прекрасный красный технокommунизм, где всё бесплатно, где вкалывают роботы, а не человек? Что Прага обратится разом Цветочным Городом?

Слечна Глашек покачала головой.

— Нет. Ничего подобного не случится. Вы просто разрушите то, что худо бедно работает. А строить будут те, кто знает, “за что” они борются. И, поверьте, их “за что” с вашими интересами совершенно несовместимо.

2.

Даркен не особенно вслушивался в выступление Глашек. По началу он пытался, честно, но затем осознал, что небеса давали куда как больше важной информации, чем велеречивая

богиня.

Молодой некромаг уже имел опыт наблюдения за погодой в моменты, когда настроение невесты резко меняется. И в такие минуты тучи не заморачивались с тем, чтобы хоть веточками, хоть листочками прикрыть свою искусственную природу. Они либо рассеивались, либо же формировались прямо над головой. Будто бы молекулы кислорода и водорода сами по себе, без минимального участия всем известных физических законов, решали обняться или же разбежаться в стороны.

И если ранее у кого-то ещё могли возникнуть сомнения в божественной сущности Брони Глашек, то подобное поведение небес должно было разбить во прах все аргументы скептиков. Такое не списать на случайность или же вовсе, как считали некоторые, на умелую актёрскую игру, когда лжебогиня нарочно подстраивалась под капризы погоды.

Это магия. Самая настоящая магия. Нечто, уровня использования шпилей. Вот только никто в те моменты не касался столь мощного катализатора. Король был бы в курсе.

Но сегодня же дела обстояли несколько иначе.

Сегодня грозовой фронт надвигался. Хоть и быстро, как в преддверие урагана, но он именно что надвигался. Тучи не возникали из пустоты сами по себе. Не было грома среди ясного неба. Ничего необычного.

Но именно это и необычно.

Серые глаза некромага проследили за первыми капельками дождя, окрасившими места своего падения в тёмные цвета. Затем он перевёл взгляд на Броню.

Ничего. Она продолжала вещать, как ни в чём не бывало. Умело, словно бы потомственная аристократка, девушка скрывала от случайных свидетелей свои истинные эмоции. А ведь богиня не могла не знать, о том, что что-то пошло не так.

Сильно не так.

В конце концов, молодой человек помнил, как взбесилась вчера невеста, узнав о том, какие меры для разгона демонстраций избрал принц.

“Это ведь ранняя весна! Земля не прогрелась ещё!”

Таковыми были её слова тогда.

А что ответил Дарк?

“Не хочешь, чтобы сегодня куча народа заболели? Ну так прогрей им землю! Тыжбогиня!”

И она прогрела. Уж некромаг понятия не имел, как именно происходил этот процесс, учитывая, что солнышко вчера было не адски жарящим, а тёплым и ласковым, а ночью почва и асфальт обычно остывают, но тем не менее. Слечна Глашек воспользовалась своей властью и позаботилась о том, чтобы эта ночь не унесла жизни больше, чем... будет ли уместно сказать “чем следовало бы”?

Иронично, что за всё время своей речуги, очень многословной, кстати, девушка так и не упомянула ни разу сей немаловажный факт. А ведь управлять погодой — это задача, на самом деле, отнюдь не простая. Даркен помнил, как девушка обучалась этому. Как пыталась подчинить небесную сферу? Ведь та, выбирая, каким желаниям богини следовать, всегда отдавала предпочтение тому, чего слечне Глашек хотелось, а не тому, что та хотела.

Хочет и хочется. Это две большие разницы. Наверное, существуют люди, которым нужно это было объяснять, но не Дарку. Он — человек образованный. Обучение в одном из лучших магических ВУЗов страны оставило свой след. Обучение в одном из лучших магических ВУЗов страны и чтение “Пангийского цикла”, где главному герою и требовалось

научиться брать под контроль свои хотелки, дабы они, по итогу, не разрушили всю планету.

Спойлер, у Брони Глашек в распоряжении не имелось такого способа справиться с этой проблемой, какой по итогу использовал Валентин Шеллер, главный герой той книжной серии.

В итоге там, где путь факира Фалера закончился, путь богини Лешей только начинался.

Так в чём же, на фоне всего вышесказанного, странность происходящих ныне событий, помимо особенностей появления туч на небе? Да в том, что Бронька попросту не могла “спустить поводья”, при помощи коих она управляла погодой. Усталость не могла служить оправданием, ибо девушка уже не словом, но делом доказала, насколько она крепка. Разочарование в этих людях? С чего бы вдруг? В своих речах Лешая часто отзывается о человечестве, как о чём-то бесконечно тупом. Она вообще любила фразу “интеллект любого общества равен интеллекту самого безмозглого из индивидуумов, это общество составляющих”.

Это уже не говоря о том, что впервые вестников грядущего ливня Даркен углядел ещё до того, как слечна Глашек принялась расспрашивать задержанных. Да и, судя по всему, все ответы были девушке заранее известны.

Нет-нет-нет. Та непогода, что проливалась ныне на землю противным холодным, словно бы пронизывающим до самых костей, дождём, являлась обстоятельством внешним. Свидетельством присутствия здесь иной силы. Либо же кто-то решил поиграться со шпилями и пожечь праха в попытке понять границы силы божества, либо же, что много вероятней, эти тучи пришли сюда за ещё одной аватарой Лешего.

Даркен мягко погладил вцепившегося в его предплечье совёнка, — когда ты тренированный некромаг, царапки от когтистых лапок птицы для тебя не являются сколь-нибудь заметным неудобством — а затем склонился к нему и прижался лбом к пернатому лбу питомца.

— Я знаю, о чём ты хочешь меня предупредить. Знаю, Букль. А теперь свали шустренько подальше. Я не хочу, чтобы тебя случайно зацепило, если здесь начнётся замес. От тебя тут всё равно никакой пользы.

Неясыть недовольно пропищал высоким голосом, распушил перья, расправил крылья, а затем послушно полетел прочь, сквозь подымающийся порывистый ветер и потоки воды, становящиеся всё сильнее и сильнее даже не с каждой минутой, а с каждой секундой.

К текущему моменту дождь уже натурально лил, но пока ещё не хлестал. По ощущениям, правда, казалось, что всё намного хуже, однако ощущения обманчивы.

Внимательный взгляд прищуренных серых глаз Даркена шарил по округе. И, пожалуй, только лишь поэтому он сумел узреть вторженку прежде, чем кто-либо ещё. Всего третий раз за прошедшие три месяца молодой человек стал свидетелем того, как Перловка выходит на сцену. Не когда она уже там, а когда она именно что впервые ступает на территории, где стоит ожидать её очередного выступления.

Сколь велика сила имён. Казалось бы, сие только лишь слово. Людям следует бояться не того и радоваться не тому, как оно звучит, а человека — или иного существа — которое оно обозначает. Но тем не менее, стоило смешливому прозвищу “Перловка” прилипнуть к Тёмной Лешей, как это всерьёз повлияло на восприятие простыми богемийцами этой дамочки. Она не богиня. Она — невкусная каша. Дрянь, от которой хотелось бы избавиться, но которую потребно перетерпеть, потому что так решили те, кто много сильнее тебя.

И пусть люди, лично столкнувшиеся с мощью той, кого называют сии несерьёзным

именем, быстро меняют своё мнение на сей счёт, те же, кого это не затронуло напрямую, остаются пусть не в блаженном неведении, но хоть в некоем его бледном подобии.

Иронично... Дарк всю свою прошлую жизнь относился к пропаганде негативно и пренебрежительно, но как только в ней появилась нужда, так сам же прибег к услугам древнейшего из способов влиять на народные массы.

Тем временем злой доппельгангер Лешей прорастала сквозь асфальт и стены там, куда, казалось бы, никто, кроме самого Даркена Маллой, не смотрел.

Именно так. Перловка прорастала. Пожалуй, именно поэтому Ёлко оказалась неспособна придумать способ отследить перемещения тёмной богини. Она попросту сбрасывала тело, когда не нуждалась в нём, и уходила в землю. Учитывая отношение невкусной каши к смертной плоти, стоило предполагать, что она без труда меняет внешность, быть может, проживает в чьей-то квартире под чужим именем, а свой обыденный облик, напоминающий предпочитающую неформальный броски стиль сестру-близнеца Брони Глашек, она примеряла исключительно в моменты, когда решала выйти в свет.

Занятно, что даже зная историю происхождения Перловки, Даркен мысленно отделял её от своей невесты. Да-да, это ведь по сути был один человек, развитие личности которого пошло по другой ветке примерно в районе полугодовой давности, когда тогда ещё никому неизвестная слечна Глашек принимала решение рискнуть собой ради кучки незнакомцев. Просто из-за стечения обстоятельств род Маллой возродил девушку в то время, как сама она сумела пережить акт самопожертвования.

С тех пор по Праге бродили две версии одного и того же человека. Пожалуй, они уже тогда столь сильно различались, что им следовало бы давным давно “отцепиться” друг от друга и перестать зависеть от одной души. Такое ведь уже не раз происходило в реальности, когда два тела, питавшиеся из единого источника, обретя личности чересчур разные, разделяли тот источник на два.

Однако в случае с Лешей этот трюк не работал. Вероятно из-за того, что источник её был много мощней, чем у простых смертных. А может, всему виной именно что “хаотичность” того, что божеству заменяло душу, и оттого различия между Перловкой и Броней Глашек оказались недостаточными, чтобы система осознала необходимость дублирования себя самой.

Так или иначе, зрелище появления Тёмной Лешей было завораживающим. Сквозь асфальт и промеж кирпичиков стены прорастали длинные извилистые корешки. Они переплетались и образовывали каркас, который с каждой секундой всё больше и больше напоминал девичье тело. И так будет продолжаться до тех пор, пока на этих корнях не появятся веточки с бутонами цветов, что распускаясь обратятся в кожу и ткани одежды. И лишь в самом конце, когда смертная оболочка окажется полностью готова, корешки отцепятся от неё да так и останутся на отбитых у цивилизации территориях дикой порослью, а в облике самой Перловки не останется и намёка на то, как она здесь ощутилась.

Ни единого намёка, если не считать густых зелёных, похожих на траву — или же травой являющихся — волос. И девичья кожа и, что немаловажно, одежда с обувью, будут выглядеть, как положено. Словно бы нет в этой внешности никакой фальши. Словно бы прежде чем заявиться на огонёк, Перлуша и правда заскочила в ближайший торговый центр, подобрала там миниюбочку под жакетик, да стильных сапожек на шнуровке, чтоб сподручней было грязь месить.

Но сколь не являлось бы сие зрелище завораживающим, Даркен не сводил с него глаз не оттого, что не находил в себе моральных сил отвернуться, а потому, что не хотел упускать из виду опасного врага. Сам же некромаг ступал в сторону своей невесты, желая прервать её вне всякого сомнения важную и убедительную речь во имя задач куда как более актуальных на данный конкретный момент.

Движение со стороны жениха не укрылось от внимания богини. Она на лету, максимально “бесшовно”, переформулировала несколько предложений, чтобы лекция не выглядела оборванной на полуслове, да повернулась всем телом к сыну рода Маллоев, показывая, что готова уделить ему внимание.

Пытливый внимательный взгляд синих очей девушки говорил о том, что она отлично знает, по какой причине молодой человек решил вмешаться в ход воспитательной беседы с челядью. Вопрос “где?” был будто бы написан большими буквами прямо поверх линии глаз Лешей. И не простой краской, какую могли бы смыть воды стремительно набирающего силу дождя, а монументальным барельефом, какой сохраняется в веках.

Даркен легко мотнул головой в сторону уже практически полностью сформировавшегося тела Перловки. Ответом ему послужил едва заметный кивок.

Некромаг тут же сделал шаг навстречу незваной гостье, да остановился. В конце концов, он не собирался прямо здесь и сейчас, без нормального оружия, всерьёз сражаться с потенциально неостановимой силой. Скорей просто хотел защитить от неё невесту.

Ну и что с того, что Лешая сама по мощи, если не равна, то не сильно слабей Перлуши? Пусть Броня и богиня, но ещё она — женщина. Причём, вскорости, всего через пару дней, она станет женщиной рода Маллой. Даркен не будет себя уважать, если это он спрячется за её спиной, а не наоборот.

Кроме того, навык держать хорошую мину при плохой игре — вещь более, чем необходимая любому дворянину.

Да и Броня пыталась соответствовать своему статусу. Ни словом, ни жестом не дала знака, что происходящее можно счесть форс-мажором. По крайней мере таким, к какому бы она оказалась не готова.

— Так, слизняки, слушай мою команду! — Лешая умудрилась разом и гаркнуть, как бывалый офицер, и сделать это женственно, изящно. Это сложно описать, можно лишь услышать и почувствовать. — Всем лечь! Лица в пол, руки за голову!

Народ послушно выполнял команду, а силовики спешили “помочь” тем, кто по их мнению оказался недостаточно расторопен. Вот только подобная инициатива ничуть не обрадовала богиню.

— Улитки — то бишь слизняки в броне — не являются исключением! Мне не улыбается потом с вашим сюзереном разбираться относительно того, кто потерял конечности из-за своего идиотизма, а кому просто не повезло попасть под перекрёстный магический огонь!

Подобный поворот событий для многих бойцов ГНВ оказался довольно таки неожиданным. Большая часть личного состава послушно плюхнулась на землю уже в первую секунду после уточнения богини, а остальным же потребовался личный пример собратьев по оружию и команда-подтверждение со стороны офицера.

А вот свита самой Лешей в лишних пояснениях не нуждалась. Некромаги послушно расчихали магическую атрибутику и заняли позицию позади госпожи, а русовласая остроносая горничная с бодрым писком “Пьеро”, ничтоже сумлеваясь плюхнулась прямиком на мокрую от дождя травку.

Всё это заняло не то, чтобы много времени. Но достаточно, чтобы Перловка уже вышагивала в сторону своего адекватного доппельгангера с таким видом, будто бы уже давно тут стояла, да только лишь сейчас отвлеклась от смартфона, дабы поприветствовать важных гостей

— Жалкое зрелище! — бодро вещала травовласая итерация Лешей. — Могучее божество хаоса на посылках у простого смертного короля! Зачем? С какой целью ты защищаешь его слабую власть? Да пусть себе горит конём!

За последние месяцы Перловка стала слишком часто “светиться на радаре”. Если до событий у Национального театра она ещё держалась в тени, то затем игра в прятки ей, по всей видимости, надоела. Но, что самое свинское, никогда нельзя было говорить с уверенностью, закончится ли очередное появление Тёмной Лешей катастрофой, или же она просто решила сходить в кино, совмещая просмотр свежего блокбастера с приятным чувством удовлетворения, которое наступало у неё, надо полагать, лишь в случае, если представители официальных властей вдоволь понервничали, перекрывая улицы и эвакуируя гражданских из зоны потенциального боестокновения.

— Его дочка вежливо попросила, — Даркен не видел, но догадывался, что Броня нарочито беспечно пожала плечами. — По-моему, лучше так, чем из месяца в месяц унижаться, как это делаешь ты, Невкусная Кашка. Бахвалишься своими силами, но кроме откровенного сброда и использующих тебя в своих целях агентов иностранной разведки за тобой никто не следует.

— Сброда? — травовласая остановилась, завела руки за спину и огляделась вокруг. — Ты и правда называешь сбродом моих последователей, а не тех, кто разбивает лоб об пол в молитвах тебе за порцию бесплатного супчика? Это твои стандарты столь низки, или же столь сильно желание оправдать свои неверные выборы?

И в этот момент в игру вступил доселе молчавший сын рода Маллой.

— Все твои аргументы резко теряют в убедительности, стоит только припомнить один немаловажный факт, — молодой человек демонстративно ткнул себя большим пальцем в грудь. — На стороне, которую выбрал главный герой книги, попросту не может быть откровенного сброда, что бы там не вещал очередной главный злодей.

Перловка устало подняла глаза к небесам, а затем заткнула большие пальцы за ремешок юбочки и, чуть ссутулившись — не сконфуженно и испуганно, а скорей подражая готовому к броску зверю, — направилась напрямик к Даркену.

— Послушай, не мог бы ты, если тебе не сложно, пожалуйста, заткнуться и свалить уже с моего пути?

Молодой человек подобрался, размял плечи, отбрасывая незримое для случайных свидетелей ощущение беспомощности, что навалилось на него после слов хтонического божества, а затем улыбнулся подчёркнуто виновато, да ответил:

— Мог бы. Мне даже не сложно. Но я не уйду.

— Почему? — спросила Перлуша, останавливаясь всего в шаге от некромага и склонив голову на бок.

Улыбка Даркена стала шире.

— Не хочу.

— Ты что? Бессмертный?

— Смертный.

— Тебя совсем не беспокоит перспектива неминуемой гибели с последующей потерей

посмертия?

— Беспокоит.

Перловка не торопилась задавать следующий вопрос. Секунда. Другая. А богиня лишь стояла в той же позе, застыв на месте как-то чересчур неестественно. Лишь в её глазах можно было разглядеть признаки жизни: взор их был внимательным, изучающим, словно бы у мальчишки, что раздумывал над тем, стоит ли ему отрезать пойманному комару нос, или достаточно просто оторвать крылья, а затем накрыть крышечкой от одеколona.

Наконец Перлуша заговорила.

— Так отчего же ты не отойдёшь в сторону и не упадёшь на землю, закрывая голову руками, как твоя богиня и повелела всем слизнякам, к каким ты, вне всякого сомнения, относишься?

Усмешка сорвалась с губ Даркена.

— Не хочу.

Тёмный двойник Лешей закрыла глаза, чуть опустила голову, а затем её губы изогнулись в мерзкой самодовольной усмешке, а когда веки вновь отворились, молодой некромаг мог увидеть в очах богини пламя, что разгорелось из искр предвкушения жестокой забавы.

— Хорошо-о-о-о...

Дальнейшее произошло быстро. Так быстро, что не каждому взгляду было дано уловить не то, чтобы каждое движение, а хоть что-то, кроме начала действия и его результата. Однако самому Даркену требовалось не просто осознать случившееся, и даже не просто почувствовать, но ещё и сопроводить это участие качественно сплетёнными магическими формулами.

Всё началось с попытки Перловки пронзить тело некромага короткой атакой сложенными “лезвием” пальчиками в солнечное сплетение. И у неё вне всякого сомнения это получилось бы, коли молодой человек не успел бы ударить основанием ладони по запястью противницы.

Даркен вложил в усиливающее заклинание все негативные воспоминания о прошедшей ночи. Всю боль, что бережно хранил, но всё равно, этого едва хватило, чтобы только лишь перенаправить атаку Перлуши чуть-чуть в сторону. Благо в роду Маллоев не было принято растить сыновей никчёмными мажорчиками, а потому молодой человек успел уйти в сторону и развернуть торс так, чтобы кисть Невкусной Кашки едва-едва чиркнула по коже, рассекая лишь слой эпителия.

В следующее же мгновение пальцы левой руки некромага ухватились за зелёные локоны богини, а правое предплечье со всей дури, какую только Даркену удалось вытянуть из шевелюры противницы в эти доли секунды, впечаталось Перловке в грудь, а разлетающиеся во все стороны капельки воды лишь добавляли зрелищу эпичности.

— Ха-ха! — весело выкрикнул сын рода Маллой, по праву зовущийся среди друзей и знакомых “номером один”, а затем, отбросив в сторону мгновенно “завявшую” прядь травяных волос, принялся весело “пританцовывать” месте движениями, знакомыми каждому бойцу, полагающемуся на постоянное маневрирование во время схватки. — Я так целый день могу!

Даркен лгал. Ох, как лгал. Пусть он и выступил красиво. Пусть разменял порез стол лёгкий, что его не составляло труда залатать прежде, чем кто-нибудь заметит факт его существования, на буквальное уничтожение физической оболочки противницы, — её тело переломалось от мощного удара о ближайшую стену, и сейчас Перловка сползала на асфальт

безвольной сломанной куклой, оставляя на память о себе широкий кровавый след, что стремительно смывался дождём, — но размен этот выходил в пользу Перлуши, а не Даркена.

Её запасы силы в величии своём затыкали за пояс любые жалкие попытки смертных с ней сравниться. О чём она, кстати, не постеснялась напомнить.

— Кти... кти... кти-ти-ти-ти... — то, что являлось телом Тёмной Лешей, содрагалось в кашляющем чрезмерно тоненьком смехе. — И-кти-ти-ти-ти...

Глаза были широко раскрыты и не моргали, что только увеличивало сходство Перловки с марионеткой. Слово бы указанного мало, так ведь ещё конечности и торс начали двигаться сами по себе. Будто бы их тягали за невидимые нити, уходящие куда-то в небеса. Часть движений являлись “мусорными”. Порой тело вздрагивало, когда очередная пара костей вставала “на место”. Только слышимого щелчка не хватало.

— И-ти-ти-ти-ти. И-ти-ти-ти, — смеялась Тёмная Лешая, теперь уже без характерных шумов от впившихся в лёгкие обломков рёбер.

Увлечённый наблюдением — не праздным изучением особенностей поведения противницы, а с целью её контроля и оперативного реагирования на изменения в боевой обстановке, — Даркен как-то не заметил, в какой момент настоящая Лешая вдруг обхватила его сзади и повисла на нём, весело болтая ножками.

Она тоже смеялась. Однако смех её оказался иным. Скрипучим. Слово бы старое дерево клонилось по воле сильного ветра. И вроде бы в его звучании не могло быть ничего человеческого, но отчего-то он ощущался менее чужеродным. Ибо чувствовалось в нём нечто, скорей схожее с невинным девичьим весельем, какое возникало у юных слесарей, когда их молодые люди демонстрировали особую лихость.

— Дурачина ты, Перловка! Простофиля! — кричала ей Броня через плечо Дарка. — Видишь, какого я парня себе заполучила! Богатый-красивый-сильный! И ещё главный герой книги! У меня есть всё, а у тебя — ничего! Даже имени! Я знаю о твоих планах! Но они обречены на провал! Сдавайся, ибо место тебе — на обочине жизни!

— Считаешь, что пришла пора покончить с этим? Раз и навсегда? — лишь когда с серией неслышимых щелчков позвонки Перловки встали на место, та вновь начала моргать. — Да! Хорошо! Так и сделаем. Финальное испытание. Победительница получает всё: имя, культ... самца.

— Эй! — возмутился со своей стороны означенный самец.

— Значит, в день свадьбы? — уточнила Броня. — Знаешь, где пройдёт церемония?

— О-о-о, да, — осклабилась Перловка. — Ты её трусливо переместила в лес. Чтобы жертв поменьше было, если я нападу.

— Ну да, конечно, — презрительно фыркнула светлая версия богини. — Лешая же может захотеть свадьбу в лесу только по этой причине и ни по какой другой? Ведь Лешая же названа Лешей в честь того, что является покровительницей производству шоколадного молока...

Секунды две от оригинала и двойника не было слышно ни слова, а затем они обе тяжело вздохнули в унисон.

— Хочу шоколадного молока...

Впрочем, жалели об этом они недолго. Особенно Перловка, что демонстративно вырастила в руке стеклянный гранёный стакан, полный густой жижи соответствующего цвета, да медленно, неспешно, с видимым удовольствием и стонами, столь сладострастными, что нельзя было не задуматься об эротическом подтексте этого действия,

начала поглощать его содержимое.

— Нечестно! — возмутилась Броня, а затем начала стучать кулачком по спине жениха. — Хочу шоколадного молока! Хочу-хочу-хочу-хочу!

— Будет тебе шоколадное молоко, — устало вздохнул молодой человек. — Не капризничай.

— Хочу и капризничаю! — отозвалась богиня. — У меня на это есть все права. Вот! Видишь кольцо на этом пальце?

В очередной раз за эти три месяца слечна Глашек сунула под нос Даркену до боли знакомое украшение. То самое, что в своё время на перст матери юного некромага надел его отец.

Фамильная ценность.

Грустно это.

Особливо грустно то, что та Броня Глашек, которая в своё время приняла это колечко, ныне была мертва, а её телом, именем и репутацией пользовалась личность иная. Та, что родилась в день официального явления Перловки народу Богемии и всему миру.

— Видит, — вместо Даркена ответила Перловка, после чего демонстративно разбила опустевший стакан и направилась в сторону ближайшей тени, по пути расплетая тело на составляющие. — Просто он совсем этому не рад, ибо лучше тебя осознаёт, насколько всё, чем ты дорожишь, на самом деле иллюзорно.

Занятно, что когда Тёмную Лешую размазало по стене, после неё осталось кровавое пятно — то самое, что ныне смыли потоки дождя, — но ныне, когда её внутренний мир был открыт любому, кто готов заглянуть в Бездну, ни капельки, ни капелюшечки алой жидкости узреть не получалось.

— Иллюзорно всё. И в первую очередь иллюзией является твоё самообладание. Ведь ты себя потеряла уже давным давно.

Перловка уже исчезла. От её оболочки осталась лишь тень силуэта. Лишь несколько колеблющихся от ветра веточек, образывающих некое подобие улыбки. Но это ничуть не мешало богине озвучить суть ультиматума.

— Победит та, кто сделает наиболее козырную отсылку к “гоблинам”. Посмотрим, не принесла ли ты в жертву то, чем более всего гордилась.

Глава 2. Тупичок Лешей

1.

События этого утра не выбили Даркена из колеи. В каком-то смысле то была рутина. Да, пожалуй именно так. Рутин.

Молодой человек осознавал, что эта реакция абсолютно неправильна.

Всего пара дней осталась до свадьбы. С точки зрения многих, в том числе и мужчин, уже упомянутого события достаточно, чтобы начать стрессовать. Но то был лишь один коржик этого прекрасного торта из коровьих лепёх, смешанных с бритвенными лезвиями.

Невеста — нелюбимая женщина. И, мало того, ещё и богиня. Для кого-то оба вышеописанных факта не являются проблемой, но у Дарка имелся пунктик относительно каждого из них. Так уж получилось, что он едва-едва смирился с невозможностью жениться на своей избраннице и вынужден вместо этого вступать в брак по политическим причинам. А с тем, что будущая супруга много могущественней того, кому полагается быть главой семьи в привычной молодому человеку патриархальной морали, сын рода Маллой мириться не собирался.

Он собирался если уж не превзойти её, то хотя бы сравняться. Собрать воедино все имеющиеся ресурсы, человеческие, магические и денежные, да сплести из этого нечто, что можно будет противопоставить Перловке. Хотя бы на время. Будь та хоть десять раз богиней, Даркenu мужская гордость не позволяла стоять в стороне, покуда его женщина будет проливать кровь в борьбе.

Особливо в борьбе, которую рискует не затащить. Сколь бы Броня не храбрилась, убеждённости Невкусной Кашки относительно слабости рассудка Светлой Лешей не бралась из ниоткуда.

И Даркен в этом вопросе с Перловкой был солидарен.

Тот конструктор, что синеокая занудка слепила на коленке, мало того, что пугал своей чужеродностью любого, кто годами учился бок о бок со слечной Глашек, так ещё и сам страдал от своей чужеродности. Вся успешность, вся приспособленность новой личности — липа. Богинька в этом не сознается, но Даркена не обмануть.

И не он один так считал. Верная камеристка Броньки, Илега Шайс, была с ним целиком и полностью согласна. А под их совместным давлением и Ёлко оказалась вынуждена признать наличие проблемы — она предпочитала это называть “теоретическая возможность проблемы” — и заняться разработкой сценариев для её устранения.

И-и-и-и... Даркен ничего не успевал. Ему недоставало мощи. В его тактиках имелось великое множество слабостей. Новые стили боя оставались не отработанными. Невеста и на шаг не приблизилась к реставрации старой личности, вместо этого предпочитая упереться рогом в своё неизменное “смирись, дорогой, так будет лучше и тебе, и мне”.

И не сказать, что сын рода Маллой не старался. Проклятье, “номер один” уже забыл, когда в последний раз спал без магического вмешательства! Он мог двое, а то и трое суток жить на магических стимуляторах, а затем добрать необходимые часы урывками по десять-пятнадцать минут в дороге или ожидании. Даркена дела разрывали, как не разрывали никогда Сыроежкина.

То встреча с принцем, то с его ставленникам Елецким, то контроль работы вверенного отцом ВУЗа, то репетиция свадьбы, то оперативное реагирование на очередное появление

террористов, мутантов и тёмных богов! И если не повезёт, всё это надо успеть только до обеда. И где при таком плотном графике находить время на реализацию собственных проектов?

Неудивительно, что с учётом всего вышесказанного Даркен воспринимал очередное явление Перловки, выставившей ультиматум с жёсткими сроками, не как катастрофу, какой оно вне всякого сомнения являлось, а как очередную раздражающую мелочь.

Быть может подобная реакция и свидетельствовала об эмоциональном выгорании, но “номеру один” ничего не хотелось менять. Его устраивало, что он переживает о грядущем много меньше, чем следовало бы. Меньше потратится времени на бестолковые сопли, больше — на полезную работу мысли и непосредственное исполнение планов.

Собственно, именно этим и занимался Даркен. Работой мысли. Он анализировал всё что знал о Броне, пытаясь понять, о каких именно “гоблинах” говорила Перловка, и что могло означать в её устах слово “отсылка”. Кое-какие догадки у молодого человека уже имелись, однако они ему не нравились.

Совершенно не нравились.

И вот ровнёхонько в этот самый момент, когда сын рода Маллой уже прикидывал, какие из отсылок могли быть реализованы сумасбродной тёмной богиней, в пространство меж его мыслей ворвался пронзительный высокий девичий писк.

— Я так и знала, что ты тут!

Даркен от неожиданности даже поперхнулся. Но сориентировался быстро. Прежде, чем главный аналитик ковена успела выйти на балкон храма Лешей и закрыть за собой дверь, некромаг расправился не только с тлеющим табаком в трубке, но и с густым пряным дымком. Даже не стал тратить времени на магическую атрибутику: большим пальцем левой руки он погасил огонёк, а боль перенаправил сначала в лёгкий ветерок, сорвавшийся с перстов правой, а затем и в несложное заклинание, призванное устранить едва только появившийся ожог.

— Ёла! Я же курю! — возмутился молодой человек.

Уголки окрашенных фиолетовой поматой губ низкорослой девицы изогнулись в снисходительной усмешке. Гостья оправила чёрные, словно поглощающие само понятие света, волосы, да держала ответ:

— За последние месяцы я побывала в великом множестве прокуренных помещений. А там, между прочим, ещё и табак котируют куда как менее качественный, — её ярко-неоновые очи цвета фуксии сфокусировали взгляд на трубке в руках Даркена. — Кстати, ты же вроде как говорил, что тебе попросту лень не позволит вернуться к этой привычке: она, дескать, теряет свой шарм, когда ты не можешь просто чиркнуть зажигалкой в произвольный момент времени.

— Да, помню... говорил, — кивнул некромаг, постукивая трубкой о края пепельницы. — Но, знаешь, проникся. Во-первых, если бы я избегал курительных комнат, я бы потратил куда больше времени на переговоры, а быть единственным некурящим в такой тусовке — как-то запахло.

— Запахло, да? — снова усмехнулась ехидная заноза. — А вторая причина?

— Иногда просто охота побыть одному, — некромаг убрал трубку в карман тёмно-красного халата. — А тяга к табаку, вроде как, считается за повод.

— Которым могут воспользоваться другие курящие, чтобы доставать тебя, как это делаешь ты, желая продавить свои инициативы? — хохотнула Ёлко.

— Именно! — вторил ей Даркен. — Скажи, ты ко мне по делу или просто хочешь порадовать высокопоставленного любовника?

— По делу, но... глядя в твои лукавые серые глаза, подумываю совместить, — многозначительно проворковала аналитик и поиграла бровями. — Тем более, что дело много времени не займёт, а ты, очевидно, устал.

Маленькая девичья кисть скользнула по плечу сына рода Маллой.

— Кроме того... это отличный повод для тебя, чтобы на время сбежать от неприятных встреч.

Даркен аккуратно положил ладони некромагичке на талию, но всего спустя пару секунд шаловливые ручонки как-то сами собой оказались на пояснице партнёрши, самую-самую чуточку ниже, чем было бы допустимо с точки зрения общества.

— Тогда давай закончим поскорей с делами, любовь моя, — поиграл бровями “номер один”. — Ты добыла сведения, о которых я просил?

Девушка ласково, но весьма беспечно, несколько собственнически, поигрывала с одной из светло-золотых пряжей молодого человека.

— Не просто добыла, но ещё и отфильтровала, расфасовала по категориям, снабдила понятным коммюнике со ссылками на разделы с подробной информацией, и сделала это разом в трёх вариациях: для тебя и для твоего потенциального партнёра по опасному ремеслу.

— Это было две вариации, — склонил голову на бок Дарк. — Куда ушла третья?

— Моей высокопоставленной любовнице.

— Броне? — нахмурился некромаг. — Она запрашивала? Или это твоя личная инициатива?

— Да и да. И она запрашивала, и это моя личная инициатива. В подобной ситуации молчание может восприниматься куда как более подозрительно, чем частичный слив.

Молодой человек вздохнул и, прикрыв глаза, упёрся лбом в лоб Ёлко.

— Я могу понять, зачем эти сведения моему партнёру по опасному ремеслу... но Лешая? — Даркен несколько секунд размышлял. — Я бы сказал, что она хочет таким образом стабилизироваться, но ведь ей должно быть известно, что античные знания безгранично устарели.

— А она и не знаний искала, — ответила аналитик.

Серые очи некромага резко распахнулись. Дворянин неспешно отстранился от партнёрши и одарил её внимательным взглядом.

Озвучивать вопрос вслух не пришлось.

— Макгаффин.

Даркен медленно выдохнул.

— И ведь она даже ничего мне не сказала.

— Думаю, ответ “ты и не спрашивал” в данной ситуации котируется, занятый ты наш.

Некромаг нехотя кивнул.

— Пожалуй что. Исправлю сегодня эту недоработку, — он вновь открыл глаза и заглянул в лицо партнёрши. — Ты подготовила носитель для нашего общего друга?

Ёлко многозначительно изогнула бровь, а затем демонстративно подняла ручку, за согнутый “крючком” большой палец которой цеплялась яркая золотая с красным цепочка, удерживавшая сверкающую глянцево-чёрными боками флешку.

Дарк мотнул головой.

— Мои руки заняты чем-то более приятным. Не уверен, чем именно, но я намерен исследовать этот вопрос со всей возможной тщательностью. Положи на кофейный столик близь дивана.

— Но на балконе нет дивана, — рассмеялась аналитик.

— Он есть в одной из комнат, чрез которые ты прошла по пути сюда, — молодой человек начал отступать ко входу на балкон, увлекая за собой девушку. — Кстати, все замки будут на твоей совести.

Веселье не покидало девушку. Она послушно справилась с дверной ручкой да толкнула створку.

— Я чувствую, что ты теряешь рабочий настрой, поэтому я должна тебе сообщить кое-что важное.

— Кое-что важнее тебя? — уточнил Даркен, ведя девушку к следующей двери.

— В каком-то смысле это касается меня, — хихикнула Ёлко. — Мы сегодня с твоей невестой вечером собираемся на свидание. Сразу после того, как она накроет лёжку русских.

— Время? — спросил молодой человек одновременно с щелчком замка, возвещающего о том, что уединению любовников никто не сможет помешать.

— Мы с ней встречаемся в девять. Её операция берёт начало в семь.

— Вечера? — Даркен уже без стеснения скользнул пальчиками под одежду партнёрши.

— Естественно, вечера! — фыркнула аналитик.

— Тогда у нас много времени...

2.

К сожалению, на самом деле у них не было никаких “много времени”. Но Даркен посчитал допустимым об этом ненадолго забыть. Спешить в объятиях любимой женщины — последнее дело. Особенно, если ты женишься на другой.

Собственно, этой другой и следовало уделить внимание.

Благо, найти её в храме не представляло какого бы то ни было труда. Если уж не первая послушница, так третья точно знала, где находилась богиня. И в данный конкретный момент таковым местом являлась тронная зала.

Даркен инстинктивно проверил время. Часы приёма просителей уже подходили к концу. Самый момент для того, чтобы вклиниться и дать о себе знать. А то мало ли? Вдруг у богини найдётся, чем занять себя после? Не только у сына рода Маллой сейчас график обладал пугающей плотностью: у многих политических сил имелись свои планы на живую богиню хаоса. А ведь той ещё нужно было успевать и в своих проектах поучаствовать. Да и подготовка к свадьбе от женщины требовала куда как больше, чем от мужчины.

Даркен вошёл в тронную залу, как к себе домой. Без ложной скромности и попыток остаться незамеченным, дабы не мешать общению с очередным просителем. Им была женщина с худощавым ребёнком на руках. Она стояла на коленях в двух метрах от трона, на котором беспечно закинув ноги на подлокотник, развалилась богиня и слушала лепет о нищенской зарплате мужа, которой не хватает ни на что.

Вряд ли эта история сильно отличалась от той, каковую собирались поведать люди в длинной очереди к трону, берущей начало далеко за пределами данного просторного помещения, сочетающего в себе разом шик и приземлённую функциональность, характерную для интерьеров промышленных зданий. Да, бесконечный ремонт уже переехал отсюда на улицу, где возводились новые пристройки, так что соседство пышных клумб с

хищными растениями, огромных плакатов, на которых уживались религиозные темы с мотивирующими лозунгами, да строгой утилитарности являлось намеренный штришком к образу Лешей.

Таким же штришком, как и чрезмерная открытость процесса общения с просителями. Люди могли видеть, как именно выносилось решение по предшественникам, от них никто не скрывал мотивы, которыми руководствовалась богиня. Даже напротив: Бронька попросту обожала лекции.

Явление Даркена разом отметило множество пар глаз. И синие очи невесты были среди этого множества.

Поймав взгляд девушки, молодой человек ничтоже сумлеваясь подал голос.

— Мне нужно с тобой поговорить. Выкроишь время?

Броня кивнула, а затем слезла с трона и кивком пригласила верную русовласую горничную занять её место.

— Стране нужен прах? — поинтересовалась Илега, принимая приглашение.

— Стране нужен прах, — подтвердила некромагичка. — Не разбазаривай ресурсы зря: потратишь слишком много, и вся та помощь, какую мы окажем страждущим, потеряет смысл, когда их жизни захрустят по русским сапогом.

Просительница нервно икнула, и вновь залепетала:

— Стране нужен прах? Вы о чём?

Броня не дала ответа. Она целенаправленно шла к Даркену, покуда у неё за спиной шла беседа. Беседа из тех, какие некромаг предпочёл бы никогда не слышать.

— Вы ведь сами сказали, что не можете содержать престарелых родственников, — поясняла позицию храма горничная. — Мы можем предоставить выплаты за передачу их тел государству и гарантировать вам, что их не переработают до потери посмертия.

— Но они же умрут!

— Да, — легко согласилась Илега. — Но ведь они и так, и так умрут, верно?

Даркен поморщился и перевёл взгляд на богиню. Та как раз уже оказалась рядом и, в качестве приветственного жеста, мягко обняла молодого человека за шею.

— Тема, о которой я хочу поговорить, не для их ушей, — некромаг кивнул в сторону очереди.

С той стороны уже перешли на повышенные тона.

— Но вы же можете помочь без этого!

— Да, — хлётко и громко ответила ей горничная. — Но ограниченное количество раз. Ваш случай не самый тяжёлый. Выйдите и подумайте. Не задерживайте очередь. До окончания часов приёма осталось совсем немного.

На случай, если просительница не внемлет просьбе ставленницы Лешей, сразу двое молодчиков их храмовой охраны вышли вперёд, без слов изъявляя желание помочь женщине найти выход.

Благо, продолжения сцены Даркен уже не увидел: они с Броней вышли в коридор. Дверная створка с тихим хлопанием отсекала некромагов не только от зрелища, но даже от звуков: те оказались чересчур приглушены и невнятны.

— Спрашивай, дорогой, — с улыбкой пригласила молодого человека к разговору Лешая.

Даркен хмыкнул.

— Нужно местечко ещё более уединённое? Как насчёт твоей комнаты для технических неадекватов? Той, которую освободила Мария, я имею в виду.

— Более уединённое? — ехидно прищурилась богиня. — Как скажешь. Но там нам будет не очень удобно.

— Я переживу, — ответил некромаг, после чего взял девушку за руку и двинул в сторону указанного места. — Кстати, об этом я тоже хотел бы поговорить с тобой. Жаль, ты не настроена.

Броня тотчас же скисла.

— Мы разве мало обсуждали данную тему?

— Я не удовлетворён результатом этих обсуждений. Ты — тоже. Хотя, отчего-то, делаешь вид, будто бы всё совсем не так. У дыма утверждений Перловки насчёт твоей стабильности имеется огонь.

Богиня остановилась и резким движением вырвала руку из пальцев молодого человека.

— Да знаю я про этот огонь! — рявкнула она. — И причина проста до банальности: вы все попросту отказываетесь принять меня! Ноете о старой зануде Броне. И наплевать вам на то, каково мне! Чём ты-то, дурень, не доволен?!

Даркен спрятал руки в карманы, понурил голову, а затем повернулся всем телом в сторону девушки и посмотрел на неё исподлобья.

— Я соглашался на свадьбу не с тобой. А с ней. Со старой занудой Броней.

— Но она не любила тебя! — эмоционально взмахнула руками богиня. — Её беспокоили твои чувства лишь потому, что это могло повлиять на её положение в обществе! Она была циничной тварью и сама от этого страдала.

Персты девушки в изящном жесте коснулись её груди, а слова стали тише. В них ощущалась горечь.

— Я же готова полюбить тебя. Мне ты действительно нравишься. Я знаю, что вместе мы можем быть счастливы. Я могу быть счастлива. А следом — и ты. Сколь упорным в собственной глупости слепцом надо быть, чтобы отказываться от подобного?

Некромаг отвёл взгляд в сторону.

— В этом твоя проблема. Ты ныне не полноценная личность, а заточенный под определённые задачи симулякр.

Броня скрестила руки на груди и демонстративно отвернулась.

— Опять травля? Ну ты и сволочь, право слово.

— Какой есть... я этого никогда не скрывал.

Молодому человеку стало больно за эту девушку. За эту куклу, которая была создана достичь определённых целей, но так и застряла, столкнувшись непреодолимой преградой. На мгновение в его голове промелькнула крамольная мысль, что он и правда дурак. Достаточно же лишь сделать шаг навстречу, и всем станет хорошо. Рядом с ним окажется удобная могущественная женщина, искренне его любящая. И она будет счастлива.

Но именно на слове “искренне” пластинку, скользя по которой игла граммофона извлекала из бороздок прекрасную мелодию, заело. Нет в этом деле никакой искренности. Это фальшь. Весь этот брак будет пропитан фальшью.

В той, старой Броне, что относилась к браку, как к работе, было больше искренности и душевного тепла. Они друг другу не лгали. А потому, пожалуй, и смогли друг друга принять.

Именно та Броня Глашек и являлась его невестой. И пусть с ней Даркена не связывала романтическая любовь, он не сможет уважать себя, если не сделает всё необходимое, чтобы вернуть ушедшую.

Даже если это причинит боль этой невинной кукле.

Хотя, конечно же, в идеальном мире и этой боли получилось бы избежать. По крайней мере, немного сладкой лжи не помешало бы. Лешая права: нечего её сейчас дестабилизировать почём зря.

“Номер один” сделал шаг в сторону невесты и аккуратно обнял её за плечи, да положил ей подбородок на плечо.

— Прости меня, малыш. Наверное, я сам не знаю, чего именно хочу. Кроме покоя, конечно же. Но покой нам только снится.

Девушка мгновенно оттаяла и обхватила персты молодого человека своими изящными тоненькими пальчиками.

— Прибереги свой гнев для врагов. Покори его, подчини и используй. Как ты это сделал сегодня во время нашей стычки с Перловкой.

— Бенэ, сенсей, — ответил некромаг и тихонько подул на волосы девушки. — Помнишь, когда мы впервые шагнули через Рубикон?

— М-м-м? — не поняла богиня.

— Я про наш визит в башню Фурмана.

— А-а-а-а, ты об этом? Ты тогда принял правильное решение.

— Благодаря тебе. Твоё пение подарило мне душевного покоя.

— Хочешь, чтобы я тебе спела?

— Что-нибудь из прошлой жизни.

— М-м-м... хорошо. А что?

Даркен не собирался сдаваться так легко.

— На твой выбор. Я доверяю твоему вкусу.

— Хорошо. Вот одна. Кажется, мы её пели во время долгих походов. Вроде того, какой нам предстоит до комнатки для технических неадекватшек.

Богиня вынырнула из объятий молодого человека, затем перехватила его за локоток да бодро застучала каблучками в сторону истинной цели их пути, по дороге напевая приятным голосом:

Hljóðs bið ek allar helgar kindir,
meiri ok minni mögu Heimdallar;
viltu at ek, Valföðr, vel fyr telja
forn spjöll fira, þau er fremst um man.

3.

Даркен не помнил, чтобы эта конструкция когда-либо здесь находилась. Он ожидал, скорей, пустой прямоугольной залы, в какой девушка могла бы вдоволь побеситься. Погрызть бронелисты там, смять стены ударами лба. Но никак не... это...

Несколько установок на рельсах. Два вертикальных экрана, в первом из которых некто проделал две небольших дырочки. Неподалёку находилась стойка с несколькими экранами на замену. В одном из них вместо дырочек молодой человек увидел две протяжные вертикальные щели. Чуть дальше он обнаружил сложную схему из зеркал и электроники.

Присутствие на этом фоне парочки диванов, холодильника и столика, на котором расположилась тарелка с треугольными кукурузными чипсами, уже не казалось чем-то из ряда вон.

— Это же... — поднял палец некромаг.

— Ага! — довольно улыбнулась Броня. — Эксперимент с двумя щелями. Мы с твоим дедом его слегка усложнили. А потом ещё немного усложнили. Сейчас подумываем собрать схему для отправки сообщений в прошлое.

— Машина времени? — не поверил Даркен.

Девушка нарочито беспечно пожала плечами.

— Антарктидяне умеют развлекаться. В конце концов, надо же как-то разнообразить мероприятие после того, как тебе удалось пробить дыру между параллельными измерениями.

— погоди! — зажмурил глаза, мотнул головой некромаг. — Ты хочешь сказать, что тебе удалось открыть портал из Форгерии?

— И “из”, и “в”, — кивнула богиня, а затем, заведя руки за спину, ехидно прищурилась и подалась поближе к жениху. — А ты что, понятия не имеешь, как это делать?

Почему-то Даркену стало скучно. Но он нашёл в себе силы выдать очевидное:

— Н-н-н-не-е-е-ет.

— Хорошо, давай начнём с самого начала! Немного форгерийского лора с девочкой Бронечкой!

Девушка отпрыгнула назад, а затем вырастила из основания ладони длинный зелёный хлыст, подхватила им диванчик и подтащила его к Даркену так, чтобы седушка подсекла молодому человеку ноги под коленками. И вот только когда некромаг упал на мягкие подушки, занудка начала.

— Итак, смотри. Слева у нас установка, пуляющая фотончиками. Справа: экран с парой щелей, за которым располагается ещё один, уже без них... дай я упрощу систему.

Только лишь Лешая потянулась щупальцами к сменным деталям, “номер один” её остановил.

— Не надо. Я в курсе классического двущелевого опыта. Мы стреляем фотончиками через экран с щелями, чья ширина соответствует длине определённой цветовой волны. При прохождении через пару щелей, свет начинает интерферировать, выдавая не картину с двумя толстыми градиентными линиями, а с целой кучей линий поуже, что подтверждает волновую природу света, ведь волны взаимно гасят друг друга — развёл руками Даркен. — Но если “пронаблюдать” процесс прохождения света через щели, чтобы понять куда летит каждый предполагаемый фотончик, мы видим те самые две классических толстых градиентных линии.

— Именно! — умело щёлкнула пальцами Броня. — Иными словами, просто глядя на процесс, мы изменяем результат.

— Но вот одна беда у эксперимента, — хмыкнул некромаг. — Мы не можем просто взять и пронаблюдать фотончик. Банально в силу его природы. Технически, мы стреляем в него частицей, что и приводит к изменению состояния. Парадокс разрешён. В этом суть любого парадокса: он кажется нерешаемым только при недостаточном понимании сути.

Лешая коварно улыбнулась. Даркен отлично знал, в какие моменты она так делает. И уже заранее почувствовал себя идиотом. Просто на всякий случай.

Богиня изящно указала пальчиком на одну из демонтированных установок.

— Вон там находится механизм, стреляющий нагретыми молекулами фуллерена. Шестьдесят атомов углерода, чью температуру можно считать банально при помощи градусника. И он тоже интерферирует.

— Да ладно?! — “номер один” аж вскочил с дивана. — Фуллеренчик интерферирует?

— Могу показать, — улыбнулась девушка.

— Не надо, — покачал головой Дарк. — Я тебе верю. Будь у нас больше времени, я бы пожелал лично убедиться и когда-нибудь, думаю, убежусь. Но ты не из тех, кто будет лгать о подобных вещах.

Лешая подняла пальчик.

— Кроме того, твоё красивое объяснение не отвечало на вопрос, каким образом проводится эксперимент с двумя щелями и отложенным измерением, когда наблюдение происходит “задним числом”, но для разговора, который мы ведём, это пока не имеет значение. А значение имеет тот факт, что нам не нужен бозончик, чтобы понять, верна ли многомировая интерпретация квантовой физики...

— ...потому что мы уже попали в Форгеррию, — кивнул Даркен понимающе, а затем вдруг взлохматил волосы, вскочил на ноги и произнёс вопрос скороговоркой. — Не хочешь ли ты мне сказать, что вся местная магия является лишь частным случаем эффекта наблюдателя?

— Если ты хочешь меня спросить, верно ли, что информация имеет массу, используя которую можно воздействовать на материю и получить ожидаемый результат, то мой ответ тебе “да”.

Некромаг подошёл к установке, игнорируя находящуюся рядом с ней прекрасную юную слечну, и наклонился, уперев руки в коленки.

— Иными словами, если подобные измерения верны для фуллерена, мы можем сделать выводы о том, что абсолютно всё мироздание описывается функцией. Вселенные отличаются друг от друга различными значениями переменных, но в точках, где не происходит наблюдение, переменные не определены.

Броня усмехнулась.

— Мир не имеет чёткой формы, пока мы не наблюдаем его тем или иным способом. Таким образом мы научно доказываем примат идеи над материей. Кое-кто, конечно, посчитал бы это доказательством виртуальности нашего мира, одним из многих, но я могу математически пояснить, что компьютер, способный обработать нечто столь сложное, не способен существовать в пространстве, которое действует по принципам, которые он пытается имитировать.

Даркен поднял палец и пригрозил пустоте.

— То есть, материя вне наблюдения находится разом во всех мирах и ни в одном одновременно...

— Не во всех, а только в пространстве мультивёрса, непротиворечивом на ненаблюдаемом участке, — уточнила Броня.

— Это уже не важные с точки зрения описания этого явления детали, — отмахнулся некромаг. — Нас интересует лишь тот факт, что наблюдая материю, мы вынуждаем её определиться, придать переменным конкретное значение. Наша магия — просто частный случай. Контролируемый эффект наблюдателя. Мы банально натягиваем сову ожидаемого на глобус вероятности.

Лешая прикрыла рот ладошкой и весело хихикнула.

— Хорошо, что Букль сейчас висит с Роей на кухне и не слышит твоей сadyшки.

Даркен словно бы не услышал этого замечания.

— Вот он, портал в Форгеррию. Мы открываем его каждый раз, творя магию. Мы приглашаем атомы и молекулы из иных миров, формируя из этого эффект заклинания.

Теперь формулы обретают ещё больше материального смысла... — он обернулся в сторону девушки. — Как ты думаешь, возможно ли повторить подобное в других мирах? В тех, где законы парафизики не столь благосклонны?

Броня улыбнулась и кивнула.

— Твой дед упоминал, что они уже производили измерения в параллельных реальностях. Как правило информационное поле в них, так сказать, находится дальше, чем в Форгерии, что делает невозможным магию в тех условиях... по крайней мере без дополнительных приблуд.

— И они уже изобрели эти приблуды? — поднял бровь молодой человек.

Девушка пожала плечами.

— Понятия не имею. Антарктидяне очень скрытны. Неудивительно, если даже по их случайно оброненным фразам можно столь многое понять о мультиверсуме. Но я так тебе скажу: знаний Ганнибала хватает, чтобы я могла создать квазибиологическое устройство, которое позволит магичить за пределами Форгерии. Проект пока что даже не бумаге не существует, — уточнила богиня. — Но если бы существовал, я бы назвала его “конденсатор вероятностей”. Потому что по сути он это и делал бы, имитируя в некоей точке пространства, близкой к человеческому мозгу, зону, в которой коэффициенты информационной массы соответствовали бы тем, что необходимы и достаточны для привычного нам колдовства.

— Проклятье! — топнул ногой Дарк и выпрямился.

— Что такое? — не поняла Броня.

А он не мог сказать, “что такое”. Не потому, что не понимал, а потому, что это звучало разом и страшно, и бредово. На уровне теории заговоров. Но, Лешая их всех подери, этих антарктидян, если у них не имеется технической возможности открыть портал в иные миры?

Но “номеру один” не хотелось об этом сейчас думать. Хотя бы потому, что если оно окажется правдой, тогда... либо это не имеет практического значения на коротких дистанциях, либо с этим всё равно ничего не поделать. В обоих случаях разумней было не тратить ресурсов на попытки понять, действительно ли дедуля и его биполярная подружка Романова покинули южный континент, чтобы направить грядущий конфликт в русло, выгодное лично им, а решать задачи ближнего прицела.

Молодой человек покачал головой.

— Ничего, Броня... ничего.

Лешая изогнула бровь и хитро улыбнулась.

— Точно? А может ты проникся моей гениальностью?

— Ну, и это тоже, — кивнул Даркен. — Но на самом деле, я осознал кое-что, о чём ты на самом деле не хочешь слушать.

— Уверен? — нахмурилась богиня.

— Более чем.

Молодой человек перевёл на девушку свой внимательный птичий взгляд. Сын рода Маллой уже успел заметить, что людям под взором его серых глаз, не прикрытых тёмными очками, становилось крайне некомфортно. И некромаг сейчас прибежал к этому эффекту сознательно.

— Просто не пой мне больше.

— Что? — растерялась девушка. — Почему?

— Потому что я хотел услышать что-нибудь и своей прошлой жизни. Что-нибудь ностальгическое. Что-нибудь, что помогло бы мне расслабиться. Но ты забыла о том, кем

была в прошлой жизни.

— Я помню! — уверенно вздёрнула носик Лешая. — Просто путаюсь иногда.

— Мы с тобой происходим из одного мира, — сухо отрезал Даркен. — И в нём никаких походов у тебя быть не могло.

— Само собой, — улыбнулась девушка. — Мы были родом из куда как более культурных времени и места.

— Пожалуй, как раз так можно описать свободную и независимую Венецию, — в тон собеседнице улыбнулся и сын рода Маллой.

— Именно! — уверенно кивнула Броня и тут же продекламировала:

Lasciatemi cantare
con la chitarra in mano
lasciatemi cantare
sono un italiano

Ну что за бубль гум у неё в голове? Тото Кутуньо? Впрочем, до этого она выдала Вардруну за скандинавский эпос. Очевидно, что Броня понятия не имела о том, какой обрывок информации к чему относится. Она лишь догадывалась по контексту. Если звучит, как что-то, что могли петь викинги в походах, значит оно скорей всего так.

Радовало, правда, что первыми ей на ум приходили композиции веков XX и XXI. значит, всё же, старая личность всё ещё имела сильное влияние. Однако ради её же блага Даркену следовало сделать вид, что он поверил, будто бы Лошатых Кантаре пели ради услады ушей венецианских дождей.

Некромаг покачал головой.

— Я тебя проверял. И ты провалила проверку. Мы с тобой были не оттуда.

Лешая нахмурилась.

— Может, просто скажешь, откуда? Я могла бы подобрать репертуар...

— ...и время от времени среди ласкающих слух звуков ностальгических мелодий, выдавать травмирующий психику удар железом по стеклу в виде композиции, которую ты ошибочно приняла за знакомую нам обоим? — Даркен недовольно поджал губы. — Лучше не трать силы на то, с чем не справишься. Давай забудем об этом. Сделаем вид, что я никогда не встречал родственную душу, на пару с которой мне было комфортно предаваться ностальгии. Тем более, что ты всегда хотела сбежать от прошлого. И наконец реализовала свою мечту. Я не имею морального права тебя тянуть назад.

Броня опустила голову. На долю секунду Даркену удалось заглянуть девушке в глаза.

Глубокое синее море потемнело.

— Хорошо... — тоном “ничего хорошего” ответила богиня. — Как скажешь. Я не хочу в очередной раз начинать конфликт, тем более, что вижу, как ты пытаешься наконец принять новую меня. Давай лучше поговорим о том, ради чего ты меня сюда притащил?

— Давай, — согласился некромаг. — Я узнал от Ёлко, что ты выясняла местоположение МакГаффина. Зачем?

— Хочу сбалансировать Ганнибала.

— Ценой отношений с Корсикой?! — возмутился Даркен.

— Это если они узнают, — склонила голову на бок Броня. — Кроме того, это позволит нам склонить чашу весов, отмеряющих отношение Македонии к Богемии, в нашу пользу.

— Ты хочешь заключить союз с фашистами? — не поверил некромаг.

— Ты хочешь воевать с фашистами? — уточнила богиня. — Сейчас? Когда у нас и так хватает проблем? Что тебе важнее, Даркен? Твои принципы или благо людей?

Последний вопрос ощутимо резанул по сердцу. Действительно, “номер один” отчаянно цеплялся за свои принципы. Потому что знал: они правильны. Вот только Форгерия с этим почему-то не соглашалась. Попытка следовать путём света вела к жертвам, а вот те, кто шагнул во тьму, порой оказывались более благими.

Некромаг медленно втянул воздух, пожевал челюстями пустоту, да выдохнул через сжатые зубы.

— Видят Семеро, я не хочу признавать твою правоту, но признаю. Сейчас и правда хоть с Лешей союз заключать, лишь бы сохранить побольше жизней и бессмертных душ.

Броня ослабилась. Жестоко. Зло. Самодовольно.

Как та самая Броня в моменты, когда её маска безэмоциональности спадала.

— Не видят ничего Семеро. Лишь я вижу. Но когда один из них откроет таки глаза, думаю, он узрит то же, что и ты.

— Уф! — Даркен прижал руки к животу, делая вид, будто бы ему смачно вмазали под дых. — Это было больно. Но, пожалуй, ты права. Однако я настаиваю на том, чтобы взять эту операцию под контроль. Я правильно понимаю, что ты намереваешься проложить тропинку в Македонию через Фортуну.

Броня усмехнулась.

— Это было очевидно. У меня не так уж и много выходов на ту страну. Но, да. Слечна Штернберк — моя *elsis*. И я не думаю, что в её интересах пытаться порвать со мной все связи. Особенно сейчас, когда мой божественный статус не вызывает никаких сомнений, а от борьбы за твоё сердце она отказалась, сбежав к родичам.

— Фортуна, вроде как, бежала от войны, — поднял бровь Даркен. — С чего бы ей самостоятельно ввязываться в неё?

— Понятия не имею, но факт остаётся фактом: Туна сейчас служит в армии.

Некромаг отмахнулся.

— Это что-то вроде потешных войск. Она будет ходить на прототипе летучего корабля с пафосным названием. Её задачей будет выглядеть красиво и улыбаться на приёмах в каждом городе, в котором эта воздухоплавающая дура остановится. Никто не пустит в бой столь дорогостоящую разработку в случае, если будет иметься хотя бы малейший шанс на то, что данная вундервафля может потерпеть поражение, — молодой человек развёл руками. — Урон репутации страны. Позор фюреру, позор его жене, позор его корове. Ну и ответственным за разработку, внедрение и выдачу приказов достанется. Голов посекут много. Всех в высоконасыщенный прах переработают.

Броня хмыкнула.

— Ты многого не знаешь, Джон Сноу.

— Удиви меня! — усмехнулся некромаг.

— Фортуна согласилась участвовать, — пояснила Лешая. — Она, как и я, ожидает, что из искры, что горит сейчас, полыхнёт пламя мировой войны. Что пожар не остановится ещё долгое-долгое время.

— А она имеет представление о деталях? — уточнил Даркен. — У вас сейчас достаточно ограниченные возможности по коммуникации. Если вы, конечно, не хотите, чтобы разговор отследили.

Броня хмыкнула.

— Ей придётся мне довериться иначе никак.

Некромаг перевёл задумчивый взгляд на систему зеркал, призванную увеличить путь фотончика, основательно запутав направление.

— А ты в курсе о том, как слечна Штернберк о тебе отзывалась? Знаешь ли ты, что она винит тебя в этом конфликте и в возможной мировой. Не удивлюсь, если ту карикатуру, что ходит в сети, нарисовали с её подачи.

— Карикатуру? — не поняла богиня.

— Ключущий руку мёртвого богемийского военного двуглавый орёл, у которого одна голова означена щербатым клювом, а вторая — украшена терниями.

— Остроумно, — благожелательно покивала Лешая. — Надо будет поискать в сети. Но, отвечая на твой вопрос, я скажу, что доверяю интеллекту нашей огневласой красавицы. Именно оттого, что она боится мировой войны, я считаю, что она заинтересована в том, чтобы помочь свершиться предначертанному.

Даркен многозначительно поднял бровь.

Броня продолжила.

— Если этого не избежать, так почему бы не поспособствовать тому, чтобы цели были достигнуты в кратчайшие сроки?

Во рту у “номера один” пересохло.

Вот и не верь теперь судьбу, вот и считай теперь богов лишь прокачанными некромагами, ежели пророчество исполняется, как по нотам, будто бы само мироздание взяло его в качестве плана произведения и мерзенько хихикая принялось корректировать события, что могли бы направить ход истории в иное русло.

4.

Если честно, к совместным съёмкам для канала Даркен готовился без особого интереса. Он просто позволял визажисткам шуровать по его лицу кисточкой, лишь временами морща нос, ежели становилось щекотно.

Однако когда они с Лешей уселись за стол, а оператор махнул рукой, некромаг привычно нацепил на лицо убедительнейшую из своих фальшивых улыбок. И она была таковой ровно до тех пор, пока девушка не заговорила.

— Я вас категорически приветствую, — богиня пыталась придать своему голосу той самой характерной монументальности, которая отличала оригинал, однако по очевидным причинам ей это не удавалось. — Дарк Ришардыч...

“Номер один” пожал руку Брони, а затем беспечно поднял предплечье, ладонью в камеру.

— Всем привет.

— Обо что? — поинтересовалась у приглашённого гостя богиня, поднося костяшки к подбородку.

Сын рода Маллой не следил за тем, что выкладывает на свой канал слечна Глашек. В конце концов, он ожидал, что это будут те же щи, которыми невеста кормила прихожан, но приправа из столь жирной отсылки оказалась неожиданной. Но, что куда важней, отсылалось это действие очевидно к человеку, всерьёз повлиявшему на мировоззрение Броньки. Уж больно много общих мотивов и тем наблюдалось в риторике этих двоих.

Так что, ничего удивительного, что Даркен решил надавить на ностальгию так сильно,

чтобы у Лешей свело олдскулы. Чтобы та часть личности, возвращения которой “номер один” так желал, могла лучше нащупать опору.

— Ну, тут такая тема, что без свиней говорить невозможно.

— Охо-хо, — многозначительно подняла брови богиня. — Илега, неси свиней. Народ требует свиней.

Некромаг проследил взглядом за тем, как верная камеристка госпожи Глашек бодро нырнула к стойке с реквизитом, хватает оттуда две розовые резиновые игрушки, изображавшие означенных животных, а затем шустро побеждает к столу и выставила по экземпляру перед каждым из претендующих на место в кадре лиц.

Даркен тут же с вежливым выражением интереса на физии осторожно, но настойчиво вдавил палец зверушке в спину. Искусственная свинья занятно выгнулась, да, пропустив воздух через пластиковую затычку в открытом рту, издала весьма характерный громкий протяжный хрюк.

Молодой человек попытался задать ритм хрюканью, чтобы получилось нечто, похожее на смех. И, в целом, при определённом настроении, получалось уловить нечто общее.

Броня же ответила на эти позывные тем, что обхватила свою свинью поперёк тулова, да сжала его по полной. Деформированная животина издала громкий, пронзительный, протяжный, но отчего-то не кажущийся недовольным визг.

Обстановка за столом стала чуть более весёлой и непринуждённой. Но не стоило забывать о главном.

И Лешая не забывала:

— Так чего ради мы нагнали свиней из загона?

— Тема очень актуальная для нашей страны в этот мутный-смутный час, — усмехнулся Даркен. — Мне хотелось бы поговорить о таком явлении, как “политическая педофилия”, и о том, за кого держат людей те, кто использует столь грязные трюки для достижения своих целей.

“Номер один” специально подбирал слова таким образом, чтобы оно как можно больше резонировало с риторикой, какая чаще всего звучала на канале вдохновителя Лешей. Тот редкий случай, когда молодой человек печалился из-за того, что недостаточно хорошо знаком с творчеством того товарища, и спустя почти уже двадцать лет пребывания в Форгерии от тех воспоминаний остались лишь жалкие крохи. Однако, надо полагать, то были крохи самые яркие, раз не потускнели по прошествии столь внушительного срока.

— О-хо-хо! — отозвалась Лешая и дважды хрюкнула свиньёй. — Какой громкий термин. И что он означает?

Она знала, что он означает. Не могла не знать, даже если забыла, где о нём услышала. Определённо ей речевые обороты этой тусовочки знакомы много лучше, чем Даркену. Однако вопрос задан не ради того, чтобы Броня могла узнать что-то новое. Молодой человек должен был ответить просто для того, чтобы пояснить значение этих слов аудитории канала. “Тупичка Лешей”.

— Речь идёт об использовании несовершеннолетних в целях манипуляции чувствами народа. Понятно, что эту тему любят вообще все. Взять хотя бы нашу благословенную принцессу, которая регулярно оказывается на одних фото с радостными весёлыми карапузами, сияющими от счастья. Но имеется разница между поцелуем в макушечку и жёстким поревом, — Даркен криво усмехнулся, не столько самой фразе, сколько тому факту, что он, некогда считавший себя либералом, вынужден на всю страну вести такие

речи. — Радостные девочки и гордые мальчики, дарящие цветы дочери короля, не подвергаются никакой опасности. Иное дело: дети и подростки, выходящие на пикеты. Я совсем недавно на одном из таких был под прикрытием. И отметил, что почему-то мелочь стоит в первых рядах.

— Так видно лучше, — хохотнула Броня и хрюкнула свиньёй.

— Ага. Да. Лучше видно, как молокососы огребают от спецсредств Группы Немедленного Вмешательства, которая действует в строгом соответствии с инструкцией: если преступное сборище, к какому и относится незаконный пикет, особенно в военное время, не желает рассосаться само, ему надо помочь.

— А что, если дети сами приняли решение принять участие в подобном мероприятии? — продолжала строить из себя наивную невинность аватара Хаоса.

— Ну ясное дело, что они сами приняли это решение. Но не стоит забывать, что они малолетние дебилы. Как минимум в силу возраста у них попросту не может быть достаточно опыта. Исключениями являются лишь попаданцы, но факт прошлой жизни тупо недоказуем. Именно потому по закону они не имеют права политического волеизъявления. Именно потому даже в уголовном кодексе для них имеется куча послаблений. Потому что они тупые, — Даркен медленно и со вкусом вжал палец в спину свинье, и давил зверюгу до тех пор, покуда перст не почувствовал сквозь слои резины поверхности стола. — Они тупо не ведают, что творят. Именно поэтому ответственность за их поступки как в законе, так и в общественном сознании должны нести взрослые. И если вырубить эмоции и включить думалку, то по всему выходит, что если ребёнок явился на пикет, то виноват в этом его родитель или опекун.

— Ну так и надо взять молокососа за ручку и к родителям отвести, чтобы те нагоняй ему вставили, разве нет? — поинтересовалась Броня.

— По-хорошему, да. Но ситуация во всей Богемии такая, что никакого “по хорошему” быть не может. Если кто не в курсе, то там, на рубежах, гибнуть люди. И если Рашка припрётся в наши дома, нас всех, не только и не столько дворян, — как раз у них имеется нехилый шанс выкрутиться — попросту переработают в высоконасыщенный прах. И этих детишек вместе со всеми, причём на глазах родителей, — с совершенно искренней злобой рыкнул Даркен. — Тот факт, что в Праге всё достаточно тихо и спокойно, это заслуга военной аристократии и проливающих кровь бойцов челяди. Я уж не говорю о том, что бойцы ГНВ не просто так являются разгонять эти пикеты в полном обмундировании. Чтобы вы поняли, даже это не особо помогает, и порой на больничную койку поступает какой-нибудь раненый силовик.

— Группа Немедленного Вмешательства действует жёстко из соображений защиты своих жизни и здоровья? — уточнила Броня.

— Да, — не моргнув глазом солгал “номер один”, имевший возможность воочию увидеть на местах совершенно бессмысленные перегибы, которые никакой нуждой в самозащите не оправдать. — В то время, как пикетчики... бунтовщики выставляют детишек перед собой, как щит. А потом в сеть утекают видосы с нарезкой того, как дубинкой прилетает в лицо ребёнку, которого на этом мероприятии попросту не должно быть, и у не желающей вникать в то, как работает мир, челяди, тотчас же бежит по щеке слезинка: “ах, как же так, как они могли ударить ребёночка?”

— Нет смысла докапываться до силовиков, — хмыкнула Броня. — Я как-то была на тренировках бойцов “Стит”. Из рядовых выбивают все сомнения. Они — сделанная из мяса

машина. Бездушный механизм. А если в механизме есть душа, то он считается сломанным. Непригодным для выполнения задачи.

— Именно! — щёлкнул пальцами Даркен. — Иными словами, политическая педофилия, это когда малолетних дебилов, которые в силу возраста не могут нести ответственности за свои решения, ставят напротив силовиков, которые в силу профессии не вольны принимать решения, а затем ждут, когда же будет “мясо”.

— А мясо будет в любом случае. Результат немного предсказуем: обе стороны в этой ситуации не имеют субъектности по тем или иным причинам, — кивнула Лешая. — Мне интересно другое: почему наша челядь добровольно отказывается от своей субъектности? Вместо того, чтобы анализировать ситуацию, они просто поддаются на примитивную провокацию. Я бы поняла, будь на дворе век двенадцатый, когда крестьянин туп и необразован в силу объективных причин, но сейчас...

— ...но сейчас, моя дорогая, мы видим следствие того, что “граждановедение” в школах не выполняет свою функцию, — грустно усмехнулся Даркен. — И этим надо будет заняться в первую очередь, когда мы преодолеем кризис.

Глава 3. Лакуны информации

1.

Папа неуверенно потыкал вилкой сосиску.

Броня так и не смогла удержать в памяти его лицо. Уж больно незапоминающейся внешностью обладал мужчина. Каждый четвёртый посетитель храма, в случае если он был того же пола и схожего возраста, выглядел так же. Однако казусов на эту тему почти не случалось: богине удавалось опознать Мирека Глашека по контексту ситуации. Ведь он обычно заявлялся либо после того, как кто-то из послушниц доложит о приходе родителя, либо в компании с супругой.

С Бастет Глашек же проще: видишь своё ожившее отражение, но с зелёными волосами — это Перловка. Если зелёные не волосы, а глаза — это матушка.

Она, кстати, не уделяла такого большого внимания еде. Точнее, тому факту, что по еде могло что-то ползать.

Наверное, не самым разумным решением было устраивать семейный обед в покоях Вельзевулы, широко известной в узких кругах тем фактом, что её тело постоянно порождает всё новых и новых мутантных мух, обладающих рядом весьма необычных свойств. За последние месяцы малышка, конечно, научилась неплохо контролировать свой рой, но делала это недостаточно хорошо, чтобы её можно было без опаски выпускать гулять из защищающей гражданских от её членистоногих друзей просторной бронированной камеры.

Так что, пусть даже мухи по большей части послушно сидели по углам, стенам и инсектариям, некоторые из этих крылатых тварей позволяли себе вольности. Особенно сейчас, когда их светловолосая хозяйка со свойственным столь юным созданиям — а двух годков ещё не прошло с тех пор, как ей исполнился первый десяток лет, — задором игралась с Роей в мячик, позабыв обо всём на свете, кроме самой игры.

Так или иначе, папенька предпочитал повнимательней изучить трапезу на предмет заползшей куда не просят мухи, нежели отвлекать девчущку от её занятия. Понимал, видать, сколь важно для приёмной внучки хоть немного побыть самым обычным ребёнком. Не жертвой экспериментов злого божества, а именно что простой хулиганистой пацанкой.

Оно и к лучшему. Тем более, что игра помогала не только Вельзевуле расслабиться и наладить отношения с другими детьми: рыжими непоседливыми тройняшками Праведными, бойкой смелой Иренкой Шайс и самым взрослым во всей этой компании, младшим братом самой Брони Глашек, Лёвой, — но ещё и помочь Рое освоиться с управлением одним из своих новых псевдотел: собачьим.

Хотя, конечно, не сказать, что псевдотело действительно походило на собаку. Из общего с этой животной у переплетения ветвей, что скрывало меж “рёбер” настоящее тело змеюки, были только четыре вертикально ориентированные лапы и зубастая пасть. Шея у зверюги, например, хоть и не отсутствовала, но настолько плохо считывалась с облика, укрытая бронёй, образующей некое подобие горба, что многие сказали бы: “никакой шеи попросту нет”. Вообще, животное казалось скорей рептилией, пусть даже не елозило тем, что ему заменяло брюхо, по полу.

Наверное всему виной тот факт, что управляющая псевдотелом Роя не думала имитировать собачье поведение. Она не выражала радость виляющим хвостом — как минимум потому, что у квазисобаки он был “купирован”, — не подпрыгивала на месте,

когда человеческий детёныш пытался совершить обманное движение, а просто старалась перехватить мяч и принести его в руки ближайшему безволосому хомо сапиенсу, потратив на это как можно меньше сил.

Минимум движений. Большой упор на наблюдение и полезную работу дендромышц. Пожалуй, единственным откровенно лишним характерным действием можно было назвать лишь манеру пробовать на язык воздух. Броня могла, конечно, позаботиться о том, чтобы псовое тело не реагировало на данный конкретный порыв змеюки, но посчитала это откровенно бесполезным начинанием. Не стоило создавать дополнительные препятствия, которые могли бы вызвать диссонанс между сознанием Рои, изначально не имеющей никаких конечностей, и её новым телом.

Тем более, ей ещё осваивать форму дышащего зелёным пламенем и острыми, словно заточенные клинки, листьями, дракона.

Наконец отец убедился в “безопасности” сосиски, откусил разом четверть от неё и, прожевав, тяжело вздохнул.

— Куда этот мир торопится? Почему событиям надо развиваться настолько быстро?

Броня перевела взгляд на родителя и улыбнулась ему.

— Ну ты же знал, что я рано или поздно стану замужней женщиной, верно?

Очевидно, отец имел в виду иное. Он беспокоился, что не успевает освоить новую профессию на уровне, достаточном, чтобы внести сколь-нибудь ощутимый вклад в дело храма, но Лешая посчитала, что много разумней увести разговор от этой темы.

Мужчина улыбнулся. Он принял правила игры и решил развивать беседу в сторону событий традиционно считающихся счастливыми, а не тех, что вызывают упаднические настроения.

— Но я полагал, что в этот момент у неё не будет почти взрослой дочери, — кивнул он в сторону Вельзевулы, которая аккуратно в этот момент сумела “развести” Рою и, заставив её ожидать броска меча слева понизу, высоко прыгнула и сделала пас одной из рыжих тройняшек. — Ой, беда-беда, что люди-то скажут?

Броня усмехнулась, услышав эти нарочито тяжёлые причитания.

— Они скажут: “союз великого рода Маллой и богини уже был благословлён сильным ребёнком, чьё могущество неоспоримо”, — ответила девушка, делая вид, будто бы не замечает мухи, пролетевшей опасно близко к её лицу. — А про тебя они скажут: “не только его семя проросло в деву столь сильную, что ей оказалось по плечу подчинить мощь Лешего, но и мудрость его прошла сквозь поколения и позволила ей избрать себе падчерицу, обречённую на то, чтобы её имя сохранилось в веках”.

Матушка хохотнула.

— Ох, Бронька ты наша, когда ты успела стать такой...

— Взрослой? — уточнила она.

— Пожалуй, — кивнула родительница, а затем потянулась к дочери, чтобы мягко погладить её по волосам. — Казалось бы, совсем недавно ты уже была могущественной и знающей, но не ощущалось в тебе этой... не знаю как сказать... жилки?

— Общение с пани Маллой многому меня научило, — Лешая сознательно избегала упоминать пересборку личности лишней раз, зная, что даже люди, которым, казалось бы, полагается воспринимать это адекватно, чересчур нервничают по данному поводу. — Она много рассказывала мне о том, как быть женой благородного мужчины. А я, если вы не заметили, новые знания усваиваю очень быстро.

— О, да, — хихикнула родительница. — Я помню, как ты всего за пару месяцев научилась знатно брэнчать на гитаре.

Да... раньше для этого требовалось учиться. Но сейчас среди поглощённых Броней людей имелось несколько музыкантов, благодаря чему она могла бы и на барабанах что-нибудь сбачать, и на синтезаторе исполнить, и даже на флейте.

— Тогда чему мы удивляемся? — беспечно пожалла плечами Лешая. — Свадьба состоится послезавтра. В тот день я официально стану пани Маллой. Необходимо соответствовать. Не учить же всё в последний день перед экзаменом, как какая-нибудь двоечница.

— А вот я не успел подготовиться, — горько усмехнулся отец, после чего хлебнул газированной воды в прозрачном стакане. — Опасаюсь, как бы не испортить это мероприятие, ударив в грязь лицом перед скопищем благородных.

Броня мягко накрыла руку отца своей ладошкой.

— Ты можешь хоть прийти в плавках и очках на резинке, а затем демонстративно нырнуть бомбочкой в помой, я всё равно не испытаю стыда. Я даже буду смеяться над теми, кого забрызгает. А кому не хватит мозгов при виде этого зрелища сказать “сколь экстравагантно и необычно” вместо “бескультурная челядь”, предстоит обнаружить свои кишки намотанными на кулак Даркена.

Матушка ехидно прищурилась и склонилась к молодой богине.

— Именно Даркена? Раньше ты бы сказала, что намотаешь их сама.

Броня хищно ослабилась.

— Ну, во-первых, я ведь стану замужней женщиной. А во-вторых, пан Маллой много более мягок, чем я, а потому, полагаю, приложит усилия, чтобы участь глупцов оказалась не столь печальной, как если бы за дело взялась ваша дочь, — она вновь обратила взгляд на родителя. — Так что, можешь вести себя так, будто бы это твой личный праздник. Никто, абсолютно никто из тех, кто будет там присутствовать, включая представителей королевской семьи, не смог взрастить кого-нибудь, кто смог бы прыгнуть настолько выше своей головы, насколько это сделала безродная девка Глашек.

Весь пафос момента оказался под ударом, когда мяч вдруг влетел на стол, проскакал по всем тарелкам, опрокинул стаканы, а затем продолжил свой путь. Словно бы этого оказалось мало, Роя, желавшая перехватить снаряд, запуталась в лапах и впечаталась плечом напрямиком в мебель, ломая при этом одну из ножек.

Матушка поспешила вскочить на ноги, папа — удержать стол, а Броня — проверить, не ушиблась ли змеюка. Конечно, “сердце”, где пряталась рептилия, было рассчитано на то, чтобы истинное тело Роечки оказалось защищено даже от казусов уровня “великан с размаха швырнул в стену”, но богиня, воспитанная в традиции “мы в ответе за тех, кого приручили”, проявляла заботу чисто инстинктивно, не раздумывая над этим всерьёз.

— Бедненькая, — прошептала девушка, поглаживая зверюгу по коре горба-брони, после чего обратила свой взор в сторону детишек.

Девочки все разом, кажется совершенно не сговариваясь, указали перстами в направлении Лёвы. Мальчишка стоял совершенно не там, откуда мяч прилетел, однако никого из маленьких хулиганок это совершенно не беспокоило.

— Я? — парень удивлённо озирался, касаясь рукой груди. — Почему я? А! Да! Точно! Это был я!

Броня кривовато усмехнулась.

— Ты, значит? Что же, тебя ждёт суровое наказание: попросу Меца потренировать тебя, а то ты, видать, распустился без пристального внимания старшей сестрёнки.

2.

Деревянная катана в руках Меца, казалось, находилась во всех местах одновременно. Даже взор Брони не всегда поспевал за движениями оружия долговязого рыжего экссамурая. Тот определённо не терял времени даром. Понятное дело, что воин, сумевший оказаться полезным в сражении аж с самим Ганнибалом, находясь при этом в неуклюжем нетренированном теле случайной девахи, вернув свой прежний облик, сможет продемонстрировать уровень более, чем достойный. Но пан Праведный предпочитал не останавливаться на достигнутом. Всего за три месяца он сумел не просто освоиться с базовыми приёмами дендромагии, но ещё и ввести их в свой стиль, что ныне он и демонстрировал, здесь, на полянке среди храмового садика, привыкшей уже к тому, что всякие колдуны топчут траву в попытках сразить друг друга как можно более изощрённо.

На самом деле, Броня подумать не могла о том, сколь много у неё будет учеников. Она достаточно хорошо помнила, что не полагала быстрого взлёта популярности новой магической школы. Однако же статус богини творил чудеса. Желающих оказалось достаточно. Хоть собственное додзё открывай и иди выкаблучиваться на мастеров традиционных течений.

Девушка разумно рассудила, что ей не следует лично тренировать всех и каждого, а потому она сконцентрировалась на нескольких, потенциально имеющих шансы уже в ближайшее время добиться хоть сколь-нибудь заметных результатов. И если, скажем, Жаклин до сих пор не была уверена в том, что в её руках дендромагия позволит продемонстрировать эффективность, сравнимую с классической школой, то Меца хоть сейчас выпускай на показательную дуэль с другой студентотой его возраста.

Это даже несколько более достойно, чем средний уровень второго курса, куда его, по итогу собеседования зачислили. Правда, выше скакнуть Мецу не позволяло практически полное отсутствие теоретических знаний.

Броня назвала бы пана Праведного своим лучшим учеником, если бы не Даркен Маллой.

Он любил порой называть себя “номер один”. Особенно в переписках, где под настроение начинал говорить о себе в третьем лице.

Будущего мужа Лешей не особо привлекала дендромагия сама по себе. Его скорее интересовало, как бы научиться колдунствовать не только правой, отдающей рукой, но и левой, забирающей. Традиционная школа полагала подобное невозможным, а Броня не могла толком объяснить, как это получается у неё. Потому девушка предпочла сконцентрироваться на том, чтобы натаскать упёртого некромага на корсиканскую школу и многопоточность каста, которые, как она считала, помогут молодому человеку добиться дисциплинированности сознания необходимой, чтобы не словить берсерка при попытке пойти против того, чему его учили много лет.

Пан Маллой схватывал всё на лету. Он мгновенно усваивал знания, импровизировал, отталкиваясь от них, сплетал их в узор, доселе невиданный. Девушка знала, что жених тренируется не только с ней, но и с Гало, предпочитающим работать не с протяжённой во времени болью, а мгновенной. И это чувствовалось. Даркен хорошо контролировал эмоции и прекрасно справлялся с нюансами.

Но право слово, почему вместо нормального оружия, он вновь взял какую-то

выпендрёжную дичь? “Яплеть”. Два кольца. Хтонова электроника. То, что на левую руку — причиняет боль ударами тока, а правое — выпускает искровой разряд, из которого магу полагалось формировать поводок. Понятное дело, что у этой штуки имелись плюсы, но они никак не перевешивали минусы, к которым Броня относила повышенные требования к ресурсам мозга при попытках банально контролировать электроповодок и потенциальную бесполезность в зоне действия магической бури.

Всё же, Даркен всегда был “себе на уме”. Да и по оговоркам его можно понять, отчего он “как минимум пока” не собирался учиться именно так, как от него требует Броня. По какой-то причине он решил, что именно ему необходимо сразиться с Перловкой. И он хотел избежать “проблемы Нефритовой империи”. Броня понятия не имела, откуда, но тем не менее, она точно знала, о чём говорит жених. О ситуации, когда в технику ученика мастер специально закладывает критический недостаток, о котором знает только он сам. Чтобы затем сразить бывшего протеже.

Но почему такое зовётся “проблемой Нефритовой империи”? Так поступал со своим учеником только мастер Ли и никто больше. Глупость какая, раздувать частный случай до проблем вся ханьской земли.

А вот у пана Праведного никаких проблем с доверием к мастеру не наблюдалось. Он впитывал каждое слово богини, как губка. И пусть его начальный навык магии — именно магии, а не боя, — оказался весьма и весьма невысок, мотивированность, сметливость и усидчивость ученика компенсировали этот недостаток. Да и в целом, работа с “чистым листом” позволяла Броне лучше увидеть преимущества и недостатки дендромагии “со стороны”. Незамысленным взглядом.

Так или иначе, пока что даже этот увлечённый самурай не мог себе позволить полностью перейти на дендромагическое колдовство. Как минимум потому, что использовать дерево для аутозачарования покамест получалось только у самой Лешей, довольно наплевательски относящейся к состоянию своего смертного вместилища. Мец Праведный же, например, не был готов каждый раз для простого усиления мышц или обезбаливания проращивать в своём теле корни колдовских растений. Нет, в этой ситуации он предпочитал использовать созданный под руководством Ганнибала меч, не извлекая последний из ножен.

Неудивительно, что первым делом Мец поработал именно что над ножами. Это была не мёртвая конструкция, только и способная, что защищать оружие от внешней среды, а владельца — от самого оружия. То оказался несложный дендроконструкт, который обладал достаточным пониманием окружающего мира, чтобы знать, когда отпустить меч, а когда — оплести его корнями, подстраиваясь под постоянно изменяющуюся форму клинка.

Однако, пану Праведному предстояло многое в себе сломать, отказаться от многих привычек, если он желал в дальнейшем сражаться не только с простой челядью, но ещё и с некромагами да их конструктами.

Броня уже секунд тридцать заставляла ученика стоять в глухой защите, атакуя разом тремя щупальцами. Всё внимание Меца было сосредоточено именно на этих коричнево-зелёных плетях, которые он умело отражал своей деревянной катаной, не забывая при этом каждый раз передать угрозе наскоро сплетённый магический контур, лишаящий дендромагическую тентаклю гибкости, которая позволила бы миновать блок, сколь быстрым и умелым он не оказался.

Тридцать секунд. Бесконечно долго, по меркам магической дуэли. За этот срок Мецу

полагалось бы уже придумать, как бы выпутаться из этой истории.

Иначе уже противник придумает, как склонить чашу весов в свою пользу.

Очередное щупальце встретилось с деревянным лезвием, однако контур, переданный рыжим некромагом, попросту не сработал. Он оказался компенсирован контрзаклинанием, а потому плеть без труда скользнула к запястьям бывшего самурая, оплела их и, резко сжавшись, отхватила ученику богини обе кисти.

Тот успел отреагировать только попыткой разорвать дистанцию, но оставшиеся два извилистых корня без труда настигли молодого человека и пронзили его грудную клетку.

— Слишком медленно реагируешь. Слишком шаблонно отвечаешь на изменения обстановки. Недостаточно контролируешь поле боя, — чеканила Лешая, пока её щупальца, совсем недавно действовавшие резко, зло и агрессивно, ласково и аккуратно восстанавливали тело пана Праведного. — Любой “пат” в сражении некромагов, это сигнал о том, что необходимо менять тактику. Срочно. Потому что “пат”, это ситуация, в которой ничего не происходит. А это значит, что имеется отличная возможность спокойно обдумать происходящее.

Мец рассеянно разминал кисти, недавно отделённые от его тела и вновь возвращённые обратно. Пусть с учётом того, что с момента ампутации прошло совсем немного времени, магическая чуждость ещё не успела пропитать плоть молодого дендромага, тот попросту не мог до сих пор привыкнуть к периодической утере конечностей.

К ситуации совершенно нормальной для любого студента УСиМ, старше первого курса.

— Понимаю, госпожа, — смиренно поклонился Мец. — Мне категорически не хватает опыта дуэлей с соперниками подобного уровня. И опыта осмысленного наблюдения за подобными дуэлями, когда я буду способен осознать, почему именно одна сторона проиграла, а другая — победила.

Броня кивнула.

— Каким образом ты мог бы разорвать пат со своей стороны в данной ситуации?

Девушка неспешно двинулась в сторону камня, на котором грелась обожравшаяся вкусняшек Роя: папа показал Вельзевуле, как забавно кормить змею, и они на пару запихали в неё угощений в два раза больше дневной нормы, из-за чего рептилия обратилась в некое подобие куска садового шланга. По крайней мере активности она ныне проявляла примерно столько же.

— Я... не знаю, — честно признался Мец и задумался. — Очевидно мне стоило бы первым делом разорвать дистанцию, чтобы выиграть время на размышления и хоть немного изменить обстановку на поле сражения. Сейчас, раздумывая над схваткой на холодную голову, я вижу как минимум три потенциальных способа выйти из-под удара плетей. Однако я плохо представляю, каким образом мог бы перейти к контратаке.

Некромагичка уселась на камушек рядом с питомицей и начала ласково поглаживать ту по участку мордочки между глазами и кончиком носа.

— Как ты думаешь, на чём я основывала техники боя щупальцами?

Ученик нахмурился и задумался.

— Это подражание какому-то животному? — Мец перевёл взгляд на Рою. — Змее?

— Быть может...

— Быть может? — изогнул бровь рыжеволосый дендромаг.

— Быть может, где-то в первооснове техники и было подражание змее. Однако я опиралась на корсиканскую школу обращения с поводком, которая, в свою очередь, являлась

модификацией индийской традиции боя с уруми.

— Уруми? — не понял экссамурай.

— Меч-пояс. Гибкая дура, сочетающая в себе преимущества хлыста и меча. Ну и пачку их недостатков. В мире без магии оно бы вымерло окончательно с пришествием пороха, но мы живём в Форгерии, где колдовство существенно расширяет роль и функциональность холодняка, — Броня перевела взгляд на ученика. — Думаю, в твоём случае обучиться современным техникам работы с уруми будет проще, чем пытаться освоить поводки. Плюс, уруми в своей первооснове конструктивно ближе к твоей катане, насколько это возможно, из-за чего обращение оружия одного в другое у тебя будет занимать меньше времени.

Мец потёр подбородок и задумчиво хмыкнул.

— Полагаете, я мог бы отражать при помощи подобного инструмента сразу все щупальца, а в промежутках за счёт выигранного времени имел бы возможность контратаковать.

— Да и перемещаться при помощи уруми тебе было бы проще. Увеличил бы манёвренность, — ответила девушка. — Думаю, основы ты сможешь освоить и без меня.

Молодой человек вложил кулак в ладонь и смиренно поклонился.

— Благодарю вас за наставления, сенсей. Постараюсь подготовиться к нашему следующему уроку...

— У тебя будет достаточно времени, — отмахнулась Броня. — Ни завтра, ни послезавтра, ни днём позже я учить никого не собираюсь.

Мец улыбнулся.

— Именно поэтому у меня не будет достаточно времени, госпожа. Мне придётся приложить много усилий, чтобы обеспечить вам хотя бы какое-то подобие выходных на сей срок, это не считая вашей просьбы о том, чтобы я взял Льва в ученики. Так или иначе, не хотелось бы, чтобы ваша грядущая свадьба оказалась омрачена необходимостью отвлечься на иные хлопоты, кроме приятных.

Лешая усмехнулась наивности собеседника.

Разумеется, свадьба окажется омрачена. Много чем. Перловка об этом позаботится, как минимум. Ближайшие два дня окажутся насыщены событиями разной степени эпичности и неэтичности. Для Тёмной стороны личности богини огромное значение имели символы. По сути, Броне должно быть достаточно просто суметь дотянуть оставшееся время до момента, когда она, стоя на коленях у алтаря, переживёт метафорическую смерть, как слечна Глашек и переродится пани Маллой. После этого события Перловка скорей всего потеряет волю к борьбе. Просто ляжет себе и прорастет печальным деревом.

Броня это знала. Её доппельгангер это знала.

А потому, решающему сражению предстоит произойти в эти два дня.

По крайней мере, это делало текущий кризис сколь-нибудь предсказуемым.

Однако, стоило ли всё это говорить Мецу? Разумеется, нет. Подобная информация лишь добавила бы ему поводов для беспокойства, в то время, как зона ответственности оставалась бы прежней.

Лешая улыбнулась.

— У вас с Илегой неплохо получалось справляться, покуда я спала, — успокоила подчинённого богиня, поднимая змейку на руки. — Целую неделю. Это в два раза дольше, чем период, на который я собираюсь забыть о том, что являюсь богиней-нагибаторшей в боярь-аниме и стать героиней обычного женского романа.

Мец смущённо улыбнулся и поднял руку.

— Сделаем вид, будто бы я понял сказанное, и потому просто пожелаю вам хорошо отдохнуть.

— Как скажешь, — пожалала плечами Броня. — А мне пока надо успеть похлопотать о подарках на свадьбу...

3.

Броня приземлилась в саду усадьбы Маллоев и тотчас же повела плечами, стряхивая со спины стремительно высыхающие ветки. Ещё секунды две назад они формировали вполне себе функциональные крылья, вызывавшие весьма стойкие ассоциации с драконьими, а ныне же им предстояло вернуть богине всё то, что было в них вложено, и ни каплей меньше.

Илега терпеть не могла, когда госпожа вместо того, чтобы, как простая смертная, путешествовать от точки “А” в точку “Б” посредством колёсного транспорта, в который можно было бы загрузить свиту, попросту носилась по городу в одиночестве. Единственным способом хоть как-то успокоить капризную камеристочку было попросить её переодеть госпожу для полётов. В конце концов, не всякое платье годилось для того, чтобы его хозяйка отращивала два псевдокожистых крыла. Лишь одеяние с открытой спиной позволяло делать это без вреда для наряда.

А последний фактор оказывался достойной компенсацией для сластолюбивой горничной.

Броня оправила причёску — будто бы с учётом колдовской косметологии мелочи, вроде сопротивления воздуха при полёте на большой скорости, могли всерьёз повредить внешнему виду богини, — и направилась напрямую в беседку, где нынешняя пани Маллой вела разговоры с несколькими гостями её уровня.

— Матушка, пани Коловрат, пани Марквартович, пани Елецкая-Червонице, — кивком на грани поклона поприветвовала дворянок богиня. — Надеюсь, я вам не сильно помешала?

Ох уж, эти постоянные расшаркивания. Но что поделать? Каждая из присутствующих обладала влиянием, достаточным, чтобы в случае чего стать помехой, уровня камушка в ботинке. Да, разумеется, не требуется много труда, чтобы остановиться и вытряхнуть его, однако не в каждый момент жизни имеется такая роскошь, как несколько секунд свободного времени. В ходе сражения подобная мелочь может стоить тебе жизни.

А Броне предстояло пройти через великое множество сражений.

Так что, разумней было потратить немного времени на расшаркивания и не наживать врагов понапрасну. По крайней мере там, где этого можно избежать, просто следуя этикету.

Лучшая битва — это та битва, которой не было.

Нет смысла плодить себе недругов, с учётом того, что мироздание и так на них не скупится.

Пани Маллой ответила невестке улыбкой.

— Нет, ты ничуть не помешала нам, Ласковое Солнце. Тем более, что в Богемии сейчас существует всего две темы для разговоров: война и твоё грядущее замужество. И нетрудно догадаться, что те, кого интересовало первое больше второго, предпочли отправиться на восток, чтобы поучаствовать в данном мероприятии лично.

Лесть. Как же без неё в высшем свете? Впрочем, было бы разумно кому-нибудь заявляться к роду Маллой, собирающемуся породниться с богиней, чтобы, будучи гостем, поднимать тему, теоретически ведущую к обсуждению того, сколь сильно виновата Лешая в

текущем военном конфликте? Не стоило злить хозяев, находясь на их территории. Особенно хозяев, в роду которых вздорные любители бросать вызов обществу встречаются два раза в три поколения.

А если учесть, сколь опасна для богемийского дворянства стратегия, избранная Ришардом Маллоем, то и вовсе, три раза из трёх известных Броне.

Броня мило улыбнулась в ответ будущей свекрови.

— Мне бы хотелось поговорить с дедушкой Руфусом, — при первой возможности озвучила свои желания Лешая. — А затем мне нужно буквально лететь в другое место. Буквально.

Она попыталась шевельнуть крыльями, запоздало вспомнив, что уже избавилась от них, предварительно высосав из дендроплоти всю возможную энергию. Не стоило разбазаривать холод просто так. Пусть ныне казалось, что запас воспоминаний от великого множества замученных до полного безумия бедолаг достаточно велик, чтобы до конца своего смертного существования не задумываться о тратах, Броня предпочитала предупреждать проблемы задолго до их появления.

В частности, много лучше сократить расход до такой степени, чтобы нерегулярного пожирания чужих душ с лихвой хватало для того, чтобы удерживать текущий баланс.

Ответ последовал, впрочем, не со стороны хозяйки дома. Слово взяла Эдения Маквартович, старая — во всех смыслах — подруга рода, из которого происходила нынешняя пани Маллой.

Впрочем, истинный возраст женщины выдавали только её поведение и взгляд. Тело выглядело лет на двадцать, максимум — двадцать пять. Из-за этого буквальное старческого ворчание в её исполнении казалось дико неуместным.

— Вам, юная леди, стоит поменьше проводить времени в компании этого человека. Я помню его молодым, и хочу сказать, что уже тогда в нём было вздорности больше, чем в вашем будущем супруге, и единственное, что с тех пор поменялось, так это количество возможностей, коими он может испортить жизнь окружающим.

Броня улыбнулась. Она знала эту историю. Матушка Ришарда Маллоя не просто так не появлялась на горизонте, несмотря на то, что по меркам форгерийского дворянства являлась достаточно молодой особой: она предпочла бежать из общества тех, кто знал её мужа лично, куда-нибудь, где это не будет иметь никакого значения.

В Америку.

— О-о-о, это было бы великолепно, — отозвалась Броня. — Мне, как богине Хаоса, предстоит многому научиться у старика Маллоя. Я вообще его большой фанат.

Будущая свекровь рассмеялась, изящно прикрыв рот ладошкой.

— Ох, тут не беспокойтесь, пани Маквартович. Вы заметили, что Руфус перешёл с пахучих сигарет на вейп?

Эдения закатила глаза.

— Он всегда парадоксально любил моду при всех своих попытках демонстративно от неё дистанцироваться, Сепия. Впрочем, пар раздражает куда меньше, чем табачный дым.

— Всё не совсем так, — улыбнулась пани Маллой и заговорщески прищурилась. — На самом деле всему виной камеристка слечны Глашек. Это непуганное русовласое создание столь настойчиво и неустанно выхватывало сигареты прямо изо рта моего свёкра, что тот в итоге сдался.

Брови пани Маквартович удивлёнными птичками взлетели вверх.

— Нонсенс! Неужели мир создал барана более упёртого, чем Руфус Маллой?! Я думала что в подобной ситуации Форгерия попросту коллапсирует в чёрную дыру, ведь такие значения упрямства должны превышать критическую массу. Уверена, что существование этих двоих в одном месте нарушает какой-нибудь парафизический закон.

В этот момент в разговор решила вмешаться Лешая.

— Я люблю игры в открытом мире с вышками и большим количеством знаков вопросов на карте.

Дворянки, ожидаемо, не поняли, к чему этот спич. Потому Броне пришлось уточнить.

— Меня в УСиМ зовут занудой не просто так. Не только лишь за любовь к лекциям. Я очень настойчива. До духоты настойчива. Я буду следовать по пути к цели до тех пор, пока физически или парафизически способна передвигаться. А как только лишусь этой возможности, я буду искать способ мгновенно перемещаться на бесконечно большие расстояния.

Уголки губ богини изогнулись в самодовольной злой улыбке.

— Так что, не беспокойтесь о том, что Руфус Маллой может на меня плохо повлиять. Вам стоит опасаться, что это я плохо повлияю на него.

Пани Маквартович тяжело вздохнула.

— Сколь много бравады, моя дорогая. Я резервирую право на одно “я же говорила”, когда вам потребуется жилетка для слёз.

Броня кивнула.

— Бенэ. Я смогу с этим жить, — она обратила взгляд в сторону будущей свекрови. — Итак? Где я могу найти несноснейшего из Маллоев по версии старшего поколения?

Женщина закатила глаза.

— Зайди в усадьбу и прислушайся. Она, конечно, большая, но, думаю, либо шум гироскутера, либо вой валящего из ушей прислуги пара, великая Лешая уловить сможет.

Броня рассмеялась громким скрипучим смехом.

— Я предвижу новый раунд противостояния Илеги и старика Руфуса, когда моя камеристочка прознает про новое увлечение антарктидянина. Ладно, я поспешу на встречу!

Броня уже намеревалась помчаться на поиски старшего Маллоя, но вынуждена была задержаться, когда будущая свекровь демонстративно постучала себя по щеке, требуя от невестки поцелуйчика.

Следом же пришлось выслушать наставление:

— Не забудьте, слечна Лешая, что на следующие три дня вы целиком и полностью, за исключением разве что брачной ночи, переходите в моё распоряжение.

Броня закатила глаза.

— Пани Маллой, да я прямо сейчас направляюсь к старику, чтобы вытребовать от него свадебный подарок. Я отношусь к браку очень и очень серьёзно, не беспокойтесь.

— Я продолжу беспокоиться, — уверенно кивнула Сепия. — Иначе и быть не может. Этот день для меня возможно даже более важен, чем для вас.

Броня смущённо улыбнулась, сделала на прощание ручкой, да двинула в сторону непосредственно усадьбы, по пути прикидывая, где бы она рассекала на гироскутере, если бы ей захотелось бы прокатиться. Быстро убедившись, что в таком случае иных вариантов, кроме “где угодно, но не в доме”, сменила запрос на тот же самый, но с приставкой “если бы я желала всех выбесить”.

Ответ пришёл в голову быстро, а потому Лешая уверенно направилась на второй этаж.

По прямой. Не стала искать двери или хотя бы балкона, а сразу подтянула себя щупальцем к ближайшему окну, отворила его и скользнула внутрь.

Характерное низкое жужжание гироскутера она услышала всего через тридцать секунд праздного шатания по коридорам. И этот звук уверенно приближался. Ещё через полминуты Броня уже оказалась лицом к лицу с антактидянином.

Руфус Маллой не скрывал своих лет. В Форгерии даже мужчины предпочитали в его возрасте выглядеть самое большее — на сорок. Старость прочно ассоциировалась со слабостью, а некромаги предпочитали избегать подобного впечатления. В какой-то момент процедура омоложения становилась для них настолько же естественной, как бритьё.

Но вот этот конкретный представитель магического сословия щеголял морщинами и кричаще седыми всклокоченными волосами. Добавить к этому его манеру ходить в потёртых джинсах и старом лабораторном халате поверх футболки с коллекцией пятен, так и вовсе выходил карикатурный образ безумного учёного.

Наверняка создававшийся сознательно и поддерживаемый не без удовольствия.

Некромаг остановился в самую последнюю секунду и выпустил через нос две струйки ароматного пара.

— Проклятье, Броня, я на тебя чуть не наехал! Почему ты ходишь по проезжей части без светоотражающего жилета?

Девушка медленно наклонилась в бок и оценила, как выглядят полы позади собеседника. Как она и ожидала, теперь их — а в самом худшем варианте, и некоторые ковры, — украшали две параллельные тёмные полосы.

— Мне действительно надо говорить очевидные вещи? — поинтересовалась богиня.

— Мне ты казалась достаточно ответственной, чтобы не ходить по проезжей части, потому — да, — ничуть не смутился старик.

— Я хочу, чтобы ты научил меня, как посылать себе самой сообщения в прошлое без использования установки. Сейчас. Воспринимай это, как свадебный подарок.

Руфус закусил вейп зубами и развёл руки в стороны.

— Я тебя умоляю, Броня, пророчеств не бывает. Это факт.

— Зато есть два механизма, которые позволяют имитировать классическую работу пророчеств. Первый — это адаптивное заклинание, гнущее вероятности в пользу сценария, указанного в пророчестве. Тяжело, сложно, но в целом возможно, пусть даже в далёкой — относительно того, что мне известно, перспективе, — холодно ответила богиня. — Второй — это пересылка информации в прошлое. И она возможна. Мы это знаем, потому что каждый из экспериментов с двумя щелями, что мы проводили ранее, и каждый, что мы собираемся провести в дальнейшем, вы, Руфус Маллой, уже провели.

— Мне сейчас лень, — закатил глаза некромаг и отъехал слегка назад. — Что мешает тебе самой построить установку и имитировать её работу магическим контуром? Ты же знаешь, как?

Броня в два шага вновь оказалась почти вплотную к старику и теперь смотрела ему в глаза снизу вверх.

— У меня уже всё есть, чтобы создавать парные запутанные фотоны. Проблему составляет добиться того, чтобы первый из них достигал экрана хотя бы за пару секунд до того, как это сделает второй, чтобы можно было в этот промежуток времени запустить измерение этого самого второго, передавая таким образом сообщение первому в прошлое, — пояснила Броня. — Проблемой здесь является, откуда мне достать расстояние в шестьсот

тысяч километров, если вся земля по экватору наберёт всего сорок тысяч километров. Понятное дело, что можно добиться подобного эффекта при помощи сложной системы зеркал, но всё это мало того, что требует времени, так ещё и не будет иметь сколь-нибудь серьёзной практической ценности. Я просто узнаю то, что знаю сейчас: что вопрос, будут ли фотончики интерферировать, определится в момент, когда мы примем решение о замерах. То есть, через секунду, после того, как первому из пары потребуется определиться с тем, волна он или частица. Мне нужна формула.

Дед хищно улыбнулся.

— А с чего ты взяла, что всё будет именно так, как ты сказала? Эксперименты для того и проводятся, чтобы выяснить, что и к чему.

— С того, что ты уже проводил этот эксперимент, — ответила девушка.

— И откуда тебе знать, какие именно результаты я получил и, самое главное, как их правильно интерпретировать? Почему ты решила, что тут работает именно обратная причинность, а не просто получение сигнала из параллельной реальности, обгоняющей нашу на пару секунд?

— А это имеет значение? — подняла бровь девушка. — Как для многих практических целей не имеет значения, является ли свет волной или потоком частиц, так и для меня не будет иметь значения, получаю ли я сигнал из параллельной Форгерии, лишь опережающей нашу, или из актуального будущего? Ведь на измеряемых участках мы не будем наблюдать противоречий между фактом интерференции и наличием-отсутствием измерения.

— Даже если мы намеренно попытаемся вызвать противоречие? — уточнил Руфус.

Броня нахмурилась.

Да, на самом деле она была не уверена в том, какой именно будет результат в том эксперименте. Будучи человеком любопытным и занудным, она бы сама попыталась первым делом вызвать то самое противоречие и посмотреть, как мироздание справится с намеренным воссозданием парадокса, не нарушая принципы каузальности. Адаптирует ли вероятность таким образом, чтобы попытка пронаблюдать фотон после того, как первый из пары уже сообщил о том, что наблюдения не было, провалилась? Или же произойдёт переписывание воспоминаний? Или же причинно-следственную связь удастся порвать?

Но Броня блефовала. Намеренно. Потому что она не могла брезговать какой бы то ни было возможностью усилить себя перед грядущей схваткой с Перловкой.

— Ты ведь понимаешь, что я могу просто съесть твою душу и получить все твои знания?

Руфус не выглядел испуганным.

— Ты этого даже не попытаешься сделать, пока не пройдёт свадьба. Потому что потом будешь минимум неделю переваривать.

— Второй раз я справлюсь быстрее, — пообещала девушка.

— И пропустишь свидание со слечной Каппек? — поинтересовался старик.

Броня молчала. Сложно сказать, чей взгляд сейчас было тяжелее выдержать? Взгляд фамильных серых птичьих очей Маллоев? Или же то, насколько холодным и тёмным казался океан синих глаз девушки.

Наконец Руфус хмыкнул.

— Я так и думал. А теперь, попрошу покинуть проезжую часть, юная слечна, покуда вас не переехали.

Он попытался обогнуть Лешую стороной, но та вдруг резко схватила его за предплечье и сжала пальцы настолько сильно, будто бы пыталась переломать кости.

— Игры со мной вздумал играть, антарктидянин? — спросила она. — Зачем ты на самом деле прибыл в Богемию, если не собираешься помогать?

Левое око смотрело прямо на собеседника. Правое же дёргалось, словно бы мышцы, управлявшие им, сводило в болезненных конвульсиях. Но несмотря на хаотичность движения, зрачок уверенно поднимался всё выше и выше.

— А кто сказал, что я не собираюсь помогать? — привычно с вызовом улыбнулся тот.

— Я не намерена играть в игры, Руфус. Если я запишу тебя в свои враги, поверь, выписаться оттуда будет очень сложно. И когда я говорю “очень сложно”, это стоит воспринимать, как “я категорически не вижу способа, которым ты это мог бы сделать, но я всегда допускаю возможность невозможного”, — проговорила она. — Мне не близка концепция “держи друзей близко, а врагов — ещё ближе”. Я предпочитаю вариант “уничтожь врагов физически и морально, не давая им малейшего шанса”.

— У-у-у-у, какая громкая угроза, — “испуганно” поднял брови Руфус. — Ты так уверена в том, что сильнее меня? И сколь часто мы дуэлились?

— Ни разу. Поэтому ты не можешь быть уверен в том, что тебе под силу меня одолеть. Хочешь понизить свои шансы на выживание и посмертие?

Старый некромаг неспешно затянулся, а затем задумчиво выпустил облачко пара в направлении потолка.

— А может я не считаю, что кому-то, кто взял себе имя хтонического божества, противника человечества, надо помогать? Как я могу быть уверен в том, что ты действительно хочешь блага человечеству? Или, хотя бы, что через пару дней тебя не поглотит Перловка? Быть может, мне нужно дружить с ней?

Броня ослабилась.

— Я тебя поняла.

Пальцы девушки разжались. Но кисть оставалась на месте, словно бы всё ещё обхватывала воздух вокруг предплечья некромага.

— Иди, — тихо проговорила богиня.

Сама же она не сдвинулась ни на сантиметр. Даже не шевелилась почти. Лишь продолжала следить немигающим взглядом за своим собеседником.

4.

— Ты сделал что?!

Именно такой была реакция Даркена, когда он услышал рассказ деда о последней встрече того с Лешей.

Молодой человек аж с плетёного кресла вскочил, а его именитому предку хоть бы хны. Как сидел себе на коврике, тыкая пальцем в голографический дисплей, указывая системе места, где он хотел бы разместить очередную защитную башенку, так и остался сидеть.

В целом, дед со своим беззаботным настроением куда как лучше вписывался в весеннюю атмосферу, которой были пропитаны согретые ласковым солнцем земля, тянущаяся к голубым небесам трава, набухшие на деревьях почки, да прочие тому подобные штуки, которые было приятно наблюдать с балкона усадьбы.

— Я намекнул Лешей, что явился сюда не в последнюю очередь, чтобы в случае чего уничтожить её, — ответил старик.

Даркен закрыл руками лицо, а затем от души приложился лбом о ближайший косяк.

— У-у-у-у-у-у-удеби-и-и-и-ил! — протянул “номер один”. — Нахрена ты это сделал, а,

главное, зачем?

— Затем, что это действительно так? — поинтересовался старик.

— Да будь хоть десять раз так, с Броней нельзя говорить о подобных вещах? Не в твоём стиле уж точно! Ты ведь не выложил ей всё, как на духу. Мол, так, так, и так: если ты будешь творить такую или такую фигню, я тебя помножу на ноль, а затем ещё поделю на бесконечность на всякий случай. Ты не дал ей точку опоры, а заставил гадать, каковы твои мотивы, так ведь?

— Ей полезно, — беспечно пожал плечами дед.

— Ничуть! Это же Броня! В пространстве равнозначных вариантов она всегда будет ориентироваться на самый худший. И если ты думаешь, что она хотя бы на пару секунд задумается над тем, а что если она не права, то уничтожит своего кумира по ошибке, за зря, то ты сильно заблуждаешься, — Даркен застыл, упираясь лбом в косяк. — В её системе ценностей шансы на то, что ты будешь к ней хорошо относиться, даже близко не стоят с шансами на то, что ты попытаешься ей помешать.

— В системе ценностей Брони, которую знаешь ты, или которую знаю я? — уточнил старый некромаг.

Молодой человек открыл один глаз, развёл пальцы в стороны и скосил взгляд на предка. Тот грязно выругался и ударил себя по коленке.

— Ну вот, отвлѣк ты меня. Из-за тебя я проиграл, — с досадой в голосе произнёс старик Маллой.

— Что ты знаешь о той Броне, которая существует сейчас? — спросил молодой человек.

— Что она опасна и ни перед чем не остановится на пути к своим целям, — спокойно ответил дедуля. — А ещё, что она обладает мощностью достаточной, чтобы её почитали, как божество. Но этот ореол легко рушится одной единственной дуэлью с по-настоящему сильным противником. Дуэлью, которую девчушка проиграет.

Даркен отстранился от стены и раздражѣнно мотнул головой.

— Старая Броня тоже ни перед чем не останавливалась. Её не беспокоили даже потенциальные гибель и потеря посмертия. Она изменилась не в этом аспекте. Да и сила бога у занудки была ещё до того, как она уснула.

Старикан пожал плечами.

— Какой вопрос, такой и ответ. Ты никогда не слышал максимуму о том, как надо правильно спрашивать людей?

Даркен поморщился.

— В курсе я. В курсе. Знаешь, мне бы сейчас не помешало нормальное дружеское общение с родственником, который, Лешая его подери, не пытается меня поучать! — молодой человек схватил кресло и с размаху уштал его о стену.

Дедуля бодро похлопал, что звучало ещё более комично, учитывая, что плетѣные кресла после удара разваливаются не то, чтобы зрелищно.

“Номер один” обжѣг старика гневным взглядом.

— У меня уже башка пухнет! Я умею задавать хтоновы вопросы! Я в курсе принципа: “чтобы задать правильный вопрос, надо знать половину правильного ответа”. Но разве не очевидно, что я этой самой половины правильного ответа тупо не знаю?! — молодой человек постучал большим пальцем себе в грудь. — Я... я попросту не успеваю разобраться со всеми задачами. И я не хочу слышать остохтоневшее “тогда определи, что важно, что не важно, и занимайся вещами наиболее приоритетными”. Я хочу получить немного помощи! Я

хочу видеть рядом взрослого, на которого можно было бы опереться, а не старпёра, играющего в свои поигрульки.

Взгляд серых глаз молодого некромага сконцентрировался на голографическом дисплее, призывающим попробовать перепройти карту.

— И я сейчас не про твою башнеоборону, — Даркен вздохнул. — Слушай, я понимаю, что ты вообще не следил за тем, как я расту, а для меня ты вообще был фигурой, даже не мифической, а куда как более далёкой. Но мы же родственники. Ты ведь поэтому прибыл, верно? Потому что папа попросил? Твой сын?

Антарктидянин некоторое время молча смотрел в ответ, а затем поднял руку, призывая парня присесть рядом и посмотреть в обнимочку на весенний сад. “Номер один” не стал ерепениться и отвергать попытку наладить контакт, к которой сам же и призывал.

— Дурачина ты, Даркен. Простофиля, — усмехнулся старик. — Неужели по моему поведению не понятно, что я держу руку на пульсе? Что если я считаю допустимым позволить тебе сейчас расхлёбывать эту кашу, значит, либо полагаю тебя способным справиться с этим, либо у меня уже всё готово на случай, если ты облажаешься?

— Достаточно взрослый, чтобы уже расхлёбывать эту кашу с богами хаоса, политическими интригами и прочим, но всё ещё слишком мелкий, чтобы ко мне относились, как к равному и посвящали в свои планы, не кривя физиономию, — вздохнул Даркен. — Я устал. Я хтонически устал, деда. Мне кажется, что я нахожусь в этом состоянии бесконечно долго.

— Большую часть твоей жизни на Форгерии, я полагаю, — понимающе кивнул старик. — Ты ведь попаданец. У тебя разум взрослого с самого начала. Поэтому к тебе начали относиться подобным образом, едва ты стал достаточно крепко держаться на ногах и достаточно внятно говорить. Глупо было бы не воспользоваться этим конкретным преимуществом.

— Папа тоже через это проходил? — уточнил молодой человек.

— А как же? Он ведь попаданец! И я проходил.

— И когда это закончится?

— Когда ты перестанешь чувствовать необходимость в том, чтобы тебя поддерживали родители и заведёшь для этого жену, ленников, детей...

— Но ведь... Броня сама нуждается в поддержке, — покачал головой Даркен.

— Значит, пока ещё ваше время не пришло. Видишь? Стоит озвучить критерии, как ты сам понимаешь, что всё именно так, как должно быть.

— А сразу их озвучить — не? Не путь джедая?

— Во-первых, “не”, не путь джедая. Потому что люди часто воспринимают мир через примат формального описания над духом описываемого события. А во-вторых... проклятье, ты не представляешь, как это тяжело объяснять что-то людям, которые слишком тупы, чтобы понять твои аргументы, — закатил глаза дед. — Короче, я тупо задолбался каждый раз доказывать тем, кто ниже меня по уровню знаний и опыта, что к моим словам стоит относиться серьёзно. Вот в итоге и пришёл к тому, что веду себя подобно восточному мастеру дзен из типичной притчи: дарую мудрость только тем, кто мне докажет, что готов её воспринять.

Даркен хохотнул.

— Знаешь, а я всё ещё не уверен в том, что то, как ты общаешься с Броней — разумно.

Старик развёл руками и строго посмотрел на внука.

— Э-э-эй! О чём мы только что говорили?

— Как раз об этом, — фыркнул молодой человек. — Но ведь правда же! В вопросе чувств малолетних дебилов ты показываешь вопиющую некомпетентность.

— Я достаточно компетентен в этом вопросе, просто я эти чувства ни во что не ставлю, — беспечно опустил руку обратно на плечо “номеру один” Маллой-старший. — Ваши чувства не имеют никакого значения. В отличие от навыков, силы, положения в обществе и прочих штук, на которые куда как более осмысленно обращать внимание.

Даркен вздохнул.

— Возможно... возможно... ты даже не представляешь, насколько твоя риторика похожа на риторику Брони.

— Тогда она должна понять...

— Не поймёт, — покачал головой молодой некромаг. — И даже пояснит, почему не должна была. Я тебе уже говорил: она отлично осознаёт, что не разбирается в людях, а потому... даже не пытается научиться. Она пошла по пути развития сильных сторон вместо подтягивания слабых.

— Ну это она зря, — поднял брови старикан. — Без этого навыка жить становится тяжелее.

— Согласен. Но это ты понимаешь. Я понимаю. Люди, у которых с этим проблем нет. А вот с её точки зрения всё совершенно не так. Она в человеках не разбирается, и считает, что риск попытки обучения, предполагающий серьёзное наказание в случае ошибки, того не стоит.

— А как она тогда собирается управлять последователями? Разве не это она пытается сделать? Свой культ, быстрый подъём на высокие позиции, признание статуса богини?

— А разве похоже на то, что она управляет культом? — спросил Даркен.

Дед поднял бровь вопросительно, но ничего не сказал.

Молодой человек продолжил.

— Она просто выкладывает свои хотелки, а преданные ей люди сами делают то, что было сказано. В любой сложной ситуации Броня стремится взять решение вопроса в свои руки. Она не направит боевиков биться против мутантов, если не уверена на сто процентов в успехе. Она явится туда сама и всё переломает.

— А ученики? Она ведь завела себе учеников. Чему она учит их и зачем, если не собирается их использовать?

Дарк пожал плечами.

— Она их учит просто потому, что хочет дать жизнь идеям за пределами своей головы. То есть, не потому, что она собирается использовать людей. Для Брони это скорее приятный бонус, не более. Если Мец завтра развернётся и пойдёт по своим делам, Лешая ему просто ручкой помашет. Это всё работает именно так. Она хочет быть абсолютно независимой от людей... просто у неё это не очень получается. В том числе по причине тех самых идей, которые она распространяет.

1.

— Вставайте, пан Маллой. Мы приехали.

Слова сопровождались толчком в плечо, от которого во все стороны разливался потусторонний холод, который спросонья воспринимался исключительно враждебно. Хотя, казалось бы, пора уже привыкнуть: если ты заснул, благодаря магии, то разбудить тебя без колдовства — зачастую задача крайне нетривиальная.

Первым, что молодой человек увидел, помимо лица пана Злобека в обрамлении густых, на зависть многим девушкам из челяди, вьющихся волос, был салон автомобиля. Только с этой подсказкой “номер один” смог вспомнить, что ему куда-то надо было ехать, и именно время в пути он решил отдать на обнимашки с Гатеей. Осознание, куда же он так рвался, приходило медленно, по кусочкам. Как неспешно свет приходит в офис, когда зимним утром в него заявляются первые работники.

— А? Ага... спасибо, Вик, — Даркен уселся на заднем сидении и уставился перед собой пустоватым взглядом. — Всё тихо?

Вопрос был задан скорей для того, чтобы “скрыть загрузку”. Дескать, “номер один” всё отлично понимает и уточняет актуальные детали обстановки, а не пытается вообще вспомнить, кто он, что он, где он, с кем он и зачем.

— Ну, насколько здесь вообще может быть тихо?

Виктор задумчиво осмотрелся. Выглядел он так, будто бы собирался на свидание с девушкой, а по итогу спустился в канализацию. По крайней мере морщился, как от запаха фекалий. Да и одет был чересчур гламурно. Вроде бы весна, да ещё и, стараниями Лешей, денёк выдался жарким, но от привычного образа ворон отказываться не хотел. Выкрутился, нацепив распахнутую длиннополую безрукавку на босый торс. Ни дать, ни взять, герой японского слешера. Даже трость при нём.

— Насколько? — поинтересовался Даркен, уже сумевший припомнить кое-какие детали. — Да, райончики бедные и злачные, но это же всё ещё Прага. Тут есть местячковая шляхта, которая даже выделила достаточно сил, чтобы всё оцепить, так что, по идее, каких-то особо громких бунтов не ожидается, так ведь?

Вместо Вика ответил Гало. Громилу не было видно, но вот его образ Даркену запомнился. Забудешь тут, как на его футболку-сеточку реагирует Илега: привычно гиперэмоционально, и на самой грани приличий. По крайней мере, поржать было над чем: сцене самое место было бы в какой-нибудь эччатине.

— Ты не забывай о том, что именно в такие районы стекаются бегущие от призыва. Как сообщили, что жители столицы освобождены от обязательной службы из-за особенностей текущей обстановки, так целые потоки хлынули. А местные и рады: можно хату сдавать по ценам, о которых раньше получалось только мечтать.

— И осилить какие можно только вскладчину, — Даркен зевнул во весь рот, а затем выбрался из машины. — Да уж... представляю, какой там сейчас трешак творится...

Проморгавшись от солнца, некромаг наконец смог оценить открывающиеся виды.

— О, Семеро... а я-то думал, что Гобой — помойка, но это... не “Район номер девять”, конечно, и то — чисто в силу наличия высоток. Неужели человеки и правда могут настолько быстро деградировать?

Вик хмыкнул.

— Не стоит недооценивать потенциал нашего вида, пан Маллой. Нет таких вершин, которые нам не дано покорить...

— И нет таких глубин, на которые мы можем опуститься, — усмехнулся Даркен, а затем мотнул головой. — Бр-р-р-р, ненавижу магическое пробуждение.

Гало отвлёкся от поедания гироза — судя по всему, не коробочного, а завёрнутого где-то тут, на местах, в одной из палаток, — и посмотрел на начальника жалостливым взглядом.

— Поспать бы тебе по-человечески, босс.

— В брачную ночь выплюсь, — усмехнулся дворянин.

Вик задумчиво хмыкнул.

— Звучит весьма... своеобразно. Как по мне, так это попросту оскорбительно: не воспользоваться правом требовать с красивой девушки супружеский долг. И что-то мне подсказывает, что молодая пани Маллой со мной в данном вопросе будет солидарна.

Даркен не просто отмахнулся, он ещё и застыл на пару секунд, выставив в сторону ворона открытую ладонь и отвернувшись.

— Та Броня Глашек, с которой я согласился связать себя узами брака, скорее раз на раз против Дементия Хорового выйдет, нежели разделит твою точку зрения, Вик.

— Дементия Хорового? — некромаг печального образа перевёл недоумённый взгляд на Гало.

Тот шустро проглотил откушенный кусок и пожал плечами.

— Ты привыкнешь.

Дарк фыркнул.

— Ваш культурный уровень не устаёт меня разочаровывать. Ладно, что там командование оцепления? Понимают задачу?

Гало склонил голову на бок.

— Они высказываются против объявления эвакуации. Говорят, слишком большую зону мы запросили. И контингент тут обитает слишком специфичный.

— Бенэ, — сын рода Маллой поправил кольца “яплети”. — Значит, обойдёмся без неё. Эти люди бежали от войны. Хотят по чужой крови в Рай приплыть? Ну уж нет, мрази. Никто не останется в стороне.

Гало ещё пару секунд подождал, не продолжит ли босс свою речь, или не передумает ли он, но, убедившись, что “номер один” сказал своё последнее слово, кивнул и направился к представителю местного командования, чтобы согласовать актуальные задачи.

Вик проводил громилу взглядом, а затем перевёл взор на Даркена.

— Пан Маллой, вы ведь понимаете, что той Брони Глашек, о которой вы говорите, больше нет. Её можно было бы воссоздать из архивных пальцев, но данное решение уже было отвергнуто. Вот уже несколько месяцев, как вашей невестой является новая версия этой девы.

“Номер один” тем временем разминался. Крутил торсом влево и вправо, смещал плечевой пояс. Разогревал мышцы. Покамест без магии.

— Вик, ты ведь понимаешь, что сейчас трындишь главному герою книжной серии, названной в честь него самого, о том, что тот вознамерился сделать невозможное? Ты вообще, на обложку этой конкретной истории смотрел? Там чётко, золотым по чёрному написано: “Даркен Маллой и Забытая Дева”. Очевидно, что я всё превозмогу, как Танкред завещал, а затем верну ту, возвращения кого никто не ждал, — он скосил взгляд на ворона и

усмехнулся. — Не совершай ту же ошибку, что совершал я недавно, когда не поверил Илеге, что она, будучи героиней своей истории, сможет пробудить Лешую ото сна.

Вик тихо хмыкнул.

— Я просто выполняю свою сюжетную роль: нагнетаю обстановку, — спокойно ответил ворон. — Вините не меня, а того, кто этот сюжет выдумал.

Некромаг печального образа выдержал паузу и огляделся по сторонам. Его взор проскользил по старым обшарпанным домам, по сушащемуся на одном из балконов белью, по курящему в форточку лысоватому типу, что недовольным взглядом пытался обжечь ряды закованных в броню силовиков. Даркен же всё это игнорировал и просто повторял наклоны вперёд, ладонями каждый раз касаясь асфальта.

— Пан Маллой, — наконец вновь заговорил Виктор, — вы ведь надеетесь, что удастся обойтись без сражения? В противном случае обязательно настояли бы на том, чтобы эвакуировать район, независимо от сложности задачи.

— Всегда надеялся, — отозвался Даркен. — Но жизнь — непредсказуемая штука. Тем более, когда речь заходит о таких, как он. Но я реалист. Я понимаю, что местные силовики не просто так опасаются проводить эвакуацию. Они в принципе боятся ворошить палкой это осиное гнездо. Уже само это может стать причиной множества жертв. И выбирая из двух зол, я предпочёл отложить палку в сторону. Быть может, это даст моему потенциальному партнёру по опасному ремеслу достаточно оснований полагать, что я пришёл не драться.

Виктор задумчиво посмотрел на небо.

— Тем не менее, вы предпочитаете завязать беседу таким образом, чтобы он чувствовал себя загнанным в угол.

— Именно, — осклабился Дарк, выпрямляясь и даже отклоняясь назад. — Я уверен, что если уж не смогу его одолеть, то, как минимум, заставлю запыхаться. И это в схватке один на один. Я вас двоих взял не просто так.

— Шпили? — задал вопрос некромаг печального образа.

— Постараемся обойтись без них. Крайняя мера.

В этот момент откуда-то из-за спины Даркен услышал монотонный женский голос.

— правильно мыслишь глупый кожаный мешок а то привыкнешь из пушки по воробьям стрелять и при виде полноценного противника лапки кверху и в позу подчинения

Даркен обернулся через плечо и осуждающе посмотрел на зависший над машиной беспилотник-трикоптер.

— Пьеро, ты что, забыл, как мы договаривались?

— мы не договаривались мясной техношвинист это ты высказал ряд условий обязывающих меня совершать дополнительное действие при разговоре обозначая суть сказанных слов как при беседе с пачкой ретардов а сам при этом никаких дополнительных обязанностей на себя не взял договоры так не работают я отказываюсь подчиняться это унижительно я здесь только по просьбе моей зеро но не стоит забывать о том что она мне не хозяйка а подопечная ты бы стал исполнять команды своей совы

— О! — вскинул брови молодой человек. — Кстати, о сове.

Даркен задумался. Затем заглянул в салон, где увидел Букля, уже умудрившегося занять всё заднее сидение. Лежал он при этом, как совсем маленький птенчик, который не мог спать сидя, потому что голова слишком тяжёлая. На животе.

— Не, ну ты не охамел? — спросил у питомца некромаг.

Птиц открыл один глаз, строго посмотрел на хозяина, но так ничего и не ответил.

Молодой человек попросту залез внутрь и вытащил наглое существо из недр авто.

— Ты — забавное животное главного героя. Тебе надо как можно чаще появляться в кадре, даже когда твоё присутствие не несёт никакой сюжетной нагрузки. Читатели любят такое. Плюс, мерч будет лучше продаваться. А больше мерча — длиннее выйдет серия. Мне не дадут сдохнуть, пока я приношу деньги! Ты что, не любишь своего хозяина?

В ответ Букль демонстративно зевнул во весь клюв.

— Вот так хамство, — ошарашенно прокомментировал это Дарк.

Вик же задумчиво склонил голову в бок.

— Это ожидаемо. Птица попросту не приспособлена жить в том ритме, в котором сейчас живёте вы. Она не высыпается полноценно.

— Когда я веду важные переговоры, он просто играет, — отозвался “номер один”. — И, собственно, сейчас он будет заниматься тем же самым.

— один кожаный мешок эксплуатирует другого кожаного мешка просто на основании того что один из них лыс и смущённо прячет наготу под искусственным покровом а у второго имеются перья я вижу в этом признаки зависти

— Это была ирония? — поинтересовался Даркен.

— сарказм

Некромаг вздохнул.

— Ну неужели сложно сказать всё то же самое, но предварительно произнеся первым делом слово “сарказм”? Всем же станет лучше.

— от чего от того что я начну вести себя как отсылка на явление из твоего примитивного мира культурными продуктами которого ты всё ещё живёшь несмотря на то что у форгерии имеется свой собственный социальный фон я не собираюсь тратить драгоценные процессорные мощности ради того чтобы потешить твоё непомерно раздутое эго я личность а не летающая отсылка учти это глупый кожаный мешок

“Номер один” перевёл усталый взгляд на Виктора. Тот беспечно пожал плечами.

Только и оставалось, что резюмировать:

— Недовольное замечание: вот же умный, курва...

2.

Броня замерла в позе супергеройского приземления. Больше не ради того, чтобы выглядеть эпично, а потому, что требовалось незаметно для окружающих отреставрировать босоножки, которые оказались не рассчитаны на эксплуатацию в подобном режиме.

На последнем этаже многоуровневой парковки, куда и заявила богиня, и где она собиралась оставить засохшие ветки, некогда являвшиеся основой её крыльев, было довольнолюдно. Больше всего, конечно, наблюдалось боевиков “Стит”, но из-за того, что все они выглядели одинаково, если не считать командующей ими пани Вдовы, по прозвищу “Белоснежка”, воспринимались они скорей, как фон. Эта же светловолосая молодая дамочка сильно выделялась за счёт внешности. Даже в броне. Особенно в броне.

Вообще, Снежке очень хотелось бы сменил пол на мужской, каковой и был в прошлой жизни, однако она отказалась от затеи по причине того, что нынешний её образ оказался коммерчески успешным. Да и за время жизни в Форгерии привыкаешь как-то.

Помимо пани Вдовы здесь присутствовали и другие знакомые богини. Вот торчит из доспеха рыжая бестолковка пана Праведного, вот золотистые локоны слечны Кюсо ниспадают на защитный воротник, вот мрачная, словно туча, “младшая” из дочек госпожи

Лешей, Катержина Глашек. “Младшая”, потому что была удочерена последней. И то, что годков этой любительнице brutальных рокерских прикидов было более, чем смертному вместилищу богини, никого не смущало.

О! А вот и недовольная русовласая горничная.

— Сле-е-ечна Глашек! — с ходу выдала она настолько грозно, насколько только это было возможно при её внешности и голоске. — Где вы пропадали и что это на вас надето?

Броня выпрямилась и осмотрела свой наряд. Как на её вкус, так выглядело всё гармонично. Голубовато-серый virgin killer свитер с открытой спиной, белые капри да босоножки. И это не считая обилия фенечек на правой руке и прочих тому подобных мелочей.

— А что не так с моим нарядом? По-моему, на мне он смотрится отлично.

— Это не тот наряд, который вам выбирала я! — взмахнула руками Илега. — Что за безответственность? Я, между прочим, ваша камеристка и первая жрица! Кто вас облачал?

— Э-э-э... я сама, — похлопала глазами Броня. — Так что не так-то?

— Вот и я хочу понять, что не так-то! — скрестила руки на груди русовласка. — Чем то одеяние, что подобрала я, вас не устроило? Причём не устроило до такой степени, что аж правый глаз закатился!

Богиня смущённо улыбнулась и оправила волосы.

— Да в порядке всё, Лег. Я просто случайно сожгла его во время горячего входа в атмосферу.

Горничная прикрыла глаза и принялась ощупывать свою голову.

— Так... а зачем ты из атмосферы вообще выходила?

Лешая развела руками.

— Хотела, чтобы наша вселенная выпала с ошибкой “time paradox”.

— Зачем? — не отворяя очей спросила камеристка.

В ответ богиня просто медленно кивнула.

— Н-н-надо.

— Но зачем? — взмолилась Илега, широко распахнув наконец полные непонимания красивые васильковые глаза.

Броня мягко похлопала свою первую жрицу по макушке.

— Не забивай этим свою милую русую головушку. Это о своём, о божественном. Ну, знаешь, хаос, мироздание, программирование вероятностей, принципы прямой каузальности и обратной причинности, формулы зависимости от t и тому подобное.

Глазюки камеристочки с каждой фразой расширялись всё более и более, пока, наконец, не достигли предела биологических возможностей. Однако у того, сколь великим может быть отчаяние человека, осознавшего всю степень того, как он далёк от обсуждаемых явлений, никаких пределов не существовало.

— Я не понима-а-аю, — протянула Илега.

— А оно и не надо! — ответила Броня, а затем отстранила горничную и зашагала в сторону Катержины.

Снежка, проследив направление движения богини, сама решила проследовать к месту следующей беседы.

— Чё как, дочур? — подняла в приветственном жесте руку богиня.

— Ску-у-у-ука, — пожала плечами плечами Катержина. — Самым забавным из всего, что тут происходило, оказалось обсуждение вопроса: начинать ли операцию, в случае, если

слечна Глашек не может озвучить подтверждение, или же пока не заниматься оцеплением и эвакуацией. Это, по-моему, многое говорит о тухлости всей движухи.

— К чему пришли? — поинтересовалась Броня.

— А с высоты птичьего полёта не видно? — подняла бровь “дочка”.

Броня закатила левый глаз вдобавок к правому.

— Конечно же я всё видела, глупое дитя! И в курсе, что операция не сорвана, что вы всё поспеваете в срок. Я просто давала своим первой жрице и дочери возможность похвастаться тем, как они эту проблему разрешили, взяв контроль над ситуацией в свои руки.

— А никак они не разрешили, — честно ответила Катержина. — Этот вопрос решали на пару Рыжесамурай и Белоснежка. Мец оказался настолько преисполнен веры в богиню хаоса, что не допускал и мысли о том, чтобы отклониться от изначального сценария, несмотря на отсутствие связи... так ты и правда вышла в космос без скафандра?

Броня упёрла руки в боки, задрала нос повыше и улыбнулась во все зубы.

— Космическая мама! Круто, да?!

— И Роя тоже там была?

Богиня фыркнула.

— Я тебя умоляю. Она обожралась так, что деградировала до состояния даже не зверского, а куда как ниже. Если бы её подменили на игрушку из магазина приколов, я бы даже не заметила. Пришлось оставить в храме отсыпаться, — богиня тяжело вздохнула. — Так что, космовирма у нас не получилось. А жаль. Я так хотела. Шутила бы потом про Червя Ожидающего: хохма прямо сама собой напрашивалась с учётом того, чем я там занималась.

Катержина пожалала плечами.

— Ну да ладно. Мне надо и дальше тут стоять столбом или я могу, всё же, сесть куда-нибудь на парапет и уткнуться в мобилку?

— Более чем можешь, дорогая, — положила ей руку на плечо Броня. — Нужешь, я бы даже сказала. Как увидишь, что гаджет ведёт себя как-то аномально, врубай ауру и, если аномалии прекратились, продолжай себе убивать птиц метанием свиней или чем там сейчас у молодёжи модно развлекать себя?

“Молодёжь” бодро козырнула.

— Будьсделано, кэптан!

Броня добродушно кивнула.

— Вот умничка, какая. Вся в маму, — она перевела взгляд на Снежку. — Пани Вдова, есть ли какие-нибудь “незначительные мелочи”, о которых мне бы следовало узнать, прежде чем мы начнём?

Та медленно кивнула.

— По сути, за последние двенадцать часов ничего особо интересного не произошло. Но нам удалось уточнить примерное количество сил противника. Около семи самоучек первого поколения. Плюс двадцать представителей челяди, каждый из которых может оказаться учеником упомянутой выше группы. Три агента русской разведки и... Сковронский.

— О-о-о-о! — довольно потёрла ручки Броня. — Давненько я Сковронского не била. Вот же неугомонный!

Снежка поморщилась.

— Четыре полноценных опытных некромага, и от семи самоучек, не считая инсектоидов. Да ещё и готовых к бою: уверена, факт оцепления от них не ускользнул. Вы всерьёз собираетесь противопоставить им...

Пани Вдова обвела взглядом ”детский сад”, ”тусовавшийся” на этаже.

Броня поспешила в успокаивающем жесте положить руку на плечо собеседнице.

— С ними будут советские агенты и я.

Взгляд Белоснежки говорил о многом.

— Первые должны стоять в оцеплении и контролировать любые попытки прорыва, а вы намереваетесь просто наблюдать за ходом операции. Ведущая роль отведена кучке студентов и моим бойцам. И при всём при этом мы начнём действовать без ”молчанки”.

— Я буду на подхвате, — прищурилась Броня. — Кроме того, мне ли рассказывать, как важно застать противника врасплох? Пусть думают, что у них преимущество.

Пани Вдова вздохнула.

— Если мы победим, я буду довольна, но если вдруг мои парни не справятся, попрошу учесть слова, что были сказаны мной ранее.

Броня кивнула.

— Не стоит беспокоиться. Я осознаю риски, но иду на них сознательно, чтобы осознать пределы возможностей моих бойцов. Каждого погибшего я оживлю лично. Если аура не сожрёт их души, то ещё и с воспоминаниями непосредственно о бое. Вы же не забыли сохранить пальцы?

Женщина грустно улыбнулась.

— Обижаете, госпожа Глашек.

— Неприятно, когда в тебе сомневаются? — довольно осклабилась богиня. — Добро пожаловать в мой мир

Лешая похлопала пани Вдову по плечу.

— Действуйте согласно плану. Раз они тут почти в полном составе, начнём со сценария алеф-три.

3.

Броня не явилась бы на улицу Крежковски, если бы была уверена в своём плане. Он вполне мог сработать. А мог и не сработать. Операция проводилась непростительно малыми силами и, в случае, если всё пойдёт по нотам, сложно переоценить ценность подобного опыта. Другой вопрос, что Лешая терпеть не могла играть ва-банк и предпочитала строить планы таким образом, чтобы получить пусть и не самую впечатляющую, но гарантированную победу с наименьшим количеством жертв.

Ситуация на улице Крежковски складывалась же таким образом, что сложить такой план без использования универсальных затычек уровня ”богиня Хаоса на подхвате” было попросту невозможно.

Во-первых, тут располагалось до свинства много высотных строений, часть из которых являлась жилой. Нельзя просто взять и эвакуировать их все. Это так не работает. Даже в ситуации, когда перед войсками не стоят задачи сдерживания потенциального противника, и ограничения в десятки минут, обязательно возникли бы проблемы, чего уж говорить о текущих обстоятельствах?

В итоге пришлось ограничиться перекрытием транспортных и пешеходных маршрутов да гарканьем в лицо каждому праздному зеваке ”немедленно покинуть улицу”. Это привело к тому, что часть прохожих и правда покинула территорию, а часть — заперлась в своих домах. И это, с учётом потенциальной возможности ключевых фигур противника уйти любым возможным путём, включая бег по внешним стенам, не то, чтобы удовлетворяло

Лешую, желавшую избежать ненужных жертв.

Во-вторых, богиня попросту оказалась стеснена в средствах. Да, по-началу казалось, что право командовать полицией, боевиками “Стит” и пачкой почти настоящих некромагов с предпоследнего курса, с условием возможности “занять” опытных колдунов у ЕССР, это бесконечно много. Но так именно что “казалось”. В конце концов, все эти силы было необходимо распределить по такому количеству направлений, что в какой-то момент Броня начала считать уже даже челядь не сквадами, а просто поголовно. На данную операцию она скребла по сусекам.

И ведь попытка скомпоновать группы как-то иначе была обречена на провал. Вот дали Советы ей двоих некромагов. Ставить их в штурмовую? Отлично, а кто ловить разбегающихся вражеских колдунов будет? Мец? Жаки? Лукан? Ая? Может, Илега? Тут ведь охота не на лекарей каких шла, а на настоящих бойцов и шпионов. В итоге, опытных стоило оставить в группе перехвата, а штурмовать... тем, что осталось.

Четыре студента. При этом один из них — самоучка, да и остальные отнюдь не верхние строчки рейтинга дуэлянтов занимают. Лукан, так вообще предпочитал избегать урона при помощи незамысловатой тактики “колдовать с расстояния, до которого вражеские заклинания не добивают”.

Но ирония в том, что при грамотной подготовке, при помощи этих слабых карт можно было выиграть всю партию. А всё благодаря младшей “дочери” Лешей. Катержине Глашек, некогда Чёрной, дриаде тишины, которой дарована уникальнейшая способность попросту “выключать” целый аспект магии на достаточно большой территории.

Не сказать, чтобы это считалось прямо-таки невозможным. Время от времени подобное проворачивалось при помощи магических шпилей, однако делалось очень редко: всё же, соотношение цены подобной манипуляции к эффекту выходило не шибко удовлетворительным. Куда проще выходило не “обезмагичивать” своих и чужих, наполняя пространство обильными помехами, сбивающими любое вышедшее за пределы тела заклинание, а банальнейшим образом накрыть группу противника каким-нибудь мощным контуром и дело с концом.

Случай же Катержины можно было считать уникальным. По имеющимся у Брони сведениям, через подобные процедуры проходили и другие потенциальные дриады, однако они чрезвычайно быстро “выгорали”, словив неконтролируемый приступ “берсерка”, а вот у насмотревшейся за свою жизнь всевозможного треша младшей дочери Лешей имелся достаточно большой запас злобы и обиды, чтобы “вытянуть” подобную “мутацию”.

В итоге заклинание, обычно дорогостоящее, можно было воспроизводить почти что “на халяву”. Главное — не забывать гонять Катержину по тестам на личностную аутентичность и развивать её ментальную дисциплину, и всё будет как нельзя лучше.

Собственно, именно что силу младшей дочери Броня собиралась использовать, чтобы резко изменить баланс на поле боя и назначить в качестве козырной масти совершенно не ту, что выступала в этой роли изначально.

И если эта тактика покажет себя достаточно хорошо, её можно будет использовать и в дальнейшем. По крайней мере, пока противник не выработает действенные контрмеры и не внедрит их везде, где только возможно. Но в этот краткий, с исторической точки зрения, период, есть шансы добиться многого. Очень многого.

Злотый сегодня всегда дороже, чем злотый завтра.

Помимо вышесказанного Броня намеревалась проверить ещё ряд догадок. В частности,

увидеть, как в подобных условиях вообще может показать себя дендроматия. Да, это весьма специфический расклад, но если в битве, не предполагающей возможности проклинать противника издали, молодые специалисты по древесному колдунству смогут выступить против взрослых сторонников эксплуатации чужой смерти, это поможет обозначить нишу и, чем Лешая не шутит, вернёт обезмагичивание в пул заклинаний, которые в пилонх держат наготове.

Сколь многого можно добиться при удачном раскладе.

Вот только никто не мог гарантировать, что расклад выйдет именно что удачным. Ставка рискует не сыграть. У противника преимущество в магической силе и опыте. На короткой дистанции до активизации “молчанки” враг вполне способен “вынести” весь этот детский сад, выступающий при поддержке вооружённой автоматическим оружием челяди.

Вот по этой причине Снежка так сильно нервничала и искала возможность под благовидным предлогом не участвовать в обозначенном цирке. И именно по этой причине Броня решила лично присутствовать во время данного мероприятия.

Но хуже всего выходило то, что в случае провала придётся достаточно долго ждать, прежде чем приступить ко второй попытке с учётом всех ошибок. И не потому, что врагов в Праге попросту не останется: этого ресурса сейчас было до обидного много.

Просто как минимум два дня Лешая окажется занята на мероприятиях вокруг свадьбы. У пани Маллой на невестку большие планы и, очевидно, что то — отнюдь не блажь скучающей дворянки. Не стоило ради своих хотелок саботировать эти активности. Даже если и кажется, что смысла в них куда как меньше, чем в выработке новых действенных тактик в условиях войны с Восточным Гигантом. Свекровь как минимум опытней в вопросах бытия форгерийской аристократии. Даже с учётом поглощённых Лешей душ: там всё сплошь челядь, и среди их прошлых жизней с трудом нашлись богатый корпорант и какой-то лентяй из эпохи дворянской вольницы, когда от благородства у “лучших представителей народа” остались только поместье с землёй в наследство, да громкая фамилия.

Броня медленно вдохнула, выдохнула, а затем начала проращивать сквозь бетон и асфальт дендросеть, посредством которой она собиралась вести наблюдение за ходом грядущей схватки.

Нельзя было упустить и мгновения. Грош злотый бережёт, а мгновение — вечность.

4.

Даркен с неудовольствием посмотрел на рынок, куда им следовало двигаться дальше, чтобы найти искомого человека. Местные торговые ряды предлагали всевозможный товар по относительно невысоким ценам, что делало это место многолюдным даже во времена, далёкие от текущего кризиса. Сейчас же слава Строжанки привлекала клиентуру со всей Праги и окрестностей, из-за чего “номер один” мог наблюдать толкучку даже сейчас, после того, как полиция перекрыла весь район, да ещё и по матюгальникам призвала народ выметаться.

Такое ощущение, будто бы челядь решила, что злое правительство собралось разогнать местных “предпринимателей” и лишит подданных возможности сэкономить хоть на чём-то, а потому в самый последний момент вся высыпала на улицу в надежде скупить как можно больше, пока это возможно.

Даркен не мог их винить. Тем более, что слухи подобные ходили. Да что там слухи? На высшем уровне и правда обсуждалась такая возможность, но не ради того, чтобы навредить

своему народу, а по причинам куда как более осязаемым: Строжанка привлекала к себе не только продавцов контрафактного товара без лицензии, но и несознательных граждан, бежавших от призыва. Они тут работали. Они тут же, в контейнерах, и жили, вперемешку с гостями из стран куда как менее стабильных экономически, чем Богемия. Это всё вело к тому, что обстановка становилась заметно более криминогенной, чем обычно.

Неудивительно, что искомый Даркеном человек тоже прибыл сюда. Причём, он не столько пытался спрятаться, сколько воспользоваться возможностями, которые даровала ему ситуация вокруг Строжанки. Вот уж тут не имелось сомнений относительно того, что потенциальный союзник не упустит ни единого шанса. И именно поэтому “номер один” посчитал разумным подправить вектор, в котором будет работать столь опасная личность.

Да, пан Маллой всегда избегал подобных союзов, считая их шагом в Бездну. Зачем приближать к себе тех, кто может стать твоим врагом? Чтобы им было проще вонзить тебе клинок в спину? Да только когда пришлось выбирать между шагом и прыжком бомбочкой, Даркен предпочёл выбрать первое. Обрасти опасными связями вопреки тому, о чём вопит нутро. Заткнуть ладонью рот сердцу и прислушаться к разуму.

Взгляд серых глаз некромага рыскал по округе. Он всего на мгновение задерживался на лицах продавцов, грузчиков и покупателей, а затем двигался дальше, не обнаружив искомого. Зачастую взор “номера один” вызывал либо страх, либо непонимание. Первое — у тех, кто осознал, кто явился в это гиблое местечко, где прилавки делались из подручных средств, вроде ящиков и досок, а внутри металлических контейнеров можно было увидеть не только товар на продажу, но и лежаки, кипятильники, мелких карапузов, играющихся с поломанными машинками, да беременных женщин, пытающихся как-то в этих условиях сготовить что-то съедобное. Не известно, как насчёт съедобного, но запахи порой были и правда будоражащими аппетит.

Второе — у всех остальных.

Даркен не бряцал бронёй, да и одеваться он предпочитал в стиле достаточно свободном, приземлённом. За исключением дороговизны и качества шмоток, те мало чем отличались от того, во что облачались иные из посетителей Строжанки. Гало — так и вовсе мог сойти “за своего”. По какой-то причине ему чаще других предлагали инструментарий для ремонта и подержанную электронику.

И если “номеру один” и его верному громиле приходилось время от времени пихать людей, то Вик со свойственной ему размеренностью шёл в кильватере и всем своим видом показывал, что он, вообще-то, представитель магического сословия. Как правило, именно опознав его, люди вновь обращали взор на Даркена, в их глазах появлялось выражение испуга и узнавание, а затем челядь стремилась спрятать очи и поспешить сместиться ближе к краям рядов, даже если это было чревато столкновением с другими покупателями и конфликтами.

Лучше подражаться с равным, чем получить проклятие от непредсказуемой шляхты.

Первое время Букль сидел на руке хозяина, но затем, видимо, осознав, что в толпе неуютно, особенно когда твоей “жердью” время от времени пихают кого-то в бок, поднялся повыше и теперь мониторил округу с небес, на пару с Пьеро, который тоже предпочитал “не отвечивать”, мотивировав своё решение желанием держаться как можно дальше от вонючего скопления потных кожаных мешков.

Покамест, если судить взглядом со стороны, брожение среди толпы никак себя не оправдывало. Разве что Дарк прикупил себе дурацкую футболку с перечёрнутым

инсектоидным мутантом, а затем ещё и обруч с легкомысленными глазами на пружинках. Правда, никакого толка кроме убийства времени и кратковременного подъёма настроения от этого не было.

Тогда “номер один” решил остановиться у ближайшего ларька с кухней навынос и задумчиво опёрся обеими руками на стол.

Следом к нему присоединились Гало, довольно жующий пян-се, и Вик.

— Уместно ли будет мне усомниться в величии нашего лидера? — без слов, одним лишь взглядом спросил некромаг печального образа. — Даже если предположить, что наша цель и не думает прятаться, маловероятно, что мы на неё наткнёмся, просто слоняясь по округе.

Даркен перевёл взгляд на кафе, задавая спутникам немой вопрос:

— Как по-вашему, почему я решил остановиться именно здесь, несмотря на то, что предпочитаю в ожидании боя избегать употребления пищи, в отличие от нашего вечно хомячущего друга?

Вик и Гало проследили за взглядом.

Громила понимающе кивнул, а ворон хмыкнул.

— Мы всё это время искали не человека, а инфраструктуру, которая будет его обеспечивать? — так же, не открывая рта, выдвинул предположение некромаг печального образа.

— Именно! — с улыбкой поднял палец “номер один”, но тем и ограничиваясь, дабы не портить флёр молчаливой беседы. — Учитывая, что наша цель не прячется, в пору ожидать от неё попытки выбрать место поудобней. А тут, посмотри...

Даркен повернулся в сторону крытой части рынка, находящейся совсем неподалёку, затем перевёл взгляд на монументально выглядящие ряды контейнеров, сквозь которые можно было углядеть полноценную зону разгрузки. А оттуда — рукой подать до мясницких лавок.

Гало хохотнул и наконец нарушил тишину.

— Дело за малым, значит?

— За большим, — посмотрел на него с укоризной “номер один”, недовольный тем, что своими речами “номер три” сломал весь пафос момента. — Меньшее — это именно то, что мы делаем сейчас.

— Кому как, — пожал плечами громила. — Как быть дальше, я в принципе представляю, а вот чем мы занимались в данный конкретный момент, для меня... не тёмный лес, конечно, но я откровенно за тобой не поспеваю.

Даркен хмыкнул.

— Думаю, ты себя недооцениваешь, бро. Тебе просто надо выбраться из нашей тени.

— Не буду спорить, — пожал плечами громила, откусывая кусок приготовленного на пару азиатского мегапельмешка. — Тем более, что я увидел карфагенский профиль раньше вашего.

Даркен проследил за взглядом Гало и увидел... да, его. Ганнибала.

Это был он. Буквально он. Сложно сказать, это античные статуи так хорошо пронесли сквозь тысячелетия внешность именитого полководца, или же тот, лепя себе мужское тело, брал последние за образец, но факт оставался фактом.

Ганя выглядел, как Ганя. Только молодой, без бороды, да в современных шмотках. Из-за сочетания этих факторов он первым делом вызывал ассоциации с каким-нибудь корсиканским сопляком. Но, скорей, потому, что корсиканского сопляка в Богемии ты

увидеть ожидаешь, а вот гладко выбритого карфагенского военачальника без морщин — нет.

Даркен помахал Ганнибалу, как старому знакомому. Тот беспечно повёл плечами и, не вынимая рук из карманов, двинулся к столику, оккупированному некромагами-студиоузами.

— А вы совсем не прячетесь, — с ходу заметил он, заставляя “номер один” поморщиться.

Ну вот, ещё один обладатель сильного глубокого голоса. И ведь, самое обидное, габаритами Ганя не то, чтобы превосходил Даркена. Ну что за напасть-то, а?

— Ты тоже, — отозвался сын рода Маллой. — Впрочем, оно и к лучшему. Это значит, что ты в себе уверен и не боишься никого, кроме Лешей.

Тот поднял бровь.

— А кто сказал, что я боюсь Лешей?

“Номер один” довольно хохотнул.

— Если ты и правда не боишься её, так тем только лучше! Кстати, я тут принёс с собой королевской милости в бумажном выражении, — Дарк похлопал себя по пухлому карману бриджей. Тот отозвался приглушённым пластиковым стуком. — Хочешь немного милости?

В этот момент в разговор вклинился недовольный девичий голосок. Он принадлежал невысокой особе в худи с натянутым до самого носа капюшоном, которая пыталась пройти к окошку для приёма заказов, но из-за толкучки то и дело цеплялась рюкзачком за прохожих и стоящих у столиков.

— Свободного места я хочу. Вот зачем толпиться у стола, если всё равно не жрёте? — справедливо бросила она, даже не глядя в сторону некромагов.

Ганнибал одарил неуклюжую коротышку высокомерным взглядом и уже было открыл рот, чтобы осадить неосмотрительную челядь, но Даркен его опередил:

— Кстати, да! Народ, никто есть не собирается?

Первым откликнулся Гало.

— Я бы навернул точитуры.

Вик молча поднял руку с тростью и покачал ей, отклоняя столь щедрое предложение.

Даркен кивнул, а затем перевёл взгляд на потенциального партнёра по опасному ремеслу.

— А ты, Ганя? За обедом обсуждать подобные вещи всяко лучше, чем на голодный желудок.

— Зависит от того, каких принципов дипломатии мы будем придерживаться, — хмыкнул он. — Что если палочной?

“Номер один” развёл руками.

— Ну, если палочная, тогда да, лучше избегать потребления пищи... если ты не Гало. Ну так что? Ты собираешься с нами драться?

— Я уже поел, — усмехнулся он. — А вы?

— Тоже, — многозначительно улыбнулся сын рода Маллой. — А ты поел только этим телом или обоими?

Все за столом слегка сместились. Невнимательный человек отметил бы в этих движениях неуверенность, желание просто перенести вес с ноги на ногу или опереться как-то иначе, но на деле каждый занимал позицию более удобную для начала схватки.

Схватки, которой Даркену очень хотелось избежать. В конце концов, тут было слишком много гражданских, которые непременно если уж не попадут под перекрёстный огонь, то уж точно пострадают в толкучке при попытке бегства. Конечно, молодой человек уже выдумал

себе оправданий, чтобы не мучаться лишней раз угрызениями совести, если кто-то вдруг умрёт, но если этого можно не допустить, то зачем допускать?

Именно поэтому Даркен и выдавал, что в курсе о том, что соперник подтягивает сюда свои силы. Это, конечно, потеря некоторого преимущества, но оно вполне могло помочь убедить противника попридержаться тентакли при себе, чтобы по ним не надавали.

Собеседник добродушно оскалил зубы.

— А сын рода Маллой делает домашнюю работу. Сам догадался или доложили?

— Прошло всего три месяца. Вряд ли ты в этом теле достиг того же уровня мастерства, что и в том, что тренировал всю свою... в таких случаях принято говорить “форгерийскую жизнь”, но ты же у нас попаданец из Форгерии в Форгерию, так что, у тебя все жизни форгерийские, — Даркен задумался. — Да и “последнюю жизнь” тоже не очень годится, так как технически в отеле “Сметана” ты был полноценно убит и даже лишился куса души. Ну, я думаю, ты понял.

Ответ пришёл со стороны ларька, где у окошка стояла подслушивающая весь этот разговор деваха в капюшончике. Собственно, последующие слова принадлежали именно ей:

— *Consuetudo est altera natura*. Поздравляю. Ты получаешь четвёрку с плюсом за эту работу. Сам догадаешься, за что был снят целый бал?

Даркен усмехнулся.

— Если ты предполагаешь, что я это не предусмотрел и не подготовился, то ты сильно заблуждаешься. У меня в рукаве столько козырей, что любой карточный шулер обзавидуется. Технически, даже возможные человеческие жертвы я могу выставить, как несомненное благо для себя, свалив их все на твою совесть. Это, кстати, даже не будет ложью, ведь я не собираюсь нападать: лишь обороняться.

Молодой аристократ отстранился от стола и склонился к человеку за соседним столиком.

— Серьёзно, мужик, сваливал бы ты, а то, если Ганя занервничает, тут все контейнеры кровью можно будет красить.

Оба тела Ганнибала разом хмыкнули, но ответило именно что мужское.

— Он не говорит по-богемийски.

— Идиотизм, — недовольно поморщился Дарк, возвращаясь на место. — Приехать в Богемию и не изучить языка. Ладно бы целью поездки был туризм, но я что-то сильно сомневаюсь, что в путеводителях сказано, как добраться до Строжанки.

Он перевёл взгляд на собеседника.

— Ты не возражаешь, если мы попросим народ свалить в ужасе? Просто на случай, если мы с тобой не договоримся.

— Валяй, — ответила женская версия Ганнибала, застывшая в метре за спиной сына рода Маллой. — Это, кстати, приглашение не только к сигналу эвакуации, но и к изложению сути вопроса.

Даркен кивнул Вику. Тот ответил аналогичным кивком, а затем отошёл от стола, прижимая рукоятку трости к горлу, чтобы усилить голос. Конечно, не совсем тот же эффект, что и от громкоговорителя, но донести до местных информацию о грядущей схватке шляхты, в ходе которой кто-то может пострадать — и обязательно пострадает — ворону хватит.

— У нас с тобой есть общие цели Ганя, — обратился “номер один” к женской версии собеседника. — Точнее, одна конкретная общая цель. Победа над Лешей. Над Тёмной Лешей.

Сколь обманчиво слабой выглядела та девичья фигурка. Низенькая. На фоне мешковатого худи её ножки казались даже тоньше, чем есть на самом деле. Да ещё под капюшоном можно было увидеть бликующие огромными круглыми стёклами очки.

Но Даркену уже приходилось видеть эту девочку в деле, и он догадывался, что именно она прячет в рюкзаке.

А ещё, он отлично понимал, почему некромаги избегали дублировать себя лишней раз. И именно поэтому обращался к той версии Ганнибала, которой была выделена роль вторичная, кому было сказано “станешь основной боевой единицей, пока я тебя не переплону”. Той, которая обречена на забвение.

Ганя шмыгнула носом.

— То есть, ты хочешь, чтобы я за тебя одолел живую богиню. А ты мне что? Пятак на водку?

Даркен рассмеялся и покачал головой.

— Я тебя умоляю: я бы никогда не стал набирать себе в свиту людей, которых не способен контролировать. У меня для тебя есть, как кнут, так и пряник. Вот например, как насчёт личного обучения у другой версии богини? Освоишь связь квантовой физики с парафизикой, коснёшься формул, которых не получилось бы коснуться в ином случае, — развёл руками молодой человек. — Это вдобавок к легализации и ко-о-ое какой ценной информации по богу-императору, конечно же. Но если не хочешь, у меня для тебя имеется кнут. Хороший. Хлётский.

Он ударил кулаком в ладонь.

— От человека, который и сам готовился выдать леща божеству. И у которого это вполне может получиться.

Ганнибалы переглянулись, а затем оба перевели взгляд на Даркена.

— Серьёзно? — в один голос спросили обе версии карфагенянина. — Если ты не заметил, нас тут двое. Мы в эти месяцы тоже не сидели без дела.

Серые глаза Даркена неспешно, практически праздно, изучали округу. После объявления эвакуации схлынуло примерно две трети. И ещё половина из оставшихся на самом деле собиралась уйти. А остальные? А остальные делали вид, что заняты своими делами, но откровенно палевно бросали на некромагов внимательные взгляды.

Самоучки. Причём серьёзней тех, что команде Маллоя приходилось видеть раньше. Это можно было сказать уже по манере держаться. Похоже, что Ганя их таскал за собой, уберегая от всех бед и скармливая преследователям самых никчёмных членов своей армии.

Дарк поднял руки и “испуганно” зашевелил пальцами.

— У-у-у-у! Это засада! Их тут двое, — он скрючил непонимающее лицо и пожал плечами. — Ты серьёзно, рыжуй? Я знал, что такое Броня Глашек ещё до того, как она предстала миру в качестве Лешей. Да будь вас хоть десятеро, да ещё и не в двоичной системе, этого хватило бы лишь для того, чтобы она пафосно сказала: “впечатляет, я была вынуждена использовать целых пять процентов силы”.

Дворянин нахмурился.

— И это я сейчас не хочу тебя принизить. Просто ты работаешь не с теми источниками, с которыми работаю я. Твоё понимание божественного сформировано тем, как видели мир в твоё время. Твоя попытка брагировать удвоением лишь подтверждает это: ты ищешь способ преодолеть количественный порог, хотя весь секрет в качественном, — Даркен на секунду замолчал. — Если ты, конечно, сейчас не пытаешься сознательно скрыть свой реальный

уровень знаний так же, как ты всё это время скрывала реальный уровень замкнутых на тебя финансовых потоков и средний навык своих учеников.

Карфагеняне переглянулись вновь. А затем заговорила мужская версия.

— Ты ведь понимаешь, что всё вышесказанное так или иначе толкает нас, в смысле, всех стоящих, к сражению?

Даркен усмехнулся.

— Дружеская драка за скамейку?

— Дружеский экзамен, — прилетело со стороны фемГани. — Ты очень много говоришь, но во время нашего последнего боя ты не показал ничего особенного. Просто подловил меня достаточно примитивным образом в момент, когда я уже начал чувствовать достаточное отчаяние, чтобы купиться на подобный трюк.

Молодой человек понимающе кивнул.

— Мы все стали сильнее. Я целенаправленно готовился к сражению с Перловкой. Ты — тоже. Ну-у-у, я не против. Правда моей истинной мощи ты не увидишь: хочу попридержать козырь в рукаве непосредственно до финальной схватки этого тома.

— Тома? — не поняли карфагеняне.

— Вы привыкнете, — понимающе кивнул Гало, неспешно напяливающий кастеты на пальцы.

Тяготы объяснения взял на себя Вик. Ворон беспечно похлопал мужскую версию Ганнибала по плечу, двигаясь в сторону ближайшей группы играющих в прятки самоучек.

— Даркен тут главный герой и он отлично разбирается в тропах и штампах жанровой литературы.

Сам же сын рода Маллой лишь беспечно развёл руками.

— Право слово, неужели мне надо объяснять, как работает мультиверсум? В бесконечном множестве вселенных шанс любого события стремится к единице. А, значит, как минимум в одном из миров читают книгу, описывающую наши приключения.

ФемГаня устало потёрла переносицу под очками.

— И, небось, полыхают афедронами от того, как нагло главный герой рушит четвёртую стену. Хвала Танните, что в книге, где главным героем являюсь я, таких слов нет и быть не может, потому что эта книга будет называться: “Ганнибал, повторное восхождение.” А внизу приписка “автобиографический роман”.

— “В соавторстве с Даркеном Маллоем”, — скрестив руки на груди рассмеялся “номер один”. — Это, кстати, неременное условие присоединения к моей группе.

— Я отказываюсь, — ни секунды не сомневаясь ответила рыжевласая. — Я тебя просто убью, потом просто переделаю в марионетку, болтающуюся на своих жилах под потолком и оживлю обратно.

— У-у-у, — поднял руки Дарк. — Мадемуазель знает толк в извращениях.

Они замолчали. Секунда. Другая. Третья. Никто из присутствующих никак не нарушал тишину. Они даже не двигались. Просто смотрели друг на друга, выжидая, у кого первого сдадут нервы.

По идее, сторонникам корсиканской школы, предпочитавшим копить боль, сдерживаться было сложнее, однако ни Вик, ни Даркен не подавали и вида, что их распирает от желания сбросить излишки энергии в форме даже не заклинания, а хотя бы простого, примитивного потока.

Сигналом же к началу схватки послужил стук древка не то метлы, не то швабры, об

асфальт. Кто-то неподалёку выронил свой инвентарь. И в тот же момент всё началось.

Даркен первым делом выбросил вперёд правую руку, из кольца на среднем пальце которой тотчас же начала произрастать длинная извилистая молния. Искристая плеть двигалась по направлению к фемГане, рюкзак которой уже треснул где только можно и нельзя, а потому более не скрывал четырёх похожих на огромные листья морской капусты алых тентаклей.

В самый последний момент молния так же разделилась на четыре потока и каждый из них встретился с одним из щупалец, остановив их движение.

Так бойцы и замерли друг перед другом. В положении, вроде как патовом. Они стояли не двигаясь, пока вокруг них кипело сражение. Гало схлестнулся с Ганнибал-куном, а Вик, при поддержке Пьеро и Букля, сдерживал отряды приспешников карфагенянина. Кто-то из случайных прохожих испуганно кричал, однако почему-то эти вопли вызывали лишь усмешку. Не то виной тому адреналин, не то — осознание, сколь много времени было дано на эвакуацию, и каким надо быть дебилом, чтобы не успеть.

На губах Даркена и фемГани медленно проявлялись хищные улыбки. словно бы два столь непохожих лица стали отражениями друг друга.

В этот момент из кольца “номера один” начало медленно, крайне демонстративно, произрастать новое щупальце. И с той же скоростью из приоткрытого рта его соперницы показался язык, чересчур длинный и тонкий, как по человеческим меркам.

Бойцы немного побравировали своим оружием, а затем внезапно левый кулак Дарка буквально сверкнул в сторону живота девушки, а та вовремя успела извлечь из кармана волшебную палочку и сначала принять удар на щит, а после попыталась передать через него проклятье, которое противник не глядя поглотил забирающей рукой и преобразовал в топливо для заклинания, заставившего пятый искровой щуп броском змеи метнуться в сторону шеи Гани.

Рыжуля разумно решила не блокировать удар языком, а вместо этого отскочила назад, для уверенности выдав с каждой из своих тентаклей по контуру, сумма которых заставила молодого человека отцепиться от соперницы, а затем ещё и оттолкнула его воздушным ударом назад, вынуждая использовать “яплеть” для торможения: все пять щупов вгрызлись в землю тормозя полёт хозяина назад.

Так и началась эта битва. Битва людей, поставивших пред собой цель одолеть бога.

1.

Броня должна была догадаться.

Ожидаемо, что если уж она использовала дендромагию для создания сети, то уж Перловка и подавно.

Сначала Лешая растерялась, когда её ростки коснулись корней там, где их быть не должно. В фундаменте здания, которое готовились штурмовать силы храма.

И ладно бы то оказались просто корни, так нет же — по ним циркулировала информация. Разом тепло и холод в одном месте. Жизни там ощущалось почти столько же, сколько в любом другом растении, что курсирует от дома на работу, а с работы домой.

Резкое чувство диссонанса заставило Броню отдёргнуть поначалу свои ростки, но затем, когда девушка осознала, что к чему, она решилась таки вступить в схватку с этой сетью. Подключиться к ней. Присвоить информацию. Поглотить жизнь.

Первые секунды у Лешей имелось решительное превосходство. Она отсекала целые куски корневой системы, не только устанавливая там свой контроль, но ещё и усваивая всю сумму накопленных тем сегментом знаний об архитектуре, интерьере и событиях, имевших место в данной локации в период функциональности участка дендросети.

Все эти знания уже воспринимались, как свои, но полученные когда-то давно и уже частично забытые. Приходилось буквально напрягаться, чтобы вспомнить данную информацию. И, самое противное: не представляя, что именно ты хочешь вспомнить, этого сделать и не получится.

Однако данный вопрос богиня решила отложить на потом. Она жадно вцепилась в эти корни и не желала отпускать, пока есть что поглощать, и пока это получается сделать.

Вместе с тем постепенно приходило понимание степени чуждости Перловки по отношению к человечеству. Казалось бы, при всей той сумме воспоминаний, что ей открылась вместе с поглощёнными душами запитанных и замученных в Коваче, даже у взрощенной с нуля личности должно иметься понимание о том, как ходить, говорить, одеваться и читать. О том, как быть человеком.

Другой вопрос, что Перлуша, переварив информацию о страданиях каждой из своих составляющих, попросту не смогла понять и принять, зачем ей быть человеком. И она не захотела быть человеком. Не то, чтобы это оказалось новостью само по себе: попытки демонстративно отстраниться от других людей, возвыситься над ними, у Тёмной Лешей имелись и раньше. Не заметить этого мог только слепой.

Другой вопрос, что Броня не представляла, насколько далеко в этом вопросе зашла её доппельганер.

Распределённая сеть сознания.

По сути, вся земля под Прагой обратилась в некую имитацию мозга. Иными словами, то тело, в котором Перловка являлась перед публикой, являлось не более, чем аватарой. И не как то говорят про саму Броню, называя её саму аватарой божества Хаоса, а буквально. Даже если разложить всю “смертную плоть” Тёмной Лешей на молекулы, а затем добиться того, чтобы каждая молекула перестанет существовать, сознанию богини не будет нанесено хоть сколь-нибудь серьёзного урона.

По крайней мере сравнимого с тем, который настолько сильно выгнул Перловку, что

она распрощалась с минимальной привязкой к своему телу. Оно хранило не больше, чем нужно для выполнения текущей задачи, плюс свежие знания. Которые, впрочем, Тёмная Лешая вполне могла получить при помощи... любого дерева в стольном граде. Любого цветка. Любой травинки.

Перловка стала тем, чем могла бы стать Броня, но чем становиться не хотела. Нет совершенно никаких сомнений в том, что уровень существования, на который вышла доппельгангер слечны Глашек, бесконечно превосходит тот, на котором топталась официальная Лешая. Становилось понятно, отчего же ей настолько наплевать на обидные прозвища и прочую муть. Она выше этого, пусть даже её основная информационная сеть и располагается ниже.

Просто... Броня была не готова к трансгуманизму схожей степени. Даже сейчас, когда многие её социальные связи оказались разорваны во время перекройки личности и до сих пор не восстановились, в мире имелось много того, чего она лишиться не хотела.

Это и мелочи, вроде вкуса невских булочек, и то чувство, которое возникает, когда впервые смотришь заставку новой игры, и, конечно же, радость от вида довольной улыбки маленькой Вельзевулы. Да, упомянутое ранее поставлялось в комплекте с разочарованием, страданиями, сомнениями и прочими гадостями, но Броня не хотела лишиться всего этого.

Как минимум потому, что не понимала, зачем в таком случае жить, если тебе плевать.

И, что характерно, глядя на Перловку слечна Глашек осознала: доппельгангера мучает тот же вопрос.

Потому Невкусная Каша играла в человеческие судьбы, как её куда более человечный двойник — в свежие 4X-стратегии. Потому она цеплялась за Илегу и лелеяла тень былых чувств к ней.

Потому Тёмная Лешая так озабочена символами. Именно оттого, что она видела в них смысл жизни. Она обращалась к ним в надежде на те ощущения, что её нынешнему бытию недоступны, но каждый раз обламывалась, когда ей доставалось лишь жалкое подобие тех самых эмоций. Как наркоману, который так давно жрёт свою дрянь, что организм привык к ней и перестал вырабатывать часть необходимых для жизни веществ. Он уже не испытывает кайфа, но вынужден продолжать погоню за дозой, чтобы просто не сдохнуть.

Бытие Перловки полно боли и разочарования. Броня не хотела себе такого.

Но она не испытывала жалости к этому страдающему божеству. Слечна Глашек изучала эту ситуацию в поисках способа нанести психике Тёмной Лешей урон, достаточный, чтобы та сдалась. Оставила борьбу. Обратилась в аморфную, окончательно потерявшую последний интерес ко всему внешнему миру, массу. Уснула под Прагой и никогда более не проснулась.

Броня откровенно злорадствовала, и этим злорадством бесстыдно упивалась.

Разумеется, она не забывала и о вещах куда как более важных. Осознав, насколько крупной является раскинутая Перловкой сеть, Лешая быстро рассчитала, сколько ресурсов уходило именно что в работу этой сети. Да, подобное решение делало доппельгангера даже более неубиваемой, чем всё, что угодно в Форгерии, не говоря о высокой степени информированности, скорости “перемещения” и прочих плюшках, вроде возможности взрастить себе армию прямо под дворцом короля, но и без минусов не обошлось.

В частности, любая аватара Тёмной Лешей будет иметь много меньше сил, чем могла бы, собери богиня всю свою энергию в одном месте. Если повезёт, то это будет верно и для финального боя.

Хотя... вряд ли. Броня не стала бы в решающей схватке биться в полсилы. С чего бы её доппельгангеру действовать столь неэффективно?

Кстати, об эффективности! Поглощая участки сети, слесня Глашек первым делом обращалась к их памяти в поисках ближайших мутантских гнёзд, заготовленных противниками. И, ожидаемо, одно из них нашлось совсем неподалёку.

Стоило уничтожить его прежде, чем проснутся чудовища: эти преобразованные членистоногие или же их “матушка”, несомненно почувствовавшая вмешательство той, кто считает себя оригиналом.

2.

Даркен воспользовался моментом, чтобы оценить происходящее на поле боя с высоты полёта очень жирной и ленивой птицы в час перед дождём.

Первое время Гало в своём сражении с мужской версией Гани уверенно лидировал, вынуждая того уйти в глухую оборону и заняться играми в разрыв дистанции, но всё изменилось в тот момент, когда из мясной лавки вылез крупный красный голем.

Не то, чтобы штатному мегатериуму рыцарей плюшевого енота Тимки никогда не приходилось иметь дела с подобными конструктами, но этот конкретный давил не только массой, но ещё и оказался способен к заклинаниям. Из-за этого “номеру три” было особо тяжело действовать на два фронта. Мужская версия Ганнибала даже получила возможность более-менее свободно маневрировать и теперь смещалась всё ближе и ближе к могучей подмоге.

Дарку не потребовалось много времени, чтобы понять, что к чему.

— Гало! Это доспех! Не дай им объединиться!

В следующую секунду уже “номеру один” пришлось самому уходить от барража заклинаниями. Он предпочёл не концентрироваться на многослойном щите, а просто выстрелить электрощупом в сторону возвышающегося над рынком здания торгового комплекса и урикородригессить прочь.

Не сказать, чтобы это давало много времени с учётом того, насколько шустро на своих тентаклях носилась Ганя. При этом руки у неё оставались свободными, что позволяло девчуле не прекращать магический огонь ни на секунду.

Впрочем, даже этого небольшого окна хватило, чтобы Даркен успел найти более подходящее для драки место, прикинуть хотя бы в общих чертах тактику, да приступить к реализации задуманного.

В какой-то момент искристый хлыст перестал “сокращаться”, притягивая хозяина к стене, а после стал жёстким и изогнулся, чтобы закинуть некромага на крышу здания.

Таким образом молодой человек убивал сразу двух зайцев. Во-первых, делал траекторию своего полёта менее предсказуемой, чем существенно уменьшал свои шансы словить какую-нибудь мерзкую бяку, а во-вторых, собственно, выходил на поле боя, где сможет сконцентрироваться на одном единственном противнике, не отвлекаясь на остальных.

Уже коснувшись ногами твёрдой поверхности, Даркен ушёл в перекат и тут же вырвал из бетона множество кусков и, раздробив их на снаряды поменьше, широким веером запустил их в сторону подкрепления из ганнибаловых самоучек: те как раз двигались на подмогу товарищам, против которых пытались выстоять Виктор и Пьеро. Букль уже не мог принимать участия в той схватке, потому как оказался занят уклонением от атак неведомо

откуда взявшегося двуглавого орла.

Всего секундой позже на крышу залетела сама рыжая карфагенянка и с ходу выдала сразу четыре заклинания, из которых как минимум два оказались “кручёными”. Даркен сообразил пять щупов в спиральные щиты, которые, в свою очередь, сложил в этакий аналог римской “черепахи”.

— Слишком медленно! — насмешливо выкрикнул молодой человек.

— Нашёл, чем гордиться, — фыркнула рыжуля, впрочем, прервав на пару секунд атаку. — Пока не впечатляешь. Даже не поцарапал меня.

— Ты — тоже, — осклабился Даркен. — А Перлуша — она очень шустрая.

Ганя ответила высокомерной злой ухмылкой.

— Раз ты так гордишься скоростью, тогда дам тебе подсказку: сейчас время работает против тебя.

— Значит мне надо побить тебя за шестьдесят секунд? Замётано.

Даркен понимал, что противница сказала это отнюдь не для красного словца. У неё здесь имелось серьёзное преимущество. Уже продемонстрированного хватало, чтобы понять: Гало, Вик, Пьеро и Букль не выдержат оказываемого на них давления. Их одолеют. Без вариантов. Просто потому, что это территория карфагенянина. Потому что он готовился к противостоянию много более серьёзному, чем драка против пачки, пусть талантливых, но всё же студентов.

Да, Даркен мог бы вдарить своим основным оружием, но... это было бы глупо. С таким инструментом против простого смертного кто угодно сдюжит. Но Перловка — не простая смертная. А это значило, что если не затащить против Гани, имея на руках ограниченный арсенал приёмов, о своих шансах на победу в битве с богиней можно будет с уверенностью сказать, что они невысоки. Где-то на уровне плитуса.

Молодой человек сорвался с места. Оттолкнулся ногами и двумя щупальцами, что следом вырвали из крыши куски бетона, собранные в форму серповидных лезвий.

То, на каких скоростях сейчас собирался сражаться Даркен, человеческому мозгу неподвластно. Даже ускоренному соответствующим контуром. Мало того, что необходимо было оперировать разом пятью щупальцами, чтобы каждое их движение оказалось “в тему” и ни одно из них не “простаивало” без дела, мало того, что приходилось через каждое из них пускать заклинания, так ещё и собственное тело никуда не девалось.

Гане в этом смысле приходилось проще: она делегировала часть полномочий своему “рюкзачку”. В этом была её сила.

И слабость.

По крайней мере Даркен надеялся, что это слабость, которой он сумеет воспользоваться.

Щупальца двигались так быстро, что глазу не удавалось за ними уследить. Просто размытые алые и жёлтые шлейфы. Каменные лезвия развалились уже при первом столкновении тентаклей, однако к пятому обмену ударами тентаклей камушки, на которые те рассыпались, сумели преодолеть лишь треть расстояния до земли. А затем передумали и разом полетели по направлению к Гане, намереваясь пронзить её плоть, словно дробь.

Именно такие моменты Даркен использовал для того, чтобы провести переоценку ситуации и запустить новый сценарий, новую последовательность приёмов. Моменты, когда Гане приходилось не только отбиваться от искристых хлыстов, но и разбираться с какой-нибудь мелочью со стороны, вроде внезапно “ожившей” вентиляции или треснувшего под

ногами пола. Молодому человеку в этом плане было проще, ведь это всё являлось частью его планов. Это он использовал окружение и менял правила схватки, заставляя карфагенянку подстраиваться под него, а не наоборот.

В противном случае пан Маллой слил бы катушку прежде, чем она началась.

Дарк пытался повернуть то, что могло показаться маловероятным и даже неправильным. Он пытался перегрузить нервную систему щупалец. В конце концов, Ганя очень зависела от этих тентаклей. Что у неё оставалось кроме этого? Достаточно маленькое тельце и волшебная палочка? Физическая подготовка дворянина позволяла ему не бояться первого, а второе он достаточно легко парировал левой рукой, каждый раз получая подпитку для своих заклинаний. Это всё привело к тому, что в какой-то момент рыжуля попросту прекратила колдовать с правой хоть что-то, кроме защиты.

Пять электрических тентаклей против четырёх мясных. И Ростинка Праведная, которая выпала из ритма сражения. Из серьёзного противника она превратилась в придаток к растущим на спине отросткам, разве что время от времени успешно и вовремя реагирующей на какую-нибудь стороннюю пакость, вроде внезапно решившего вмешаться в схватку манекена или обратившихся самонаводящимися снарядами баллисты деревянных брусков. Пару раз это даже поставило под угрозу план Даркена, потому как тот лишился шанса немного “передохнуть”, но его партнёрша по спаррингу не воспользовалась этими возможностями. В итоге молодой человек просто стал заканчивать сегменты сражения не одной пакостью, а разом тремя-четырьмя, пусть это даже и вело к некоторому проседанию в давлении на нервную систему щупалец.

За весь бой они более не обменялись ни разу репликами. Некогда было. Ни говорить, ни думать о том, что бы сказать.

Так или иначе, оставался всего один решающий рывок. Тот самый, который либо принесёт Даркену победу, либо поражение. Откладывать его на потом нельзя — Ростинка верно сказала, что время работает против “номера один”.

3.

Броня убивала мутантов быстро. Решительно. Не тратя и доли секунды в пустоту. Она не пыталась уничтожить их тела или хотя бы серьёзно их повредить. Это долго. Система там качественная, устойчивая к отказам. Собственно, почему эти твари являлись такой большой проблемой для челяди: даже с рельсы не всегда получалось именно что убить, а не замедлить.

Нет-нет. Богиня выжигала их “программу”. Попросту обращала в “тёплый прах”. Пустые болванки, не имеющие ни прошлого, ни будущего, что могло бы из этого прошлого взрасти.

Холодно. Методично. Эффективно.

Параллельно Лешая использовала захваченные части сети Перловки, чтобы наблюдать за ходом сражения. Подопечные “стартовали” лучше, чем девушка боялась. Всё потому, что местные обитатели, оккупировавшие эту соседствующую с “массажным салоном” ночлежку слишком сильно полагались на пробуждение мутантов. Они первым делом послали в подвалы самоучку, а когда тот не вернулся из-за того, что одно из щупалец богини отхватило ему голову, со словами “чего он так долго возится?” ему на смену пришёл сам Сковронский.

Минус два колдуна, как с куста. Конечно, Броня понимала, что изначально не планировала оказывать подобной помощи своим последователям, а потому, эффективность студентов обеспечивалась больше личным вмешательством Лешей, но... история не знает

сослагательного наклонения. Помимо прочего слесня Глашек намеревалась присоединиться к схватке, если что-то пойдёт “не так”. И признаки этого “не так” уже обнаружили. В виде сети Перловки.

Раз уж тут с минуты на минуту появится воплощение доппельгангера, нет смысла устраивать “честные тесты”. Минимизация жертв среди мирного населения важнее незакрытого гештальта богини.

Однако погордиться учениками и последователями девушка могла. Этого у неё никто не отнимет

Она наблюдала за тем, как Мец ворвался в помещение, двумя быстрыми взмахами меча лишил жизни нескольких самоучек прежде, чем те успели даже название контура вспомнить, а затем схватился с одним из русских агентов: очень фактурным бородачом в лёгкой синей сорочке.

Следом за ним ворвались Ая и Жаки.

Бойкая неформалка тотчас же приняла на магический щит несколько очередей из пистолетов-пулемётов, пропустив, правда, заклинания. Благо, с последними неплохо справлялись слои доспеха из димагетика.

Француженка же действовала более впечатляюще: она передала в штаб координаты, по которым, сквозь стены, несколько раз вдарил Арлекин под управлением Илеги. Противник исчез в пыли строительной и кровавом тумане. Позже, когда взвесь осядет, станет видно, что именно осталось от тех, кто поймал своими телами выстрелы рельсовой пушки: их даже не разорвало, они словно бы лопнули.

Последним вошёл Лукан. Двигался он как-то даже вальяжно. Будто бы хотел всем своим видом продемонстрировать, насколько он не считает находящихся здесь за достойных соперников. Молодой человек опустился на колени рядом с первым из поверженных врагов и принялся копать в его контуре, создавая послушную марионетку.

Это же Лукан. Если он не может держаться от схватки подальше, он найдёт способ отгородиться от возможной угрозы иным способом. Ему, правда, не доставало навыка работы с анимированными телами, — до Виктора пану Кучере было, как до Луны пешком, — но недостаток качества нувориш собирался компенсировать количеством.

Наблюдать за ходом битвы, конечно, приятно, однако Лешая не могла себе просто позволить сосредоточиться лишь на чём-то одном. Богиня ловила малейшие признаки активности со стороны доппельгангера. Каждое движение, каждую искру сознания в сети.

Для этого девушка захватывала всё больше и больше. Временами приходилось продавливать защиту. По первости, столкнувшись с тем, как эта корневая система преобразуется в змей или даже лезвия, Броня даже растерялась. Но ненадолго, и каждый последующий раз она одерживала уверенную победу.

А всё потому, что этим процессом управляло её сознание. Полноценное, а не маленький полуавтономный участок разума, коему вместо контроля над процессом, например, ходьбы поручили сбор данных, наблюдение и обеспечение безопасности сети.

Понятное дело, что огрызок рассудка не способен тягаться с рассудком полноценным. Это даже не разные уровни. Здесь такая пропасть в возможностях, в количестве путей решения проблемы, в том, насколько сложным может быть анализ ситуации, что и говорить не имеет смысла.

И вот в какой-то момент сопротивление со стороны очередного куска сети стало... заметным. Как минимум, Броня его почувствовала. А как максимум — не сдюжила и даже

потеряла часть захваченного ранее.

По ней это резануло, вызывая нечто, что по её реакции можно было принять за физическую боль. Но она тут не причём. Не умели те переплетения корней болеть. Им оно не нужно.

От Брони отхватили кусок сознания. Не самый важный, но тем не менее. Это ощущение сложно описать. Пожалуй, это можно было представить следующим образом: два спарринг-партнёра встают друг напротив друга и начинают поединок. Какое-то время всё идёт без каких-либо эксцессов, и вот, в какой-то момент один из них ловит обидный удар в солнечное сплетение и вместо того, чтобы согнуться и обхватить себя за торс, отшатывается и начинает недоумённо оглядываться и пытаться понять, почему он не в шахматном кружке.

Примерно так же себя ощущала слечна Глашек. Она банально забыла все те тактики, что наработала за время борьбы за сеть. Забыла, как именно и сколько раз она отхватывала очередной участок. Не могла припомнить, с чем сталкивалась и какие контуры супротив этого использовала. Приходилось заново изобретать велосипед, да ещё и пытаться понять, куда надо ехать.

Единственное, что могла с уверенностью сказать в данной ситуации Броня: это был признак личного внимания Перловки.

Лешая сконцентрировалась на том участке. Она не контратаковала активно. По крайней мере пока. Просто прощупывала тактику, подбирала шаблоны поведения, пыталась осознать степень агрессивности противницы.

Та в свою очередь тоже наступала неохотно. Вместо ожидаемой агрессии, которую вполне могла бы продемонстрировать тёмная богиня, имевшая в вопросах строительства сети и оперирования корнями куда как больше опыта, чем Броня, тут имелась ответная осторожность. Медленное движение вперёд, неуверенные атаки.

Где-то секунд пятнадцать Лешая пыталась осознать, что именно не так с поведением соперницы, как вдруг до Брони дошло: это отвлекающий манёвр! Перловка не оперировала всем своим сознанием на том участке, а это значит, что она растила аватар где-то в другом месте.

Но где?

Рядом со студентами? Пусто. Близь спящих мутантов? Тоже нет. Отдалённые комнаты? Никаких признаков жизни.

Именно в этот момент Броня открыла глаза и бросила через плечо Илеге:

— Перловка. Искать. Быстро.

4.

Даркену пришлось опуститься чуть ли не на четвереньки, чтобы “протащить” своё тело под мельтешащими над головой щупальцами. Из этой позиции было не очень-то удобно атаковать, тем более — не насмерть, но молодой человек следовал плану до конца. Разве что поменял слегка кое-какие детали. Но это больше являлось не результатом целенаправленных измышлений, а просто следствием того факта, что пану Маллою проще придумывать, как достичь цели, чем менять эту цель.

Первым делом некромаг выдал нечто, похожее на хук, в район печени девушки. Следом — захватил противницу за руку с волшебной палочкой, вывернул, швырнул рыжулю на землю, уселся сверху и обозначил удар в лицо, остановив кулак всего в паре миллиметров от цели. Он даже мог ощущать её тепло. Не только дыхания, но и самого разгорячённого тела.

Щупальца замерли, прибитые к земле электрохлыстами Даркена. Не то, чтобы существо на спине Ростинки не могло сопротивляться. Просто оно получило от хозяйки знак, что бой окончен.

Оба некромага — легальный и самоучка — тяжело дышали. И дыхание их казалось настолько громким, что будто бы заглушало звуки боя на улице и грохот табуреток под ногами тех, кто только сейчас решил покинуть свои ненадёжные укрытия и таки броситься бежать прочь от столь разрушительного побоища. Впрочем, кто-то не успел. Часть лежала на полу и стонала, а иные — вовсе валялись без сознания в лужах крови, особенно тёмной в условиях погасших ламп и солнечного света, не то, чтобы очень хорошо проникающего внутрь через редкие окна, не заклеенные рекламой, да дыры в стенах и потолке.

Наконец, молодой человек убрал кулак от лица девушки и заговорил.

— Надо будет найти твои очки. В них лучше. Они даруют тебе некую изюминку.

Противница облизнула пересохшие губы.

— Ты ведь в курсе, что я в прошлой жизни был мужчиной.

Даркен пожал плечами.

— Если ты выглядишь мило, то я не против.

Некромаг слез с поверженной карфагенянки и протянул ей руку.

— Моя победа засчитана?

— Только над этим телом, — усмехнулась она, принимая помощь.

Маленькая. Лёгкая. Невесомая даже с учётом тех мясных щупалец за спиной.

— Меня устраивает, — многозначительно повёл бровями молодой человек, а затем качнул головой вперёд и назад. — Дигири-дигири.

Рыжуля хмыкнула, да принялась оправлять упавшие на лицо волосы.

— Ты там часом берсеркера не словил? Бой всё ещё длится.

— Не сов-сем, — ответил Даркен. — Я ставлю перед собой реалистичные цели. Мне действительно, нужна только ты, а не он. Мецу нужна ты. Близняшкам нужна ты. И, конечно же, твоей маме тоже нужна именно ты. Миру нужна Ростинка.

Девушка бросила взгляд на свою кисть, всё ещё лежащую в руке пана Маллоя. “Номер один” мягко провёл пальцем по тыльной стороне ладони слесны Праведной. Жест мягкий. Успокаивающий. Отличное сопровождение для предложения, которое, на самом деле, очень выгодное. Зачем быть “запаской”, когда можно стать “основной”. В конце концов, вряд ли Ганнибал позволит когда-нибудь этой своей копии сменить пол и занять место рядом с ним. Глупость. Нелепость. Царь может быть лишь один. Ростинка жива лишь до тех пор, пока не брыкается.

И вот сейчас ей предлагалась возможность сбежать от этой судьбы.

— А если я не захочу быть Ростинкой?

— А как же “*consuetudo est altera natura*”? Все решения уже приняты. Твой допельгангер стремится к величию, через возрождение карфагенской личности. Тебе же досталась привычка, что свыше нам дана. Замена счастью она.

Девушка попыталась скрыть лицо за ладошкой.

— Звучит так, будто ты меня замуж зовёшь.

— Зачем оно тебе, если у тебя уже есть тентакли? — поднял руку в капитулирующем жесте некромаг. — Я им не конкурент.

— Что? — не поняла сначала Ростинка, но затем резко покраснела и рассмеялась. — Фу! Гадость! Как тебе такое в голову могло прийти?

— Теперь ты не сможешь это развидеть обратно, — осклабился Даркен. — Ладно, пойду начищу хлебальник твоей копии, чтобы она ни о чём не догадалась.

С этими словами молодой человек наконец отпустил руку рыжули и двинул в сторону ближайшего окна, где на несколько секунд остановился, оперевшись на него предплечьем.

Всё же, Гало не справился. Буквально в эту секунду мясной голем поставил его на колени и оторвал, причём даже не голову, а голову, плечи, лопатки и рёбра, все вместе. Руки же остались там, в кулаке некромагического конструкта.

Судя по тому, что нигде не было видно Ганнибала, он уже успел спрятаться в свой моднявый доспех.

Вика тоже не получалось найти взглядом. Только его по-быстрому сляпанных мертвяков, под прикрытием которых Пьеро отбивался от самоучек и тараканобогомоллов. К сожалению недостаток мощного вооружения на дроне чувствовался. Буклю тоже приходилось нелегко: натренированный в не то играх, не то боях с витрой, он довольно неплохо держался против орла, однако в поведении совы отчётливо читалась паника.

Ну, ничего. Не всегда “нелегко” значит “плохо”. Преследователь уже выдыхался. Всё же, две головы кормить — это вам не одну. Вскорости охотник и жертва поменяются местами.

Нечего птицу помогать. Пусть у питомца будет, чем гордиться. Ему полезно.

Даркен обернулся через плечо, подмигнул Ростинке, а затем вновь возжёт искры на “яплети” и, проплавив стекло, прыгнул обратно на улицу.

5.

Люди едва-едва успели отскочить от окна, прежде чем туда влетела Броня. Она тотчас же пустила вперёд себя семена, которым было велено в секунду вырастить густое паутинообразное переплетение лиан, в которых должны были застрять острые тяжёлые и коварные лёгкие осколки, а затем, небрежным движением швырнув кухонный стол куда-то в район столешницы, чтобы не мешался, врезалась в Перловку.

Доппельгангер явилась в эту квартиру из ванной комнаты. Видать, пустила корни через канализацию. Так всяко проще, чем пробиваться через плотные слои панельной конструкции.

Тёмная Лешая оставила обманку, чтобы выиграть время и подготовиться к резне. К резне, которая могла бы ей позволить диктовать условия своей сердобольной копии. Но глупышка не подумала, что именно что та попытка отвлечь внимание и позволит Броне понять, что её соперница припасла какую-то подлянку.

Ну и ладушки. Ну и хорошо. Ну и нечего ей знать, как говорится. Информация — это оружие. Ценнейшее оружие. Просто пользоваться ей не каждый умеет. Как и не каждому дано управиться с мечом, дающим возможностей много больше, чем дубина, но куда много сложным в освоении.

Сейчас требовалось как-то вытащить Перловку из квартир. Да, аватара оперировала запасом сил меньшим, чем доступен Лешей, но последняя ограничена особенностями поля боя: ей не улыбалось летать по округе и ломать строения меткими бросками соперницы. А вот допельгангер определённо словила бы от такого кайф.

Травовласая версия богини от души впечатала противницу спиной в стену, отделяющую коридор от соседней комнаты. Тело Брони не то, чтобы пострадало от этого, а хруст, что наполнил помещение, вещал не о поломанных костях, а о не выдержавшей удара вагонке.

Броня ответила сопернице тем же, однако с той стороны преграда оказалась куда как

более хрупкой, а потому спустя секунду обе девушки рухнули в ванну вместе с острыми кусками камня.

— Ах, ты, негодница! — весело кричала Перловка. — Нашла меня!

Лешая не стала отвечать двойнице. Вместо этого слечна Глашек предпочла использовать оставшийся от крыльев веточный каркас в качестве щупалец, которыми она быстро прошла по камням, сращивая их в единый монолит, мешающий противнице выбраться, а сама выскользнула из хватки, — для этого пришлось оставить в руках Невкусной Каши немного кожи и мышц с плеч — перекатилась в сторону и запустила всю эту конструкцию в сторону лестничной клетки.

Да, разрушения. Да, потери. Но их было практически невозможно избежать, а так меньше шансов, что придётся тратить ресурсы и время некромагов на чьё-то оживление. До этого лучше не доводить, учитывая, что в верхах идёт обсуждение приказа о полном запрете на время войны оживлять челядь, кроме внесённой предварительно в списки.

Стране нужен прах. И стране нужны лекари, занятые делом более полезным, чем перевод ресурсов на не особо важных для экономики простолюдинов, от которых в виде магического топлива будет больше толку, чем от живых.

Чтобы ванна в итоге вышибла дверь и вылетела на лестничную клетку, Броне пришлось поиграться с массой и инерцией снаряда. Но по итогу всё вышло примерно так, как девушка задумывала. Даже чуть лучше: импровизированный контейнер с Тёмной Лешей врезался в уголок стены и отрикошетил в самый центр площадки, откуда можно было прямой наводкой пнуть его как в окно половиной этажа выше, так и в то, что ниже.

Перловка же будто бы и не понимала, что именно и зачем делает её светлая версия. Быть может, в травовласой головушке вообще с трудом укладывалась идея о том, что кто-то может так щепетильно относиться к вопросу сохранения жизней случайных свидетелей и строить тактику с учётом окружающей обстановки, не заикливаясь на противнике. Маловероятно. Скорей, Невкусная Кашка попросту сама не уделяла этому вопросу достаточно внимания, ибо для неё все эти “неписи” не представляли никакой ценности. Впрочем, оно и к лучшему. Если доппельгангер не держит в голове данный фактор, значит и использовать его супротив Лешей толком не сможет.

Потому Броня и не стала ничего пояснять, когда услышала насмешливое:

— Думаешь меня это остановит? Я — Джаггернаут, курва!

Сразу после этого Перлуша попросту поднялась из ванны, грубой силой разрывая каменные путы. Слечна Глашек попыталась поднырнуть под противницу слева, чтобы было сподручней вынести ту прямым ходом через одно из окошек, но двойница продемонстрировала не только силу, но и хорошую реакцию: она ловко прижала светлую свою версию предплечьем к раме лифта, а затем от души врезала ей по лицу. Броня только и успела увидеть наматывающиеся на кулак противницы лозы, каждая из которых должна была обеспечить процент усиления удара. К сожалению, противопоставить ничего, кроме банальнейшего укрепления костей официальной богине не хватало времени.

Громкий хруст со стороны затылка. Хруст крошашегося бетона. Хруст трескающегося черепа. Кажется, это было смертельно. По крайней мере девушка ощущала, как что-то тёплое начало разливаться в месте столкновения головы с косяком. Может только кровь. А может и мозг. Впрочем, для Брони сохранность смертного вместилища являлась делом второстепенным. Как и для её соперницы. Собственно, почему им обоим и не имело смысла пытаться убить друг друга привычными заклинаниями, легко обрывающими жизнь других

противников.

Битва богов. Это так неправильно.

Лешая упёрлась в стену разом ногами и ветками остова крыльев, а затем направила в них неслабый процент энергии, чтобы, по итогу преодолеть сопротивление соперницы, выйти из захвата, самой вцепиться ей в шиворот и потащить прочь из подъезда. Прямо и вверх по лестнице. В сторону окна.

Мышцы сами понимали, что от них требуется. Память великого множества запятанных и замученных, крившаяся в душе слесны Глашек, содержала подсказки в том числе и о боевых искусствах. Не сказать, чтобы среди тех душ нашлась парочка великих воинов, но с учётом навыков, полученных девушкой за время обучения в УСиМ, выходил весьма качественный коктейль.

К сожалению, у Перловки имелись все те же преимущества.

Уже к моменту, когда богини разбили изнутри окно своими телами, определить, кто кого и куда тащит стало не так уж и просто. Это напоминало борьбу в партере, вот только ни одна из соперниц не касалась земли ни спиной, ни коленями, ни даже кончиком волос. Накопленные за сумму жизней навыки давали сбой, однако кроме как на них каждой из Леших было попросту не на что опереться.

Девушки спешно растили крылья. Красивые, пышные, с пальмовыми листьями вместо перьев, — у Перловки. Кривоватые, напоминающие кожистые, — у Брони. И поскольку вторая так и не сбросила до конца засохший остов, ей удалось быстрее обзавестись лишней парой конечностей, а потому именно светлая версия божества и получила первой преимущество контроля полёта, к которому прилагалось право определить, где развернутся дальнейшие события.

Разрушительный снаряд, что последние несколько секунд мотало в опасной близости от жилых домов, резко сменил направление и, выписав узкую дугу, устремился вверх практически вертикально.

Это действие отчего-то вызвало усмешку Перловки.

— Ты так легко читаешься, Кукла. Скажи, ради чего ты защищаешь этих людей?

— А ради чего ты пытаешься их уничтожить? — ответила Броня.

— Потому что они для тебя важны.

— А что важно для тебя?

— Я.

— Врёшь. Для тебя важна я. Тебя нет.

— Тебя тоже.

— Ты это хочешь доказать мне или себе?

— А ты?

К этому моменту Перловка отрастила свои крылья и полёт по прямой сменился движением по постепенно растущей спирали.

— Твой жизненный цикл подходит к концу, Невкусная Каша, — сообщила ей Броня. — Ты сама себя загнала в тупик, из которого попросту нет выхода. И быть не может. Ты принесла всё, что для тебя могло быть важно, в жертву цели. Потому ты так цепляешься за меня.

— И-ти! Какие красивые сладкие речи. Но ирония в том, моя дорогая кукла, что ты сама сделала то же самое. Скажи, какое главное свойство разума?

— Умение ставить перед собой цели.

— Именно! Пусть моя цель тебе кажется глупой и нелепой, её перед собой поставила я сама. Но кто поставил перед тобой твои цели? Броня Глашек? И-ти-ти! Ты заслуживаешь право на это имя даже меньше меня.

— Кхре! — усмешка вышла скрипучая, режущая слух. — Потому, пожалуй, я сменю имечко на Броня Маллой. Смерть и перерождение, моя дорогая.

Перловка попыталась вырваться из захвата. Ей это даже частично удалось, но Лешая сумела удержать противницу за руку.

К сожалению, то оказался лишь обманный манёвр. Конечность допельгангера неестественно выгнулась, сопроводив это характерным треском, вызывающим ассоциации с ломающейся веткой, а не с костью, и таким образом Тёмная Лешая получила доступ к спине противницы, чтобы тотчас же вцепиться в основание одного из крыльев.

— Броней Маллой буду я, — шепнула ласково Невкусная Кашка на ухо сопернице.

Следом слечна Глашек почувствовала боль, такую далёкую, словно бы чужую. Боль от вырывания с корнем из правой лопатки одной из дополнительных конечностей. Следом был мощный удар коленом в поясницу и девушка полетела вниз, всё ещё цепляясь за отброшенное за ненадобностью предплечье Перловки.

Не сказать, чтобы богиня не могла летать с одним крылом или вообще без крыльев. Но с крыльями экономней. Даже сейчас девушке не хотелось тратиться на полноценную левитацию, а потому она использовала оставшееся крыло, чтобы замедлить падение. Выходило всё то же движение по спирали. Но уже вниз. Понятное дело, что слишком медленное с точки зрения законов физики.

Но ведь богини живут не только в мире материальном. Они мир духовный ощущают много тоньше других смертных.

И тут откуда-то сверху раздался бодрый крик.

— Жалкое зрелище!

Перловка легко и непринуждённо догнала соперницу. Та едва лишь успела повернуться лицом к небесам, из-за чего они в итоге оказались в весьма странном положении. Тёмная Лешая словно бы сидела на Светлой, будто бы лежащей на земле. Но вот только под спиной последней земля хоть и была, но пока ещё очень далеко.

Пока ещё.

Расстояние стремительно сокращалось.

— Столько силы! — обмотанный корнями, усиливающими каждый удар, кулак впечатался в лицо Броне. — У тебя силы много больше, чем в одной моей аватаре! — удар. — И что я вижу?! — ещё удар. — Ты не способна уверенно доминировать, даже имея такое преимущество!

Сразу после следующего тычка в челюсть, с которым в свободный полёт отправилось не меньше пяти зубов, единственное крыло Лешей разделилось на два и падение начало замедляться.

Броня одарила противницу холодным взглядом, а затем открыла рот и из него раздались слова. Они никак не были синхронизированы с движениями губ. Да и голос... скорей это были голоса. Голоса сразу множества людей разного возраста. Правда, преимущественно — а то и только, ибо сложно то определить на слух, — женские.

— Я от тебя устала. Ты очень нудная. Неудивительно, что у тебя нет друзей.

Капли крови и прозрачайшего, словно бы берёзовый, сока выступили по телу Перловки. Из правого глаза хлынули сладковатые на вкус бесцветные слёзы, а из левого —

алые, немного горчачие. Двухцветный пот покрыл испариной лоб, шею и щёки. А так же предплечье и тыльную сторону единственной оставшейся ладони. Розовыми струйками побежала по побледневшим губам смесь вышеперечисленного.

Перловка обмякла.

Да, не надолго. Глас сирены не способен убить божество. Но ему дано навредить телу. Даже, как оказалось, настолько не похожему на человеческое.

Быстро, но плавно, без видимых признаков спешки, Броня выбралась из захвата ногами, разместила у противницы под торсом, подогнула колени к груди, а затем резко выпрямилась, будто бы отталкиваясь от воздуха.

Раздался громкий хлопок. Вот только Лешая его не слышала. Она двигалась много быстрее того, как распространяются звуковые волны.

Богини стремительно подымались всё выше и выше, оставляя за собой многоцветную взвесь: алые бусины крови и прозрачные капельки древесного сока, преломлявшие цвет, обращая его в радужный градиент.

Броня старательно балансировала между желанием увести Перловку как можно дальше от земли и необходимостью экономить. Тем более, что всё равно часть процессов, идущих в её теле и расходующих накопленные души, она контролировала с огромным трудом.

Вместо выбитых зубов сами собой прорастали крючковатые шипы. И пусть на них уходило много меньше, чем на создание полноценных крыльев, это всё равно — утечка. Тем более, что в последний раз девушка сумела обратить в разделение дополнительной конечности на две кинетическую энергию обрушивавшихся на неё сокрушительных ударов противницы.

Это было круто. Даже с учётом низкого КПД трюка, оно являлось по сути получением силы “из воздуха”. И именно эту идею девушка пыталась развить, стараясь найти крупницы магии в окружающем пространстве: в сопротивлении воздуха, в притяжении планеты.

Каждая мелочь важна.

Особенно для Лешей, которая, хоть и являлась богиней Хаоса, обязана была интегрироваться в уже существующую систему. Экосистему, если можно так выразиться.

Перловка ожидаемо пришла в себя очень быстро. Её тело ещё не восстановилось до конца, но при первых же признаках движения со стороны соперницы Броня посчитала за благо остановиться, а затем прописать той такой мощный апперкот в солнечное сплетенье, на который только могла расщедриться. Благо за время полёта Лешая обзавелась не только новыми зубами, но и многослойным кастетом из терний.

Усиленный таким образом удар не просто вновь довёл соперницу до состояния безвольного манекена для краш-тестов, но ещё и направил высоко-высоко в небеса.

На душе стало тепло. Слечна Глашек ощутила гордость и печаль.

Не за себя.

За Илегу.

Осознание того, что именно происходит там внизу, словно бы молнией ударило в позвоночный столб. Броню аж передёрнуло. Глаза расширились удивлённо и испугано, а в голове даже не горела, пылала огромным шаром нагретой плазмы всего одна мысль:

С чего это вдруг Лешая решила, что Перловка может себе позволить одновременно всего один аватар?

Девушка перевернулась вниз головой, вновь прижала колени к груди, а затем выпрямилась и помчалась сверхзвуковым снарядом вниз.

Она пыталась считать из памяти хотя бы какую-нибудь информацию о том, куда нужно лететь. В конце концов, если где-то есть трещина, через которую просочились эти странные эмоции, которые попросту не могли принадлежать той Броне Глашек, что зависла в небесах над Прагой, то почему с ними не могло явиться что-то ещё? В конце концов, воспоминания человека — штука комплексная. Именно поэтому он может слышать картинки или обонять звуки. Одно тянется за другим. Ничто не существует в вакууме.

Что-нибудь? Малейшая подсказка?

Быть может, рядом пахнет выпечкой? Или имеется чувство дискомфорта из-за близости толпы?

Нет. Ничего. Потому что подобных ориентиров нет? Или потому что Лешая попросту провалилась в попытках своих считать доппельгангера?

Быть может Перловка намного лучше знает Броню, как раз потому, что раскинувшись под Прагой огромной дендросетью, она всё это время уделяла миру внутреннему, раскрывая свой “третий глаз”, изучая внимательно все эти трещины, пока слечна Глашек пыталась ужиться с миром внешним?

К Лешей чувства! К Лешей!

Анализ! Вот, что поможет!

Куда бы сама Броня нанесла удар, чтобы сделать Броне как можно больней?

Массовая кровавая резня? Вполне годно. Но недостаточно.

Вместо количества лучше брать качеством.

Вырезать простую семью. В её собственном доме. Там, где, по идее, должно быть безопасней всего. Там, куда люди бегут прятаться от всех бед.

И какую из семей лучше всего “порешить”?

Очевидно же: ту, которую Лешая только-только спасла. Кстати, это бы объяснило, откуда там взялась Илега. Русовласка сама указала, где искать Перлушу, а когда богини улетели “рамсить” в небеса, с неё случилось бы заявиться в раскуроченную квартирку и попытаться найти вариант компенсации ущерба. Ну и заодно узнать, не пострадал ли кто физически.

Их смерть нанесла бы Броне больше всего вреда. Доказала бы бессмысленность борьбы. Отличный перфоманс в стиле “я могу уничтожить всё, что тебе дорого... в смысле, вообще всё”.

Между жизнью и смертью тех людей — причём скорей всего, смертью окончательной, ибо с Перлуши случилось бы выжечь душу, чтобы не осталось ни малейшего шанса на оживление или перерождение, — стояла лишь хрупенькая фигурка в наряде горничной с короткой юбочкой и игривыми чулочками.

Фигурка, которой не дано противопоставить Перловке хоть что-то, кроме того, что Тёмная Лешая испытывала к этой самоотверженной остроносой хитрюшке.

Броня затормозила.

Резко.

Тратя на этот манёвр неоправданно много сил.

Но всё равно стёкла в домах поблизости повывлетали, а птицы попадали с веток и проводов, точно бы замертво. Возможно где-то произошёл перебой с электричеством. Антенны покосились. С кондиционеров послетали тапки и тряпки. Даже тренированных бойцов “Стит” там, внизу, сбило с ног.

Девушка попросту не могла себе позволить влететь в квартирку на такой скорости, даже

если бы оказалась уверена в том, что сумеет вписаться в поворот: смертных бы попросту размазало по стенам.

Богиня медленно выдохнула, порхнула к окну и неспешно опустилась на подоконник.

Сколь бы она не спешила, а в итоге Перловка успела первой. Неизвестно в какой момент она перешла от милой беседы с Илегой к захвату последней в заложники, но сейчас Тёмная Лешая удерживала русовласую горничную, как живой щит.

А местные обитатели. А что они? Им только и оставалось, что жаться в углу, близ холодильника, в надежде на то, что их минует любая беда. Отца семейства дома не было. За право защитить малолетнего мальчугана боролись его старший брат и матушка, то и дело теснившие друг друга плечом.

Какая глупость? Тела обоих даже не задержат целенаправленный удар.

Броня посмотрела на это дело усталым взглядом, а затем вновь открыла рот, и из него, как из рупора, донеслись следующие слова:

— Ты ведь понимаешь, что у меня есть не просто архивные пальцы моей горничной, а вообще регулярные вклады, и последний из них сделан буквально за часик до начала этой операции?

Илега мило улыbnулась госпоже и подняла ручку в приветственном жесте. Она пыталась делать вид, что находящееся у её горла предплечье Перловки, из которого росли крючковатые древесные зазубрины, не причиняет никакого особенного дискомфорта.

Получалось довольно плохо.

— И-ти, — хихикнула Невкусная Кашка. — Тогда почему ты не пролетела сквозь неё и не убила меня?

— Потому что я всегда была ужасно ленивой?

— Откуда тебе-то знать, какой ты всегда была? — фыркнула допельгангер. — Ты хоть помнишь, как тебя в прошлой жизни звали?

— Имя мне — Легион, — попытка поморщиться с учётом оскалившегося сучьями лица выглядела странно. — Впрочем, это и не важно. Я сужу по тому, что знаю о тебе. Ведь ты себя считаешь мной. А это значит, что в прошлой жизни я была ленивой и трусливой.

— Какие-то нелепые выводы, — хохотнула Перловка.

Броня беспечно болтала ножками.

— Действительно. Не могла я, будучи трусливой и ленивой, добиться так многого, а затем пожертвовать собой ради других. Значит, трусость и лень являются строго твоими чертами.

— И где в моих действиях ты увидела трусость и лень?

— В твоём явлении. Ты явилась строго тогда, когда почувствовала угрозу своей сети, заменяющей тебе основной функциональный мозг, — размышляла девушка. — Это трусость. Тебя побудил очнуться ото сна страх.

— Мне просто не понравилось, что ты лишаешь меня лишних глаз, — допельгангер раскрыла ладони, на каждой из которых можно было увидеть по одному синему оку. — Я хотела насладиться шоу.

В ответ Броня скрючила как можно более тупое лицо с челюстью, выдвинутой вперёд, да максимально противно проямлила:

— Я фотела нафлапитьцца шошоу.

— Очень по-взрослому, — обратила взор к потолку Тёмная Лешая.

— Во мне несколько десятков замученных детских душ. Могу себе позволить, —

беспечно пожала плечами слесня Глашек. — У меня достаточно достижений, чтобы впадать время от времени в детство и не выглядеть жалко.

— Нашла перед кем кичиться.

— Перед кем? Каковы твои достижения? Да, ты частенько ведёшь себя, как брошенный всеми одинокий ребёнок в пустом магазине игрушек, но какие у тебя достижения? Пачка нелепых мутантов? Да их даже не ты придумала!

— Но это же был босс-паук! — бровки Перлуши встали “домиком”.

— Да, прикольно, но идея не твоя. Я слышала о ней в опере.

— Опере? — икнула Тёмная Лешая. — Твой культурный уровень меня угнетает!

— Да я до сих пор помню, как сидела на премьере “Оды радости” Бетховена! И харизматичный пухлый бородач воспевал боссов-пауков!

У допельгангера задёргалась щека.

— Тебе вообще нормально с такой кашей в голове жить? Какие игры вообще были во времена жизни Бетховена?

— Наполняющие его радостью, очевидно же! С хорошими качественными субтитрами! И боссами-пауками.

Богини смотрели друг другу глаза в глаза. Холодный взор, против взора, полного жалости.

Наконец, спустя секунд пять, Перловка вздохнула.

— Думаю, уничтожить тебя будет милосердно.

Ровнёхонько в этот момент в беседу вмешался тот мальчуган, что всё это время жался за спинами брата и матушки. Он осмелел настолько, что сам выпянул из своего укрытия и даже подал голос.

— Это тебя надо убить! Убить и съесть твою душу! Вот! Давай, Лешая, мы в тебя верим!

Он потряс в воздухе своим кулачком, а в следующую секунду испуганно сжался, не обращая никакого внимания на тёплую заботливую улыбку Брони.

Наверное, его испугала рука, пронзившая тело богини насквозь и вылезшая из груди, сжимая в кулаке всё ещё бьющееся сочащееся кровью сердце, из которого местами, словно из долго лежавшей в сыром месте картошки, торчали белёсые, похожие на маленькие щупальца, отростки.

Глава 6. Песнь сверчка

1.

Даркен возвестил о своём возвращении способом ярким, громким и даже, в каком-то смысле, красивым.

При помощи нескольких цепных молний.

Очевидно ведь, что электрошупы проще всего преобразить именно что в молнии.

Кстати, к форгерийским понятиям красоты постепенно привыкаешь. Для них нормальна этакая макабристичность. В мире, где смерть является синонимом силы, логично, что она станет важным атрибутом красоты. Ибо красота слагается из успеха. Потому мужчины должны быть сильны, а женщины — хрупки и воздушны. Потому что успешный мужчина может защитить свою женщину, а успешная женщина находит себе успешного мужчину.

Но разве может существовать кто-то более успешный, чем некромаги?

Ты с этим живёшь. Ты это наблюдаешь год за годом. Начиная с детских книжек, заканчивая постерами к новым фильмам. Оно везде. Каждая третья реклама об этом.

О смерти.

Постепенно ты не можешь себе представить, как может быть иначе: без этого налёта готики, без атмосферы вечного хэллоуина.

Потому, когда в какой-то момент люди оказываются связаны яркой искристой плетью меж собой, воздух насыщается озоном и запахами жаренного мяса, а те, кто только что были живыми, присоединяются к хору агонизирующих смертников, а затем падают обугленными тушками, ты проникаешься красотой момента.

Некогда Даркен испытывал нечто подобное только в играх. Но там настроение задавала музыка. Жёсткий агрессивный бит гнал тебя вперёд. В Форгерии этого бита не было. Вместо него ты наполнялся по очереди тишиной, звуками природы и индустриальным нойзом. Так горячее наполняет камеру сжатия и ожидает там той искры, которая приведёт весь механизм в движение.

И как тот механизм, ты не захочешь останавливаться.

Ты вспомнишь, зачем эволюция наделила твой вид клыками. Ты начнёшь алкать крови. Пусть не её вкуса и даже не её запаха, а самого факта высвобождения этой жидкости из тел врагов.

Да, цепная молния не всех убила. Кое-кто из самоучек сумел откупиться от силы громоверца участком обгоревшей кожи или даже конечностью. Иные мутанты не пали без признаков жизни, а лишь застыли, нервно дёргая то головой, то клешнёй.

Но тем не менее, едва лишь явившись на поле сражения, где пал Гало, Даркен собрал обильную жатву. Не менее дюжины свеженьких трупов.

Это, вне всякого сомнения, заставит шелупонь опасаться вмешиваться в схватку главных звёзд сего мероприятия. То, с какой лёгкостью и скоростью пан Маллой их одолел, при этом, казалось бы, поскупившись даже на короткий взгляд в их сторону, не могло не внушать.

Все они обязаны усвоить важную истину:

Даркен крут!

И этот крутой Даркен пронёсся вихрем у них над головами, грохоча обувкой по

контейнерам, а затем опустился на одно колено рядом со стоящим уровнем ниже закованным в живую плоть Ганнибалом и, выставив перед собой правую руку, выдал в одну точку атаку разом в пяти плоскостях.

Электричество.

Попытка поселить спазмирующее проклятье.

Контур гниения.

Банальный кинетический удар.

Продолжительное физическое воздействие в виде самонаводящегося бура, так любимого многими играющимися с поводками корсиканцами.

И, на первый взгляд, хоть сколь-нибудь заметный эффект оказало только применение грубой силы. И то, лишь потому, что мясной гигант не устоял и, нелепо взмахнув огромными верхними конечностями, начал заваливаться назад.

Однако Даркен не расслаблялся. Он не видел во всех подробностях боя Гало и этой машины, но догадывался, что големо-доспех не так прост, как кажется. В конце концов, “номер три” не только могуч и плохо пробиваем, но и очень быстр.

Очень.

Неуклюжий противник, полагающийся только на грубую силу, не справился бы с лучшим дуэлянтом третьего курса УСиМ. Разве что Вику не удалось сдержать самоучек с тараканобогомолами и Гало пришлось распылять внимание.

Так что Даркен решил не совершать глупостей и не лезть к потерявшему равновесие противнику в надежде быстро его прикончить, а целенаправленно добить тех, кто мог бы ткнуть его в спину. Благо, против пяти щупов разом мало кто из свиты Ганнибала оказался способен держаться дольше одной четверти секунды: сын рода Маллой легко обходил их защиту, лишая и малейшей возможности в дальнейшем стать проблемой.

В конце концов, глупо надеяться противостоять богине, если испытываешь трудности с тем, чтобы отправить “отдохнуть” сборище самоучек.

Молодой человек едва-едва успел прикончить последнего из тех вражин, что ему попались на глаза, как кажущийся неповоротливым голем вновь оказался на ногах.

Ожидаемо, у него оказался туз в рукаве. Точнее, на спине, ближе к месту, где обычно у существ находится голова. Гибкие мясные отростки, не особо заметные на фоне тела того же цвета, из-за особенностей расположения вызывающие больше всего ассоциаций с дредами, оказались ничем иным, как модификацией старой наработки: тех самых щупалец, с которыми Даркену только что пришлось иметь дело в бою с Ростинкой. Именно ими Ганнибал вцепился в землю и “отжался” от неё, если можно так выразиться насчёт исполненного им действия.

Длинные, тонкие. Каждое диаметром не больше полутора сантиметров.

И их было много. Очень много. Дюжина.

Видать, огромные размеры големо-доспеха карфагенянину потребовались именно для того, чтобы перенести мыслительные центры из самих щупалец внутрь тела, что позволило сделать отростки более гибкими и тонкими, а также увеличить их количество, не теряя в координации каждого из них.

Дюжина... нет, столько тентаклей “перегрузить” не получится.

— Пьеро?! — тотчас же выкрикнул Дарк.

— и чего ты от меня хочешь глупый мясной мешок

— Откуда сказал?! — на лету — да, молодому человеку тотчас же пришлось

отскакивать назад — заозирался некромаг.

Нашарив взглядом трикоптер, пан Маллой тотчас же выстрелил в него одним из электрощупов и поспешил притянуть себя к дрону, уходя от атаки стол массивированной, что пытаться заблокировать её или парировать являлось идеей невероятно тупой.

И как только Гало столько времени продержался против этого чудовища?

2.

Пальцы Брони ослабли, и оторванная рука Перловки выскользнула на пол. Едва только шлёпнувшись о горизонтальную поверхность, конечность тотчас же засеменила к своей хозяйке.

Лешая обессиленно уронила голову на груди и из такого положения, сквозь упавшие на лицо пряди, тихонько наблюдала за движением этого автономного предплечья.

Ей-Форде, чего оно так медленно? Там же пять перстов. Такая штука способна носиться с большими скоростями, и лишняя нагрузка, при магическом-то усилении, не является сколь-нибудь серьёзной проблемой.

Та версия Перловки, что вырвала Броне сердце, наклонилась сзади к уху, и тихонько прошептала:

— Скрытая атака.

Голос был томным. Ласковым. Даже манящим. Имелось в этом некое издевательство.

Уж лучше бы накричала, право слово.

Но это можно было перетерпеть. Не столь важно. А вот попытка вытащить руку из продырявленного насквозь тела Лешей — это недопустимо.

Перловка не сразу поняла, что именно произошло. Поначалу ей казалось, что она просто случайно зацепилась за рёбра. Рывок. Ещё один. Рывок из всех физических сил.

Ничего.

Безуспешно.

И в этот момент Невкусная Кашка поняла:

— Ловушка!

Броня надеялась сделать это более изящно, но играть приходилось с теми картами, что имелись на руках.

Крылья буквально захлопнулись, образуя за спиной богини нечто, что напоминало разом огромный вещевой мешок и пульсирующую опухоль. А чтобы избежать урона от очередной попытки вырвать захваченное рёбрами предплечье, Лешая попросту перекусила то.

Свежеотсечённая конечность тотчас же помчалась прочь, к той версии Перловки, что удерживала Илегу. И, кстати, в её случае со скоростью не наблюдалось никаких проблем. Уж не внедрённый ли Броней “вирык” так повлиял на манёвренность предыдущей конечности?

Благо, Невкусная Кашка оказалась больше занята тем, что происходило за спиной Лешей, и не задумалась о том, почему начавшие своё движение в разное время предплечья добрались до цели практически одновременно. Доппельгангер просто разорвала своей пленнице горло, отбросила в сторону, а затем опустилась на корточки и схватила обе автономные конечности, после чего выпрямилась, пущенной стрелой устремляясь в сторону всё ещё сидящей на окошке Лешей.

Богинь вынесло на улицу. Уже в полёте Перловка сначала попыталась подлезть к наспинному мешку Брони через дыру в груди, но ожидаемо лишилась кистей. Впрочем,

подобные мелочи не заставили Невкусную Кашу растеряться: она тотчас же восполнила потерю и за счёт тех ручек, что сами недавно к ней прибежали. Причём восполнила именно быстро, а не изящно: те просто вцепились локтевой и лучевой костью, как челюстями, в культи хозяйки.

Лешая, понятное дело, тоже не прозябала без дела, однако её скорости не доставало, чтобы противопоставить противнице что-то сверх озвученного ранее. Та успела и конечности сменить, и даже перелезть на спину слечне Глашек, а Светлая в свою очередь только-только обратила левую руку в подобие боевой клешни. И это при условии, что кисть оказалась отброшена ещё в квартире, позволяя сразу разделять кости руки.

Хотя, стоило отдать Броне должное: при отсутствии внешних признаков борьбы, она могла похвастаться тем, что схваченная аватара Перловки не просто не покинула “своего” мешка, но ещё и активно в нём “переваривалась”. И процесс этот шёл не только и не столько благодаря обилию агрессивных веществ, выделяемых телом богини, но и за счёт постоянных атак различными магическими контурами, мешающими пленнице адаптироваться.

Хуже всего то, что на выходе у слечны Глашек образовывалось очень много лишней энергии. И поглотить её было нельзя: из-за того, что она несла в себе не просто короткие, обрывистые, рассеянные в дендроплоти воспоминания, а концентрированные куски личности Перловки, это было чревато внеочередной перестройкой личности, которая, если не проконтролировать её во сне, могла привести к рождению нового чудовища.

Благо, эта зона сейчас находилась под антимагическим покровом Княжны, а потому, можно было изливать излишки сплошным потоком чистой силы, и та не просто не скрутится в примитивнейшую и наиболее разрушительную форму, вроде жидкого пламени или самоподдерживающегося цепного проклятья, а очень даже “погаснет”, слившись с естественным фоном.

Так или иначе, Перлуша сумела забраться на пульсирующий в такт ударам изнутри “горб” Брони, где вцепилась острыми крючковатыми когтями в “кожу” меж “костей” остова. Та не выдержала давления и с характерным звуком порвалась.

Не имело уже смысла цепляться за тактику, которая перестала работать. Сколько удалось выжрать, таким количеством и следовало удовлетвориться. Так или иначе, покамест Броня вела по количеству урона, нанесённого врагу. И пусть в текущих обстоятельствах эта величина была подобна количеству очков, набранных по правилам бокса во время драки в подворотне, душу оно грело.

К сожалению, чтобы не лишиться окончательно остатков преимущества, Броне пришлось самой разлепить пищеварительную камеру обратно в крылья, в результате чего обе Перловки смогли объединиться.

В самом прямом из возможных смыслов слова.

К тому моменту, как Лешая обернулась в их сторону, противницы ещё не успели достичь земли, но уже срослись в нечто, даже близко не напоминающее человека. Торсы взаимно проникли друг в друга под углом, близким к прямому. Ноги одной из них начали перекручиваться и вытягиваться, образуя конечность, похожую на длинное мясистое щупальце. А уж с учётом, что одна из них двоих Тёмных оказалась полностью лишена кожного покрова в силу того, что её недавно переваривали, и теперь из её ничем не прикрытого мяса торчали куски деревянного остова, зрелище выходило крайне специфичное.

Броня оттолкнулась не столько крыльями, сколько чистой силой. Решила, что может

себе позволить траты с учётом, что выжгла из противницы много больше. Тем более, что стоило перехватить это создание прежде, чем оно рухнет на полицейские машины.

Девушка со всего размаха впечаталась в эту химеру, насадив её на клешню, и понесла прочь, стараясь подняться повыше. Но уже не для того, чтобы перевести бой в верхние слои атмосферы, а то и космос, а затем, чтобы найти в округе местечко, хоть сколь-нибудь огороженное от гражданских. И, желательно, не сильно далеко: чтобы можно было в случае чего быстренько метнуться кабанчиком обратно в квартирку той многострадальной семьи.

К сожалению, этой задумке оказалось не суждено исполниться: то мясистое щупальце отчаянно цеплялось за всё, что только ему подвернётся, от деревьев и фонарных столбов, до собственно асфальта, корректируя движение богинь.

3.

— как я вообще ввязался в этот блудняк

Пьеро плавно скользил над поверхностями контейнеров, позволяя Даркелю цеплять куски металла, обращать их в снаряды и метать в преследующего их мощного мясного голема-доспеха.

Молодой некромаг стоял прямо на корпусе дрона, а тот, в свою очередь, чтобы “глупый хрупкий кожаный мешок” не соскользнул во время очередного манёвра, удерживал того за лодыжки манипуляторами.

— Ты в него ввязался, потому что хотел затусить с крутыми челами, вроде меня! — отозвался пан Маллой, скручивая несколько металлических листов в вязанку длинных дротики при помощи электрохлыстов. — Разве нужны какие-нибудь ещё причины?

— вне всякого сомнения — заявил дрон и резко свернул вправо, зафиксировав со стороны соперника движение, намекающее на попытку прицелиться чем-нибудь дальнобойным. — а ты не хочешь уже перестать рисоваться не пойми перед кем и просто выдать пару качественных проклятий

Даркен скрутил две молнии в спиральные щиты. Очень даже вовремя: волны, которыми те пошли, подсказали, что на одной лишь манёвренности тут далеко не уедешь.

— Я бы и рад, но толку никакого. Ганя имитировал плоть богини, в которой все заклинания попросту растворяются. Считай, что он весь в димагетике: пробить его можно только кинетическим воздействием.

— для димагетика чересчур прочно

— Ну, дык, ёлы-палы.

Некромаг не торопился использовать дротики: одного скорей всего не хватит, чтобы нанести хоть сколь-нибудь серьёзное повреждение одновременно, а от идеи “заковырять до смерти” пришлось отказаться по причине того, что доспех регенерировал до противного быстро.

Даркелю наклонился вперёд и чуть присел, передавая Пьеро через его манипуляторы команду двигать на сближение. Дрон послушно полетел навстречу огромной туше, несущейся в их сторону, небрежно откидывая со своего пути тяжеленнейшие контейнеры.

— я всё ещё склоняюсь к орбитальной бомбардировке

— Угу.

Даркелю некогда было спорить. Не в этот момент. Даже выделив четыре из пяти щупов для защиты, молодой некромаг не был уверен, что сумеет выйти из короткой стычки одним куском. Но иного варианта не имелось: требовалось всадить во вражеские тела разом весь

боезапас, чтобы заполнить хоть малейшие шансы вскрыть эту броню.

К сожалению толку оказалось чуть: голем выставил перед собой левую руку и расширил её до состояния щита. Мощнейший залп разнёс преграду в клочья, да вот только внутри руки не было ничего, кроме искусственного остова. Истинное тело Ганнибала находилось под прикрытием торсовых мышц и армированных рёбер.

Пьеро тотчас же направился вверх, уходя от встречной атаки, но даже с его скоростью Даркелу пришлось приложить все усилия, чтобы ни один из щупов врага не коснулся ни некромага, ни его дрона.

— Крепкий, курва! — прошипел “номер один”, когда его транспорт извернулся в полёте вниз головой, позволяя мясному мешку сконцентрироваться на обороне от целого града проклятий вперемешку со всевозможным обращённым в снаряды мусором.

— и быстрый как понос

Пьеро был прав: карфагенянин не успел ещё сплести порванные мышцы обратно в конечность, а уже прыгнул следом за противниками с совершенно неестественно ощущающейся, как для его габаритов, скоростью.

Пьеро начал крутить в воздухе умопомрачительные фигуры. Если бы Дарк заранее не зачаровал себя на устойчивость к перегрузкам, небось отрубился бы уже, а так он сумел сосредоточиться на противнике и его тонких ловких тентаклях. Но только лишь на них.

Молодой человек потерял понимание того, где находится небо, а где земля. Весь его мир скукожился до монструозного доспеха Ганнибала и попыток просто отбиться от этого вихря атак. Речь не шла даже о том, чтобы хотя бы жалким проклятьем контратаковать. У Даркелена и шансов на подобное не имелось. А ведь эту тварину, чтобы пробить, требовалось выдать что-нибудь внушительное. Одиночный контур она даже не почувствует.

— предлагаю в который уже раз бежать подняв над головой руки и с криком аааааа потому что это выглядит много разумней чем то что ты тут исполняешь

— Ваше предложение очень важно для нас, оставайтесь на линии, — злобно прошипел пан Маллой, когда им удалось наконец-то разорвать дистанцию и вернуться в более-менее естественное положение головой кожного мешка в небеса. — Я не могу отступить.

— физически можешь

— Не беси меня, дурилка железная, — рыкнул Дарк, выдавая движение, по духу близкое к топанью. — Ты отлично понимаешь, о чём я.

Пьеро отлично понял команду и принялся спускаться вниз, где человек мог бы набрать свежий боезапас.

— глупо мне в отличие от тебя есть что терять

— Тебя это не убьёт. Такие, как ты, не тонут. Верь мне.

Увидев, что Ганя ринулся к ним на опережение сквозь торговые ряды, разбрасывая по округе товары, небогатый скарб местных продавцов, да куски контейнеров, Даркен выдал три притопа подряд, и дрон не просто полетел вниз, а рухнул камнем.

— Н-н-на!!! — не то выкрикнул, не то выплюнул это совершенно не значащее слово “номер один”, обращая всё, чего только могли коснуться щупальца, в ряды заточенных пик, стоящих под острым углом к земле.

Удалось.

Не сказать, чтобы броня противника получила серьёзные повреждения или, уж тем более, открыла содержимое для удара, но этого хватило, чтобы заставить тварину остановиться.

Даркен не собирался терять преимущество, а потому принялся обстреливать карфагенянина практически в упор, тратя минимум времени на то, чтобы преобразовать мусор во что-то, чем было бы осмысленно швыряться. С другой стороны... даже если тюк с контрафактными футболками и не нанёс большого вреда, он, как минимум, повлиял на видимость, что уже неплохо.

— и что теперь

По тону Пьеро сложно понять, что именно тот имеет порой в виду, но...

— Это был усталый сарказм? — усмехнулся некромаг.

— если твоему несовершенному биологическому мозгу так проще усвоить то пусть ответом будет да

— Я ещё не придумал!

— почему я не удивлён

— Но когда придумаю, это будет феерично!

— если ты имеешь в виду что-то фееричное кроме провала или идиотизма то смею тебя обрадовать ты заблуждаешься

— Да брось, мы с тобой горы свернём!

— возможно но только в случае если это не гора магически зачарованных специалистом по созданию химер мышц

— И их тоже, — противник уже сумел адаптироваться к постоянному потоку мусора со стороны молодого некромага, да переломать импровизированный забор из пик. — Протри спиртягой окуляры! Ща будет пафосно и круто!

4.

Броне бесконечно не нравилось то место, куда они в итоге прибыли, но из имеющихся вариантов оно выглядело наилучшим выбором.

Богини непростительно долго уже находились за пределами оцепления, а попытка держаться подальше от жилых домов выливалась в необходимость летать над проезжей частью. Благо, трафик тут оказался меньше, чем в любой другой день, — многих навигатор вёл кружным путём, чтобы не упереться в перекрытые улицы — однако он всё равно был. Словно бы одних только припаркованных тачек, которые то и дело улетали в стороны прохожих или первых этажей, недостаточно.

Перловка показала Лешей преимущества своего нового тела. По крайней мере в вопросе борьбы: большая масса, дополнительная мощная конечность, да ещё обе головы обзавелись гибкими длинными шеями, позволявшими зайти с любой из сторон и, например, блевануть кислотой.

В лучшем случае кислотой.

Выглядело оно, конечно, бесконечно уродливо, с учётом того, что головы у Перлуши всё ещё оставались человеческими, но отказать в эффективности подхода Броня не могла.

Вот для чего Невкусная Каша так хотела прирастить к новой аватаре детали старой: чтобы обменяться накопленным с момента разделения опытом.

Лешая понимала, как это работает. И именно этот механизм планировала использовать, внедряя “вирус”. Однако рассчитывать на последний она не имела возможности: если тот окажется чересчур агрессивен, его раскроют и уничтожат. Иными словами, слечна Глашек полагалась всего на одну активацию заразы, и приберечь её следовало до момента, когда появится вариант использовать его в связке с какой-нибудь другой удачной атакой.

То есть, с тем, шансов для чего пока не наблюдалось.

По итогу Лешая дотолкала противницу до автошколы, на площадке которой проходила практику всего одна машина. Как было уже сказано, Броне бесконечно не нравилось это место: с одной стороны открытая улица, с другой — здание, полное ни в чём не повинными работягами, а с третьей — и вовсе железная дорога с пассажирскими сообщениями. Но из всего, что открывалось взору богини, только данный пяточок хоть как-то походил на арену.

Именно тут слечна Глашек смогла стряхнуть с клешни противницу. Та, впрочем, сама была этому рада: в конце концов, ей явно не нравились те попытки отработать внешнее пищеварение, с которыми пришлось столкнуться, болтаясь на левой руке своей легальной версии.

Уродливая химера сдвоенной Перловки ловко приземлилась разом на четыре основные конечности и злобно, угрожающе зашипела, прикрывая, впрочем, дырищу в теле, оставшуюся от столкновения с основным оружием Лешей. Длинный толстый щуп — успевший, кстати, обзавестись своим аналогом клешни ближе к концу — теперь напоминал скорее хвост, пусть даже и рос откуда-то сбоку. И хвост этот тотчас же пробил капот застывшего рядышком в ужасе авто, да швырнул его прямо в Броню.

Девушка ожидала подобного исхода событий, а потому рванула навстречу, рассекла левой рукой машину и, оказавшись внутри, сгребла разом инструктора и ученика, чтобы их было сподручней вытащить. Следом богине пришлось обратиться спиной к противнице и принять на крылья потоки бьющей, словно бы из двух брандспойтов, кислоты.

Воздух тотчас же наполнился запахами жжённой хвои и разворошенного палкой потухшего костра.

— Бегите... — прошипела спасённым Лешая. — Бегите, будто бы от этого зависят ваша жизнь и ваше посмертие.

Броня отпустила спасённых и двинулась спиной вперёд к Перловке, смещая стремительно дряхлеющие крылья так, чтобы принять на них как можно больше той бурды, что растворяла даже асфальт под ногами.

Ход боя менялся. Менялся тем больше, чем дольше продолжалась битва. И если в самом начале ни Перловка, ни Лешая толком не представляли, чем им друг друга бить, то сейчас они обе пришли примерно к одному и тому же решению.

Если каждой из них было дано пожрать другую, так отчего бы не воспользоваться внешним пищеварением? Понятное дело, что использовали они при этом отнюдь не желудочный сок, а ядрёную алхимическую смесь, что с кусками плоти смывала огромный пласт информации, позволяя той уйти в почву или раствориться в воздухе.

С каждой минутой сражение становилось всё более и более разрушительно. Радовало только, что Невкусная Каша позже додумалась до столь очевидного приёма, а потому, по дороге сюда использовала формулу куда как менее эффективную, порой даже не способную разъесть не тронутый коррозией автомобильный корпус. Впрочем, ныне ещё стоило задаться вопросом, чья кислота более едкая.

Броня решила, что будет лучше, пока смертные не свалят куда подальше, отвлечь противницу разговором:

— Тебе не кажется, Перлуш, что наши отношения стали чересчур токсичными?

Та не повелась. Напротив, она резко рванула на Лешую, активно шевеля руками и неестественно выгнутыми ногами, да ударила колющим ударом хвоста в центр торса Брони. В место, что едва-едва поросло сеткой корешков.

Девушка уж было дёрнулась, чтобы уйти от атаки, но посмотрела грустным взглядом в сторону беглецов и передумала: те всё ещё не успели уйти из зоны поражения кислотой, несмотря на то, что делали всё необходимое, чтобы сбежать.

Сбежать вместе, пусть даже в ущерб своим шансам на спасение.

Ровнёхонько в этот момент молодой и крепкий ученик неловко взмахнул руками, остановился, да вернулся назад, чтобы помочь подняться инструктору, запнувшись о бордюр.

Броня не могла позволить им обоим попасть под потоки дряни, способно плавить даже плоть богов, а потому приняла удар.

Её снова пронзило насквозь. Но если в прошлый раз повреждение было исключительно механическим, то ныне атака угрожала ещё и магической, информационной целостности Лешей.

— Это решение оказалось математически ошибочным, — говорила одна голова Перловки, пока другая вцепилась зубами в шею слечне Глашек. — Ты могла бы пожертвовать ими, зато спасла многих других.

— В других я не уверена, а вот эти — точно достойны жить. Как минимум один из них, — голоса Брони звучали спокойно.

Ничто, за исключением, пожалуй, того факта, что тело богини оставалось недвижимо и ныне бессильно висело в “руках” противницы, не выдавало, сколь тяжело ей даётся битва за сохранение наиболее ценной информации в условиях, когда каждую секунду что-то сгорает практически в пустоту.

Конечно, у слечны Глашек имелся какой-никакой опыт в данном вопросе. Достался от предыдущей личности, вынужденной бороться с одержимостью. А чем, в принципе, одержимость отличается от забвения? Разницу увидит только сторонний наблюдатель, но какое для защищаемого сознания имеет значение, что ему придёт на смену: сознание иное или же пустота?

Перловку красивые слова Лешей ничуть не впечатлили.

— Чу! Я слышу колёс стук! — оживилась та и бодро потащила в сторону железной дороги. — Сейчас организуем отличный Броне-поезд. И-ти. Будет шикарная отсылка к “Неуязвимому”. Догадываешься, какая?

— Сгораю от нетерпения, — фыркнула слечна Глашек. — А ничего своего ты придумать не можешь?

— Открой глаза! — шикнула одна голова Невкусной Кашки, покуда вторая начала активной истекать кислотной слюной. — Моё нынешнее тело...

— Отстой! — закатила второй глаз Броня. — Просто какой-то собранный из костылей велосипед на квадратный колёсах.

— И тем не менее он тебя победил, — не сдавалась Перловка.

— Слушай, может ты меня сожрёшь уже: это милосердней, чем смерть от кринжа.

— И-ти! Тебе бы этого хотелось, верно? Чтобы я убила только тебя и не тронула никого более. Но, нет. Я тебя не убью. Не сейчас, по крайней мере. Я не успею тебя переварить до свадьбы. Зато я могу треснуть твою защиту. Размягчить твою душу, как брошенный в бульон сухарик. Сделать её более легкоусвояемой.

Чудовище прыгнуло на рельсы и выставило перед собой безвольно болтающееся тело Брони, лицом прямоком в сторону приближающегося, истошно гудящего пассажирского поезда.

5.

Даркен двинул ногой, передавая Пьеро команду на сближение. Тот послушно двинул напрямик к Ганнибалу, не прекращая, впрочем, причитать.

Ожидаемо в сторону молодого человека полетело множество щупалец. Часть из них отразили электроплетки, а оставшиеся молодой человек самым наглым образом намотал на левое предплечье.

Было больно. Очень больно.

Что, в целом, хорошо, когда ты практикуешь корсиканку.

Даркену было откровенно плевать, сколь много и каких именно проклятий на него сейчас пытался наслать карфагенянин. Всё это молодой человек преобразовывал в яркий, казалось бы способный закрыть собой само Солнце, энергоклинок. Этим самым клинком “номер один” отсёк разом три вражеских тентакли. В один удар.

Три отсёк. Четыре — намотал.

А остальные?

А остальные на себя взял Гало.

Даркен достаточно долго отвлекал на себя внимание, чтобы Вик смог “отпетлять” меж контейнеров, сбросить или уничтожить хвост, а затем вернуться к месту гибели громилы и наскоро приспособить тому оторванные части тела на место.

Да, в эту игру с вовремя подоспевшим подкреплением можно было играть вдвоём.

— Ха-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха!

Смех Дарка звучал безумно. Но как иначе можно смеяться, когда ты буквально погружаешь в плоть врага буквально самый мощный резак из возможных.

Буквально. Буквальней некуда.

Мощнее этого был бы только плазменный удар с использованием высоконасыщенного праха, но то именно удар, а не полноценный клинок, существующий в пространстве сколь-нибудь заметно долгое время. Да и энергии эта штука в секунду потребляла не то, чтобы несколько меньше, чем плазменный удар, а эффект выходил аналогичный, за счёт того, что не требовалось тратить сил на создание контура, а лишь на поддержание и насыщение: а всё благодаря возможности “выпивать” доспех противника.

Сила Ганнибала сейчас обращалась против него самого. Чересчур мощное оружие стало батарейкой для подпитки вражеских заклинаний. Любовно сплетённый контур интеллекта щупалец распался на малейшие биты информации, что тотчас же сгорали в том, что жарче огня.

— Аха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха! Ха! Ха!

Даркен ликовал. Бой, совсем недавно выглядящий совершенно безнадежно, вдруг обратился величайшим триумфом. Воздух наполнился приятно-мерзким ароматом победы: с душком подгоревшей говядины.

Глаза молодого некромага слезились, но он не мог себе позволить отвернуться. Он не хотел отворачиваться. Словно замороженный он смотрел, как лопается плоть, расходясь в стороны, повреждались мышцы, удерживающие её в “закрытом” состоянии. Зрелище того, как резак входит в тело “пилота” этой живой брони отпечатывалось в памяти “номера один” повреждённой свечным пламенем плёнкой.

Вот она! Победа!

И тут правую руку обожгло болью.

Правую. Не левую.

Дающую, а не забирающую.

— Ай, эка досада! — ругнулся Дарк, отчаянно махая вялой кистью, будто бы мог стряхнуть это ощущение.

Лишь спустя где-то секунду до молодого человека дошло, что именно случилось.

Он просто сломал кольцо. Оно банально не выдержало такого мощного тока силы и перегорело. Случилось то, о чём столько времени ворчала Броня: технологичная “яплеть” оказалась недостаточно надёжной. Дескать, оно нужно для выпендрёжа, а не для боя.

Но... кому какое дело, если бой уже выигран?

— Моя крутость ослепительна, — усмехнулся Дарк, а затем вцепился зубами в кольцо и попытался стащить его с пальца.

Получалось не просто не очень, а вообще никак.

“Яплеть” банально пригорела к мясу.

И тут “номер один” услышал сразу несколько выкриков и того, что было им эквивалентно по смыслу, но не по звучанию:

— Доспех автономен! — то звучал глас Вика.

— Не рашшлабляйщя, бошщ, — в одну секунду с ним напомнил о себе Гало, которому, видать, после тляп-ляп-оживления оказалось тяжело говорить громко.

— отцепляйся улетаем кожаный мешок ибо ничего не кончено

И правда, хоть пилот и умер, что, по идее, означало безоговорочную победу пана Маллоя, безмозглая мясная броня и не думала послушно поднимать ручки вверх. Она подалась назад и чуть в сторону, мотнула верхней половиной тела, притягивая к себе Даркена за предлечье, а затем от души вмазала ему, целясь в середину торса.

А ведь “номер один” был уверен, что выжрал из плоти противника вообще всю магию. Но, видать, древний полководец оказался хитрее современного студента, и сделал интеллект щупалец полностью автономным, относительно остальных контуров, из-за чего, хоть тентакли уже болтались бессильными верёвками, сам доспех всё ещё оставался функциональным.

Дарк успел подставить под удар наскоро сплетённый кинетический щит, однако тот мигом “лопнул”, отбрасывая молодого человека прочь. Но, поскольку на его левую руку всё ещё оставались намотаны щупальца, это привело к тому, что “номер один” сначала заработал не менее одного вывиха и с растяжением, а затем ещё и траектория полёта некромага изменилась на дуговую, что в итоге закончилось столкновением с землёй.

Пьеро, видать, рассчитал, что если он будет и дальше цепляться за ноги человека, последнему это не пойдёт на пользу, а потому перестал удерживать того манипуляторами за лодыжки, благодаря чему пану Маллою удалось исполнить нечто, хоть немного смягчающее удар. Правда, этого оказалось мало, чтобы вернуть себе какое-никакое тактическое преимущество.

Да что там? По сути, Даркен был вынужден волочиться за мясным големом. В самом прямом смысле этого выражения. Это Гало каким-то образом умудрялся, будучи, по сути, в аналогичном положении, с пачкой щупалец, намотанных на руку, не просто сохранять вертикальную ориентацию, но ещё и стать вражеской туше той ещё занозой в булках, мешающей спокойно идти, куда хочется, а вот “номеру один” для этого не хватало ни массы, ни навыка.

Так что, пан Маллой сконцентрировался на первоочередной задаче: на том, чтобы

отцепить тентакли от своего предплечья. Та ещё задачка, на самом деле, когда твой магический катализатор перегорел, в результате чего приходится проводить всю магию через пальцы. А уж если не забывать, что тебя при этом волочат по куче металлолома и прочего мусора, ошетилившегося углами и выступами разной степени остроты, да ещё и за вывихнутую руку, то можно осознать весь спектр “непередаваемых очучений”.

В итоге все тяготы боя на себя взяли едва-едва восставший Гало, да Вик. Пьерс кружился, конечно, рядышком, но толку от его пушек в такой ситуации не было никакого.

Зато вот Букль посчитал, что без его помощи никак. Вьерошенный птиц, оперение которого было хорошенько так покрыто следами кровавой победы над двуглавым противником, поспешил вцепиться в и без того искалеченное предплечье хозяина да попытаться когтями и клювом извлечь того от пут вражеской плоти.

— Ай-ай-ай-ай, Пятачо-о-о-ок! — выкрикнул от боли Дарк, когда его со всего размаха вмазало плечом в угол набитой чем-то жёстким картонной коробки. — Ты не попадаешь в шарик!

В следующую секунду молодого человека оторвало от земли и мотнуло куда-то вправо, вмазав спиной в металлическую стенку контейнера.

Хорошо хоть так. Гофрированный лист, конечно, ощущался твёрдым, но по факту он несколько вмялся от удара. Будь на его месте какой-нибудь фонарный столб, вмялся бы уже Дарк.

Нет, так продолжаться дальше не может! Пожалуй что Букль прав!

Вернувшись из недолгого полёта на грешную, ошетиливнубюся жёстким мусором землю, “номер один” вцепился в свой левый локоть, вдавил большой и указательный палец в сустав, а затем попросту отделил предплечье от плеча.

Вовремя. Оторванную конечность тотчас же унесло прочь. Зато вот сам Дарк смог остаться на месте и уделить время тому, чтобы остановить кровь.

А вот с обезбаливанием стоило погодить. Корсиканцу не след пренебрегать такими источниками силы.

“Номер один” ещё несколько секунд следил за тем, как Гало и Виктор “танцуют” с бесноватым мясным големом, а затем протянул правую руку с выставленным средним пальцем Буклю.

Птиц оскорбился.

— Оторви его, будь другом, — попросил некромаг.

Сов задумчиво склонил голову на бок, странно посмотрел на хозяина, но затем, видимо, вспомнив, что человек ему достался очень даже долбанутый, вцепился клювом в предложенный средний, упёрся лапой в кулак, да принялся тянуть на себя.

Даркен против воли закрыл глаза, сжал зубы, но, всё же, нашёл в себе силы помочь питомцу, и вслепую уткнул большой палец между двумя фалангами опоясанного стгоревшим катализатором перста. Немножко усилий, немножко потерпеть, и вот, Букль сумел разорвать последние волокна плоти, мешавшие процессу ампутации.

Вот тут молодой человек не отказал себе в возможности не только остановить кровь, но и избавиться от боли.

— Ну всё! Я готов!

Дворянин опёрся плечом на стенку контейнера и поднялся гордо, пафосно.

Он обратил свой взор в сторону противника и...

Неужели всё зря?!

Неужели этот хтонов доспех умеет оживлять своего пилота?

Похоже, что так.

Ганнибал, тот самый, для победы над которым Даркен Маллой приложил столько усилий, вновь был жив, несмотря на огромную дырищу в половину торса.

6.

Поезд истерично гудел, надеясь... наверное на то, что у стоящих на путях богинь проснётся инстинкт самосохранения, и они свалят прочь с дороги.

Вот только, это он зря.

Тут ловить нечего.

С инстинктом самосохранения у этой парочки всё плохо.

Броня выдала нечто, что можно было бы назвать тяжёлым вздохом, если бы её грудь хотя бы немного при этом пошевелилась.

Разум Лешей искал выход из этой ситуации. И, если честно, получалось не очень. Ни одного плана, в котором девушка могла быть уверена на все сто процентов.

Но идей получше у неё всё равно не имелось.

— Ты сейчас убьёшь так много людей, — осклабилась Перловка. — Каково это быть плохой?

И вот в этот момент обе богини услышали звонкий голосок русовласой горничной откуда-то слева и сверху.

— Ну, дамский сверчок, не подведи!

Броня скосила взгляд в сторону этого нелепого выкрика. Вне всяких сомнений, это милое создание с глазами цвета сирени, выглядело очень решительным.

Похоже, что появление этой фигуры на поле боя застало Перловку врасплох. Не подумала Тёмная Лешая о том, что её светлая противница могла отбросить кисть не только для того, чтобы поскорей нарастить клешню, но и затем, чтобы автономный кусок тела, повинаясь программе, нашёл истекающую кровью девчужку и побыстрому залатал ей шею. Настолько по-быстрому, что результат выглядел, будто бы оторванная рука пыталась задушить горничную, а не просто выступала грубым суррогатом, взявшим на себя функции повреждённой плоти.

Девушка прилетела сюда очень быстро. Буквально прилетела: вскочив двумя ногами на дрона-трикоптера, выкрашенного в цвета горничной, да оскалившегося хищной лыбой.

И вот, едва только остроносая русовласка обратилась к своему забавному, едва выглядывающему из рук оружию, как Броня ощутила исчезновение антимагического покрова Княжны. Стоило тому перестать подавлять ауру богинь, как та начала раскидываться по округе, однако прежде, чем она вступила во власть, смелая камеристка потянула на себя спусковой крючок.

Артефактное оружие тотчас же разрядило державу с высоконасыщенным прахом. Мощный поток энергии, сплетённый в жёсткий контур, оказался способен перебить не успевшую набраться силы встречную волну помех. Возможно, ему было бы дано разорвать на кусочки плоть Перловки, но Тёмной Лешей хватило скорости и сообразительности выставить щит адекватной мощности.

Два могучих заклинания встретились и оба пали. Атакующий заряд и преграда “лопнули”, родив ударную волну такой мощи, что Невкусной Каше пришлось всеми четырьмя конечностями вцепиться в рельсы, чтобы устоять, а вот горничная удержалась

лишь потому, что в следующую секунду вернулась антимагическая аура и её дрон вновь обрёл способность “мыслить”.

И первым делом он употребил эту способность, чтобы пальнуть из своей рельсовой пушки напрямик в центр масс злого божества.

Всё это достаточно сильно повлияло на хватку Перлуши, чтобы Светлая Лешая могла себе позволить вырвать шею из зубов, качнуться хорошенько, снимая себя с клешни хвоста, да не забыть голосом активировать вирусный контур.

— Кавада адавра!

Понятное дело, что вирусу было не под силу справиться с богиней, но он мог дать секунду-другую, необходимую той версии воплощения Хаоса, чья внешность её напоминала человеческую, чтобы стащить противницу с рельс за несколько мгновений до того, как там промчался поезд, так и не успевший затормозить.

Лешая и Перловка вместе скатились с поросшего травой холма в кучу пластиковых бутылок и пустых жестяных банок, где Светлая поспешила рассечь Тёмную на много-много-много самостоятельных кусков, лишая ту возможности централизованно бороться с вирусом.

— Хорошая! — взмах. — Плохая! — ещё удар. — Главное! — клешня вновь со свистом прошла сквозь воздух и плоть там, где противница хранила собственный запас кислоты. — У кого сверчок!

Некоторые из отсечённых кусков не были поражены вирусом, а потому с ходу демонстрировали умение да готовность отрастить отростки и даже лапки, чтобы умчаться прочь. Побег первого из них Лешая прервала, попросту наступив сверху.

Понятное дело, оставить без внимания всё это попросту нельзя, а потому, Светлая подготовилась к поглощению: кожа на щеках порвалась до самых ушей, челюсть выпала из суставов, а вместо слюны с уголков рта стекала ядрёная кислотная алхимоза. Капельки её срывались к земле, где нещадно выжигали всё, чего коснутся, от жалких клочков чудом выживающей в этих гиблых местах травы, до казалось бы несокрушимых цветастых боков жестяных банок.

Движения Лешей окончательно потеряли хоть какое-то подобие человечности. Она стала похожа на хищное чудовище, вторгшееся в нору лисицы и намеревающееся не упустить ни одного из детёнышей. Её не останавливало ничто. Ни размеры поглощаемой добычи, ни угол, под которым следовало извернуться, чтобы успеть поймать намеревающийся сбежать кусок Перловки. Дополняли этот эффект два ярких белых потока, произрастающих из спины там, где некогда были крылья: это Светлая выжигала в пустоту каждое из воспоминаний Тёмной, чтобы не думать над тем, куда их встроить, и не опасаться, что сделанные допельгангером выводы исказят мировосприятие, обратив и без того неблагодарную богиню в нечто, куда как более опасное и мерзкое.

Маленькая русовласая горничная некоторое время кружила над полем боя, затем наконец решила спуститься и обратиться к победительнице.

— Броня?

Левый глаз Лешей неестественным образом скоился в сторону горничной. Богиня и не думала прерывать трапезы.

— Броня, ты в порядке?

— В полном, — набитый рот не мешал Светлой говорить громко и чётко. — Всё благодаря тебе, солнце.

Горничная облегчённо вздохнула, приложив руку к груди.

— Я рада. Прежде, когда тебя так искажало, это значило, что ты стала одержимой.

— То было прежде, — богиня резко выставила удлинившуюся в полтора раза руку в сторону, накрывая убегающий кус хвоста противницы. — Одержимость в прошлом. Теперь эта сила моя и только моя. Нет нужды беспокоиться. Я абсолютно в своём уме.

— Как меня зовут?

— Что? — не поняла Лешая.

— Как меня зовут?

Мощная челюсть богини раздробила кусок черепа противницы. Длинный вёрткий язык скользнул внутрь и принялся сгребать мозг и семена.

— Ты мне не доверяешь, малыш?

Русовласка попыталась выполнить что-то, напомиающее попытку гневно топнуть ножкой, но манипуляторы дрона помешали. Зато трикоптер опустился чуть ниже.

— Ты одержима!

— Нет, — синее око богини смотрело прямо в васильковые глаза смертной.

— Тогда почему ты не помнишь моё имя?

— Простой берсерк, дорогая, — попыталась успокоить её Светлая. — Бой был тяжёлым. Много моих плоти и воспоминаний ушли в землю. Такое бывает. Я просто не хотела, чтобы ты волновалась.

— Ладно, — вздёрнула собеседница острый носик. — А как зовут тебя?

— Что это за вопрос? — склонила голову на бок Лешая, не прекращая работать челюстями.

— Хороший вопрос. Ты ведь научилась прятать ядро своей личности. Так скажи, как тебя зовут? Если ты — это ты, то у тебя не будет проблем с самоидентификацией.

— Броня.

— Это я обратилась к тебе. А фамилия?

— Печенько.

— Нет! — возмутилась горничная.

— В смысле “нет”? — искренне удивилась богиня. — Моя фамилия — Печенько. Я в этом уверена.

— Твоя фамилия — Глашек! — на глазах русовласки наворачивались слёзы. — Броня Глашек! Будущая Броня Маллой! Зануда, пытающаяся казаться циником, но на самом деле очень отзывчивая и добрая! Ты всегда пыталась казаться хуже, чем есть, но ты так плохо умеешь притворяться, что люди вокруг видят истинную тебя и не задумываясь идут следом, потому что уверены, что ты скорей сожжёшь себя, чем дашь пострадать невинным.

Богиня метнулась мимо плачущей горничной и на ходу перехватила деловито шагающую прочь автономную мышцу соперницы.

— Так разве я не осталась прежней? Разве я не сожгла себя во имя других? Разве не это на самом деле делает меня мной? Что есть имя? Его вы мне можете подсказать. Но станет ли Перловка более мной, если будет звать себя Броней Глашек, но при этом ради развлечения отрывать головы детям на глазах их матерей? — спокойно спросила Лешая. — Я есть я. Как ты меня не назови, именно это и определяет мою личность, разве нет? И главное мне удалось сохранить. Раны излечатся, повреждённая одежда сменится, а имя вы напомните мне. Так почему ты плачешь, малыш? Разве у тебя имеются причины сомневаться в том, что я сохранила главное?

Острый носик горничной громко шмыгнул, а затем девушка утёрла его пистолетом и

обернулась через плечо, натянув на лицо сияющую улыбку, фальшивую и разом искреннюю, ведь она прятала боль за истинной заботой.

— Прости глупую эмоциональную Илегу, Броня. После этой лекции у меня не осталось ни единой крупички сомнений, что ты — это ты. Как всегда всё так по полочкам разложила... я помогу тебе вспомнить всё. И если ты забыла что-то пикантное... думаю, приятно удивишься вновь, как в первый.

Лешая застыла в неестественном положении, изучая внимательным взглядом пространство вокруг. Ей не хотелось позволить какому-то чересчур живучему кусочку Перловки сбежать и принести основной сети хотя бы жалкий осколок знаний.

— У нас на это будет время в графике? — поинтересовалась богиня.

Илега презрительно фыркнула.

— Знаешь, а вот привычку обламывать романтик всякими скучными обязанностями ты могла бы и потерять где-нибудь! — сказала она. — Найдётся. У тебя сейчас будет свидание с любовницей твоего будущего мужа, а затем до самого утра ты абсолютно свободна, если ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю, дорогая, понимаю, — клешня с размаху вонзилась в почву и сомкнулась зубцами на червеобразном куске плоти противницы. — Я хтонически устала. Буду счастлива на время забыть о рутине.

Глава 7. Цена покоя

1.

Илеге то и дело приходилось одёргивать Броню, когда та начинала задавать слишком много вопросов о работе. Дескать, в ближайшие дни Лешей не полагается думать ни о чём, кроме предстоящей свадьбы. В смысле, можно немного порассуждать о Перловке, намеревающейся эту свадьбу сорвать, но это потом. Не ранее, чем завтра с утра. А сегодня не могло быть ничего ответственной лесбооргии. Иначе маленькая русовласая горничная обратится в злую-злую домину и накажет непослушную богиню. Без права на стоп-слово.

У Брони проскользнула мыслишка о том, что ей ничего не стоит обмануть заботливую камеристку и заняться делами, но, немного поразмыслив, богиня пришла к выводу, что имеет смысл пойти на поводу у Илеги. В конце концов, процесс заполнения лакун информации сам по себе — штука ответственная и трудоёмкая. На ближайшие сутки этого будет более, чем достаточно. Вряд ли горничная стала бы скрывать от госпожи что-то по-настоящему важное, ведь так?

Иногда надо уметь расслабляться. Особенно когда целью противницы является пошатнуть твою психику, чтобы занять возможность задавить твою личность своей. Так что, отныне это не просто болтопинание, а болтопинание тактическое. Дальнего прицела, так сказать.

Хотя, если честно, Броня не ощущала каких-то серьёзных повреждений. Она — всё ещё она, пусть и подзабыла какие-то штуки. Ничего страшного. Потом вспомнит.

Богиня оправила волосы, скользнула пальцем по тяжеловесной серёжке, а затем замерла перед зеркалом, спрятав ручки в карманы брючек с заниженной талией и наслаждаясь тем, как из пространства между коротенькой жилеточкой и тяжёлой, сверкающей сапфировыми глазами черепа, пряжкой ремня, выглядывает соблазнительный животик.

— Так бы сама себе отдалась, — резюмировала Броня. — Мне кажется, или образ выходит несколько агрессивным?

— Самое то, учитывая, что в этих отношениях тебе положено доминировать, любимая! — уверенно вздёрнула носик Илега. — Плюс, Ёлко сейчас нуждается в заботе, ласке и защите. У них с Даркеном всё, вроде как, только-только наладилось, но лодку счастья сейчас всерьёз мотает на порогах житейских трудностей в условиях урагана политической нестабильности. Они с твоим женихом практически не видятся за пределами работы.

Ну, да. Верно. Теперь понятно, отчего горничная велела Броне не думать о делах. Не хватало ещё обратить свидание со страдающей от недостатка внимания девушкой в обсуждение мировых проблем.

Стоило порой прислушаться к другим. Иначе легко и мудрость чужую упустить. А чем это чревато? Да танцами на граблях, вестимо.

— Принято, — кивнула Лешая. — Без магии обращу девицу в медузу: она попросту лишится костей и растает на солнышке.

Илега весело захрюкала.

— Романтично, как кирпичная стена, — заключила горничная. — Впрочем, твоя искренняя неловкость нам сейчас на руку.

Искренняя неловкость? Разве Броня от этого не избавлялась?

Наверное, попросту не получилось, ведь она плохо представляла, как это. Ну, да ладно. На предстоящем свидании это даже плюс. Прибавит немного “мужиковатости”. Потом можно будет поработать над этим.

Лешая вдруг шагнула назад, развернулась, схватила горничную за талию и руку, а затем наклонилась назад в романтическом полутанцевальном “па”.

— А разве ты не обещала мне ночи страсти? И что это за лесбооргия, если нас там будет только двое?

— Я присоединюсь к вам позже, — бодро хихикнула Илега, алея щёчками. — Уже когда вы останетесь наедине. А до тех пор смешаюсь со слугами и прослежу за тем, чтобы всё прошло без сучка и задоринки. В конце концов, это же ваше свидание. Как вы сможете уединиться, если я буду тянуть одеяло на себя.

Броня многозначительно прищурилась.

— Не забудь о своём обещании.

Горничная снова хихикнула.

— Не беспокойся. Завтра ещё девичник ожидается. Там, правда, командовать банкетом будет пани Маллой...

— Это всё завтра, — богиня мотнула головой и несколько прядей упали ей на лицо, скрывая правый глаз. — Не собираюсь загадывать так далеко. Стоит мне начать пытаться, как я тотчас же срываюсь в попытки объять необъятное и спланировать всю свою деятельность. А что это, как не действие, вредящее самой идее развлечения.

— Агась! — Илега вскинула кулачок повыше. — План — это список вещей, которые пойдут не по плану!

В следующую секунду горничная замолчала, когда ощутила кожей шеи касание губ богини. Разом тёплое и холодное. Дыхание смертной плоти и пробуждающего желание заклинания.

На взгляд Брони несколько примитивно, но как часть флирта, вполне себе годилось.

Лешая выпрямилась сама, вновь поставила горничную на ноги и убрала волосы за ухо.

— Мы не опаздываем?

— А? Что? — Илега глупо хихикнула, а затем быстро сверилась с циферблатом умных часов. — Всё в порядке. Есть минут пятнадцать запаса. Я помню, как ты щепетильно относишься к времени и опозданиям, а потому позаботилась о том, чтобы мы справились быстро.

— Отлично, тогда поехали на место, — сложила пальцы “пистолетиком” богиня.

— Но рано же...

— Раньше — не позже, — “застрелила” аргументом камеристку Лешая.

— Разумно, — вздохнула та. — Но будешь скучать в ожидании Ёлко, помни, что я предупреждала.

— Скучают скучные люди. Я найду чем себя занять, — Броня подошла к подушечке, на которой спала Роя, и мягко погладила змейку по шершавой шкурке. — Главное — не забудь прихватить для меня мобильник. И чтобы обязательно был интернет.

— На родине-то цифровых технологий? У невесты внука отца цифровых технологий? — Илега фыркнула. — Будет. Обязательно. Однако я тебя предупреждаю: Ёлко точно задержится.

— Зато я буду вовремя, — отмахнулась Лешая. — Стартуем.

2.

Щёлкнул переключатель и часть ламп зажглась сразу, наполнив просторное помещение мастерской холодным светом и мерным гулом, а части требовалось проморгаться. Словно бы живому существу, не способному сразу избавиться от оков неги сна.

Даркен вышел вперёд, ссадил Букля на насест, развернулся к сопровождению, да развёл руками.

— Вот тут я творю! Тачки! Доспехи! Оружие! Здесь есть всё необходимое для того, чтобы создать вундервафлю любой крутости.

Молодой человек ткнул пальцем в сторону нескольких полуразобранных дорогих машин, среди которых скромненько так затесался военный броневик, частично лишившийся защитного панциря.

— Любая техника на модификацию.

Следом перст указал на тяжёлую металлическую дверь.

— Холодос с тушами под разборку. Там же можно найти газяву, пивандрий и шоколадное молоко. Ну и нуждающиеся в особом хранении материалы для алхимии.

Некромаг обратил свой взор в другую сторону. На манекены, облачённые в различные элементы доспехов. Все помятые и пожжённые они стояли вдоль мощно выглядящего бронелиста, за которым угадывался слой димагетика.

— Тут у нас тест защитного обмундирования. Вон там — минибар и буфет. Станки. Реторты. Горелки. Комп с доступом в сеть и выходом на офигеннейшие колонки с качающими басами. Короче, всё, что нужно гению, вроде меня.

Ростинка молча обвела взглядом зелёных очей мастерскую, а затем задумчиво хмыкнула.

— И несмотря на такую материальную базу, ты всё равно всосал мне, творящей в подвалах.

— Эй! — возмутился молодой человек. — Во-первых, я пришёл налегке, а вот вы бились в полном облачении. А во-вторых... боевую задачу я, всё-таки, выполнил. Ты — здесь, а не там. Я не собирался уничтожать тебя и твоего “оригиняла”. Мне требовалось кое-что затестить и отработать. И я понял слабые места в своей тактике.

Рыжая бровка скользнула вверх.

— Например, что “яплеть” в ауре богини просто сдохнет?

Ответ девушке дал Гало, умудрившийся аккуратно протиснуться между стоящей чересчур близко к дверям миниатюрной гостьей и косяком:

— Босс и не собирался использовать “яплеть” против Перловки. Для него это был тренировочный снаряд, для контроля которого требовалось сильно напрягать мозг, всё планировать наперёд и бла-бла-бла. На битву с богиней у Дарка заготовлено оружие иного толка: всё равно многопоточность против Тёмной Лешей не сильно полезна: там надо бить не кучей мелких заклинаний, а чем-то мощным.

Громила остановился у буфета и первым делом извлёк оттуда пачку мармеладных скелетиков. Обвёл взглядом присутствующих, а затем бросил угощение начальнику.

Тот ловко его поймал.

— Хотя, надо сказать, что технику многопоточности я всё равно отработал и на убийце вампиров, которого планирую использовать против Перлуши. Там, правда, не плётка-пятихвостка. “Хвост” один. Однако на разных участках цепи можно держать разные контуры, замыкая их в движение по звеньям.

Брови девушки поднялись выше.

— А мусье знает толк в извращениях. По сравнению с многохвосткой задача усложняется раза в два.

— Думаешь я, способный делить аж “яплеть” на пять потоков, не вытяну? — Дарк надорвал упаковку, извлёк оттуда одного скелета и прикусил его за шею. — В любом случае, мне от тебя нужно не оружие. Я хочу доспехи.

— Тебе потребуется время, чтобы научиться управлять титаном. Уверена, у тебя с этим сейчас напряжёнка.

Молодой человек обратил внимание на то, что после победы Ганя практически не говорила о себе, как о мужчине. Но никак это не прокомментировал.

— Именно так. Доспех нужно сделать чуть менее, чем за два дня. Времени переучиваться не имеется, потому будет действовать строго так, как я укажу в ТЗ, — зубы Даркена до сих пор не перекусили “шейные позвонки” мармеладного скелета, и тот так и болтался во рту. — В письменном виде не заготовил, тут уж звиняй, потому как идея мне пришла ещё там, на поле боя.

“Номер один” бодро подошёл к компу и мыском вдавил кнопку включения.

— Я понимаю, что с этих слов обычно начинаются отношения длиною в жизнь, но ща прогрузится и я тебе нарисую схему.

Из рюкзака Ростинки показалось щупальце и прикрыло дверь. Сама же девушка двинулась за Даркеном следом.

— А в двух словах?

— Хочу полностью отказаться от хрупкого димагетика. Мышечный слой твоего авторства мы обошьём бронепластинами и научим раскладывать чужие заклинания на энергию, которая пойдёт на поддержание некоего пула баффов, а излишки выльются в охлаждение праха.

— А с учётом ауры Перловки, излишков там будет более, чем достаточно, — догадалась Ганя.

— Именно! — щёлкнул пальцами Дарк, а затем, наконец, втянул мармеладного мертвеца в рот и растёр его “кости” в несколько движений челюстями. — Я получу очень бронированный постоянно регенерирующий экзоскелет с практически неограниченным запасом праха. Моя практика в корсиканке мало того, что уберёжет меня в моменты “просадки” насыщения магического топлива, так ещё и позволит использовать цеп, как компенсатор невозможности палить заклинаниями на расстояние.

— Звучит красиво, — согласилась Ростинка. — Корсиканцы изобрели много костылей, чтобы уравнивать себя в бою с классиками. А ты, используя классику, используешь их наработки против бога. Но ты сам сказал, что отличие не столько количественное, сколько качественное.

— Угу, — Дарк подтянул к себе голографический дисплей, расширил его до размеров доски, открыл приложуху для работы с проектами и последовательно ткнул в “файл-gt;новое”. — К работе подключатся шпили. Люди, работающие на них, будут получать сведения по запрашиваемым заклинаниям и координатам через висящие выше ауры богини дроны. В конце концов, мощи пилонов хватит, чтобы сплетённые заклинания не разорвало на составные прежде, чем колдунство отработает полезный эффект.

— Судя по тому, что ты говоришь об ауре богини, дриада Княжна не учитывается в плане, как основная контрмера.

— Подавление Княжны помешало бы нам перерабатывать сопровождающий Перлушу фон при помощи твоего доспеха. В нашем случае это минус, а не плюс.

— И как ты собираешься передавать информацию дронам? Сила твоей противницы не только контуры развеивает, но ещё по целому спектру физических явлений бьёт своей неупорядоченностью.

— Но не по восприятию визуальной информации, — пальцы Даркена скользили по голограмме, постепенно сплетая хаотичные линии в нечто цельное. — Световые сигналы. Я буду в зоне прямой видимости, а на всех дронах будут установлены протоколы преобразования выдаваемых мной вспышек в более удобоваримую для людей информацию. Я буду мигать быстро. Этот навык за прошедшие месяцы я натренировал.

Аккурат в этот момент в дверь постучали.

— Открыто!

Створка отворилась и на пороге появилась пани Ковальская. В одной руке она удерживала поднос со сверкающим сигналом о пришедшем сообщении мобильным.

— Пан Маллой? На проводе слечна Каппек. Ей не удалось до вас дозвониться: похоже, ваш телефон пострадал во время вашего последнего выхода в свет.

— Ага, — ответил экономке молодой человек, не отвлекаясь от составления схемы. — Его раздолбало на кучу маленьких телефонят. Там что-то срочное? У меня есть минут пятнадцать? Я тут составляю планы спасения мира.

— Операция вашей невесты пошла не по плану: на местах объявилась её доппельгангер. Было много разрушений. Пострадали гражданские. Нанесён ущерб жилым зданиям.

Даркен замер. Прямо в какой позе находился, в той и остановился. С пальцами, что паучьи лапки удерживались за паутину сплетённых линий.

Дворянин медленно повернул голову в сторону экономки. Совсем чуть-чуть.

Та продолжала.

— Последние часы слечна Каппек была задействована в процессе улаживания экономических вопросов с представителями местной шляхты, а также определением ущерба. Однако у неё на носу свидание с вашей невестой, на которое девушке не хотелось бы опоздать. По крайней мере сильно.

Молодой человек прикрыл глаза и медленно выпустил воздух через ноздри, а затем протянул руку.

— Давайте сюда мобилу.

Пани Ковальская как всегда изящным шагом, сочетающим строгую целеустремлённость и женственность, подошла к Даркелу и протянула ему поднос.

Дворянин взял трубку, быстро нашёл список последних входящих и ткнул вызов.

Ёлко ответила всего через несколько секунд.

— Дарк, ты в порядке?

— Умер и воскрес, — отозвался он, понимая, что тут лгать особо не имеет смысла. — Меня подняли очень быстро, поэтому я почти не чувствую отторжения. Что у вас там было?

— Ты новости не смотришь?

— Вот не до того было, малыш, честно. Мне тут сообщили, что Перловка объявилась...

— Это так. С ней удалось расправиться, но Лешая так себя выжгла, что попросту забыла обо всём, кроме факта победы. Кстати, важную роль сыграл твой дамский сверчок, — “чок” девушка исполнила, щёлкнув языком. — Без него пришлось бы иметь дело с поездом, сошедшим с рельс.

Даркен облокотился на компьютерный стол. Его тело при этом прошло сквозь голографический экран, и теперь молодой человек мог наблюдать свою недорисованную схему шиворот-навыворот.

— Ты ничего не сказала об основной операции. А она как?

— Сравнительно успешно. Мец показал себя, как красавчик.

— Сколько в Даркенах?

— А твои успехи сегодня насколько впечатляющи?

Дворянин перевёл взгляд на Ростинку, договаривающуюся с Гало, чтобы он показал ей холодильник.

— Задача выполнена. Мастер у меня. Да и основного Ганю я убил разок. Правда, он после этого воскрес и убил уже меня, но это один-один и нечитово.

— Тогда Праведный у нас где-то в треть Даркена выступил, — пропищала собеседница. — Многое пошло не по плану: в конце концов, это же взрослые агенты. Но... какое ты там ему животное выдумал?

— Тануки.

— Не пафосно, ну да ладно: но тануки сумел завалить двоих практически в одиночку. К сожалению без активной помощи ститовцев не обошлось. Но, так или иначе, пусть с помарками и прочими проблемами, но задачу удалось выполнить, — девушка вздохнула. — Тем более, что в их случае жертв и разрушений вышло меньше. А вот богини... богини вышли за пределы оцепления.

— Кошмар, — Даркен опустил взгляд на обувь. — Ты подготовила выжимку, чтобы я мог тебя подменить?

— Само собой. У меня это давным давно доведено до автоматизма.

По полу тихо цокал коготками Букль. Он видел, что хозяину тяжело на душе, а потому хотел как-то помочь. Проявить участие. Хотя бы потеревшись мягкой головой о ногу.

— Слушай, я... — молодой человек взлохматил волосы на затылке. — Давай я сейчас поставлю задачу Ростинке, а затем прыгну на байк и прилечу к тебе.

— Спасибо, Дарк, — тепло пропищала девушка. — Я понимаю, что тебе сейчас самому нелегко...

Некромаг опустил на корточки и запустил пальцы в оперенье питомца.

— Сколько раз ты меня выручала, забыла? И не надо о том, что это был твой долг перед сюзереном. Наши отношения много больше, чем это. Оттянитесь там с Броней. Раз занудка не присутствует на этих разборках, значит забыла, а Илега сознательно огораживает её от беспокоящей информации. Лешей сейчас очень полезно отдохнуть.

— Тебе тоже...

— В брачную ночь выплусь, — отозвался молодой человек. — Короче, кидай отчёты, а я их в говорилку закину, чтобы прослушать по дороге.

Повесив трубку, некромаг улыбнулся птицу, да тихонько забормотал под нос:

Это что же такое — то одно, то другое,

Я какъ рыба, попавшая въ сѣть.

Волокуть меня въ спѣшкѣ,

Выручай Сыроежкинь,

Не даютъ даже сны досмотрѣть.

3.

Едва лишь увидев Вацлава, Даркен тотчас же затормозил. Сначала молодому человеку показалось странным обнаружить принца на этих улочках, которые даже в лучшие свои дни выглядели, мягко говоря, невпечатляюще, но затем пришло осознание: как раз факт того, что лучшие дни уже прошли, и привлекал внимание наследника Богемийского престола. Как и любой мальчик в возрасте от шести до шестисот лет, пан Лотарингский интересовался всем, что связано с разрушениями и смертоубийством. А легковой автомобиль, протаранивший окна первого этажа жилого дома, пожалуй что вполне себе вписывался в категорию “разрушения и смертоубийства”.

И по всей улице такого было, сколько хочешь.

— Хей, Ваця! — бодро поприветствовал королевского сына Дарк, спрыгивая с мотоцикла, когда тот ещё даже не до конца остановился. — Какими судьбами? Любишь бумажную волокиту? Хочешь отчётности? Я тебе дам: богини прилетели, подрались и улетели.

Принц небрежно махнул рукой в ответ, а затем спрятал кисть в кармане да проследил взглядом за тем, как железный конь пана Малля наскакивает передним колесом на бордюр, останавливается, взбрыкнув, да сам приземляется на подножку.

— Волокиты будет по минимуму, Дарк. Я устал плясать перед шляхтой на задних лапках: у нас тут война в разгаре, мутанты изо всех щелей лезут, народные волнения волнуются, а они себе время для обидок нашли. Представляешь, мне сегодня с утра вообще пытались пролоббировать закон о дворянской вольнице?

— Жесть, — понимающе поддакнул “номер один”.

— Дворянская вольница! В такое-то время! — принц покачал головой. — Говорил сегодня с отцом. Он дал благословение на предложенные Маллоями меры.

Дарк поднял бровь.

— Ты о каких из предложенных нами мер? О передаче оставленных земель в государственную собственность?

— Именно так, — кивнул Вацлав. — Есть ещё вопросы, кому раздавать, в каком количестве, и, соответственно, что конкретно вменить тем, кто, формально, не дезертировал, а просто “уехал на время”, но это уже тонкости. Таким больше любит заниматься Слунце.

“Номер один” нахмурился.

— Не отпускай это на самотёк, Ваця, — более внятно сказать “не доверяй этой курве” Даркен попросту не мог себе позволить. — Пока твой отец ездит по заграницам и обивает пороги потенциальных союзников, все взоры направлены на тебя, как на наследника. Ты знаешь, что мой род готов тебя поддержать, но кулаком страну не удержать.

Пан Лотаринский усмехнулся.

— Смотри, как запел, — он обернулся Елецкому и кивнул в сторону Дарка. — А совсем недавно что говорил? “Завязывай с демократией, Ваця”, “покажи им, кто тут главный, Ваця”, “Давай, Ваця, ты избранный”.

Крупный дворянин, телохранитель и надёжный помощник принца, добродушно улыбнулся и добавил:

— Особенно это здорово звучит, учитывая, кто тут устроил по Праге несанкционированный вооружённый марш, и чья жена подарила этим домам такой экстерьер!

Елецкий обеими руками указал в сторону длинной полосы, оставленной фонарным столбом, которым “проскребли” по фасаду здания.

Даркен усмехнулся.

— Ну так правильно! ЯжДаркенМаллой, забыл? Пусть на меня все злятся, а ты, как бы не при делах. Как будто бы мужчины нашего рода впервые творят такую фигню?

Принц поднял палец в предостерегающем жесте.

— Я — Лотаринский. Я всегда “при делах”. Мне эту страну завещал отец. И он меня оставил руководить ей в своё отсутствие. И мне нужны надёжные люди, чтобы опираться на них.

Вацлав положил руку на плечо пана Маллоя.

— Мне нужны такие, как ты. В тебе настоящий дух воина, Даркен. Истинное рыцарство дожившее до наших дней.

“Номер один” демонстративно застеснялся.

— Ой, Ваця, ты меня смущаешь, — однако в следующую секунду некромаг стал серьёзным. — Кстати, а чего это я Ёлко не вижу?

— Они сейчас с Черниновым обсуждают ущерб, — принц обернулся в сторону Елецкого.

Тот понимающе кивнул и продолжил.

— Тут неподалёку есть кафе “Плотва”. Часть сети, знаменитой своей любовью ставить фигуры лошадей на крышу, — пояснил мужчина. — Здание не пострадало, так что, там было удобней всего устроиться. Плюс, хозяину заведения не помешает сейчас клиентура.

Даркен весело хрюкнул.

— Гы-гы. Плотва. А вы чего не там?

Вацлав пожал плечами.

— Гуляем. Наслаждаемся видами. Считаю косяки местного дворянства.

Пан Маллой довольно — и злобно — улыбнулся.

— Значит, так мы будем вести диалог, да? Все эти разрушения — вина Черниновых, а Бронька, значицца, помогла сократить ущерб до минимально возможного?

Лотаринский поморщился.

— Я тебя умоляю, как будто бы на самом деле было не так? Я общался с твоей невестой: она, конечно, любит бросаться громкими угрозами, но на деле, всегда стремится избежать разрушений, а не наоборот. Случай на балу не в счёт: это была одержимость, которую дева ныне поборола.

В устах любого другого политического деятеля это оказались бы ничего не значащие словесные кружева, прикрывающие истинный мотив говорящего: нечего обижать могущественного вассала и его невесту, обладающую богоподобной мощью, чтобы угодить возмущённому местячковому шляхтичу, пользы от которого куда как меньше, чем шума.

Но Вацлав был не таков. Он говорил, по сути, то, что думал. Простой и прямолинейный. Способен на притворство, но не глубже, чем одноуровневое. Если он говорил, что не винит Броню за одержимость, значит и правда видит Перловку и Лешую, как две разных сущности.

И царящие в стране настроения людей, склонных их объединять, ныне уже не просто мнение. С учётом того, как стремительно озлоблялся принц, вскорости это будет считаться экстремизмом и подрывной деятельностью.

И пана Маллоя, являющегося главным бенефициаром нового курса, подобное не могло не радовать.

Наконец Вацлав направил свои стопы в сторону кафешки. Следом за ним двинула и свита, в которую влился Даркен.

Принц тем временем продолжал.

— Лешая работает над собой. Я помню руины Ковача. Там многое нужно было восстанавливать с нуля. Сейчас же можно обойтись ремонтом. Всё выглядит хуже, чем есть на самом деле. Да и вообще... нашу страну своим вниманием почтила богиня. Мы можем бояться её, но услужить обязаны.

— Твой отец думает так же? — осторожно поинтересовался дарк.

Принц повёл плечами.

— Нет. Он относится ко всей этой ситуации куда как более настороженно. Его доверие будущей пани Маллой придётся зарабатывать долгим и упорным трудом. Но ей благоволю я. Как и тебе. Кстати, об этом, — поднял он палец. — У меня для тебя имеется парочка поручений.

— Обсудим их сегодня или...

— Завтра, — недовольно фыркнул пан Лотаринский. — Завтра. Сегодня придётся иметь дело с кучей истериков и истеричек. Потом публичные заявления. Упомянутая уже тобой волокита. Не до того. Прости, но придётся слегка подпортить тебе мальчишник.

Даркен усмехнулся.

— Ничего страшного. Я последние дни уже стал уставать от шумных сборищ. Посидеть в кабинете и пообсуждать спокойно личное поручение от представителя королевской семьи — одно удовольствие.

— Двух представителей, — уточнил принц. — Инициатива на самом деле исходит от моего двоюродного деда. Я же просто выбрал кандидатуру исполнителя.

Франтишек Лотаринский. Глава тайной полиции Богемии. Да о таком задании каждый мечтает! Каждый, кто хочет выслужиться.

Даркен поймал взгляд Елецкого. Тот смотрел волком.

Ну да, конечно же. О заданиях таких людей лучше было бы не говорить вслух. Но простодушие принца...

“Номер один” поспешил перевести разговор в другое русло.

— У меня сегодня был такой бой...

— Эпичней этого? — усмехнулся принц.

Даркен многозначительно улыбнулся.

— Возможно. Я бился с Ганнибалом.

— И какой счёт?

— Один-один. Но я умыкнул у него рыженькую тятку.

Вацлав растерялся. Он посмотрел непонимающим взглядом сначала на “номера один”, затем на Елецкого.

— А разве Ганнибал сам не является той рыженькой девицей?

— И да, и нет, — подмигнул Дарк. — Секи тему, Ваця: изначально Ганя переродился в теле Ростинки Праведной. Так?

— Пока улавливаю.

— Он долго рос под прикрытием, собирал себе последователей, тайно клепал армию, а затем р-р-раз, и вышел из шкафа! — молодой человек взмахнул руками. — Публика в шоке. Шьямалан съел собственную голову из-за того, какой вотэтоповорот упустил. Сам карфагенянин же перебрался в новое тело... но вот незадача: к новому телу он не привык.

Принц не удержался и молча затрясся от приступов подавляемого хохота.

— Да-да, ты всё правильно понял: он копировал себя обратно в тело девчущки, чтобы не терять боевой мощи. Что иронично, ведь его новый мегадоспех справлялся с этим вопросом много лучше, чем опасная для него самого копия.

— Да ладно? Неужели...

— Полагаю, во времена античности к копиям относились иначе, чем мы сейчас. Я, в принципе, помню легенды о том, как люди копировали себя сами, потому что себе доверяли больше, но...

— Тысячелетия практики показали, что копия не то, чтобы любит оставаться копией, — хохотнул наконец Вацлав. — Да и жить Ганнибалу в современном обществе, которое, вроде как, по закону такого не позволяет.

— Законы можно обойти и нагнуть, — отмахнулся Даркен. — Но я воспользовался этим и вбил клин между этими двоими такой, что вновь сойтись...

Елецкий поморщился.

— Если карфагенянин так доверял себе сам, что копировал себя, не логично ли ожидать, что копия доверие оправдывает? Ведь это и есть он сам.

— Именно! — поднял палец “номер один”. — Властолюбивый, жадный до славы Ганнибал. Всё ещё он. Много ли нужно времени, чтобы между этими двоими пробежала кошка, по причине того, что один из них останется в тени. И вообще, верь мне: я разбираюсь в том, кого прибираю себе к рукам.

— Да-а-а... — принца всяко больше волновали военные подвиги, чем то, можно ли доверять рыжуге или же нет. — А что бой?

— Эпичный! Самое эпичное началось, когда мы вышли раз на раз: я с “яплетью” и верхом на одержимом дроне, и он — в автономном мясном не то големе, не то доспехе. И самое крутое тут то, что каждый из нас надеялся в итоге сразить божество в открытом бою...

4.

Если честно, в гневе принц смотрелся не очень внушительно.

Дело тут скорее не в недостатке стати, с которой у пана Лотарингского всё было хорошо, а скорее в его репутации. Многие годы Вацлав был тенью отца. Не рисковал сам принимать решения. И, по сути, ни в чём, кроме дуэлей не прославился. Не окружал его флёр опасности, как Даркена Маллоя. Всё это время сын короля просто существовал. Ничем чести не опорочил, но большая часть его достижений хорошо описывалась словом “ожидаемый”.

Ожидаемо хорош в учёбе.

Ожидаемо толков в бою.

Ожидаемо достойно держится на людях.

Но не более того. Даже Чернинов, на которого сейчас изливал свой гнев молодой пан Лотарингский, считал последнего обычным юнцом, который о себе много возомнил, но который не имеет права принимать хоть сколь-нибудь значимые решения. Да и простодушность Вацлава не делала ему услуги: он выкладывал всё, как на духу, оперируя понятиями “честь” и “справедливость” в их самом инфантильном значении из возможных, из-за чего у ругаемого дворянина справедливо возникала мысль, что потом вернётся король, похлопает сыночку по голове, а затем всё переиграет, как положено.

Тут бы Даркена, конечно, вмешаться бы. Выступить на стороне принца, решившего

взять его под своё покровительство. Стать той свитой, что красит сюзерена.

Но... лень. Лень и апатия всё более и более проникали в жизнь пана Маллоя. За последние месяцы он успел опасно приблизиться к выгоранию. Потому и мышление менялось. Вот что, неужели Ваця сам не разберётся? Ну, даже если и так, Елецкий-то ему зачем? У Дарка что, своих забот нет?

А они есть. Есть, конечно же. В частности, надо было разобраться с бардаком, который после себя оставила невеста. Нет, конечно, никто не мешал просто позвонить ей и потребовать явиться сюда лично, но... это было бы свинством. В конце концов, Бронька тут тоже не болтопинательством занималась. Она сразилась с противником. С противником опасным. Да, в результате их боя образовались жертвы, но не схватись Лешая с Перловкой, разве жертв вышло бы меньше?

Плюс, сейчас, как никогда, слечне Глашек требовался отдых. Потому как Невкусная Каша хотела дестабилизировать и поглотить светлую богиню.

Отдохнувшая и расслабленная Броня являлась противовесом в этом противостоянии. Если Богемия лишится её, то останется один на один с тёмной аватарой хаоса.

Даркен, конечно же, готовился к схватке, но он не стал бы ставить на себя все деньги в этом бою.

Так или иначе, “номер один” не стал помогать принцу, а просто занялся приёмкой дел у Ёлко.

Они оккупировали столик в углу, подальше от основного представления, да уткнулись носами в мобильники.

Изящный девичий пальчик с ярким коротким ноготком фиолетового цвета постучал сквозь голограмму по столу рядышком с внушительной цифрой.

— А это примерная смета на восстановление фасадов и экспертную оценку по вопросу, не стали ли здания аварийными. Вроде как, это уже не наша головная боль, но я не удивлюсь, если Черниновы попытаются сэкономить. Это не самый богатый род, а у нас тут ещё и война... ну ты понял.

— Угу, — по-совиному кивнул Дарк, скорей не склонив голову, а клюнув носом воздух. — Поймаю за руку на некачественной работе, нужно будет попытаться получить какую-либо выгоду: либо додавить род, либо получить его в должники с целью вытягивания бенефитов в долговременной перспективе. Я понял — не дурак. Был бы дурак — не понял.

Ёлко вдохнула.

— Ну, по записям вроде бы всё. Прости, тезисы приготовить не успела.

— Богиня простит, — отмахнулся Дарк, а затем мягко погладил девушку по обнажённому плечу, вкладывая в её тело контур, призванный защитить от вечерней прохлады. — Ты и так уже опоздала на свидание с ней. Я разберусь.

Некромагичка поднялась со стула, но так и замерла, не отрывая рук от крышки стола.

— Уверен, что тебе не надо помочь? Ты не выглядишь готовым к хорошему экспромту. Да и ситуация сейчас щепетильная.

— Попрошу Лукана накидать чего-нибудь, — успокаивающе улыбнулся молодой человек.

— Почему не Вика? — нахмурилась Ёлко.

— Потому что Вик слишком замкнут на себе и своих принципах, а вот Лукан достаточно лицемерен, чтобы осознать, чего от нас все ждут. Плюс, он, вроде как, немного участник этих событий.

Даркен от души размахнулся, а затем хлопнул собеседницу по ягодице.

— Пошла, родимая!

— Бака!!! — возмущённо хваляясь руками за зад, Ёлко в одно движение отскочила на добрый метр. — Ты что себе позволяешь?!

— Вообще всё, — довольно улыбнулся самой широкой из возможных улыбок “номер один”. — Ибо...

— ...Тетраграмматон, — со вздохом понурила голову девушка. — Знаешь, тебе не помешало бы иногда держать себя в руках.

Молодой человек возмущённо фыркнул.

— Зачем мне держать в руках себя, когда есть ты? И вообще, вали уже. Или ты не поняла, чего это я вдруг решил встать невыносимым?

Ёлко устало выпустила воздух через приоткрытые губы.

— Напомни мне ещё раз, почему я согласилась стать твоей фавориткой?

— Потому что я — главный герой? — многозначительно поиграл бровями молодой человек.

Девушка надулась.

— Всё! Я — ухожу! Буду жаловаться на тебя Броне.

— Иди-иди! — выкрикнул вслед сердито виляющей ягодицами некромагичке “номер один”. — Мне и без тебя неплохо! Тут есть всё, что нужно, чтобы здорово провести вечер: цифры, и ещё цифры, потом снова цифры, и даже числа!

Наконец, Ёла ушла.

Наконец.

Дарк устало понурил голову, да вновь погрузился в те самые хтоновы цифры. Погрузился не в значении “стал понимать и анализировать”, а скорее “растворился” и “начал тонуть”. Хотелось просто замереть в одном положении и стагнировать.

Но нельзя.

Неизвестно через сколько — через пять секунд или пять минут — молодой человек сбросил с плеч этот ленивое оцепенение и перелючился на телефонную книгу.

Лукан ответил сравнительно быстро. На заднем фоне у него звучала какая-то поедающая мозг электронщина с большим количеством высоких противных писклов.

— Алло? Да, босс?

— Ты гиде?

— В “Распутнице”. Празднуем успешное завершение операции. Чествуем Праведного Погружаем его развлечения в высшего общества.

— Вылезай из этой своей “Распутницы” и шевелись в “Плотву”. Если успел накидаться, прочисть желудок и протрезвей: мне нужно, чтобы ты мне быстренько заготовил тезисы и организовал эфир.

Секунда тишины. Точнее того, что можно назвать тишиной, с учётом того, сколь шумно было на заднем плане.

— Понал. В какую именно “Плотву”?

— Я тебе скину геолокацию. Давай. Пронто.

— Бенэ.

Даркен тапнул по иконке сброса звонка, да вновь залип в экран. Ряды имён и пометок гипнотизировали. Проникали в разум. Овладевали всем вниманием, но никак его не использовали.

В конце концов, единственным вопросом в голове молодого человека было только “а дальше что”? В смысле, чем занять себя в этот промежуток времени. Полезным. Помимосна.

Немного подумав, он решил набрать отцу.

Ответ был мгновенный.

— Что-то случилось?

— Много чего. Но ничего не решаемого. Просто хотел поинтересоваться, как у вас там?

На заднем плане звучали недовольное ворчание вперемешку с короткими выкриками. Всё тише и тише с каждой секундой. Или, точнее, шагом.

— Хуже, чем вещает пропаганда. Мы пока держимся, однако Россия нас возьмёт банально измором, если в ближайшее время ничего не изменится. Плюс, я слышал, там Корсика подумывает поддержать Австрию. Маленькая, но гордая Богемия не сможет вечно сохранять свою гордость в одиночестве.

— Ну, этим ведь и занят король, верно? Поиском союзников? — напомнил отцу Дарк.

Хотя, задним числом молодой человек осознал, что интонации вышли скорей вопросительные.

— Он занимается перебором союзников. Водит носом. Я понимаю его мотивы, но на мой взгляд излишняя придирчивость сейчас... излишня.

— Я... тебя понял, — сдержанно ответил Маллой-младший. — Но, так или иначе, мы ведь на самом деле не совсем одни. Как минимум Мали признали Броньку. А это значит, что они выступают хорошим сдерживающим фактором для Корсики.

— Думаю, их куда больше будут интересовать османы. В конце концов, на их африканские территории манса давным давно пускает слюну. И сложно сказать, в каком качестве он их в итоге хочет заполучить и под каким соусом: как марионеточные республики или же королевства.

Дарк зашипел так, будто бы ему раскалённое масло в предплечье брызнуло.

— Больно осознавать, что наша Золотая Сова не является центром мироздания. Ты, кстати, внимательно следишь за происходящим на Чёрном Континенте?

— Ныне я вынужденная жертва тоннельного зрения. Но не удивлюсь, если в ближайшие пару дней в Египте произойдёт кровопролитие. И, с учётом, что в гостях у семьи фараона побывала Анастасия...

— ...ещё неизвестно, кого выберут монархи, — закончил за родителя мысль. — Политика... она такая политическая.

— Всегда была. И, всё-таки, я не верю, что ты позвонил чисто из праздного интереса, — сказал Маллой-старший. — Хочешь подправить курс?

— Да нет. Не вижу причин считать маршрут “нарабатывать репутацию себе и роду” требующим изменения, — честно ответил Дарк. — В любой непонятной ситуации наработывай репутацию.

Универсальная валюта. Имея её на руках достаточно, можно и у генсека кредит доверия оформить, и у Лотарингских. Покамест у рода Маллой получалось набивать себе очки авторитета в глазах всех актуальных фракций, кроме, разве что, России. Царь вряд ли будет жать руку мужу той, кто проклял его сына.

Ходят слухи, что проклятье поразило саму душу, из-за чего даже у воскрешённых копий через некоторое время физиономия начинала отслаиваться сама собой, что, собственно, серьёзно повлияло как на характер цесаревича Александра, так и на шансы его младших

братьев потеснить старшего в вопросе борьбы за наследство.

Если честно, Даркен не особо сильно верил в эту байку. Проклясть душу? Даже лучшие умы человечества понятия не имели, как работать с заклинаниями на таком уровне. Это теоретически возможно, но на практике никто никогда не делал. Но это смертные не делали, а Броня, она, вроде как, богиня. Да ещё и сплела сие колдунство в состоянии одержимости. Так что, народ верит.

Кто-то — потому что хочет, чтобы это оказалось правдой.

Кто-то — потому что боится, что оно окажется правдой.

В мире, где вся знать — волшебники, правила волшебника особенно актуальны. Но знает про них не каждый.

— Тоже верно, — не стал спорить отец. — Ладно, ты меня застал посреди совещания.

— Сорян. Не буду задерживать. Всё равно я просто хотел быть в курсе дел. Чао.

Дарк сбросил звонок и устало прикрыл глаза ладонью.

Замечательно потратил время. Только груза дополнительного поймал.

Ну, благо, что делать в такой ситуации дальше, молодой человек отлично представлял: когда тебя обидел папа, беги плакаться маме.

— Муши-муши, — с ходу выдал некромаг, едва только понял, что родительница сляла трубку.

— Дай угадаю: ты сегодня будешь завтра?

— А ты умная, — усмехнулся Даркен. — Вся в меня.

— Это из-за битвы богинь?

— Яп! Ну, возможно с Вацей затушу. Ноэтонеточно.

— Никаких “ноэтонеточно”. По крайней мере, когда мы говорим о завтрашнем дне. Принц обязан гулять у тебя на мальчишнике. И это будет самым важным из всех твоих занятий. Я бы проконтролировала, но... на то мальчишник и мальчишник. Время, когда ты уже неподконтролен мне, но ещё не отчитываешься перед женой.

— Время, когда я могу не ложиться в постельку после “Спокойной ночи малыши”? — он зачем-то показал трубке язык.

— Да... но то будет вечером, а утром я тебя запру, если потребуется. Сонная пьяная муха — это не то создание, которое люди ожидают увидеть на мальчишнике самого Даркена Маллоя.

— Не волнуйся, я умею отдыхать.

— Тогда ты должен быть в курсе, что если после отдыха ты не вымотался в хлам, значит плохо отдохнул.

— Не надо мне объяснять основы, — фыркнул молодой человек. — Может я для того так убиваюсь сегодня, чтобы на завтра не осталось невыполненных дел.

— Да даже если. Впрочем, слово “если” не то, чтобы уместно. Они обязательно останутся. Делегируешь. Несколько дней мир обойдётся без тебя. Ему полезно. Сильнее соскучится, будет больше рад твоему возвращению. Не забывай, что сейчас дома я и твой дед.

Даркен тепло улыбнулся.

— Умеешь же ты успокоить, мама.

— Само собой, — гордо хмыкнула она и, скорее всего, вздёрнула подбородочек высокомерно. — Я же пани Маллой. Для того мы и существуем, чтобы вас, неугомонных мужчин поддерживать в момент, когда вам тяжелей всего.

Молодой человек поднялся с места и подошёл к окну. Отсюда практически не было видно разрушений, однако суету стражей правопорядка и инспекторов тайной полиции разглядеть удавалось.

Право слово, будто бы какой-то гигантский мальчишка муравейник пнул, а ты всё наблюдаешь изнутри.

— А паны Маллой существуют для того, чтобы делать невозможное и быть достойными свои пани. Моя будет богиней.

— Да, я помню, что ты удумал, чтобы сравниться с ней.

— Нет, мама. То, что ты имеешь в виду, не оно. Потому что это именно “сравниться”. Я собираюсь превзойти.

— И в чём же, если не в бою?

— Я спасу её от врага, с которым ей справиться не дано, — уверенно сказал Даркен. — Идея безумная, но таков я. Мои инстинкты ведут меня, а планы... для этого имеются аналитики. Я чую этот запах, мама. Запах той самой Брони. Едва уловимый. Нечёткий. Но он есть.

Молодой человек выдержал небольшую паузу.

— Она всё ещё тут. Просто не целиком. Разбита на осколки и неправильно собрана. Мне нужно только предоставить ей ориентир. Помочь нащупать правильный хребет, если ты понимаешь, о чём я.

Пауза.

— Нет, — не стала лукавить матушка. — Думаю, то, о чём ты говоришь, это только ваше с ней.

— Да... — задумчиво проговорил он, но в следующую секунду довольно ослабил. — Да! Точно! Я всё ходил вокруг да около, а оно всё время было тут! Спасибо мама, ты — гений! Действительно! Только наше с ней! Проклятье! Я ведь даже пару раз это использовал, не понимая до конца, насколько это мощный инструмент! Просто для проформы!

Женщина что-то ответила, но слова её оказались не способны перекрыть громкий командный голос принца.

— Дарк!

“Номер один” обернулся через плечо и увидел суровое решительное лицо молодого пана Лотарингского.

— Арестуйте пана Чернинова.

Потенциальный арестант тотчас же вскочил с места.

— Что? Почему?

— Измена.

— Но я согласился выполнить приказ!

Принц несколько секунд молча взирал на Чернинова, а затем ответил:

— Нет. Вы не согласились выполнить приказ. Вы сообразовали поддаться на уговоры.

Ох, какое шоу упустил Дарк! Даже обидно как-то стало. Немножко. Наверное, стоило следить за беседой этих двоих повнимательней.

Впрочем, время слов прошло. Настало время деяний.

Пан Маллой подбросил телефон вверх, вцепился зубами в большой палец левой, после чего правой схватил ближайший стол и задурил его, метя в колени “изменщику”.

Чего тут думать? Принц приказал, а Даркен — сделал. Тем более, что у “номера один” давно была репутация скорого на расправу бесноватого некромага. Надо её поддерживать.

Боя не случилось. Не считать же боем одну неуклюжую попытку противника выдать проклятье на опережение. Пока он достал палочку, пока сформировал контур, младший Маллой уже преодолел половину расстояния до врага, а от заклинания даже уворачиваться не пришлось — в спешке дворянин пульнул его сильно мимо цели.

Даркен одним лишь движением кисти сломал Чернинову запястье, следующим — уже локоть, после вбил колено в лицо “мятежному” дворянину и закончил всё усыпляющим контуром прямиком меж глаз. Было бы круто, если бы он ещё и телефон успел поймать, но тот, к сожалению, пролетел мимо руки всего в сантиметрах двадцати.

— Так и было задумано, — только и прокомментировал этот косяк Даркен.

— Не сомневаюсь...

Вацлав следил за происходящим с интересом, а в оконцове не смог удержать любопытство:

— Если честно, я ожидал увидеть в деле “яплеть”.

— Я же её сломал, ты забыл? — “номер один” подхватил пленника за шиворот. — Высокие технологии не выдержали моей улётности.

Принц усмехнулся на правую половину лица.

— И что? Знаменитые арсеналы Даркена Маллоя оскудели?

— Да нет, — пожал плечами тот в ответ. — Просто не имелось возможности туда заглянуть и подобрать что-нибудь интересное. Зато я только что смог замутить классную отсылку на “Атаку Титанов”.

Лотарингский развёл руками.

— Ты же знаешь: в Форгерии не очень хорошо с аниме.

— А я всё призываю тебя найти попаданцев-виабушников, помнящих канон назубок, да замутить уже наконец-то нормальную аниме-студию. Мы могли бы весь мир покорить. И все разом бы запели:

Нас по звукам узнавай:

Ня Кавай, Ня Кавай

Мы орем на весь трамвай:

Ня Кавай

Никогда не забывай:

Ня Кавай, Ня Кавай

Лучше к нам не приставай

Ня Кавай

Принц понимающе покивал.

— Можно будет заняться, когда кризис минует.

Дарк раздражённо мотнул головой.

— Ошибочка, вашсочество. Как раз в кризис, когда всем тяжело и они будут искать возможность немного поаутировать от реальности хотя бы в белую стену, самое время, чтобы захватывать их умы и сердца через медиа и комиксы. Ты недооцениваешь сокрушительную мощь тактического панцушота.

Тот поднял руки.

— Я ещё не выучил весь твой лексикон, но “панцушот” звучит, как какой-нибудь внушительный танк.

— Тянк.

— Тянк?

— Да.

— А это лучше танка? — секундой позже до Вацлава дошло и он рассмеялся. — Ах, хтось!

Даркен многозначительно улыбнулся.

Глава 8. Богиня на свидании

1.

Ночь не торопилась вступать в свои права.

Несмотря на поздний час, небо всё ещё оставалось голубым и никакой нужды в фонарях, по привычке уже открывших свои сияющие очи, не имелось.

После захода солнца тут, конечно, будет красиво. И светло. Не как днём, но всё же. Отовсюду, с каждого фасада начнёт изливаться неон. Заведения станут подобны женщинам, прикладываящим все усилия, чтобы привлечь к себе внимание, но при этом сохранить видимость тотальной неприступности. Ведь сюда можно только богатым и знатым. И более никому.

Не считать же за людей работающую челядь.

Но то будет лишь после заката.

Хотя...

— Крутануть землю что ли... — задумчиво произнесла Броня, беспечно постукивая пяточкой по стенке рядом с дверью.

Илега нервно икнула.

— А не слишком ли?

— Так ску-у-у-учно.

— Но это же ход в стиле Перловки.

Богиня скосила взгляд на камеристку.

— Ну ты же мне мобильный не даёшь.

— Говорю же — дома забыла, — “честно-честно” моргнула васильковыми глазюками горничная.

— Врёшь.

— Не вру, — недовольно топнула ножкой Илега.

— Врёшь, — покивала Броня. — Если бы ты не “забыла” мобильный специально, ты бы за время, пока я жду Ёлко, раз десять его намутила бы. Выдала бы свой, купила бы новый, отправила бы за ним Пьеро слетать. Ты просто не желаешь, чтобы я выходила в Интернет.

Горничная виновато улыбнулась.

— Просто... не хочу, чтобы ты волновалась.

— О чём? О том, что во время моего последнего боя полегла куча народа, а я тут собираюсь на танцульках отплясывать, словно русский царь?

Илега медленно-медленно поставила бровки домиком. Она молчала несколько секунд, при этом с течением времени демонстрируя всё более и более жалостливую мордашку, но затем вдруг оживилась, спешно нацепила на нос тёмные очки, достала из набедренного патронташа нечто металлическое, продолговатое, с лампочкой, выставила перед собой, да нажала кнопку, иницируя яркую вспышку.

— Жертвы не являются твоим приоритетом. Ты и без того сделала многое, чтобы спасти людей. И ты имеешь право на отдых.

Броня непонимающе проморгалась.

Богиня ожидала, что Илега будет и дальше отнекиваться и строить невинность, но она, по сути, призналась во лжи. В том, что использовала потерю памяти своей госпожи, этот результат берсерка, и намеренно утаила нечто столь важное.

— Это сейчас что было?

— Дарк вручил мне эту шваркалку и велел использовать, если ты вдруг начнёшь задавать неудобные вопросы, — русовласка стянула очки на острый носик и поглядела на богиню поверх них. — Сверчок помог, значит и эта штука должна.

— Ты лучше скажи мне, почему ты считаешь, что можешь за меня мои приоритеты определять.

— Потому что я волнуюсь! — гневно топнула ножкой камеристка. — И вообще, у тебя есть те, кто займутся данным вопросом за тебя: на кою Лешую вообще тебе нужен храм, если ты собираешься всем заниматься лично?

— А я и не собираюсь, — холодно ответила богиня. — Но я хочу, чтобы это было моё решение.

— Это и есть твоё решение, — подняла пальчик горничная. — Ты ведь сама решила сходить на свидание с Ёлко.

Секундой позже пальчик согнулся крючком, а улыбка — померкла.

Взгляд Брони был тяжёлым.

— Ты поняла, о чём я, — тихо сказала Лешая. — Я имела в виду решение, принятое на основании всей полноты имеющихся данных и с учётом актуальных событий.

Илега поджала губки.

— Значит сейчас ты...

— Остаюсь. Раз мой храм этим занимается, раз есть, кому заняться последствиями и сделать официальное заявление, то пусть. Тем более, что мне и правда необходимо отдохнуть. Тут ты права. Но впредь я не желаю сталкиваться с подобным ребячеством в столь серьёзных вопросах, ясно?

— Гу, — кивнула служаночка, неловко прижав ручки к груди.

— Бенэ, — Броня неспешно окинула взором улицу. — Я так понимаю, Ёла потому и задерживается, что разгребает последствия?

— Да. Но она уже передала все наработки Даркену, — затараторила Илега. — Будет с минуты на минуту.

— Даркен? — подняла брови Лешая. — Вот уж кому-кому, а ему уж точно не мешало бы отдохнуть.

Камеристка потупила глазки.

— Меня он не слушает.

— Меня тоже, — ответила богиня, но секундой позже криво усмехнулась. — Но это его проблемы.

Илега подняла на госпожу вопросительный взгляд. Секундой позже от богини поступило распоряжение:

— Назначь нам с ним завтра на утро встречу. Я всё обеспечу.

Горничная неуверенно улыбнулась.

— А на утро — это во сколько?

— В семь, — бросила Броня уже на ходу.

Внимательный взор богини выцепил за рулём стильного глянцево-чёрного спортивного авто Ёлко. Благо, внешность у девушки была достаточно яркой, чтобы можно было отличить её издали.

Лешая оказалась у дверей машины даже раньше, чем расторопный парковщик. И, конечно же, не преминула возможностью подать слечне руку.

— Как вообще возможно опоздать, когда у тебя тут столько лошадок под капотом?

— Я выехала тридцать секунд назад, — ответила лукавой улыбкой “номер два”, вложив пальчики в ладонь богини.

— Принимается, — одобрительно кивнула Броня и проводила взглядом ключи, кочующие от владелицы авто к парковщику. — А ну-ка, покрасуйся!

С этими словами Лешая перевела девушку на тротуар и чуть повернула кисть, жестом подталкивая Ёлко прокрутиться в неспешном танцевальном движении.

“Номер два” подобрала себе одеяния вульгарные. И если в случае кого другого подобное выглядело бы, как безвкусица, то у главного аналитика ковена рыцарей плюшевого енота Тимки с этим проблем не имелось. Вульгарность — это вызов. А вызов всегда был частью стиля жизни Ёлко.

В конце концов, с точки зрения богемийской шляхты уже сам факт того, что дворянка лично управляла спорткаром, а не доверила это кому-нибудь другому, являлся откровенной пошлостью. Это попросту неприлично!

Но в том-то и тонкость, что как раз в случае с ведущей себя подобным образом девушкой, то, что обычно кажется аляповатым и безвкусным, становится гармоничным. Яркие неестественно неоновые-розовые глаза? Кричащий макияж? Тяжёлого вида обувь на высокой платформе? Колготки сеточкой? Кожаная миниюбка на подтяжках, которые, к тому же, не были перекинуты через плечи, а просто болтались у бёдер? Великое множество легкомысленных ярких значков? Якобы рваная рубашка с коротким рукавом, левая пола которой заправлена, а правая — навывпуск?

Это всё Ёлко. И конкретно ей подобное идёт.

— Ну, как? — поинтересовалась “номер два”.

— У моего будущего мужа отличный вкус.

— Одеяния подбирал не он, — ехидно пропищала аналитик.

— Он подбирал девушку. И я этот выбор одобряю.

Броня потянула собеседницу на себя, а затем выставила локоток, предлагая за него взяться. Когда ручки Ёлко сцепились за предплечьем богини, Лешая спросила:

— Кстати, у тебя имеется хотя бы малейшее представление, о чём мы будем говорить, если не о работе?

— Вообще, в подобных случаях полагается побольше узнать друг о друге.

— А разве есть что-то, что ты обо мне не знаешь?

— Как бы сказать... достаточно много. Вы с Дарком оба весьма непредсказуемы. И, попрошу заметить, что об этом говорю я, лучший аналитик нашего ковена.

Броня не то усмехнулась, не то хмыкнула. Несколько секунд они шли молча. Миновали двери заведения и погрузились в обстановку шика и богатства. Конечно до национального театра данная едальня откровенно не дотягивала, но официанты тут одевались получше, чем средний обитатель Праги. И это не говоря о живой музыке, на которую, правда, мало кто из посетителей обращал внимание.

— Ну, тогда лови обо мне первый факт: я терпеть не могу подобные заведения.

— Я тоже, — во все зубы улыбнулась Ёлко. — Мы с Дарком тусуемся в основном в местах заметно более неформальных.

Броня удивлённо подняла бровь.

— Тогда что мы тут забыли?

— Замечательную возможность всех побесить.

— Хочешь поиздеваться над персоналом? — неодобрительно нахмурилась богиня.

— И над ним тоже. Поверь мне, тут пафос впитался даже в официантов. Там он перебродил и обратился в презрение к простым смертным, не имеющим возможности коснуться высшего света.

Броня покачала головой.

— Нельзя всех чесать под одну гребёнку.

— Ну, кто пафосом не отравлен, тех наши проказы не коснутся. Они будут таргетированы. Тем более, что за прислугой, вроде как, должна следить твоя камеристка. И она о моих планах в курсе.

Девушки в сопровождении Илеги добрались до стола. Лешая поспешила отодвинуть стул для своей партнёрши.

— Я тебе сейчас небольшой инсайд скажу, Ёла, только ты, пожалуйста, не обижайся: бесить персонал в заведениях общественного питания — к плевку в супе.

— Местные слишком утончённы для подобного, — хихикнула аналитик и стрельнула глазками в сторону официанта. — Бедолагу от твоих предположений аж передёрнуло.

— Какие предположения, родная? Ты забыла, сколько во мне душ плескается? Это информация даже не из первых рук. В каком-то смысле, я была таким террористом в системе обслуживания. Вставляла кадры с порно в плёнки с блокбастерами. Добавляла особого привкуса мочи в угощения для ненавистных мной богачей потребителей... как вспомню, так сразу фантомный ожог на руке чешется.

Ёлко замолчала. Она несколько секунд смотрела перед собой, а затем, наконец, обернулась через плечо.

— Знаешь, Броня, это не та сторона твоей личности, о которой мне хотелось бы узнать поподробней.

— Что? — осклабилась богиня. — Тебе совсем неинтересно, как я притворялась больной раком и ходила на собрания, смотреть, как пытаются не сойти с ума те, кто осознают свою обречённость на смерть?

— Нет, потому что то была не ты, — уверенно покачала головой аналитик. — Такой человек, упивающийся чужими страданиями, мог бы стать основой личности Перловки, но не твоей. У тебя в сердечнике всё ещё та самая девушка, что пожертвовала собой в Коваче. Ну и тот попаданец, который стал той самой девушкой, конечно же.

— Ла-а-адно, — закатила глаза Лешая, после чего обратилась к официанту. — Будь добр, сгоняй в Бургер-тауэр. Я хочу два разорви хлебало, сливовое таложенное, шоколадный милкшейк и две большие картошки сычуаньским соусом. М-м-м... Ёл, тебе что-то заказать?

Та задумалась.

— Император-ролл, маленькую картошку и земляничный милкшейк.

Броня неспешно добралась до стула напротив, развернула его спинкой к столу, да так и уселась. Она молча взирала на официанта, который, кажется, успел уже осознать, с кем имеет дело, а потому предпочёл просто записать заказ и, убедившись, что слечнам более ничего не нужно, удалиться прочь, оставив тех наедине.

Именно тогда Ёлко и услышала вопрос Лешей:

— А почему ты не любишь подобные места? Ты же, вроде как, попаданка. И, насколько мне известно, в прошлой жизни пролетарием не была. С чего вдруг такое отношение к традициям знати?

Аналитик сложила ручки на столе, да сконцентрировала внимание на них.

— Чрезмерно старательное следование традициям того общества сделало меня слабой. В смысле, я понимаю, как это звучит, учитывая, что я и сейчас не то, чтобы в верхах боевого рейтинга хотя бы УСиМ, но по сравнению со мной тогдашней... это небо и земля. И я сейчас говорю даже не о магии.

— А о чём?

Нет, Броня отлично понимала, что подразумевает собеседница. Просто богиня желала увести разговор как можно дальше от обсуждения своей личности. Эта тема стала болезненной за последние месяцы. И пусть Ёлко не успела отличиться на почве попыток “докопаться” до “куклы”, но обжёгись на молоке, дуют и на воду.

— О многом. Думаю, ты догадалась, что в первую очередь речь идёт об информированности. Предупреждён — значит вооружён. В прошлой жизни я совершенно не следила ни за политикой, ни за финансами. Благородной женщине в том обществе этого не требовалось. Более того, меня старательно ограждали от подобных занятий. А я и не была против.

— Но в Форгерии женщин не ограждают от политики. Благородных, я имею в виду, — усмехнулась Лешая. — Напротив, вас хоть и стараются держать в тылах, но обучают даже боевой магии. Причём добровольно-принудительно. Конечно, это не значит, что все становятся могучими зверями войны, но против обозлённой челяди с волшебной палочкой наголо выступить можете. Так что... не в ту сторону воюешь со своим подростковым бунтом.

Ёлко закатила глаза.

— Да в курсе я. Но, знаешь, семена неприятия всего женственного пали на плодородную почву желания защитить семью, задолго до того, как я поняла устройство местного общества. К тому моменту, как я осознала отсутствие необходимости бунтовать и строить из себя пацанку, у меня за плечами был уже десяток выигранных кулачных боёв, а счёт разбитым коленкам я потеряла давным давно, — она хихикнула. — Знаешь, родители были уверены, что я в прошлой жизни была парнем. Причём очень и очень хулиганистым.

— Могу понять, откуда у них взялись такие мысли.

— Ну а ты?

— Я? — не поняла Броня.

— Да, ты. Ты ведь тоже против чего-то бунтовала. Чрезмерное следование порядку, любовь к процедурам и формализмам — это тоже форма протеста. Но, скорей, не против устоев, а против пренебрежения устоями. Или, точнее, против культуры, ищущей в обход правил. Как например это бывает в бедных кварталах, где “понятия” ценятся превыше закона.

Богиня улыбнулась.

— Этот разговор бесполезен: я и до последнего берсерка не помнила, какая из тех жизней, что я помню, моя.

Ёлко покачала головой.

— Уж точно не та, в которой ты портила фильмы втихую и бадяжила бензин ослиной мочой.

— Суп. Человеческой.

— Не важно. Имеет значение, что из такого шакала паршивого не могла получиться Броня Глашек. Ты была окружена подобными личностями, но никогда не могла принять их образ жизни. Думаю, тебя даже травили в школе.

— Если я вообще училась в школе, — заметила Лешая. — Знаешь, сколько попаданцев из тех, что плескаются во мне, жили в обществах, где образование не было особо распространено.

— С твоей-то любовью к рациональному? Уверена, ты притащила её из прошлой жизни, что подразумевает, что мир уже как минимум вошёл в эпоху просвящения или её локальный аналог. А в купе с твоей любовью к порядку и попытками сторониться общества, которые ты демонстрировала ещё до того, как стала заниматься некромагией, я делаю закономерный вывод, что ты тогда проживала в местах и времени, подразумевающих доступность образования такую, чтобы даже люмпенизированный элемент мог к ним приобщиться.

Броня улыбнулась.

— Мой брат, Лёва, вообще был необразованной крестьянкой, а сейчас стремится к знаниями, как никто другой.

— Это у него из-за общения с тобой. В семье более некому на него так повлиять. Родители просты и религиозны, а ты всегда проповедовала силу разума и власть человека над природой. В том числе и над его собственной. Плюс, он, в отличие от тебя, тяготел скорей к физической силе. Вспомнить хоть, как он подкараулил своих обидчиков и избил ломом.

Этот вывод заскрёб в голове у Брони с противным звуком. Словно бы заржавевшая шестерня, что цеплялась за всё подряд и мешала механизму работать. Что-то в словах Ёлко звучало неправильно, но богиня не могла понять, что именно.

Забавно, что это случилось именно на описании Лёвы, а не на попытках предположить прошлое самой Лешей.

— Думаю, ты всё-таки не права.

Да, слечна Глашек предпочла обойтись такой, довольно нейтральной формулировкой.

Но Ёлко этого было недостаточно.

— А вот я думаю, что права.

— Возможно, мне лучше знать?

— Тогда аргументируй.

С этими словами аналитик беспечно откинулась назад на стуле и вальяжно свесила одну руку.

Броня нахмурилась.

— Говорю же: я не помню.

— Тогда откуда идея, что я не права?

— Я это чувствую.

Ёлко усмехнулась.

— Агась! Обрывки образов нашлись. Что-то ты, значит, всё-таки, смогла сохранить. Это не “чувства”, а именно что информация. И на основании неё я, пожалуй, соглашусь с тобой: я ошиблась в своих выкладках по поводу Льва.

— Ты точно так же могла ошибиться насчёт меня.

— Но тебя же не коробило, когда я выдвигала предположения.

— Меня не коробило, даже когда я вспоминала своё прошлое в качестве террориста сферы обслуживания, — парировала Лешая.

Но Ёлко было не смутить. Она многозначительно подняла палец и продолжила:

— Это потому, что подобная информация всё же хранится в твоей душе. В тебе сейчас много взаимоисключающих параграфов. Но ты не соблюдаешь их все. Часть из них —

причём, большую, — ты используешь, как подчинённую. Как обычную базу знаний. Но не как моральный базис.

Броня развела руками.

— Иными словами, ты сейчас могла просто угадать одну из моих душ. Но у меня их так много, проще попасть, чем промахнуться.

Ёлко выдержала паузу, а затем, с каменным лицом выдала:

— Ты считаешь, что портить плёнку и вставлять в неё кадры с порно — забавно.

— Не-ет! — тотчас же возмутилась Лешая.

— Ты считаешь, что таким образом ты восстанавливала справедливость.

— Бред какой-то!

— Ты считаешь, что портить плёнку и вставлять в неё кадры с порно — идиотизм, на который способен человек, которому нечем заняться, и который не уважает окружающих.

— Конечно!

Ёлко многозначительно улыбнулась и подняла бровь.

Броня всё поняла.

Вообще всё.

Она поморщилась и откинулась назад.

— Хочешь пробудить мою старую личность?

Аналитик фыркнула.

— Ты бы ещё меня обвинила в том, что я хочу налить воды в океан.

— Тогда к чему все эти пляски с моим психологическим портретом?

Ёлко улыбнулась.

— То, как ты сейчас реагируешь, норвя отбросить тревожную социальную связь, как ящерица отбрасывает хвост, яркий признак того, что твоя личность изменилась, а не сменилась. И именно по этой причине не имеет смысла возвращать старую личность. Потому что она никуда и не уходила. Она просто обросла примочками, — некромагичка развела руками. — Обычно такое происходит со временем, а не так резко, как у тебя. Вот народ и переполошился. Я не согласна с этой частью разводимой ими паники, но вот касаясь той, где они выражают беспокойство относительно твоей стабильности — это я поддерживаю на все сто.

Броня отстранилась.

— Я думала, мы не будем говорить о работе на свидании.

— Я просто совмещаю полезное с полезным. Но если тебе эта тема не нравится, могу прекратить.

— Не нравится.

— Хорошо. Могу я тогда, прежде чем мы окончательно уйдём в сторону от этого вопроса, высказать последний тезис?

Лешая устало махнула руками.

— Давай. Иначе ты ведь всё равно найдёшь повод это вернуть.

— Спасибо. Слушай, я вижу причины, по которым ты сторонись этой темы. И это часть тебя. Важная. Это делает тебя тобой. Но я и правда считаю тебя нестабильной, ведь собрав идеальную версию себя по кирпичикам, ты забыла скрепить это всё цементом. Возможно, из-за того, что тебе не нравилось то, почему ты делаешь то, что делаешь. Возможно ты просто не успела или, пребывая в том состоянии, не имела возможности додуматься, но по итогу... — она сделала паузу и тяжело вздохнула. — Отбросив своё

прошное, ты потеряла большую часть причин продолжать движение вперёд. Сейчас у тебя имеются краткосрочные цели. Они заложены в тебя, но я уверена, что ты не способна до конца осознать, почему. Думаю, ты сама подсознательно это понимаешь, и оттого избегаешь самоанализа, который сама же пропагандируешь, что если ты начнёшь искать истоки своей текущей сборки, ты их не обнаружишь.

Ёлко огляделась вокруг.

— Возможно ты ждёшь, что найдёшь причины по мере жизни. Так бывает. Людям свойственно отмечать подтверждения своей точке зрения, неосознанно. И это, возможно, даже срабатывает. Но я уверена, что обращение к истинной прошлой жизни надёжней. Плюс, Даркен порадует. Илега будет довольна. Твоим родным станет спокойней и они перестанут бояться, что тебя потеряют, — аналитик выдавила из себя виновато-подбадривающую улыбку и подалась вперёд. — Думаю, так будет лучше для всех. На этом всё. И знай, что даже если ты не прислушаешься к моим словам, я тебя поддержу и помогу найти новые причины, взамен утерянных старых. В конце концов, как я могу предать ту, что готова доверить мне выносить её ребёнка?

“Номер два” осторожно вытянула ручку на середину стола. Броня некоторое время смотрела на неё, а затем и сама подалась навстречу и накрыла пальчики Ёлко своими.

— Я ценю твою честность. И, в целом, могу понять, почему ты решила пойти кружным путём, но я не одобряю это. Я предпочитаю открытость, а не эти все подталкивания лапочкой к “верному решению”.

— Виновата. Думала, ты вспыхнешь, если я попытаюсь начать этот разговор...

— Я же сказала: понимаю. Просто, на будущее.

Ёлко ничего не ответила. Она осторожно перевернула руку под кистью Брони ладонью вверх, а затем сжала пальчики в осторожном жесте. Богиня со своей стороны ответила на это предложение поддержки.

Так они и сидели где-то полминуты, просто молча глядя друг другу в глаза, покуда в их мир не вторглась громкая-громкая Илега.

— Так, благородные слечны, я принесла пакеты с угощением. Там на кухне хотели всё красиво разложить по тарелочкам, но я решила, что это богохульство: подменять шуршание бумаги и тепло картонных упаковок на звон металла по керамике, да блеск каёмочек.

Ёлко добродушно хохотнула.

— А она у тебя шарит!

Броня кивнула.

— Да. Она такая.

2.

В помещении всё ещё звучала живая музыка.

Возможно, даже чересчур живая.

Музыкантов подменили сплетённые из ветвей нагие девы с травяными волосами, украшенными цветами. Хотя, правильней было сказать, что то цветы отрастили себе дев, потому как никто их не срывал: это Лешая обратилась к декоративным растениям с целью сформировать ансамбль, знакомый с музыкальными направлениями, интересными богине.

В частности, сейчас они наяривали какой-то бодрый рок, который Броня прозвала Fun Mode.

Что же касается самой слечны Глашек, то она тоже находилась на сцене. У микрофона.

Я всегда самой первой врываюсь в толпу,
А потом остальных я на кладбище жду.
Я не знаю, что значит движение назад:
Все скиллы к тагрету приближают мой зад.

Превосходство поможет по роге попасть
А дизарм даст возможность против пала стоять
Но кончается это довольно всё быстро,
И рожей в земле снова воин хтоничный.

Мимо хил пробежит — не похилит опять:
Снова буду одна на кладбоне стоять.
Ну а что я хотела? Кому дело до вара?
И никто не заметил, что на землю упала.

Я за вас умирать буду снова и вновь.
Не оценит никто, ведь так мало килов.
Я приста защищала — она князя лечила.
Рядом с ней я упала, я её огорчила.

Ёлко была довольна. Она качала торсом из стороны в сторону, хлопала в такт мелодии, да старалась не упустить ни одной из кислых физиономий посетителей.

Последних, кстати, оказалось много меньше, чем некромагичка предполагала. Пусть выходка Лешей не особо вписывалась в ожидаемую местной клиентурой атмосферу, однако... это ведь богиня! Часть людей даже искренне поддерживала её начинания. Иным же хватало такта ограничиться правдоподобными вежливыми улыбками.

Но, разумеется, нашлись и те, что поспешил поскорей покинуть заведение, либо же терпел пение — объективно, очень даже неплохое, — с плохо скрываемым раздражением.

Не все в Праге любили Лешую. Они с радостью хватались за мысль о том, что именно божество хаоса виновато в текущей войне, чем активно пользовалась вражеская пропаганда, делающая всё возможное, чтобы подобные идеи жили как можно дольше.

Наконец, песне прекратилось.

— Э-э-э-это была всеми любимая девочка Бронечка и её нимфы с композицией “Про Воина”! — богиня обвела жестом свои древесных помощниц.

Некогда девушка звала их дриадами, но название не прижилось. Сначала появилась Вельзевула. Затем Сирена и Княжна. И слово “дриады” закрепилось за ними. Их силы выходили повнушительней, чем у дендроконструктов, да и на публике они появлялись чаще. А потому, пришлось придумывать растительным девам новое именование. Просто, чтобы не пугаться.

Зрительный зал ответил одобрительными аплодисментами.

Богиня отвесила публике несколько поклонов, после чего спрыгнула со сцены и направилась к Ёлко.

— Ну, что? Твоя очередь.

Та поморщилась.

— Не. Не хочу.

— В смысле “не хочу”? — притворно удивилась Броня.

— Тут никто больше беситься не желает. Остались скучные снулые рыбины, от раздражения которых никакого кайфа, а остальные веселятся с нами. Не хочу.

— Смотри, фифа какая!

— Давай погоняем?

Лешая склонила голову на бок и несколько секунд изучала собеседницу. Взгляд у той был столь просящим, что никаких сомнений не было: Ёле хочется “погонять” так сильно, что она аж кушать не может.

— Я надеюсь ты не про какой-нибудь ночной стритрейсинг.

— Конечно, нет, — фыркнула та. — Да и в городе не выжмешь, сколько захочешь, из машины. У нас в Праге же улочки все сплошь кривые. Нет-нет. Мы промчим там. Среди дорожных стражей.

Богиня с интересом подняла бровь.

— После захода солнца? Это ты после личного знакомства со мной так осмелела или всегда такой была?

Ёлко хищно осклабилась.

— А ты думаешь, отчего моя традиционная позиция в даркомобиле — за рулём?

Она вскочила со стула, вцепилась в локоть Брони и повисла у неё на руке.

— Я в своё время очень боялась гонять по ночам. Ты ведь в курсе этой легенды, объясняющей аварии за городом не плохой видимостью и прочими объективными фактами, а личной неприязнью Лешего к автомобилям?

— Ну да, конечно: это надо ведь не самому за дорогой следить, а смотреть, чтобы стражи тебя от страшной хтонической силы охраняли, ага.

— Вот и у меня всегда было такое мировоззрение, но... несмотря на всё моё отношение к этой легенде, после захода солнца в ночной прохладе я всё равно ощущала некое прикосновение потустороннего. Даже когда я научилась отличать холод магический от холода физического, это чувство не уходило окончательно.

Девушки двинулись к выходу. Вопрос оплаты их не волновал: его должна была взять на себя Илега. Нечего было портить атмосферу свидания такими неприятными мелочами. как ожидание счёта.

— Ты говоришь “не уходило” вместо “не ушло”.

— Если ехать достаточно быстро, Леший не догонит.

— Ты просто не в курсе, с какой скоростью я летаю, — хихикнула Броня.

— Сейчас — в курсе, — кивнула Ёлко. — Но тогда ты была ведь обычной студенткой. Стоящей в верхних строках дуэльного рейтинга, имеющей хорошие оценки, но не более. Ещё и простолюдинкой. А Лешего я представляла, как неповоротливого огромного старика с бородой из листвы.

— Погоди-ка, погоди-ка! Это же из “Охотника на фей”?

— Такое было много где. Но мне в память впился образ из “Принцессы на подмену”.

— Ты же говорила, что не любишь девчачье!

— Скажи это моей кожаной юбке!

Они вместе рассмеялись. Весело. Даже согнулись, держась за животики. Чудом не упали на чей-то столик.

— Помню-помню этого старика, — ответила Броня. — Жутко он выглядел. Весь

мультсериал в классической анимации с контрастными цветами, и тут он, полученный ротоскопированием со стрёмной куклы. Кстати, у куклы вообще не двигались ноги, поэтому за весь мульт Леший не сделал и шага.

— Правда? — Ёлко задумалась. Она приложила пальчик к нижней губе и закатила глаза, вспоминая. — А ведь точно. Я не про ротоскопирование, я про то, что он никогда не двигался. Ведь как-то раз Сурьма вообще сбежала от него, просто выйдя из зоны, куда тот мог дотянуться руками, склонившись вперёд. Так или иначе, принцесса вообще на своих двоих свалила, так что уж я на своей тачиле точно умчу. Ну, и, в целом, суеверие велит двигаться в лесу быстро, ведь Леший — он же дерево.

— Звучит, как отличный план. Просто офигенный! Надёжный, как атомные часы. Ты никогда не разбивалась?

— Трижды! — вновь рассмеялась “номер два”.

— Значит, тебя уже трижды настигал “неповоротливый старый Леший”?

— Четырежды, — лукаво глянула Ёлко из-под век.

— Точно. Четырежды, — кивнула Броня. — Но ты ведь понимаешь, что тебе не сбежать от хтонического божества, если в машине оно займёт место рядом с тобой?

— Тогда я буду бежать не от божества, а вместе с ним.

— А божеству хочется от чего-то сбежать?

— А разве не хочется?

Разговор как-то сам собой заглох. Но эту тишину не назвать неловкой. Напротив, она казалась правильной. Комфортной. Будто обеим имелось о чём вместе помолчать. И, да, темы у каждой были свои. Не пересекающиеся. Откровенно разные. Но почему-то это не вызвало никакого противоречия.

Парковщик заслужил щедрые чаевые. Он оказался достаточно прозорлив, из-за чего девушкам не пришлось ждать машины более четверти минуты. Видать, как узрел, что они выходят из зала, так сразу же метнулся кабанчиком. Такое надо поощрять. И желательно — не скупясь. Пусть даже, скорей всего, инициатива эта исходила не от него, а от Илеги, внимательно следившей за ходом свидания.

Значит, повезло.

Свою камеристку Лешая направила сразу в усадьбу Маллоев, а сама заняла пассажирское рядом с Ёлко и пристегнулась.

Последний жест изрядно развеселил некромагичку.

Броня изогнула бровь.

— Что не так?

— Просто... ты — последняя, кому имеет смысл пристёгиваться. В конце концов, даже в моём случае это, как минимум, позволит избежать дискомфорта и бессмысленной потери времени в ожидании нормального исцеления или оживления. Но ты вполне способна регенерировать сама из любого состояния.

— Подаю хороший пример деткам.

Ёлко многозначительно улыбнулась, но никак не прокомментировала секундную заминку перед ответом богини. Броня была благодарна за это. Не хватало ей очередного “я же говорила”.

Машина мягко стартовала и поплыла по улицам. словно бы покинула реальность и ныне бороздила миры Гатеи: настолько нереальными сейчас ощущались городские пейзажи. словно бы снаружи ничего не было. Это лишь иллюзия. Отражение на стекле.

Броня опустила окно и высунула руку. Просто, чтобы убедиться в том, что вселенная до сих пор существует.

Помогло не особенно.

Чувство того, что Форгерии на самом деле нет, что Лешая не принадлежит ей, что она — незваная чужачка, которая, открыв глаза, вновь очнётся в какой-нибудь полупустой, спартански обставленной хате и привычно потянется за телефоном, чтобы отрубить зовущий на утреннюю тренировку будильник, и не думало покидать богиню.

Броня не поворачивалась к Ёлко. И даже, заговорив, обращалась не столько к ней, сколько к пространству.

— Я чувствую, как мир разваливается...

— Многие это чувствуют. Потому что это так. Мир, как состояние покоя, уже развалился. Мир, как привычный им образ жизни, рушится следом.

— Быть может, для миров это нормально — разваливаться?

— Не только разваливаться, Броня. Но ещё и рождаться на руинах предыдущих миров, — даже не глядя в сторону Ёлко, богиня ощущала, что та улыбается. — Старое рассыпается от старости, а молодое гибнет из-за того, что не успело набрать силы. Но что-то обязательно возрастет, станет могучим. В краткий период между слабостью детства и дряхлостью древности оно запомнится окружающим, как единственно возможный нерушимый уклад. Это нормально.

— Рождение и смерть в вечной борьбе? Мне эта нормальность не по душе.

— А у тебя есть выход?

— Только один: сломать этот уклад и родить новый, в котором подобное не будет в порядке вещей.

— А после оборонять его до конца своих дней от тех, кто с ним не согласен?

— Да.

— Иронично, — голос “номера два” был полон теплом. — Уклад, целью которого будет отказ от необходимости извечной борьбы, сможет существовать только в условиях той самой борьбы?

Они миновали огромный рекламный щит с красивой грудастой барышней в стилизованной под военную форму одежде, призывающий записаться добровольцем в богемийскую армию. Крупными буквами перечислялись плюшки, причитающиеся патриотам. И они были несравненно меньше, чем те, что ожидали полноценных контрактников. Но об этом официальная пропаганда предпочитала молчать.

— Да.

— Что-то мне подсказывает, что на самом деле каждый уклад, хоть раз свергавший предыдущий, рождался из подобных мотивов миролюбия.

— Это “что-то” называется “здоровый смысл”, Ёла.

— И этот же “здоровый смысл” говорит о том, что если цель действительно в том, чтобы не воевать, логичней было бы примкнуть к старому режиму, а не плодить сущности, которые обязательно включатся в эту борьбу.

Богиня неспешно повернулась в сторону аналитика. Та вела машину расслабленно. Одной рукой. Её неестественные неоновые-розовые очи неотрывно смотрели на дорогу.

— Если я мышка, которая не кушает эвкалипт, режим коал оставит мне не очень много пищи.

— Ты не мышка, Броня. Ты можешь кушать эвкалипт. И не только его. Ты можешь

переварить вообще всё на свете, включая стекловату и обсидиан, — она сделала небольшую паузу, совпавшую с необходимостью притормозить перед переходом. — Ты действительно хочешь поговорить об этом? Это ведь касается твоей личности.

Броня улыбнулась.

— Это касается моей нынешней личности, а не прошлой. Разве на свиданиях не в этом цель?

— Я уже говорила, что не считаю эти сущности различными. Да и, на самом деле, цель свиданий в том, чтобы получить что-то от партнёра: выгодный брак, моральную поддержку, ресурсы... секс.

— Я идентифицирую себя, как мышка, Ёлко.

— Мировой змей, идентифицирующий себя, как грызун? Это что-то новенькое?

— Так иначе отчего я грызу корни Игги? — усмехнулась Броня.

— А разве Игги — это не ты сама, а, Ёрму?

— Так вот, как получилось, что я сама себя за хвост куснула, — догадалась богиня.

— То есть, ты теперь ещё и Уроборос?

— Как-как? — переспросила Броня. — Ты сказала Муро-муро?

— Тебе послышалось, — надулась Ёлко. — Это всё из-за моего голоса.

— Звучит мило, — хихикнула Лешая. — Можешь теперь меня так звать?

— Зачем? — удивлённо подняла брови собеседница.

— Чтобы никто не догадался.

“Номер два” подавилась хихиканьем, а богиня рассмеялась, не сдерживая себя.

Разговор снова затих. Обе девушки молча двигали сквозь город, покуда наконец не проехали недостроенную арку. Ранее она изображала легионера, принимающего на щит удар когтисто-ветвистой лапы главного врага человечества, но ныне ей полагалось служить отражением изменившейся политики двора: новая версия Лешей должна была указательными пальчиками касаться пальцев короля.

Броня высунулась из окна и смотрела на окружённые строительными лесами каркасы двух фигур, пока те не скрылись из виду, после чего вернулась обратно в салон и задумчиво произнесла:

— Мне казалось, она уже закончена.

— Команда была отозвана на проекты, требующие немедленного вмешательства. В последнее время постоянно находится, что реконструировать, ты же знаешь.

— Да, но... разве на королевскую семью не обрушивается критика из-за того, как долго оберег пребывает в подобном состоянии?

— Не то слово, — хохотнула Ёлко. — Я видела в сети людей, которые абсолютно всерьёз утверждают, будто бы Перловка беспредельничает именно из-за того, что недостроенный оберег позволил Лешей укрепиться в Праге. Дескать, пока оберег стоял, хтоническое божество не бурогозило так сильно, а вот сейчас втёрлось в доверие к королевскому роду, и началось.

Броня рассмеялась.

— Это нормально. Если предоставить человеку две причины, одна из которых ближе к реальности, но с которой ничего не поделать, а другая — вполне себе в локусе контролируемого, он предпочтёт выбрать вторую.

— А потом мы ещё удивляемся, что наше общество работает настолько криво: люди делают, что могут, а не что надо.

— Поверь мне, так лучше, чем если они не делают, что могут, из-за того, что их убедили, будто бы это бесполезно, — кивнула богиня. — Когда целый народ существует в состоянии выученной беспомощности — это жалкое зрелище.

— Эти позиции друг друга не исключают: тратят силы на бесполезные телодвижения в одном случае и не совершают простых, но полезных — в другой ситуации. Тем самым, отсутствие результатов в первой половине выборки у них каким-то образом подтверждает верность выкладок во второй.

— Занятно, Ёлко... ты и правда потомственная дворянка в обеих жизнях?

— Да, а что?

Броня улыбнулась.

— Людям свойственно сопереживать тем, на чьём месте они себя способны представить. Потомственные дворяне, да и просто богатеи, обыденно убеждены в своей исключительности: в том, что их высокий статус исходит из их личных качеств, полностью подчинённых их воле, а не сформированных средой, — пояснила богиня. — Ты же на удивление старательно анализируешь среду, в которой приходится расти среднему представителю челяди. И пусть ты по итогу выводешь обоснование, которое можно использовать, чтобы подчеркнуть превосходство дворянства над простолюдинами, оно же годится для того, чтобы найти способ улучшить общество.

Ёлко задумалась.

— Пожалуй что... но тут нет ничего удивительного. В Форгерии я много трудов читала об экономике. В том числе и о влиянии капитала на различные сферы жизни людей. Я думаю, ты в курсе о той книжице, которая является настольной у всех представителей Партии в ЕССР. Даже у тех, кто её не читал.

Девушке потребовалось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, о чём речь.

— Пожалуй что.

— А теперь добавь к этому мою тягу к протесту, и ты получишь вполне себе либеральные настроения. Да и Дарк, знаешь ли, придерживается их.

Стрелка спидометра клонилась всё правей и правей, а Лешая так и не ощущала скорости.

— Понятно...

— Ну а ты, Броня?

— Я?

— Почему тебе не начхать на челядь?

— Потому что я родом из неё?

— Ты это знаешь, потому что тебя представили родителям, или же ты это нутряешь?

— Нутряю...

Ёлко замолчала. Замолчала и Лешая. Потому что она и правда была не до конца уверена в том, нутряет ли она своё происхождение из рядов челяди. Ведь родители и правда не кажутся родными. Божество ощущало себя, по правде, больше божеством. Пусть даже слабеньким.

Божеством, которое просто знает, как правильно.

Автомобиль плавно въехал в поворот. словно бы по рельсам. словно бы он и не мог соскользнуть с дорожного полотна.

Несколько капелек разбились о лобовое стекло.

Ёлко небрежно смахнула их одним движением дворников и ласково коснулась плеча

Лешей.

— Грустишь, Муро-муро?

— Да.

— Это хорошо.

— Правда?

— Это значит, что ты чувствуешь, что что-то потеряла.

— Но разве потеря — это не плохо.

— Плохо, когда ты не осознаёшь. А раз осознала, значит обязательно найдёшь.

Броня несколько секунд тянула с ответом, но затем, наконец, решилась открыться своей любовнице.

— Ёлко... я корней не чувствую.

— А они есть. И сейчас, пока ты не ушла от них далеко, ты ещё можешь восстановить эту связь.

— Но... разве это не шаг назад?

— Учитывая, как далеко ты ускакала вперёд? Ничего страшного. Сумма шагов всё ещё будет положительной. Но тебе нужны корни. Всем нам нужны. Через них мы питаемся силой, необходимой, чтобы расти, развиваться. Бывают те, кому нужно отбросить старые и гнилые, чтобы пустить новые... но не тебе. Твои старые оказались столь хороши, что позволили тебе стать богиней.

Броня накрыла ладошкой ручку “номера два” и слегка сжала пальчики.

— Холодные. Ёла, ты хорошо в последнее время спишь?

— Как вы с Дарком, — усмехнулась та. — Хотя, нет, всё же, получше.

— Ты знала, что Гатя — моя дочь?

Дворянка хихикнула.

— Вообще, да, знала. Но просто не думала смотреть на миф с этой стороны. В смысле... хоть ты и богиня, я, всё же, воспринимала тебя больше, как Броню Глашек.

— Я попрошу её сегодня хорошо за тобой присмотреть. Хочу, чтобы ты была с утра бодрой. У тебя будет много работы.

— Мы разве не зареклись говорить о работе на нашем свидании, о госпожа?

Броня усмехнулась.

— Нуяжзануда.

— Ба-а-а-ака!

— Мне казалось, тебе нравятся баки.

— Только вы с Дарком.

Мир всё так же казался нереальным. Возможно, что они уже попали на дорогу сна, где властвовала Гатя. Иначе как объяснить, что спидометр зашкаливало, но дух до сих пор не захватывало?

Они неслись сквозь это неправдоподобное отражение реальности, сквозь застывший в тёмном янтаре момент. А там, позади оно разрушалось. Обращалось в дым и растворялось в абсолютном ничто. Здесь не было ветра. И даже дождь, недавно постучавшийся им в стекло, попросту перестал существовать. Будто бы его никогда и не было.

— Знаешь, Ёла, мне сейчас показалось, будто бы я сплю.

— В случае с кем-нибудь другим за этими словами последовало бы что-то романтическое, но...

— Какое сейчас время года? Весна? Весной мне часто снится, что я заперола экзамены

или забыла подготовить курсач. Причём, всегда потому, что я была уверена, что мне ничего не надо делать, а затем оказалось, что это не так.

— М-м-м... памятью о твоём берсерке, я на всякий случай напомню, что ты всё ещё учишься, и что у нас на третьем курсе и правда есть курсач.

— Ты ведь шутишь, правда? — с надеждой Броня взглянула на Ёлко.

Та многозначительно молчала.

— Шутишь, правда?

— В твоём случае так шутить нельзя. Потому — нет, не шучу. Это правда.

— Проклятье! А по какому у нас предмету курсач? И какая у меня тема?

— Думаю... любая. Тебе пойдут навстречу. Я найду тебе ребят толковых, которые оформят работу правильно. От тебя же потребуются хотя бы базис. Если не найдёшь нигде в файлах, набросай что-нибудь по дендромагии: оно сейчас очень актуально.

— Дендромагия-дендромагия... точно! У меня имеются записи. Я их кидала Елецкому! Тому, который в России остался!

— Это который предал восстание против царя-батюшки?

— Предал?

— Похоже, у них предательство — это семейное. Один предал страну и теперь при принце обретается, а другой — народ, зато нонеча стал фаворитом антарктиянки Романовой.

Броня задумчиво смотрела на разметку, несущуюся им навстречу, да стремительно исчезающую под капотом авто.

— Антарктияне... не факт, что он предал восстание. В смысле, декабристов-то он точно предал, но не их идеи.

— Снова о работе? — Ёлко вцепилась в руль обеими руками и увеличила скорость ещё больше. — Ну уж нет! Она нас не догонит!

— Двух трудоголиков? — рассмеялась Лешая.

— Это ловушка, Броня! Ловушка! Мы с тобой обе теряли прежде из-за того, что оказались недостаточно хороши. Теперь мы работаем и работаем, пашем и пашем. Но пользуемся ли мы тем, что защищаем?

— И ты хочешь от этого сбежать? — с интересом спросила богиня.

— Да.

— Ты гонишь во весь опор?

— Да.

— Это работает не так, дорогая.

С этими словами Броня вцепилась в руль и резко крутанула его.

Машина свернула в сторону ограждающих трассу от леса чугунных фигур, но не помчалась дальше в их сторону, а встала на два колеса и, оттолкнувшись ими, перевернулась. Затем она покатила к кубарем и уже в таком состоянии выскочила с дороги. Никто из истуканов-стражей не остановил автомобиль, ибо тот пролетел у них над головами.

Ветки деревьев смягчили падение. Словно бы лес специально постарался, чтобы принять мягко беглянок. В итоге они отделались лишь синяками и лёгким испугом, когда спортсмен наконец приземлился на колёса.

— Фу-у-ух, — удивлённо протянула Ёлко, рассеянно выбираясь из плена подушки безопасности.

— Надо не бежать, а остановиться. Но таким, как мы, это не дано. Мы не умеем,

дорогая. Мы мчим, стараясь убежать от беготни. Какая глупость. Раз за разом совершаем одни и те же действия в надежде на то, что что-то изменится. Мы догоняем себя сами, видим впереди хвост и цепляемся в него зубами. А почувяв, что нас самих прихватили за телеса, начинаем активней шевелить челюстями, чтобы прогрызть себе путь вперёд.

Броне не требовалось много сил, чтобы выбраться из ловушки позаботившегося о безопасности человеческих существ авто и застыть, глядя в небеса.

— Со стороны оно заметно. Нам твердят очевидные вещи те, кто нас любят. Но мы их не слушаем. Потому что для нас очевидно иное. Мы знаем, сколь опасно стоять на месте.

— Четвёртая авария! — выкрикнула Ёлко и рассмеялась. — Четвёртая авария, Муромуро! И знаешь, что самое смешное? Что при тех же обстоятельствах! Ты каждый раз останавливала меня, потому что знала, чего я на самом деле хочу, но я никогда не понимала намёк!

Некромагичка уселась — хотя, скорее, плюхнулась — на траву и обратила взор в небеса.

— Человечество такое тупое: оно никогда не найдёт баланс между бегом и отдыхом. Мечтательные феи будут воспринимать посыл остановиться, как предложение не стартовать, а лепреконы будут копить монеты, почитая басни о трудолюбии. И не видать нам золотой середины.

— Потому что умеренных не любит никто, — ухмыльнулась Броня. — Ибо люди всегда будут зреть в недостаточном усердии в отстаивании их идеалов приверженность к полярной точке зрения. Весь мир — борьба. Но виноваты в этом мы сами, добровольно шагая в ловушку Молоха.

Глава 9. Не особенные

1.

Даркен понятия не имел, зачем Броня решила с ним встретиться этим утром. Попытки выяснить что-нибудь у Илеги или Ёлко сталкивались с простым “н-н-нада” в качестве ответа. Это неопределённое “н-н-нада” очень не нравилось молодому пану Маллою. Словно бы все три девушки решили сговориться против него. Тем не менее, игнорировать этот запрос было нельзя. Придётся уделить ему немного времени, которое могло бы пойти на сон.

Вместо трёх часов выйдет немного поменьше. Обидно, право слово. До одури. Впрочем, если получится уложиться минут в десять-пятнадцать, особой разницы и не выйдет. А Броня, всё же, не любила растекаться мыслью по дереву, если дело не касалось лекций.

А на лекциях спать — двойное удовольствие.

Каково же было удивление Дарка, когда он узнал, что всегда ответственная и собранная Броня к встрече, по сути, не готова.

Ну или по крайней мере нарочно пыталась создать подобное впечатление.

Зная о характере невесты, в час назначенной аудиенции “номер один” ничтоже сумлеваясь зашёл в её будуар. И слечна Глашек в лёгкой короткой кружевной ночной рубашке, прозрачной достаточно, чтобы распалить воображение, но недостаточно, чтобы это выглядело пошло или чересчур откровенно, прихорашивающаяся перед зеркалом, была последним, что он ожидал там увидеть.

Броня.

Прихорашивалась.

Сама.

Не руками Илеги.

А это значит, что Лешая, всё-таки, ждала Даркена, что бы там не говорило первое впечатление. Эта высокая причёска, эти сапфировые гранёные серьги-подвески, эта цепочка на лодыжке, эта якобы будничная поза перед зеркалом туалетного столика, были ничем иным, как паутиной, в которую полагалось поймать молодого человека.

— Уже семь? — поинтересовалась синеокая богиня, заметив жениха в дверях. — Прости, мы сегодня с Ёлко провели всю ночь вместе. Я потеряла счёт времени.

Дарк прикрыл глаза.

Потеряла она счёт времени. Как же? Скорей в ЕССР начнут строить настоящий коммунизм, вместо фанерки, прикрывающей буржуазный строй, нежели Броня Глашек действительно настолько расслабится, что не уследит за часами и позволит внешнему миру диктовать себе условия. И не важно, оригинал или кукла. Эта черта была у них общей.

Другой вопрос, что первая из них двоих ставила бы перед собой иные цели на этой встрече. Или, скорей, предпочла бы вовсе её избежать.

Но кукла... кукла не оставляла попыток влюбить в себя Даркена.

Первой эмоцией было огрызнуться. Послать её куда подальше и пойти нырнуть в объятия Гатеи уже.

Однако же пан Маллой сдержался.

— Тебе хотелось поговорить со мной о чём-то важном? Я был рад бы урвать пару часов сна.

— Ты на себя становишься не похож, — Лешая смотрела на жениха через отражение в

зеркале, отвлекаясь время от времени на подбор духов. — Нелепо. Ни одной пошлой шуточки?

— Я и правда очень устал, Броня. Прости, я не в настроении.

— Твои желания в разладе с твоим разумом, — она подобрала, наконец, флакончик по душе и прыснула содержимым себе на шею, а затем и на запястье. — Ничего страшного: я объясню тебе, чего ты на самом деле должен хотеть.

Дарк вскинул левую руку в характерном жесте.

— По моим невидимым часам у меня ещё день есть до момента, когда происходящее здесь станет актуально.

— Почему ты так решил?

— Традиции, знаешь ли... — многозначительно пожал плечами молодой человек. — Ты ещё не моя жена. Мы должны собрать людей. С согласия твоего отца я умертвлю тебя, как слечну Глашек, а затем ты оживёшь вновь, но уже, как пани Маллой.

Девушка неспешно поднялась с обитого мягким голубым бархатом табурета и неспешной лёгкой походкой направилась к будущему мужу. Остановилась она на расстоянии заметно более близком, чем позволяли приличия.

Даркен инстинктивно приподнял подбородок и вытянул шею, надеясь таким образом слегка увеличить дистанцию, не отступая при этом назад.

Тем не менее, когда Броня заговорила, он отчётливо ощущал прикосновение каждого её слова к своей коже мягким щекочущим теплом.

— Это традиции Семерых, дорогой. Мне они не указ. Если я хочу чего-то, я получу это.

— Нет, милая, это работает, только если ты — главный герой, — молодой человек развернулся и уже шаг в сторону двери, как осознал, что действие это не особо осмысленное.

Створка поросла хищно оцетинившимися острыми шипами терниями.

— Бронь... ты издеваешься? — устало спросил некромаг.

— Немного, — хихикнула та, а затем обняла жениха со спины. — Но на деле я хочу увидеть вновь своего Даркена. Остроумного, бодрого, фонтанирующего бредовыми идеями и тупыми каламбурами. Такого, каким я тебя увидела, когда очнулась.

— Остроумно фонтанирующего тупыми каламбурами? — изогнул бровь молодой человек. — А чем тебя не устраивает, что я начал тупо острить?

— Ты делаешь это без огонька. В тебе как будто бы остались лишь угли.

— Послушай, Броня. Ты ты ведь сама отстаивала своё право остаться такой, какой стала. Почему оно вдруг стало важней моего желания повыгорать слегка ради своей цели?

— А кем ты хочешь стать, когда выгоришь?

— Самим собой. Я возрожусь из пепла, словно Феникс.

— А разве ты не сова.

— Совеникс.

Броня не спешила отвечать. Она молчала секунд пять, прежде чем наконец заговорила.

— Я знаю, чего ты хочешь на самом деле. Я слишком долго избегала этого разговора. И я готова обсудить это. Всерьёз. Без утайки и истерик. Но взамен я от тебя кое-что потребую.

— Что именно? — насторожился молодой человек.

— Тебе придётся рискнуть, Даркен Маллой. Настоящий Даркен рискнул бы.

— Ох, змея...

— Так что? Ты настоящий Дарк или портянка?

Молодой человек оглянулся через плечо. Он пытался угадать, чего же такого от него

попросит Броня. Однако взор синих очей богини был непроницаем. Два глубоких океана на дне которых таилась истинная мотивация.

— Я рискну.

Некромаг повернулся всем телом к невесте, взял её за подбородок и склонился ближе.

— Но учти, что я своему слову хозяин. Я его дал и, если я не буду удовлетворён тем, насколько ты на самом деле открыта для разговора, я его обратно возьму.

Бронька выдала весёлую лыбу, подцепила большими пальчиками ляпочки ночнушки и потянула их в стороны.

— Открыться для разговора? Это я могу.

Даркен усмехнулся хитро.

— Ох, змея. Ох, змея. Именно об этом я и говорил: увлекаешь моё внимание в сторону, играешь на эмоциях, пытаешься контролировать ход разговора, — он мягко взял девушку за руки, вернул ляпочки на место и пригладил сверху. — Хороша ты, спору нет. Года три назад вполне могла бы окрутить меня, как мальчишку. Но сейчас я хочу поговорить именно что по душам.

Он сделал небольшую паузу.

— И раз инициатива исходит от тебя, значит, тебе есть, что сказать? Ты ведь своего не упустишь. Хочешь быть всюду победительницей. Ставишь лишь на беспроегрывные стратегии.

— Есть, что спросить, — тихо ответила она. — Что именно ты в ней любил?

Вопрос застал молодого человека врасплох.

Казалось, будто бы даже сердце замерло, чтобы своим стуком не спугнуть продолжение, поясняющее суть вопроса. Дающее какую-то пищу для размышлений.

Глухо. Пусто. Даркен плохо представлял не только, что ответить, но как даже начать думать, чтобы додуматься до верной опции диалога.

Но Лешая более ничего не говорила. Она ждала хода собеседника.

— Дело не в любви, Броня, — наконец сказал молодой человек.

— Дружбе, привязанности — плевать. Я говорила о любви в широком смысле слова. Ты ведь, когда говоришь о том, что любишь кнедлики, не подразумеваешь какие-то особо высокие чувства.

— Ну, не знаю. Мне порой предлагают с ними уединиться, — поднял бровь Дарк.

— Вымученно, — поморщилась девушка. — Знаешь, если нет настроения нормально шутковать — даже не пытайся.

— Это хорошая шутка, — возмутился он.

— Уходишь от темы.

— Ну пра-а-астите, принцесса, — закатил глаза Дарк.

— Так что? Я тут, знаешь ли, провожу ревизию своей личности. У меня было время побыть с собой наедине и задать себе вопросы. И лишь на часть из них я нашла ответы.

Молодой человек некоторое время молчал, внимательно изучая черты богини. А, точнее, ловя малейшую тень эмоций в мимике. Чего именно девушка ждёт? И какие именно вопросы она себе задавала?

— Сложно выделить что-то одно. Например, мне нравилось, что у нас с ней имеется кое-что общее. Она была частью того мира, который я потерял и в который никогда более не вернусь. Души не покидают Форгерия, — развёл он руками. — В ней образовался вакуум, в который затягивает в себя попаданцев со всей округи, и распададанничать обратно нельзя.

Тебя либо переработают на прах, либо ты будешь перерождаться здесь до тех пор, пока, да, не станешь тем неудачником, которого после смерти выжмут всего без остатка.

Лешая задумчиво кивнула.

— И всё?

Даркен аж поперхнулся от возмущения.

— Ты что? Я же сказал! “Сложно выделить что-то конкретное”. Тем более, что даже в этом аспекте всё намного сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Тогда можно что-нибудь другое? Я не выделю в массиве той информации, которой владею, твои любимые мемчики, цитатки и песенки. Думаю, мы это уже выяснили.

Вот оно!

Молодой человек мягко улыбнулся и аккуратно провёл пальцами по виску девушки, отводя локон чуть назад, за ушко.

— Мемчики, цитатки и песенки — это то, что я думал, мне нужно. Но Броня Глашек принесла из моего старого мира то, что мне потребно на самом деле. То, о чём я вспоминал, когда она подбирала ключики к моей ностальгии. Ты ведь знаешь, как работает память?

— Поверь, я в этом хорошо разбираюсь, — кивнула она.

— Тогда ты должна осознавать, что хранится она блоками. Суммарным образом. Когда ты чувствуешь запах булочки, похожий на то, как пахла выпечка твоей мамы, ты вспоминаешь не только сами мучные изделия, но и заботу родительницы, и атмосферу беззаботности детства, — тепло улыбался Даркен. — Когда я слышал те цитатки, я вспоминал ведь не только хиханьки. Я вспоминал все те эмоции, что дарила мне картина, снятая людьми с тем культурным кодом. Вспоминал те посылы, что нёс сюжет. Вспоминал чувство триумфа победы над злодеями. Вспоминал о том, что мне казалось правильным и против чего боролись те, кому я пытался подражать.

Он понурил голову и повёл подбородком из стороны в сторону.

— Ирония в том, что я копировал преимущественно внешние проявления. А вот Броня... Броня проникла глубже. Если я принёс в Форгеррию фантики, обёртку, то она — сами конфетки и начинку.

Пальцы Даркена ощутили, как участился пульс богини. Её сердечко трепетало, а очи пытались углядеть в лице жениха что-то ещё. Что-то, о чём он умолчал, просто потому, что считал это очевидным.

— И ты сейчас так борешься за неё именно потому, что именно так сделал бы кто-то из твоих любимых героев?

Молодой человек медленно кивнул, а затем продекламировал. Мягко. Не так, как эти строки принято произносить или петь. Лирически. Успокаивающе. Иначе, нежели планировал Высоцкий.

Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем.

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем,

Значит, нужные книги ты в детстве читал.

Он выдержал небольшую паузу.

— Броня в своём старом мире нужные книги читала. Те же, что и я. Но я читал их ягодицами.

— Неужели в Форгерии нужных книжек нет? — удивилась девушка.

— Есть. Но меньше. Попаданцы не всегда заявляются из нужных эпох, да ещё и не ломаются под гнётом местной действительности. Гуманитарный прогресс в этом мире шёл медленней, чем в нашем старом. То, что здесь прорывные идеи, там — давно уже пройденный материал. Мораль местных жителей иная. Их понятие о том, как правильно, отличается от нашего. И я, признаться, начал принимать её, — вздохнул Даркен. — Форгерия поощряет те мои качества, что моя прошлая родина требовала перебороть и подчинить. Ты растёшь в этом. Ты живёшь в этом. Мысль о том, что здесь что-то не так, рождается с трудом. Если чаша полна, в неё сложно налить что-то ещё. Только лишь если оно найдёт отклик.

Даркен развёл руками.

— Быть крутым — эта идея легко находит отклик. “Ты — особенный”. Любой проникнется этой мыслью. Я — дворянин. Я — крут. Я — особенный. Я достоин большего. Форгерия льёт в меня это. Я принимаю, отторгая то, чем на самом деле были хороши мои любимые герои. Я теряю себя. Я забываю. Я цепляюсь за ностальгические мемы, как за соломинку, но это не помогает...

Девушка неспешно кивнула.

— Так чем на самом деле были хороши твои любимые герои?

— Тем, что на самом деле они не были особенными.

Броня склонила голову на бок и подняла бровь выжидающе.

Даркен усмехнулся и двинул в сторону балкона, активно жестикулируя.

— В смысле, да, они были особенными. Но при этом не были. Человек-паук мог ползать по стенам, обладал сверхсилой и даже слегка предвидел будущее. Но и только. Его моральные принципы являлись принципами самого обычного человека. Не особенного. Комиксы, мульты и фильмы про него говорили: укуси вместо него радиоактивное членистоногое другого такого простой парень или даже девушку — почти ничего бы не поменялось!

Некромаг вышел на балкон, опёрся на перила и устремил взгляд в даль.

— Этот подход часто критиковали. Дескать “о боже, обыкновенный японский школьник спасает мир”. Дескать, это плохо, что малолетних дебилов учат тому, что они могут так же. Дескать, они не смогут. Но все эти критики — просто дегенераты полнейшие! — он злобно фыркнул. — По мне, это круто, что человеку говорят: на его месте мог быть ты! И правильным поступком с твоей стороны было бы так же выжигать себя ради других! Мир станет лучше, если каждый из вас начнёт поступать так же, как Зоя Космодемьянская и Питер Паркер!

Тихим шагом к молодому человеку со спины скользнула Лешая. Она в поддерживающем жесте положила ладошку меж лопаток Даркена и тихо спросила:

— Неужели местная литература так сильно отличается?

— Конечно! — фыркнул Дарк. — Ты читала про этих подмешней? Они либо дружат с королями, либо сами королями заделываются! Становится ли лучше простым жителям от

того, что главный герой достиг своей цели? Вот нихтони!

— Не заводись... хотя... — девушка задумалась. — Нет, выскажи, что хочешь. Что считаешь нужным.

— Это всё было у нас, на нашей старой Земле, где-то в средневековье. Нет, уже тогда появлялись необычные сказки: как, например, та, где Иван-дурак по тупости построил полноценное коммунистическое общество с такими же дураками, как он, развалить которое не смог даже лично прибывший чёрт, потому что народ был слишком глуп, чтобы понять, зачем им деньги или власть над другими, — молодой человек фыркнул. — И в Форгерии нечто подобное есть. Я имею в виду оригинальный контент. Хотя и перенесённое попаданцами зачастую мутирует в самых своих основах.

Он сделал небольшую паузу.

— Так вот... читал я одну девочку из России. Пишет хреновенько, но душевно. Только сейчас я понял, почему хочу проды от неё. Возможно, она сама попаданка. Хотя, если в нашем средневековье находились исключения, почему в этом мире не может быть таких же?

— Значит, та Броня Глашек, которую ты помнишь и любишь — это такая “обычная девочка” с... Земли?

— Не оригинальное имечко, да? — усмехнулся Даркен. — Ну, так там в основном были убеждены, что миру не нужно какое-то особое самоназвание. И, всё же, нет. Броня Глашек не была “обычной девочкой с Земли”. Но такие там встречались. На них равнялись. Был некоторый процент людей, внутри кого дремало нечто подобное. В моём старом мире, если бы сила Лешей обрушилась на случайного человека, шанс получить благое божество много выше, чем в Форгерии.

Он обернулся через плечо.

— В Форгерии же... дай силу бога случайному человеку, и получишь ошалевшего от могущества эгоиста. То, что в моём старом мире было редкостью, здесь практически невозможно.

— Разве я... лишилась этих качеств?

Судя по тону, Броня уже знала ответ на этот вопрос.

— Нет, — покачал головой Даркен. — Не лишилась. Но я боюсь, что потеряв связь с Землёй ты окажешься не способна противостоять влиянию Форгерии. Она переубедит тебя. Ты ведь забыла, какие именно книжки считать нужными.

— А ты посоветуй мне. Как говоришь, звали ту девочку из России?

— У неё псевдоним. Кажись, “ВРЛ”... я кину тебе ссылку.

Броня кивнула.

— Хорошо. Ты обсудил всё, что хотел?

Дарк пожал плечами.

— Не всё. Но, думаю, тебе потребуется время, чтобы это переварить. Ведь так?

Всё прошло даже лучше, чем молодой человек рассчитывал. Броня не просто выслушала его, но и посчитала важным начать искать якорь. Она не ограничится потреблением нового. Она будет искать похожее и лучшее в своей памяти. Она будет находить и систематизировать. И с каждой новой книгой или игрой, с каждым фильмом и каждой песней, она будет вспоминать чуть больше о настоящей себе.

Запах булочек.

Броня кивнула в ответ.

— Отлично. Теперь отправляйся в постель.

Брови Даркена поползли на лоб.

— Чаво? Может, сначала хоть в кино сводишь?

— Какое кино, бака ты болезный?! — возмутилась она. — Ты будешь спать до самого мальчишника, а не тем жалким урывком, которым собирался перебиться.

Молодой человек задумался.

— Да. Теперь у меня всё сходится. Меня просто наряд твой смутил. Нет, я предполагал, что его цель именно в том, чтобы направить мои мысли куда-то не в ту сторону, но кто тебя, с твоей новой личностью, знает на самом деле?

Девушка осмотрела себя.

— По правде, это нужно для того, чтобы открывать дверь особо настойчивым и говорить, что ты ну очень занят.

— Ну... если честно, мне сегодня есть, чем заняться. У меня назначена встреч...

Губ его коснулся перст Лешей.

— Тс-с-с-с-с... Ёлко и Гало поедут вместо тебя. Ёжик сегодня выпалась хорошо. Природа, свежий воздух, кудяплики поют.

— У меня для них тоже были поруч...

— Тс-с-с-с-с... я тебя уговаривать не собираюсь. Ты будешь спать. Это факт. Я уже поговорила с Гатеей. Она тебя ждёт. Не разочаровывай девочку.

Даркен вздохнул.

— Послушай, я...

— Я тоже хочу видеть того самого Даркена. Не забывай, что этой личности он интересен. Она была создана, чтобы любить супруга. Но когда она создавалась, этот самый будущий супруг вёл себя совсем иначе. Ты — не особенный. Ты — один из многих. Если тебе делают шаг навстречу, ты должен ответить тем же.

— Да я бы и рад, но сейчас...

— Тс-с-с-с-с... ты — не особенный. Ты — заменимый. И если не хочешь, чтобы тебя заменили, ты не должен так сильно изнашиваться.

Против воли молодой человек улыбнулся.

— А вот это было в стиле той самой Брони Глашек.

— Зато это прозвучало не в стиле того самого Даркена, — она выпрямилась, упёрла одну руку в бок, а другой указала на ложе. — Марш в постель, бака!

Там внизу, под балконом, кто-то поперхнулся.

Некромаги перегнулись через перила и посмотрели вниз. То был садовник. Под взорами двух представителей шляхты он попытался скукожиться в точку, но у него не особо получилось.

Дарк изогнул бровь.

— Я не в настроении и устал. Всё понятно?

Простолюдин спешно закивал.

— Вот и всё. Ты там цветочками и кустиками занимался? — ещё один кивок. — Ну и занимайся дальше.

Некромаг выпрямился, обратил взор на богиню и кивнул.

— Хорошо. Убедила. У тебя же тут есть твоя личная ванная? Хочу сначала хотя бы душ принять.

— Вон та дверь. Буду ждать.

2.

Как он мило спал.

Мордой в подушку, слюнями на наволочку.

Броня же валялась рядом, поглаживая по шейке успевшую отойти от переедания змеюку и скользя пальчиком по экрану мобильного, служившему окошком в мир грёз русской Молодой Талантливой Авторши.

Какой же наивняк!

Складывалось странное впечатление. С одной стороны, девочка явно осознавала, что именно она пишет. В боевых сценах, например, упоминаются незначительные детали, которые не будут известны человеку, далёкому от схваток. Да что там? Этот впроцессник полнился подобным в самых разных областях!

Но при всём внимании к мелочам, девочка проваливалась в целом. В том, как эти вылизанные до блеска детальки пазла складываются в общую картину. Получалась такая наивная детская мазня, что дальше ехать некуда.

Нет, Броня осознавала, почему Дарк мог проникнуться чем-то подобным.

Как там пел скальд Рыжебородый?

В мечтах нет места

Кровавым бойням.

В мечтах блаженство

В них мир покоя.

Весь этот мир — обман.

Волшебной сказки нет.

И только лишь дурак

В мечтах находит жизни след.

Но если только тьма,

Гоморра и Содом,

И если только тьма,

То быть приятней дураком.

Пожалуй, что так. Быть дураком приятней. А уж в случае, когда у тебя проблемы с поиском тех мечтательных щей, ты с удовольствием и такой бульончик похлебаешь.

Вот только... Броня не умела настолько отключать мозг.

Девушка отложила в сторону мобильный и устремила взор в потолок.

Уф, надо отдохнуть от этого потока наивняка. Ну не работает так мир. Не работает!

Такое ощущение, что авторша лично опробовала вообще всё, о чём писала, кроме главного: кроме попытки изменить мир к лучшему.

Может, она просто молода? Может, ей это ещё предстоит? А, может, она уже упустила свой шанс? Хотя... пожалуй, что последнее маловероятно. И Даркен характеризовал писательницу, как юную девицу, и у самой Лешей возникли примерно те же впечатления при чтении.

Когда реально человек повидал жизнь, как тот же Эгиль Скаллаgrimссон, это чувствуется...

Стоп!

Богиня резко уселась.

Даркен ведь упоминал, что современная форгерийская литература очень похожа на средневековую их прошлого общего мира. Во-первых, терминология. Она является важным маркером эпохи. А во-вторых, молодой человек провёл достаточно чёткую черту, отделяющую мораль прошлого от морали того, что он считал своей современностью.

Понятное дело, что культура никогда не перерождалась в один миг. Что она менялась постепенно. Не всегда последовательно. Но то были ориентиры, позволяющие отделить Эгиля Скаллаgrimссона, настоящего скальда, от Рыжебородого, в лучшем случае вдохновлявшегося эстетикой прошлого.

Думая над этим Броня не могла не считать себя душой: как она вообще могла поверить, что эти двое могли творить примерно в одно время и в одном месте?

Вот, над чем потешалась Перловка.

Вот, почему она возмущалась непоследовательностью официальной Лешей.

Чувство осознания и стыда за подобный идиотизм давило на мозг. Даже более того: пульс ощущался как самый настоящий стук в черепашку.

Пум-пум-пум! Дум-дум-дум!

Стоп! Это же не пульс!

Это кто-то барабанит в дверь!

Броня бросила взгляд на Дарка.

Спит. Спит, как убитый. Да рядом с ним сейчас артиллерия начнёт палить — не проснётся.

Остаётся только наклеить куда-нибудь на лоб инструкцию:

“Не кантовать. При пожаре выносить первым.”

Колдовская дрёма — она такая. Впрочем, богиня изначально планировала очень глубокий сон. Чтобы не ходить рядом на цыпочках.

Девушка спрыгнула с постели и уверенно выскользнула из спальни в буферную комнату и уже оттуда — к выходу из покоев. Ничтоже сумлеваясь она открыла дверь нараспашку. Ну и подумаешь, что не принято так. При хорошем покерном лице всегда можно убедить кого угодно в том, что он плохо понимает.

— Какой Лешей? — с ходу возмутилась Броня, да тут же замолчала, увидев...

Ну, для начала, никого.

Только спустя пару секунд до девушки дошло, что стоит опустить взгляд ниже. И вот тогда она заглянула в сокрытые крупными круглыми бликующим стёклами очков зелёные глаза миниатюрной рыжей особы.

— Дра-а-а-атуги, — протянул Ганнибал. — А Дарк дома?

Мгновением позже у госты вышибло воздух из лёгких, когда её подняли за грудки и от души вмазали спиной в стену, противоположную входу в покои.

— Уф! Это значит “нет”? — рыжуля чуть наклонила голову и прищурилась. — Или ты ревнуешь из-за того, что он просил за меня у целого принца? Ну так лучше ревновала бы к принцу: сама-то со слечной Лотарингской шуры-муры крутишь, так чем твой суженый хуже?

Броня повторила жест Гани.

— А он просил?

Карфагенянка хитро приподняла бровь. Её очки в этот момент серьёзно съехали на бок.

— Чем это вы таким занимались, что вам было не до разговоров?

— Ты как думаешь?

Ганя некоторое время молчала, а затем выдала всего одно слово:

— По-о-ошло.

— Тогда есть шансы, что ты ткнула пальцем в небо и убила хтонова орла, — Броня слегка отстранилась, но отпускать незваную гостью не торопилась. — Так какой Лешей ты здесь делаешь?

— Правильней спросить “какого Дарка?”, дорогуша, — беспечно развела руками Праведная. — Ну, для начала мне бы хотелось понять, чем закончилась инициатива с помилованием. А заодно можно было бы обсудить доспешек.

Броня вздохнула.

— Совсем на него не похоже.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, — она наконец поправила очки. — Ну так что? Ты меня отпустишь?

Богиня ответила не сразу. Лишь после того, как ощутила, что привлечённая суетой Рочка заползла на ногу до талии, оттуда под одеждой к плечу, а затем уже появилась в поле зрения, скользя по руке к шее Гани.

— Пригляди за моей питомицей. Она очень не любит, когда кто-то ведёт себя плохо, а потому тут же кусается.

Изумрудная рептилия скользнула под рыжей завесью волос карфагенянки и, в итоге, обвилась вокруг шеи пленницы. Но не свободным ожерельем, как обычно это любила делать с хозяйкой, а тугим ошейником.

И только тогда Броня аккуратно поставила Ростинку Праведную на ноги. Очень хотелось разжать пальцы и просто уронить незваную гостью, но не хотелось тревожить Рою лишний раз: её бы тоже потрянуло.

— Так-то лучше, — заключила Ганя и потянулась к ошейнику, очевидно, чтобы ослабить его. — Но подарок был уже лишним.

— Руки! — строго сказала богиня. — Коснёшься змеи, и ты труп!

Карфагенянка поморщилась.

— Знаешь, я ведь, возможно, уже верноподданная, амнистированная и даже принятая на обучение в УСиМ. Можно бы и помягче.

Руки, впрочем, гостя опустила.

— Меня слабо интересуется твой статус в глазах короля и прочих власть имущих. За свои преступления ты уже заслужила смерть через переработку в высоконасыщенный прах.

— Но, тем не менее, ты не торопишься приводить этот приговор в исполнение.

— Исключительно из уважения к Даркену и понимания, что без его приказа ты бы так свободно по усадьбе не расхаживала, — сказала богиня. — О какой броне идёт речь?

— О шшикарной!

— Пласталь?

— Щито?

Броня скрестила руки на груди.

— Пласталь? Легендарный материал из развитых миров, сочетающий в себе свойства пластика и стали. В теории это будет нечто, являющееся разом и шикарным димагетиком, и прочнейшей защитой.

— Любопытненько, — ладошки Гани скрылись в карманцах и началась покачиваться с пятки на носок и обратно. — Но, нет. Я с этим не работаю. Но, возможно, моя работа будет даже лучше. Я имею в виду, правда, не то тяп-ляп, что заказал твой женишок, но и оно

выйдет годным.

— Жди здесь. Я переоденусь. И не нервируй Рою: она против таких, как ты, и создавалась.

Ганя усмехнулась.

— Она буквально против меня и создавалась. Кстати, ты могла бы не нервничать, тут кроме тебя за мной при...

А следом хлопнула дверь.

3.

За Даркеном осталась присмотреть нимфа. Качественно сделанная. Абсолютная копия Брони. Богиня заложила в неё характерную манеру двигаться, ряд реплик и прописала несложную программу, призванную давать любым посетителям, какие, всё-таки, сумеют добраться до покоев слесны Глашек, понять, что им тут, мягко говоря, не рады. И не рады по вполне объективным причинам.

Себе же она попросту сменила цвет глаз на тропики, приделась в слегка игривый кэжуал, да покинула будуар без лишнего шума.

Вот так. Броня Глашек осталась с женихом, а вот Бастет Глашек решила провести время с амнистированной террористкой Ростинкой Праведной.

И, да, богиня успела навести справки. Вацлав и Даркен выдали какой-то особо занятный финт, как бы оправдав Ганнибала, но как бы и нет. Непосредственно сам карфагенянин всё ещё преследовался и подлежал уничтожению. Но только если он не рыжая маленькая очкастая девчуля. Если он миленький — тогда власти не против.

Разумеется, официально это подаётся иначе. Считается, что Ростинка Праведная — это одно, а злой страшный античный полководец-некромаг — совсем другое. Нельзя смешивать и, тем более, взбалтывать.

Помилованная версия карфагенянина, кстати, времени зря не теряла. Она успела обжить мастерскую Даркена и уже даже начала возвращать в нескольких ростовых колбах нечто, разом напоминающее чайный гриб, распотрошённого огромного червяка и разумное одеялко, которое беззвучно просит убить меня.

Броня некоторое время задумчиво изучала создание, после чего упёрла пальчик в стекло и с интересом обратила взор на Ростинку.

— Это... униткань, верно? Совмещающая в себе функции нервной и мышечной?

— Ещё и с крестовым плетением, ага, — довольно лыбилась Праведная.

— Крестовое плетение требует в три раза больше вычислительных ресурсов...

— Оно того стоит.

— Не спорю.

Они некоторое время молчали. Лешая вновь перевела взгляд на творение Ганнибала. Удивительно. Поразительно.

— Ростинка, скажи... только честно: ты делала это по гайдам из тырнетика или имела подобные планы ещё при жизни?

— Да.

Броня некоторое время молчала.

— У тебя были схожие мысли, но ты не успела их реализовать тогда, а ныне решила подсмотреть на чужом опыте, где какие грабли лежат?

— Иногда побеждает не сильнейший, вопреки общепринятому взгляду на теорию

Дарвина, — отозвалась рыжевласая коротышка. — Если бы я тогда заборолла Рим, вполне возможно и война усмирения Лешего не осталась бы таким серьёзным шрамом на мировой культуре. Она стала бы простым восстанием, которое заборолли конструкторы порядка, не особо напрягаясь.

Несколько секунд не было слышно и слова. Лишь звуки имитации нажатия клавиш, помогающие сгладить отсутствие тактильных ощущений при печати на голографической клавиатуре.

— Думаю, это поражение стало шрамом уже на моей душе. Особенно, когда я увидела, насколько ничтожны были достижения моих убийц... как Рим умудрился пасть на ровном месте...

— О-хо-хо-хо! — Броня резко обернулась через плечо, криво усмехаясь. — Поверь мне, милая, это не падение на ровном месте. Это закономерный крах при переходе от рабовладения к феодализму. Один вольный крестьянин производительней одного раба, но согнать в одно место тысячу крестьян сложнее, чем тысячу рабов. Отсутствие возможности осуществлять направленное усилие при том административном аппарате стало одной из главных, если не главной проблемой в вопросе сохранения былого величия.

Она двинулась в сторону Ростинки, небрежно размахивая руками, словно бы те повиновались воле незримых волн.

— И пусть труды Карфагена не раз и не два переводились на языки других государств, пусть в следе, оставленном теми культурами, отчётливо прослеживаются рисунки протекторов шин твоей родины, вы с этим мало что могли бы сделать. Не знаю, только если бы у вас во власти оказался бы целый десант попаданцев, отчётливо понимающих, какие именно административно-экономические преобразования вас ждут, — богиня подняла указательный палец. — Кроме того, не забывай: в те времена никто понятия не имел, что Рим пал. Это спустя столетия, ретроспективным взглядом, можно узреть тот самый момент, но изнутри всё выглядело совсем иначе.

Лешая остановилась у голографического экрана и уткнулась в него сложночитаемым внимательным взглядом. Не получалось даже с ходу понять, смотрит ли девушка на схему доспеха или же на самом деле ничего не видит, уделяя внимание каким-то процессам, происходящим в её собственном разуме.

Ответ пришёл спустя секунд семь, когда богиня наконец кивнула и, коснувшись голограммы, разом подвесила всю систему. Экран заморгал, пошёл артефактами цифровыми и помехами аналоговыми. Ростинка открыла было рот, чтобы возмутиться, но быстро нашла в себе силы промолчать и не нервировать Лешую.

Вовремя.

Спустя ещё пяток ударов сердца помехи рассеялись и на экране можно было увидеть новую схему.

И тогда богиня молвила:

— Используй эти наработки.

Ганя некоторое время изучала новые выкладки. Ей потребовалось пару раз изменить масштаб изображения, а затем она возмущённо воскликнула:

— Чертёж не завершён!

— Я знаю.

Карфагенянка попыталась скрыть раздражение за жестом, которым обычно поправляют очки.

— Не уверена, что эти наработки будут совместимы с тем, что я собираюсь делать.

— Будут, если ты уделишь этому должное внимание. И, да, внешний вид доспеха должен плюс-минус соответствовать изображённому на схеме.

— Не вижу в этом смысла. Твой жених поставил мне чёткую задачу...

— Я тоже.

Зелёные очи Ростинки внимательно изучали расслабленное лицо богини.

— При всём моём уважении, но это пахнет самодурством: ты только прибавила мне задач, которые необходимо решить в условиях жёсткого ограничения по времени. И ради чего? Твой же муженёк будущий является бенифициаром моей разработки!

Броня встретила взгляд карфагенянки. Несмотря на внешнее спокойствие, в чертах Лешей можно было различить жёсткость.

— В случае с тобой просто жизненно необходимо показать, кто тут альфа-самка.

Ганя нахмурилась.

— Ты меня уже одолела на поле боя. По-моему, этого вполне достаточно. К чему сейчас ставить нелепые условия? Чтобы я затаила злобу на ровном месте?

Кривая усмешка слечны Глашек выглядела совершенно неестественно. Не искренне. Отрепетированно. Словно бы богиня понимала, что в этот момент времени надо усмехнуться, но не испытывала соответствующей эмоции.

— Того, что я тебя одолела на поле боя, не достаточно. Когда ты проглотишь свою гордость и начнёшь делать то, что потребно, ты сможешь увидеть, что я, определяя, какие именно части чертежа оставить незавершёнными, позаботилась о том, чтобы сделать схему наиболее открытой к модификации, а материал брони был выбран именно тот, что позволит максимально раскрыть потенциал твоих наработок.

Лешая вновь коснулась экрана, и после секундного мерцания голограмма сменилась таблицами.

— Не знаю... можно было бы назвать это железностволом, но меня это имя корбит. Почему-то. Поэтому пусть будет древо заккума. Я тебе оставлю несколько экземпляров для работы.

Богиня постучала пальцем по одной из строк.

— Видишь эти коэффициенты? Пусть заккум и более хрупок, чем те материалы, которые для защитных антикинетических элементов собиралась использовать ты, благодаря разлёту между этими двумя циферками ты получишь возможность латать доспех в автоматическом режиме на скоростях, которым даже синий ёж позавидует. Закроешь дыры защитным элементом, а там уже и поддоспешник получится залатать.

Ганя ничего не сказала. Лишь вглядывалась в таблицы да недовольно пыхтела.

Броня вздохнула. Экран снова замерцал, пошёл помехами и открылся в документе с формулами.

— Используй эти контуры для работы с древесиной. Возможно придётся слегка подкорректировать, учитывая, что я заккум полноценно не тестировала. И, да, мне не доставляет удовольствие самоутверждаться перед тобой. Я тебя не настолько ненавижу или презираю, чтобы мне от подобного было тепло на душе... — богиня пожала плечами и наконец убрала руку от голограммы. — Просто... это нужно. Твоя спесь, если её не сбить, может оказаться очень крепкой и толстой палкой в нашем колесе. Задно это займёт тебя хорошенько: ведь если ты не справишься, я тебя в высоконасыщенный прах переработаю за то, что ты такой подарок к свадьбе заперола.

Лешая похлопала Ростинку по плечу и тепло улыбнулась.

— Развлекайся. Я хочу, чтобы преторианская броня была готова в срок. Готова и передана на склады Маллоев для организации автоматического сброса по координатам. А у меня покамест тоже есть дела.

Богиня забрала с шеи Гани Рою и нашла взглядом любопытную моську подглядывающей за ними младшей сестрѐнки Даркена.

— Ты ведь хотела, чтобы я провела с тобой время прежде, чем поступлю в полное распоряжение свекрови?

Гиа довольно оскалилась.

— А то!

4.

Оценить красоту внутреннего убранства магических шпилей мог только кто-то, кто достаточно высоко ценит эстетику функциональности и понимает особенности организации распорядка магической военщины.

Гиацинт была не из таких.

Шпили влекли её, потому как разом являлись воплощением магической мощи и, при этом, почти всегда являлись шедеврами архитектуры. По крайней мере в Богемии. Где-нибудь в Америке или России, где порой возникает необходимость возвести подобную постройку быстро и дёшево, конечно, встречаются голые маякообразные вытянутые цилиндры, но не здесь. Эта страна была полна старинных замков и башен магов. Причѐм последние сохраняли свою функциональность даже в современном мире. И если уж перестраивались, то с выдумкой, с привлечением лучших зодчих, доступных местной шляхте.

Но то внешний облик. Красивый чехол для оружия массового поражения. Внутри же оно было пропитано той самой эстетикой функциональной смертности.

Эстетикой, от которой Гиацинт оказалась очень далека.

Именно потому она быстро потеряла интерес к скучному двутонному зеленовато-серому интерьеру и стала уделять куда как больше внимания сначала видам из окон, а затем, когда поняла, что они мало чем отличаются от тех, что можно узреть, остановившись в люксовом номере какого-нибудь отеля-небоскрѐба, переключилась на свою спутницу.

— Бр-р-р-р, Броня, пожалуйста, перекрась уже глаза обратно в синий. А то ты так на свою мать похожа внешне, но ведѐшь себя совсем, не как она. Моѐ нутро кричит о том, что это неправильно. Это как ощущать запах, но не видеть его источника. Или зреть, как человек открывает и закрывает рот, но не слышать ни слова.

Богиня поморщилась.

— Ты же знаешь, зачем это нужно. Я тебе уже говорила: я и должна выглядеть, как моя мать.

— Что за ребячество? Кому действительно надо знать, и без того поняли, кто есть кто. Их подобная маскировка не обманет: захотят добраться до Даркена, доберутся.

— Я запрограммировала нимфу таких рвать на кусочки.

— Ну, коль убьѐт, так умрут. Дело-то житейское. Забота о том, чтобы не произошло какой мелкой оказии, не стоит комфорта твоей любимой младшей сестрѐнки!

В подтверждение своих слов Гиа от души топнула ножкой. Совсем по-ребячески.

Это было даже мило. И пусть Броня не прониклась, она всё равно решила поддаться на уговоры и со вздохом прикрыла очи, а когда открыла, те вновь стали цвета морских пучин.

Слечну Маллой преображение порадовало. Она расплылась в довольной улыбке.

— Так намного лучше!

— Хорошо. Тогда давай сгоняем в УСиМ.

— В УСиМ?

— Тебе ведь здесь всё равно скучно. Какой смысл оставаться? Раз уж я выбралась, так отчего бы не решить парочку вопросов? Мне надо кой-чего уточнить по курсачу.

— Проклятье, Броня, с каких пор ты стала такой суетливой? — насупилась Гиацинт. — Я за тобой уже несколько недель гонюсь! И это место мне нравится потому, что здесь сейчас только мы вдвоём и никого более! Пусть оно скучное, мне приятно просто помолчать! Ты что, стала бояться тишины?

— Вроде того, — улыбка богини напоминала пламя свечи в ночной тьме.

— Ты никогда не боялась. Это мне в тебе нравилось.

— Недоработка новой личности. Я знаю, как это исправить, но до тех пор будет лучше воспользоваться костылём и просто не останавливаться, чтобы не утонуть. Потом, как появится время, лягу прикорнуть и всё исправлю, как полагается.

— Прикорнуть? — возмутилась Гиа, но после гнев её утих и она просто грустно уточнила. — Как надолго? Снова на неделю?

— На сколько потребуется, милая, — Броня ласково провела по волосам спутницы. — На сколько потребуется. Надеюсь на сей раз мне не придётся резко вскакивать для того, чтобы остановить очередное, громящее Прагу чудовище?

— Думается мне, если тебя не будет в столице — не придётся, — Гиа потупила взор в покрытый выцветшим линолеумом пол. — Полагаю, твоё тело будет лучше перевести из Богемии в места, где в ближайший месяц не ожидается серьёзных военных действий. В ЕССР, например. У нашей семьи ещё имеются родственники в Корсике. Ну и до Америки точно никому дела не будет.

— Тогда я предпочла бы остаться в храме... но...

Гиацинт неуверенно подняла очи и взглянула в глаза богини. Броне подобные слова давались с большим трудом.

— ...мои предпочтения в данном конкретном случае ничтожны в сравнении с необходимостью. Если я забуду выдать соответствующие распоряжения, позаботься о том, чтобы довести их до исполнителей.

Гиа решительно кивнула.

И сделала себе заметку, обсудить этот вопрос с мамой и корсиканской роднёй.

— Можешь на меня положиться, сестрёнка, — она на секунду замолчала, а затем улыбнулась во все зубы. — А давай над Дарком подшутим?

Броня удивлённо подняла бровь.

— Знаешь, мне бы хотелось, чтобы он отдохнул.

— Так и отдохнёт же!

Лешая закрыла глаза и медленно выпустила воздух через ноздри.

— Так... а в чём шутейка?

— Знаешь, я в некотором роде живу с ним в одном доме, у меня довольно осведомлённая камеристка и я в курсе планируемых им дел. Да и у тебя выходы на Ёлко имеются. Как ты думаешь, сколько всего, что он запланировал, мы успеем закрыть прежде, чем матушка спохватится и придётся заниматься уже вопросом девичника.

Броня не удержала благодарной улыбки. А затем, в порыве нежных чувств ласково

поцеловала Гиа в лоб.

Та обиженно надулась.

— Знаешь, я уже достаточно большая, чтобы целоваться в губы.

— С ровесниками — да. Но я тебя сейчас слишком старше, чтобы моё чувство прекрасного позволяло нечто подобное. Подрастёшь, вот тогда и поговорим на эту тему.

— “Поговорим”? — ехидно подняла бровь Гиацинт.

Броня закатила глаза и чуть покачала головой в неопределённом жесте.

— И “поговорим” тоже, если будет такое обоюдное желание, основанное на чём-то, кроме тяги прикоснуться к взрослому миру. Поумерь свой юношеский пыл. Успеется всё. И даже много большее, чем тебе бы того хотелось. Потом жалеть ещё будешь об ушедшем детстве.

Слечна Маллой хитро прищурилась.

— А ты? Ты жалеешь о своём ушедшем детстве?

Броня задумалась. Она пробежалась по всем имеющимся у неё воспоминаниям со всех поглощённых душ. И...

— Вообще нет.

— Так почему я должна?

— Потому, что в отличие от меня, ты умеешь получать от него удовольствие.

Богиня аккуратно стукнула блондиночку пальчиком по кончику носа.

— Для меня же детство не представляет вообще никакой ценности.

— А для меня? Представляет?

— Тебе ведь оно только недавно надоело, разве нет? А ведь это твоё второе детство.

Гиа изогнула бровь.

— А тебе? Когда оно тебе надоело?

Броня задумалась.

— Знаешь... понятия не имею. Для этого мне требуется понять, какое детство из тех вариаций, что я помню, было моим. Если это вообще возможно.

Глава 10. Мальчишник в Праге

1.

С организацией мальчишника Даркен не мелочился. Благо, когда у твоей семьи такие связи, много чего можно приобрести или арендовать практически за бесценок. Например, казино. Хорошее, качественное казино. Три пузатых этажа всевозможных развлечений, бухла, одна бутылка которого стоит дороже, чем жизнь отвечающей за него барменши, несколько залов для параллельных представлений, десятки этажей номеров различной степени шикарности, и всё это сегодня было зарезервировано для молодого пана Маллоя и его гостей со всего мира.

И то, не сразу. Двери открылись лишь в назначенный час. Не раньше и не позже. И сию же минуту стало ясно, что к своей женитьбе на богине хаоса Даркен подошёл со всей возможной ответственностью.

Ибо сложно было представить место более хаотичное, чем это.

Именно эти мысли возникли в головах мансы Аситы и его сына Мусы, когда двери казино открылись и более ничто не могло сдержать запертого в сием здании шума и пытающихся вырваться на свободу цветастых лучей того, что заменяло полноценного освещения.

А уж когда секундой позже к ним подскочил наглый тип с голым торсом и в ковбойской шляпе, вооружённый двумя бутылками текилы, из горлышек которых торчали извилистые трубочки...

— Вы опоздали, ниггеры! — весело выкрикнул он, разводя руками. — Да ещё и дресс-коду не соответствуете!

Муса хмуро посмотрел в сторону отца.

— Я не помню, чтобы где-то упоминался дресс-код.

Тот в ответ лишь пожал плечами.

Впрочем, долго им гадать не пришлось, потому как наглый тип уже вручил гостям по бутылке и тотчас же сложил пальцы “пистолетиками”.

— Вы слишком трезвые и унылые! На моей вечеринке это запрещено! — он обратил внимание на сопровождение малийской королевской семьи. — Так, а уж вы не маленькие, сами наклюкаетесь! Бегом-бегом! У вас десять минут!

Он бодро затолкал нескольких случайным образом выбранных гостей внутрь и посмотрел на запястье, на котором часов не наблюдалось.

— Потом приду и проверю. Или не приду и не проверю, но вы должны этого бояться. Штрафное бухло по обе стороны от входа. Развратные девочки — слева в дальнем помещении, обозначенном алхимическим символом меди! Развратные мальчики — зеркально направо под символом железа! На втором этаже под знаком антимони находится разврат для настоящих ценителей высокой культуры. Работе людей с рисунком семерых на лбу не мешать: они оживляют тех, кто по какой-то причине сдох.

Асита удивлённо поднял бровь.

— И сколько причин сдохнуть есть на этом чудесном мероприятии.

Даркен начал задумчиво загибать пальцы.

— Это... того... отравленные, но очень вкусные кексы... слишком жёсткий БДСМ... пьяная драка... что-то, начинающееся с фразы “смотрите, как я могу”... я насчитал

шестнадцать пунктов, но мне было лень вдаваться в подробности. Знаешь, ниггер, я решил не париться и просто привлечь пачку лекарей на зарплате, — отмахнулся молодой человек.

Муса задумчиво покивал, а затем спросил:

— Ты хоть имена наши помнишь?

Блондин хищно осклабился.

— А вот теперь седи и додумывай. А там уже сам решай, пытался ли я тебя оскорбить или просто нарывался на драку, потому что могу и потому что это весело.

Оставив высокопоставленных малийских гостей выразительно фаломорфировать под присмотром выдающих штрафное бухло барменш, “номер один” сделал сальтуху через левую стойку, в полёте прихватив бутылку с абсентом, а на выходе хлопнув сотрудницу по обтянутому короткой кожаной юбочкой заду.

— Так! — вдруг понял Даркен. — У меня же были две бутылки?

— Текилы, — поддакнула ему девушка и улыбнулась, будто бы сейчас не произошло ничего предосудительного. — С трубочками.

— А нахрена? — уточнил молодой человек, глядя на выпивку у себя в руке.

— Трубочки — это прикольно, — ответила она, умудряясь быстро не только разливать алкоголь для свежей партии гостей, но и готовить господину замену ранее отданного малийской королевской семье бухла.

— Вне всякого сомнения! — бодро и громко выкрикнул некромаг, а затем вдруг прищурился, подался к девушке ближе и зашептал. — Я имею в виду, на кою Лешую мне потребовалось две бутылки, ум?

Собеседница не растерялась. Она мотнула головой, отбрасывая в сторону цветастую чёлку, и протянула “номеру один” практически полную копию потерянного ранее алкоголя с трубочками.

— Такова была воля Вагхи. Намереваетесь противиться богине? Напомню, что она мать ребёнка вашей будущей супруги.

— Слу-у-у-ушай! — Дарк взял одну из бутылок из рук барменши, а вот от второй жестом отказался и продемонстрировал абсент. Словно бы ранее его увидеть было какой-то проблемой. — А ты — мудрая женщина.

— Спасибо, — улыбнулась та острыми дизайнерскими зубками, пожала плечиками и протянула отвергнутую текилу строгого вида африканцу.

Но последний её жест остановил “номер один”.

— Чу! Всё! Забудь! Эта бутылка сейчас твоя! Ты её берёшь и идёшь со мной! Давай! Давай! Псыт! Давай!

Он обхватил талию девушки рукой с текилой и повёл прочь от стойки, совершенно не заботясь о том, что та осталась без персонала. За этим будет, кому проследить.

Самого же “номера один” больше занимал процесс пения. Правда, с учётом того, что тристишье было вырвано из контекста произведения, оно слабо воспринималось окружающими:

Малый ты боевой!

Мнѣ какъ разъ вотъ такой,

Расторопный такой слуга и нужень!

Закончив декламировать отрывок, он повернулся к своей спутнице.

— Тебе имя Труффальдино о чём-нибудь говорит?

— Я не фанатка оперы. Только если рок-оперы.

— Рок-опера “Слуга двух господ”. Звучит, как нечто отбитое. Мне по душе, — он кивнул. — Зовут-то тебя как.

— Приса.

— Эх, Присуша, нам ли быть в печали? Учишься где?

— Уже умею, — рассмеялась та, после чего обхватила губами трубочку. Но быстро поняла, что потретье таким образом текилу — задача отнюдь не тривиальная.

Увидев, как морщится, прячет голову в плечи и машет рукой перед лицом девушка, Дарк дружелюбно расхохотался.

— Не умеешь ты ни хрена, Присуша! Ничего, научишься. Я в людях разбираюсь. Знаешь, на надо кое-что сделать, чтобы ты не потерялась в ходе этого хаоса... Ваця, поддержи!

Едва лишь добравшись до принца богемийского, “номер один” тотчас же вручил ему бутылки, а затем задумался, отошёл на два шага назад и окинул Лотарингского изучающим взглядом.

— Так вот, зачем мне было нужно две! — с осознанием в мутноватом взгляде произнёс Даркен.

— Ипщи-и-ить! — раздался высокий крик со стороны нежащегося в тёплых мягких грудях трёх “заботливых дам” Букля.

— Не осуждай! — поднял палец пан Маллой, после чего полез за мобильником.

Вацлав рассмеялся.

— Я смотрю, у тебя прямо тяга к одевающимся мрачно и неформально девочкам, — он указал горлышком бутылки с абсентом на Прису. — Но я думал, что ты предпочтёшь что-то из-под знака антимони. Барменша — это даже как-то скучно.

— Не “барменша”, а “камеристка”, — поправил его Дарк и, активировав камеру, прицелился объективом в свою спутницу. — Сделай ахегао.

— Что? — не поняла девушка.

Раздался звук имитации щелчка затвора и “номер один” задумчиво склонил голову, изучая снимок.

— Отвратительное ахегао, я хочу заметить.

Принц тем временем старательно морщился, всем своим видом изображая тяжкую работу мысли, вынужденной продираться к цели через затуманенный алкогольными парами мозг.

— Камеристка? — наконец родил пан Лотарингский вопрос.

— Камеристка, Ваця! — Дарк медленно, неторопливо, с большими паузами между нажатиями, выбирал контакт пани Ковальской. — Это для Ёлко.

— Шикарно. Может ты ещё подаришь щенка бойцовской породы кошатнице? Она же из себя старательно парня строит.

— Шо, правда? — усмехнулся Дарк.

— Никаких камеристок. Всегда сама за рулём...

— ...никаких женственных причёсок, ненависть к платьям, короткие волосы... — продолжил ассоциативный ряд “номер один”.

Принц всерьёз задумался.

— Это ты к чему?

— До того, как я официально назвал её своей любовницей, Ёла косила под парня куда

как больше.

— Думаешь, рано или поздно дойдёт до платьев с кринолином?

— Рано или поздно даже я начну одеваться в классику и вести себя подобающим образом, — усмехнулся Дарк. — Эти изменения накапливаются постепенно.

— Твой дед не начал.

— Откуда ты знаешь? Форгерия видела только его сравнительную молодость, а затем сразу старость с впадением в детство. Вдруг там вна Антарктиде он был приличным представителем фамилии Маллой?

— Тонко, — прищурился Вацлав.

— А то!

— А если твоя Ёлко обидится на такой подгончик?

Даркен идиотски улыбнулся во все зубы.

— Она такая милая, когда злится!

— Может тогда уже отошлешь будущую... возможную будущую камеристку своей любовницы подальше? — принц скосил взгляд на Прису. — А то я знаю их. Они все те ещё закладчицы. Заложат по полной. А у нас тут, как бы, мальчишник, вся прелесть которого в том, что мы за собой абсолютно не следим.

Даркен вжал кнопку “отправить” на сообщении, адресованном экономке, и спрятал мобилу в карман.

— Так, Ваця, ты совсем не следишь не только за собой, но и за мыслью.

— Допустим, — красноречиво мотнул головой Лотарингский.

“Номер один” обхватил наследника престола за плечо, забрал у него из руки бутылку с абсентом и начал пояснять.

— Во-первых, я уже сказал, что Ёлко очень милая, когда злится.

— Предположим.

— А во-вторых, она, курва, мой самый информированный аналитик из всех. У неё дома на полочке стоит шкатулка для яиц всех тут присутствующих и тех, кто оказался слишком ссыклив, чтобы приехать на самую клёвую тусу на свете. Пытаться от неё что-то скрыть, всё равно, что бабе с шестым размером в сауне спешно прикрываться полотенцем для рук, когда она случайно зашла на мужскую половину. Это, конечно, очень мило, но нелепо — аж жуть.

— Ты преувеличиваешь, — почему-то Вацлав выглядел настолько обеспокоенным, что, кажется, начал трезветь.

— Я преуменьшаю! — фыркнул Дарк. — Все человеческие самки в курсе, что происходит на мальчишниках. Просто они делают вид, что это не так. А мы делаем вид, будто бы не знаем, что они знают. И все довольны. Ты, кстати, вообще думал, зачем я сюда нагнал столько врачей, которые, вроде как, нужны в других местах?

Принц понимающе кивнул, но “номер один” всё равно продолжил:

— Чтобы всё, что произошло на мальчишнике, осталось на мальчишнике. Сразу поссорились. Сразу сразились. Сразу отмыли оскорбление кровью. И все счастливы. Я тебе так скажу: кое-кто даже специально прибыл сюда именно для того, чтобы в такой обстановке обсудить свои важные политические вопросы.

— У тебя в программке, вроде бы, было написано, что это запрещено.

— А сколько пунктов между этим правилом и первым, где написано “никаких правил”? — поинтересовался Дарк, а затем начал старательно грызть горлышко бутылки.

У него это получалось очень хорошо. Стекло крошилось, хрустело. Обиженно звякала

металлическая крышка, сминаясь под напором челюстей некромага. Капельки крови стекали с губ на подбородок. Некоторые уже успели смешаться со жгучим зелёным пойлом.

А Вацлав молча смотрел на это и размышлял: когда и какие именно заклинания Даркен успел применить, и успел ли вообще, или же сейчас жевал стекло просто на силе собственных пафоса и юношеской лихости.

Даже на принца это производило впечатление. Чего уж говорить про Прису?

Даркен ненадолго задумался, затем сплюнул стекло и кровь в ближайшую урну, подражая крутым ковбоям из знакомых с допопаданческого детства фильмов, что подобным образом поступали с табаком, приложился к бутылки с абсентом, обжигая все свежие ранения ядрёным алкоголем. Молодого человека бодро так тряхануло. Он зажмурился, а затем коротко взвыл, подражая волку.

— Чё-то какая-то унылая туса! Надо бы её как-то разнообразить.

— Кхм-кхм, — вежливо прокашлял подошедший к откуда-то со стороны Елецкий. — Тут разнообразие как раз подкатило.

Поймав вопросительно-заинтересованный взгляд Даркена, мужчина одними лишь глазами указал на вход, где с локтя осушал шот дядя нынешнего короля.

— Пообщаемся. Но пока что у меня есть идея полюбопытней. Говори цифру.

— Три.

— Всего трое? — поморщился Дарк. — И это считая главную приглашённую звезду... ну, да ладно. Для начала хватит.

Он утёр предплечьем кровищу с губ, а затем выставил руку в сторону.

Ничего не произошло.

“Номер один” потряс конечностью.

И вновь ничего не произошло.

Тогда молодой человек обернулся в сторону Букля. Тот не спал. Многозначительно смотрел на хозяина. Он видел приглашение, но и не думал им пользоваться.

— Променял друга на сиськи?

Сов в ответ многозначительно распушил перья.

— Осуждаю, но понимаю. Ла-а-а-адна. Проща-а-а-аю. В конце концов, у меня тут есть, чем занять левую руку.

С этими словами Дарк демонстративно возложил ладонь на ягодицу Присы, а сам склонился к уху девушки, обжигая его жаром своего дыхания и перегаром.

— Знаешь, как выглядит Лев Глашек?

— Лев? — она задумалась. — С вами, когда вы входили, было два простолюдина. Кажется, Лёвой звали младшего.

— Да-да. Помнишь его хлебальник?

— Помню манеру держаться. У других пацанов его возраста статности побольше.

— Крути своей симпотной головкой. Как физию парняги срисуешь, дай мне знать.

Приса кивнула, и тогда вся процессия двинулась на поиски мальчугана. Принц тотчас же поинтересовался целью сего мероприятия, но всё, чего ему удалось добиться, это заговорщески шипящий на него пан Маллой.

— Ой, да ладно тебе, — развёл руками принц. — Не томи.

— Узнаешь, как придёт время.

Вацлав вздохнул.

— Ладно... — он повернулся в сторону Елецкого.

Тот не сразу заметил взгляд сюзерена. Некоторое время он был отвлечён танцем девушки в клетке под неспешное потягивание сидра. Но встретившись глазами с паном Лотарингским, мужчина без лишних слов всё понял и направился либо сам на поиски младшего брата богини, либо организовывать их.

Местечко так близко к трону конечно хлебное, но возможностей отдохнуть много меньше.

Даркен же себе не отказывал вообще ни в чём. Если честно, ещё сегодня утром он полагал, что ему, как и Елецкому, придётся закатать губу и тщательно планировать, что и когда сказать принцу. Но... оказывается, надо просто быть Даркеном. Хамом и повесой, которого все знают и любят.

Иронично, что в погоне за тем, чтобы вернуть “ту самую” Броню Глашек, пан Маллой всё больше и больше терял свою личностную аутентичность, обращаясь в кого-то другого. Да, “номер один” функционировал. И функционировал успешно. Добиваясь поставленных целей, но, как-то иначе.

Однако стоило выспаться, обновиться, как он смог снова стать собой и осознать: он — Даркен Маллой, он — главный герой этой истории, он — тот, от кого все в восторге, вокруг него крутятся все события.

А потому, надо просто быть собой, и принц как-нибудь сам развлечётся, находясь рядом. А находиться рядом он будет потому, что каждому интересно орбитировать вокруг такого клёвого персонажа, как глава ковена рыцарей плюшевого енота Тимки.

Усталость и сон урывками лишали Даркена главного: они душили его импульсивные сиюминутные порывы. И пусть эстетика неумолимо идущего вперёд несломленного воина и притягательна, но без непредсказуемости “номер один” теряет часть своей эпичной ауры. Он становится более легко читаемым. Противники будут точно знать, чего бояться.

А чего они боятся, к тому и готовятся.

И сейчас Даркен целиком и полностью отдался воле тех самых импульсивных сиюминутных желаний и звучащих бредово идей. Он отдыхал. Сбросил с себя любые, минимальные путы условностей. Буквально “любые”!

Ведь сегодня вечером не существовало необратимых последствий. “Всё, что произошло на мальчишнике Маллоя, останется на мальчишнике Маллоя”. Полная индульгенция на все пригрешения. А кое для кого и возможность амнистироваться от тягот оков прошлых ошибок и взаимоотношений.

Вот и сейчас, Даркен вроде как искал Лёву, но при этом постоянно отвлекался. Как минимум потому, что...

— О-о-о-о!!! — широко разведя руками воскликнул “номер один”. — *Jacopo, sei una stronza senza cuore!*

Возглас пана Маллоя привлёк внимание высокого темновласого молодого человека с острыми чертами лица. Изящный, стройный. Корсиканская версия корейского поп-айдола. Вплоть до аккуратной чёрной серьги в ухе. Разве что куда как более зализанная. Серьёзно, даже на этом мероприятии он выглядел “с иголочки”.

— А-а-а-а, Darken, aborto spontaneo sei un autore senza talento! — отставив в сторону цветастый светящийся коктейль в стакане столь же длинном и тонком, как и он сам, Джакопо тотчас же шагнул навстречу, да обнял родича.

Встреча вышла громкой, радостной и темпераментной. Всё же, эти двое были из одной породы. Маллой и Строцци. У них даже гербы были крайне схожи.

Закончив с обнимашками, корсиканец отстранился и нагло, без экивоков или предупреждений, отвесил звонкого фофана.

— Как долго я ждал, чтобы вернуть его тебе! — злобно рассмеялся Джакопо.

Дарк рассеянно потёр лоб.

— Да ладно тебе “долго”? Сколько времени прошло?

— У меня уже дочке старшей пять лет.

— Иди ты! — вскинул брови “номер один”. — Ты времени вообще не терял, посмотрю?

— Ты Альгамбру-то видел? Она уже тогда была тот ещё “шедевр зодчества”.

— Ты раньше не упоминал!

— Об очевидном?

— Поймал, — рассмеялся Дарк, после чего повернулся в сторону сопровождения. — Это Ваця и Приса. Думаю, разберёшься, кто из них кто.

Девушка успела поднять ручку и молвить тихое “привет”, а вот принц только лишь рот открыл, как его перебил корсиканец.

— О Присе я слышан, а кто, Леший вас дери, этот Ваця?

Дарк пару секунд просто молча моргал, а затем обратился к пану Лотарингскому.

— Дружище, я, конечно, не подстрекатель, но я бы за такое лицо ему сломал бы.

— Я девушек не бью, — усмехнулся кривовато принц.

— Мы на мальчишнике, — напомнил собеседнику Джакопо.

— Я тоже, — подняла пальчик Приса.

— Я в курсе, молодой человек, — спокойно ответил девушке принц

Шутливая перепалка закончилась... ну, не взрывом смеха, но выстрелом хлопушки точно. Вряд ли кто-то оскорбился столь очевидной подначкой. А если бы и оскорбился... Вацлав был не из тех, кто таит обиду. С него случилось бы, скорей, тут на месте начать дуэль. Тем более, что в сражении принц имел, что показать.

Пожалуй, потому Джакопо и не боялся отмачивать подобное. Потому как знал, что в худшем случае ему сломают лишь лицо или позвоночник, но не жизнь.

Дарк утёр выступившую в уголке глаза слезинку, смахнул кровь с губ, вновь приложился к разбитому горлышку бутылки с абсентом, после чего обратился к корсиканцу.

— Тяжело было вырваться?

— Шутишь? Проще некуда! Твоя свадьба — отличный повод завалиться в гости и пообсуждать тут всякое. Ты хоть в курсе, на каком экстремальном количестве пересечений политических интересов стоит твоя страна. Это не говоря о твоей богине-невесте, с которой мы, вроде как, с завтрашнего дня будем родственниками.

— Скольким уже пообещал замолвить перед ней словечко?

Джакопо начал очень демонстративно что-то высчитывать в уме, то загибая, то разгибая пальцы на руке.

Дарк не дождался окончания представления и от души врезал пану Строщи по плечу кулаком.

— Ты хоть в курсе, насколько она у меня мнительная?

— Пф?! Я обещал замолвить словечко, а не что это принесёт какой-то результат, — закатил глаза южанин.

— Ля ты крыса...

— Уже крыса? Был же варан. Как из комодского дракона я превратился во что-то столь мелкое и несерьёзное?

— Свадьба меняет человека.

Они вновь рассмеялись.

— Посмотрим, кем она сделает тебя.

— Скучным благообразным дворянином, вроде тебя или моего отца.

Джакопо не удержал ползущих к ушам уголков губ.

— Слушай, я понимаю, что она, конечно, богиня. Но разве ей подобное под силу.

— Я начал курить трубку.

Пан Строщи умудрился поперхнуться прежде, чем сделал глоток из вновь обрётённого стакана.

— Тебе же было лень.

— Мне до сих пор лень... — тут “номер один” получил в спину тычок со стороны принца. — Ладно, у меня тут дело было. Пошли со мной.

— У меня тоже куча дел. Я тебя найду через часик-два.

— Ля ты крыса!

— Я оскорблён!

— В том и цель!

— Fessia!

Дарк демонстративно приподнял шляпу за тулью, поклонился и в такой позе отчалил прочь.

2.

Лёву нашёл Елецкий. Ну или кто-то из его людей. Не суть. Если Лёву нашли люди Елецкого, а Елецкий их организовал, значит, все их достижения приписываются ему. Так устроено общество. Так банально воспринимается весь мир. В случае с Даркеном оно работало аналогично. Это он в курсе, кто в его ковене какую роль выполняет, а вот окружающие, даже если столь же информированы, всё равно посчитают, что всё, сделанное под руководством “номера один” тем же Гало, собственно, сделал сам пан Маллой.

Он же приказал. А если и не приказал прямо, то так организовал работу. А если даже не организовал работу, то как минимум сделал всё, чтобы на него впахивал такой крутой боец, как Ётун.

Кстати, о последнем. Так уж получилось, что Лёва вместо того, чтобы, как полагается дорвавшемуся до бухла и доступных женщин малолетке, наслаждаться благами взрослой жизни, отчего-то скромненько так куковал у шведского стола в компании Гало. И ладно-то последнего понять можно: он уже не маленький мальчик, никогда жарким темпераментом не отличался, всех запретных плодов уже успел вкусить, зато по стилю жизни и магии стал тяготеть к постоянному поглощению съестного, но Глашек Младший-то чего тут забыл? Ладно на официальных приёмах ему делать, кроме как жрать, особо нечего. Но тут-то?

— Лёва! — вместо приветствия начал Дарк, не выпуская удерживаемой одними лишь зубами трубки изо рта. — Твой культурный уровень меня угнетает!

Парнишка отвлёкся от разглядывания незнакомого ему азиатского блюда и перевёл непонимающий взор на некромага.

— Я же ещё ничего не сказал.

— Ты сейчас должен под алхимическими стимуляторами жарить кого-нибудь, кого там твои попаданческая сущность и половое самоопределение велют жарить...

— Нет, спасибо, я ненавижу готовить.

— А я не про готовку.

— А я и понял. Просто пошутил. Неужели я произвожу впечатление настолько отбитого имбицила?

Дарк развёл руками.

— Я предпочитаю не недооценивать людей. Как их таланты, так и идиотизм не перестают меня удивлять. Ладно, слушай, я тебя записал на “королевскую битву”. Пора становиться мужчи-и-и-иной!

На данном конкретном пяточке стало тихо. Лишь непрерывная работа челюстей пофигистичного Гало, да посапывание “номера один”, то и дело выпускающего новую порцию дыма через сжатые зубы, нарушали её.

Взгляд Лёвы был очень красноречиво-подозрительным. Но поскольку мальчуган так и не дождался ответа, он озвучил мысли вслух:

— Мне не нравится, как это звучит.

— А ты кое в чём похож на свою сестру.

— Мы с ней плоды одного дерева.

— Но твой культурный уровень меня всё равно угнетает.

— Удивил ежа афедроном.

Даркен беспечно отмахнулся.

— Короче, смотри. Есть у нас, у богемийских аристократов, такая славная традиция. Бронька тебе не могла про неё рассказать, потому что она мало того, что родом из челяди, так ещё и асоциальный сыч. Более того — она девочка. А девочки вообще не в курсе, что творится на мальчишниках...

В этот момент Вацлав не выдержал и громко хрюнул. Судя по тому, как он там начал двигаться на периферии зрения, у него текила пошла носом и он поспешил скрыть этот казус.

Лёва напрягся.

— Короче, на мальчишниках, где нет всех этих тупых бабских попыток оберегать дитяtko, мальчики становятся мужчинами. А что традиционно отличает мальчика от мужчины?

— Ну тут одно из двух: либо речь идёт про секс, либо про пролитую кровь.

— Именно! — щёлкнул пальцами Дарк.

— Ну, и то, и то у меня уже было. Причём я говорю сейчас не про прошлую жизнь: я убивал людей в этой.

— Твои школьные разборки никому не интересны, — остановил юного собеседника жестом пан Маллой. — Я говорю про настоящую резню среди пацанов-некромагов. Ты же всё ещё собираешься стать некромагом, верно?

— Мне это всё меньше и меньше нравится...

— “Да” или “нет”, щ-щ-щенок?

— Да, я собираюсь, — как-то зло и затравленно ответил мальчуган.

— Так вот... — Дарк беспечно уселся прямо на стол, задом отодвинув мешающие устроиться поудобней блюда, — ...соль в том, что здесь, помимо тебя, собираются другие соплежуи. Твоя задача: Убить. Их. К дриадам. Желательно побрутальней как-нибудь. Самцовость, так сказать, обозначить.

Лёва изогнул бровь.

— Несмешная шутка.

— А с чего ты взял, что я шучу?

— Мне? Убить некромагов?

— В большинстве стран обучение начинается с шестнадцати лет...

— В ВУЗах. Официально. Но вот во сколько лет ты впервые колдовать начал?

— В одиннадцать.

Мальчуган многозначительно поднял бровь.

Дарк ободряюще усмехнулся и хлопнул Лёву по плечу.

— Да ты успоко-о-о-ойся! Где я, а где эти все чмошники?

Лёва обратил взор в сторону Гало.

— Такая традиция и правда есть?

Тот пожал плечами.

— Никогда не слышал.

Тут на помощь Даркелю пришёл Вацлав.

— Гало же простолюдин.

— И это его первый мальчишник?

— А он следит за детьми?

“Номер один” наконец вытащил изо рта трубку и выпустил в воздух несколько неровных колец.

— Знаешь, Лёва, ты вот сейчас хитришь, вьёшься ужом, а толку? Ты думаешь, кто-нибудь из твоих противников будет вдаваться в такие подробности? Достаточно всего одного, который согласится, и ты умрёшь страшной мучительной смертью. Возможно не один раз.

Лёва недовольно оскалился.

— Список целей?

— Пацаны примерно твоего возраста.

— Не очень-то чётко.

— А ты думаешь Ваце легко? Он тоже был бы рад знать в лицо всех тех, кто против него заговоры строит. Да как-то не выходит. Ничего. У них примерно та же информация.

— Я двоих уже видела, — вмешалась в разговор Приса.

Дарк зыркнул в сторону барменши, но ничего ей не сказал. Вместо этого от души хлопнул парнишку по спине.

— Ах ты, сердцеед! Смотри! На тебя уже девочки постарше западают настолько, что готовы помочь. Возможно даже за даром.

— Угу. Я понял. Постараюсь не разочаровать... — он пару секунд рассеянно шарил взглядом, а затем оценил наряд барменши и прищурился. — Проведёшь меня на кухню?

— Хорошо.

— Мне вообще было бы неплохо узнать, какие тут коридоры для слуг.

Она протянула руку, взяла парнишку за запястье и повела прочь.

— Покажу.

— Бенэ.

Парочка очень скоро скрылась из виду среди веселящихся гостей и снующих туда-сюда служанок. Особенности освещения особо хорошо помогали им в этом.

Лишь в этот момент принц подошёл к столу, опёрся на него задней стороной бёдер и скрестил руки на груди.

— А вообще, интересная традиция...

— Ты сомневаешься в том, что я умею веселиться, Ваця?

— Я не только об этом. Оно имеет смысл. Это, конечно, игра, но, в игровой форме, оно детей учит. Было бы полезно и мальчикам и девочкам, на самом деле, но я, пожалуй, проведу эксперимент на будущих мужчинах.

— Мы для экспериментов и созданы, разве нет?

— Родители других мальчишек высказали согласие легко?

— А я их и не спрашивал.

Вацлав перевёл на “номера один” задумчивый вопросительный взгляд. Ответ же дал Гало:

— Достаточно всего одного согласного. Остальные как-нибудь втянутся.

— А если на защиту сыновей встанут отцы? Старшие братья?

Даркен усмехнулся.

— Разве не прекрасная возможность понять, кто из них растит рыцарей, а кто — тряпок?

Вацлав многозначительно улыбнулся.

— И вмешательство старшего станет поражением. На их голову обрушатся позор и порицание прямо здесь и сейчас.

Елецкий без лишних напоминаний тут же полез в мобильный. Видать, принялся пояснять своим людям, чтобы они держали его в курсе того, как будут разворачиваться события “королевской битвы”. А ведь она и правда становилась “королевской”. Будущий король лично одобрил и решил сделать событием обыденным, проводимым на регулярной основе.

Обыденным для общества. Особенным для будущих мужчин.

Принц вновь обратился к Даркену.

— На что ты ставишь? Кто его убьёт?

— Раньше, чем умрёт сам? Думаю, разве что третий или четвёртый противник. Первые двое откинут копыта прежде, чем успеют понять, что произошло. Старшие, по идее, не должны вмешиваться. Я не просто так про бесплатное оживление изначально заикался и в программке прописал, — пан Маллой пожал плечами. — Вообще, и без этой информации в мужском обществе должны просто посмеяться и лекаря направить потом. “Мальчишки остаются мальчишками”. Но если всё пойдёт не по плану... так тем веселей же. Мне, по крайней мере.

Вацлав поднял бровь.

— Высоко ты оцениваешь способности паренька. Он уже сумел отличиться?

— Не особо, если честно. Ещё год назад, как я понял, был тем ещё рохлей. Но тут в чём суть? — Дарк постучал себя по виску трубкой. — Вот в этом. Ещё прежде, чем он накачался достаточно, чтобы быть уверенным, что побьёт кого угодно в открытом бою, Лёва начал охоту на своих врагов. Понятно, что статус сестрёнки позволял ему класть крепёжные элементы на долгоиграющие последствия со стороны взрослых. Дальше детей и родителей дело не пошло. Парниша не боится пролить кровь. Он готов.

Принц покивал.

— Ну, да. Большинству из нас с подобным приходится сталкиваться лишь в ВУЗе. Там на учебных боях нас обстреливают. Выбивают страх смерти и причинения другим боли...

Дарк пожал плечами.

— Не до конца. Я в своём первом бою в Вечне Забаве, несмотря на то, что моя

подготовка началась ещё до того, как я на самом деле попал в УСиМ, знатно мандражировал. Убивать я был готов, но вот когда стреляли в меня и не в тренировочном бою, поджилки тряслись.

— После такого количества дуэлей? — удивился принц.

— А ты дрался за пределами арены, за которой наблюдают преподаватели или секунданты? Вацлав покачал головой.

Дарк многозначительно покивал в ответ.

Несколько секунд они молчали, а затем заговорил уже Гало.

— Не знаю. Мне как-то было по боку. Наверное, это потому что я всегда играл от защиты. Потому и не видел большой разницы между тренировочной схваткой и настоящей. Наверное, так тоже бывает. Ну или мои эмоции просто смазались. Всё же, в последующих боях я был более активен в своём прессинге.

“Номер один” отмахнулся.

— Ты свой страх огрести смертельных люлей пережил ещё до попадания в УСиМ. Хотя, ещё на первом курсе у тебя наблюдалась некая затравленность. Конечно, необходимость отираться рядом с дворянами вносила свою лепту, но, знаешь, полагаю это много меньше, чем те чувства, что ты испытывал от близости полиции.

— Для меня тогда не было большой разницы между полицией и дворянством, — хмыкнул Гало, подцепляя из тарелки большого толстого таракана, брюшко которого покрывал неслабый такой слой соуса с быстро расплывающейся горочкой. — Разве первые не являются просто автономным инструментом вторых?

Дарк смотрел на таракана. Таракан смотрел на Дарка. Это длилось пару секунд, и вот насекомый уже отправился было в рот громиле, как “номер один” поспешил спасти членистоногого от подобной участи.

— Ваця! А ты уже был свидетелем тому, как Букль тараканов жрёт?

— Нет, но... слушай, не пора ли уже заняться делом?

— Ты должен это видеть! У зверюги панцирь очень крепкий, клювом перекусывать его сложно, а мой птиц настолько любит этих тварей, что пытается их есть до конца. Давай! Пошурику сгоняем, а потом уже дела! Ты не пожалеешь!

3.

Он не пожалел.

Никто никогда ещё не жалел. Да, когда Букль был помладше, это выглядело много забавней. Птенцовая неуклюжесть в купе с непониманием, что конкретно надо делать, дабы достичь цели, являлась неплохой приправой. Но зрелище всё ещё выходило занятным, даже несмотря на то, что сов отлично знал, чего хочет добиться и какими путями. И пусть он очень умело помогал себе когтем сложить панцирь тараканки, чтобы потом мощным клювом его смять и проглотить целиком, люди пришли в восторг. Не только от души хохотавший принц, но даже девицы, с визгом принявшиеся улепётывать, едва лишь на горизонте появился Дарк с шевелящимся членистоногим угощением наперевес.

После пришлось перекусывать в местечко более спокойное. И без Букля. Тот уже был готов променять сиськи на жратву, но дамы настолько прониклись желанием снова увидеть процесс поедания насекомого, что даже начали настраиваться как-то преодолеть брезгливость и подцеплять ползучих хоть какими-нибудь щипцами. А жрать вкусняшки и валяться на мягком бюсте — двойное удовольствие. Всяко интересней, чем обсуждать

задания от главы тайной полиции.

Собственно, именно этим Дарк сейчас и собирался заняться. Обсуждением заданий, в смысле. Но прежде приходилось спешно избавляться от алкогольной интоксикации.

Буквально. Сие были первые слова Франтишека Лотарингского. Прямо с порога.

— Ты бы протрезвел сначала, Ради Семерых.

— Только ради Лешей.

— Да хоть ради бабушкиных панталон. Ванная справа. Да, Вацлав, тебя это тоже касается.

Впрочем, много времени у некромагов избавление от алкоголя не заняло. Благо, формировать контур они ещё были способны. Попугали немного унитаза, попили водички, чтобы помочь крутящему метаболизм заклиниванию завестись, да вернулись обратно, в красивый, стильный, но лишённый хоть какой-то индивидуальности номер. Скучное сочетание металлика и белых стен. Низкая тёмная мебель и однотонные диваны без подлокотников. Даже фрукты и конфетки в вазах с угощениями выглядели сделанными не то из пластика, не то из воска.

Не личные покои Франтишека, а комната, выбранная либо совершенно случайным образом, либо каким-то иным методом, но дающим схожие результаты.

Вот она — профессиональная деформация главы тайной полиции. “Я не был параноиком, пока вы все не сговорились супротив меня”. Если этот тип не пинал балды в подобных мелочах, наверняка и в игре по-крупному он делает свои ходы вдумчиво и правильно. А что о его трудовых подвигах не слышно... ну так ведь и не должно. Данная деятельность предполагает высшим достижением серость и незаметность.

Серость, незаметность и наличие такого количества перестраховок, что аж дурно.

Франтишек выглядел чрезмерно серо. Да, одеяния его были дорогими, но они буквально являлись серыми. Седина в волосах придавала серости причёске. И даже кожа, довольно плотно обтягивающая череп, казалось стремилась к соответствию общей цветовой палитре.

И всё это в окружении серого табачного дыма.

Даркен промакнул лоб бумажной салфеткой и небрежно бросил её в ближайшую урну.

— Сколько прекрасного алкоголя пропало даром?

— А разве твой род за него не платил?

Дарк достал из кармана курительные принадлежности, плюхнулся на диванчик и принялся готовить трубку.

— Как бы “да” и как бы “нет”. Тут должна быть лекция на тему того, что репутация и доверие тоже ресурс, но поскольку у нас тут мальчишник, этим бабским разговорам не бывать.

— В любом случае: не даром, — хмыкнул мужчина. — Так или иначе, Даркен, я хотел бы поговорить с тобой об одном важном деле.

— Всего об одном? — переспросил “номер один”. — Маллои заслужили так мало доверия?

— Так мало доверия заслужил конкретный молодой соплежуй с репутацией неконтролируемого отморозка, не думающего о последствиях.

— Уел, старикашка, — хохотнул Дарк, зажигая небольшой огонёк щелчком пальцев. — Впрочем, твой мёртвый воблый глаз углядел что-то ещё, иначе мы бы сейчас не разговаривали.

В этот момент голос подал принц. Он стоял прямо под струёй холодного воздуха из

кондея, прикрыв веки, и только сейчас решил вмешаться в беседу.

— Я уже говорил: за тебя поручился я. Технически, это моя операция и проверка моих навыков. И, покопавшись в своих закромах, нашёл тебя. Для этой задачи нужны такие, как ты с твоей будущей жёнушкой.

Дарк потихоньку посасывал дымок через мундштук.

— Вы меня всё интригуете и интригуете. А где конкретика? Что сделать надо?

“Номер один” некоторое время смотрел на Франтишека. Тот же с максимально незаинтересованным видом покуривал трубку.

Понятно. Хочет дать принцу возможность высказаться.

Пан Маллой перевёл взгляд на Вацлава. Аккурат в тот момент, когда пан Лотарингский заговорил:

— Нужно организовать революцию в Корсике.

Дарк удивлённо поднял бровь.

— А они нам что? Не союзники?

Вацлав поморщился.

— А “нам”, это кому? — принц обернулся в сторону “номера один”. — Кто “мы”? Ты можешь огласить список если уж не конкретных лиц, то, хотя бы, семей?

— Эм-м-м-м... Лотарингские?

Почему-то Даркену показалось, что он сморозил глупость. А оттого, спустя всего секунду, молодой человек добавил:

— Раскол в семье? Он как-то связан с принцессой?

Отчего-то черты лица юного пана Лотарингского исказила злоба.

— А вот это уже не твоего ума дело, Маллой!

“Номер один” поднял руки и откинулся на спинку дивана.

— Понал! Зря быканул. Ну а какую революцию надо организовать? Великую социалистическую?

Франтишек видать понял, что внучатого племянника сейчас следует ненадолго подменить, а потому выразительно подался вперёд и склонил голову на бок.

— Это второстепенно. Режим должен быть в первую очередь лоялен нам. Имея в виду ваш вектор сближения с ЕССР, можно и социалистическую, но я бы предпочёл что-то менее радикальное.

Дарк изогнул бровь. Это что сейчас за пофигизм был?

Молодому человеку это живо напомнило отношение Маллой-старшего к играм сыночки в варлорда. Но тут ведь не тот уровень. И не сказать, чтобы королевская семья в Богемии настолько ошалела от своего величия, что могла революции устраивать в других странах просто, чтобы наследник слегка опыта набрался.

Даже в мирное время они бы не позволили себе подобное, а уж в текущей ситуации...

Пан Маллой медленно выпустил струйку дыма в потолок.

— Настолько нас зажали, да? Нужно хоть как-то выбить Рим из седла и готовых наработок тупо нет?

Франтишек усмехнулся уголком рта.

— Готовые наработки есть. И у нас, и у ЕССР. У последних их больше, ведь они на этом собак всех возможных пород съели. Имеются и агенты на местах. И местные политические фигуры, получившие достойное спонсирование. С нуля начинать не придётся, — он неспешно затянулся. — Другой вопрос, что никто не рассчитывал на столь раннее

разрешение вопроса. Его придётся педалировать. Хоть чучелком, хоть пугалом нужно поставить во главу государства своего человека. Даже если государство для этого придётся разрушить.

Даркен сам подался вперёд, опёрся предплечьями на колени и устремил взгляд в крышку стола.

— Вот и не верь после этого в пророчества...

“Номер один” осознал, что он терпеть не может пророчества. Сама их концепция противоречит идее свободы воли. Возникло даже желание из принципа отказаться от данной работы, просто затем, чтобы плюнуть в лицо судьбе, всё уже порешавшей за него. Вот только... это сегодня Даркен мальчик. Уже завтра вечером он официально будет муж.

А мужчина должен понимать, что порой придётся наступать на горло самому себе. Ведь за плечами у него будет нечто большее, чем банальные гордыня и принципы. Молодой человек буквально ощущал, как его лопатки касается ладошка младшей сестры. Как его будущий, ещё нерождённый ребёнок упирается лбом в поясницу. Как где-то там жмутся от страха простые поданные Богемии да, как ни странно, Корсики. И пусть Франтишек Лотарингский сейчас сидел напротив, отчего-то его взгляд обжигал именно что спину.

И оттого Даркен вздрогнул, когда услышал голос главы тайной полиции спереди:

— Удобный инструмент, не находите? Во времена, когда живая богиня ступает по нашей многострадальной земле, кто удивится, что слова какой-то там обратившейся уже в пыль пифии вдруг окажутся наполнены смыслом, дошедшим до нас сквозь поколения. Пан — или точнее уже сеньор — Маллой во главе Корсики нашей стране всяко выгодней иного случайного лица.

“Номер один” поднял взор на Франтишека.

— Так что первично? Пророчество или наши действия? Мы намереваемся использовать его или оно — нас?

— А какое это имеет значение?

Дарк выдавил из себя улыбку и пожал плечами.

— Да так, прост. Тянет поразмышлять о высоком, хотя, по факту, тут у меня выбора нет, независимо от того, судьба ли меня толкает меня туда или же просто обстоятельства и нужда. Я там, курва, нужен, — молодой человек обхватил губами мундштук и затянулся настолько глубоко, насколько только позволял объём лёгких. Аж закашлялся. — Кху-кху. Можете, кху, рассчитывать на меня.

Принц подошёл к “номеру один” и от души его похлопал по спине.

— Спасибо, Ваця, — отозвался Даркен. — Короче, я в деле. Но мне потребуются все наработки, Фран.

Взгляд серых птичьих очей пана Маллоя вцепился в серого человека, сидящего напротив.

— И когда я говорю “все”, я подразумеваю сто сорок семь процентов имеющихся наработок. Досье на каждого активного и уже отошедшего от дел функционера. На каждую потенциально полезную политическую фигуру. На наших агентов. На агентов ЕССР. На агентов РИ и Мали. На контакты среди преступного мира. На журнашлюх и блохеров. Пути поставок оружия. Лёжки. Конспиративные квартиры. Лаборатории наркоты и праха. Мне нужно настолько “всё”, насколько это вообще возможно.

Даркен сделал небольшую паузу.

— Ты крутишься среди информации, Фран. Она — твоя работа. И потому ты уж должен осознавать, когда надо придержать её, а когда — делиться. И сейчас, я тебя уверяю, второй

случай.

Лотарингский не ответил словами. Просто усмехнулся, а затем извлёк из внутреннего кармана флешку, положил её на стол и пододвинул к собеседнику.

И прежде, чем он успел убрать пальцы, их накрыла рука “номера один”, прижимая к древесине и лишая возможности двигаться.

Очи совы смотрели прямо в глаза мёртвой сушёной вобле. Зорко. Словно бы могли что-то там разобрать. Даже несмотря на то, что во взгляде мёртвой рыбины попросту физически невозможно было ничего уловить.

Губы Даркена шевельнулись.

— Я сказал “всё”, Фран. Ты заинтересован в том, чтобы я спас Богемию. И я не хотел бы обнаружить у себя в колесе какую-нибудь палку просто потому, что ты решил перестраховаться. Мы играем ва-банк. Тебе придётся поставить на меня все свои фишки до последней.

Сухой серый мужичок многозначительно и неприятно улыбнулся.

— Я знал, что ты это скажешь. На флешке именно то, что тебе нужно.

— Я сказал “всё”. Я буду ждать ещё одного носителя информации, куда вы добавите то, что посчитали мне “не нужным”, — Даркен склонил голову на бок. — Мы тут все взрослые люди. Я не обижаюсь, что вы мне не доверяете. Работа у вас такая. Но уж потрудитесь переступить через себя. Вы и без того многое вкладываете в данное мероприятие. Так не обходитесь полумерами. Пан или пропал.

Спектакль сработал.

Вацлав всего через несколько секунд опёрся руками на стол рядом с ними, умудрившись каким-то образом нависнуть над двумя и не самыми маленькими мужчинами.

— Он прав, дедушка. Под мою ответственность. Я доверяю Даркену.

Франтишек перевёл суровый молчаливый взор на принца. Молодой пан Лотарингский не унимался.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, что я слишком доверчив, но... это же Даркен. Вспомни, как несколько месяцев назад он взял кучу оружия и войск да прошёл по улицам Праги несанкционированным парадом. В случае кого другого это было бы попыткой демонстрации силы, вызовом нам, но Дарк рискнул ради того, чтобы спасти Богемию. Да и сам его род славился надёжностью.

— Сейчас не время и не место...

Ладонь принца оторвалась от крышки стола лишь для того, чтобы с грохотом опуститься вновь.

— Как раз время и место, дедушка! И я с тобой сейчас говорю не как внучатый племянник, а как будущий король! Я делаю эту ставку! Все фишки! Ва-банк! Я доверяю Даркену! Не ты ли сам говорил о том, насколько шатко положение Богемии? Сейчас нельзя проявлять осторожность, потому что осторожность — это медленно. А у нас банально нет времени!

Франтишек резко вырвал кисть из-под руки “номера один” и гордо выпрямился.

— Он получит эти сведения. Я велю их подготовить. Продолжим этот разговор послезавтра. Надеюсь, пан Маллой, вы успеете вычленив время в своём плотном графике, оторваться от своей молодой жены и уделить минутку изучению материалов, чтобы беседа вышла более предметной.

С этими словами начальник тайной полиции ушёл прочь, оставляя за спиной Даркена,

Вацлава и атмосферу неловкого напряжённого молчания. Последняя царила тут ещё четверть минуты после того, как дверь за дядюшкой короля закрылась. Лишь затем “номер один” поднял флешку на уровень глаз и щипчо улыбнулся.

— Как ты думаешь, Ваця, а он сильно разозлится, когда я после второй пачки информации скажу, что мне и этого мало?

Принц усмехнулся.

— Пусть злится. Ему полезно. Может на врагах династии захочет лишний раз сорваться.

Глава 11. Вечерняя прохлада

1.

Иногда жизнь подкидывает тебе предложения, от которых ты не в силах отказаться.

Именно эта мысль отчего-то крутилась в голове Брони, когда она смотрела на довольно жмурающуюся Гиацинт. От этой её улыбки во все зубы сложно было отвести взгляд.

Хотя бы потому, что подобная мимика совершенно не свойственна юной слечне Маллой. Та даже наедине сохраняла статность. Отрепетированность жестов и выражений лица въелась в её личность так глубоко, что изъять подобное, не повредив разуму девицы, не представлялось возможным.

Странное то было ощущение. Улыбка красовалась на лице Гиацинт, но только ей не принадлежала.

Это давила лыбу Чапыжка. Приёмная дочка Брони. Именно она сегодня в теле слечны Маллой веселилась на девичнике, пока истинная хозяйка данной личины постигала премудрости сычевания в окружении мух.

Хотя, может ли сычевание считаться настоящим сычеванием, если компанию тебе составляет твоя верная камеристка?

Пожалуй, это слишком сложный фундаментальный философский вопрос.

Куда сложнее, чем тот, на который Броня должна была дать ответ в данный момент.

Ведь как можно сейчас сказать “нет”? Маленькая дриада всю душу в это предложение вложила. Сколь бесчувственной скотиной нужно быть, чтобы его отвергнуть?

— Да, конечно, я хочу поддержать жабу.

И земноводное перекочевало из маленьких аккуратных ладошек Гиа в руки богини. Пальцы пока-ещё-слечны Глашек обхватили бугристое объёмное сухое тело пучеглазого создания, растопырившего все свои конечности в разные стороны. Зоб равномерно надувался, чуть сбавлял в размерах и вновь набирал воздуха, демонстрируя всю степень недовольства животинки.

Броня перевела взгляд с жабьей морды на лицо слечны Маллой. Бровки той стояли домиком, а очи были полны предвкушения... чего-то.

Богиня не стала разочаровывать дочурку и показательно скривилась.

— Какая же ме-е-е-ерзость.

— А то! — отозвалась дриада, вытерла ладони и пышную белую юбку, где уже красовалось несколько подобных разводов, и побежала к столу, где уже объедались рыжие тройняшки и такая похожая на них, не столько внешностью, сколько поведением, младшая сестрёнка Илеги.

Ну а их примеру следовали приглашённые ученицы какой-то школы, название которой Броня и не думала запоминать. Знала лишь, что там училась челядь, и что средний балл в этом заведении, как бы совершенно случайно через третьи руки принадлежащем Маллоям, оказался выше всех по Праге. Девчушкам, большая часть из которых являлась простолюдинками, пусть порой и весьма богатыми, поначалу было сложно и неловко в окружении такого количества знатных дам, но весёлость и непосредственность Вельзевулы да её камеристок оказали на безродных гостей благотворное воздействие. Последние, конечно, не решались так беспечно портить дорожные платья. Особенно учитывая, что девочкам было сказано, что наряды те могут оставить себе. Но в остальном им удавалось

погрузиться в настроение праздника.

Но какое-то своё. Чапыжка мигом завоевала внимание не только безродных сверстниц, но даже кое-кого из молодых дворянок. Сложно сказать, что больше привлекало людей в Вельзевуле, её собственные лидерские качества или же статус дочери богини, но и ни с чем из вышеперечисленного у девчушки проблем не наблюдалось: она весьма быстро адаптировалась к изменившимся условиям и теперь уверенно доставала из загашника подсмотренные у различных криминальных авторитетов трюки, уместность которых малышка неплохо нутряла.

Богато одетые весёлые пигалицы в окружении приодевшихся к весне садовых деревьев да под сенью темнеющего неба. Это радовало глаз.

Само же мероприятие, несмотря на официальный статус проводов цветущей юности Брони и её девичьей свободы, сохраняло какую-никакую благообразность. Вроде бы и звучал время от времени со стороны дочки слечны Глашек забористый громкий матерок, но этой непосредственности не хватало, чтобы перевесить... ну хотя бы запланированный благотворительный аукцион, где все будут хвастаться богатством рода. А учитывая, что среди приглашённых имелось достаточно много представительниц дворянства и партийной элиты других стран, ожидалось довольно неплохие вливания в испытывающие нужду фонды.

Броня тихонько вздохнула.

— Жаль, что Гиа тут нет.

И тотчас же откуда-то справа, со стороны пани Маллой, последовал ответ:

— То было её решение. Решение их обеих. Никто не запрещал твоей дочурке обзавестись условно-бездушной копией без дефекта, а моей — подарить собственную копию юной дриадке. Но они решили обменяться оригинальными телами. И на то у каждой из них имелись причины.

— Понимаю, — кивнула Броня. — Чапыжка категорически против самого факта существования собственной версии, не способной к воспроизводству мух, а Гиа хотелось взглянуть на процесс изнутри, как начинающей, но всё же некромагичке. Просто... грустно.

— Им надо давать возможность выбирать и действовать самостоятельно, — прокомментировала ситуацию будущая свекровь. — Кстати, не могу не порадоваться за тебя, моя дорогая.

Лёгкая шаль на плечах Лешей колыхнулась, когда под ней зашевелилась Роя. Рептилия решила подползти поближе к жабе и изучить её с расстояния, немногим превышающего длину змеиного языка. Земноводному эта идея не очень понравилась и потому оно попыталось перепончатой передней лапкой отодвинуть морду изумрудношкурого фамильяра пока-ещё-слечны Глашек.

— Почему мне кажется, что речь идёт не о свадьбе? — задала риторический вопрос Броня.

— Некогда ты отказывала себе в возможности получать удовольствие от чужого общества.

Девушка не удержалась от улыбки.

— Радуетесь моей печали, матушка?

Та лишь махнула рукой, облачённой в длинную облегающую перчаточку, украшенную живым бутоном в районе запястья.

— Я бы даже смутилась, не будь я замужем за одним Маллоем и матерью другому. Но тут тебе в остроумии их не переплюнуть, сколь бы ты ни старалась. Ты ведь всё отлично

поняла, и тут у меня не имеется сомнений. Да, я радуюсь печали твоей, ибо печаль сия светла. Как и твоя кожа.

Да, Броня оставалась бледной даже несмотря на то, сколь много времени проводила на особенно жарком для пражской весны солнце. Подобное было не то, чтобы редкостью для представителей корсиканской магической школы: в конце концов, не каждый умудрялся столь качественно восстанавливаться за счёт поглощения вкусняшек, как Гало. Да вот только сама Лешая ныне черпала силу из иного источника. Видать подобный оттенок кожи столь глубоко отпечатался на её подсознании, что тело само возвращалось к нему, считая всё остальное повреждением.

Пожалуй что особо предусмотрительно было договориться с Ёлко о суррогатном материнстве. Мало ли, как божественная плоть воспримет ребёнка?

Броня улыбнулась и, как-то не особо задумываясь, на глазах изумлённой публики — и не менее изумлённой змеи — укусила жабу за бок, как булочку. Отчаянное сопротивление зверюгу не спасло.

— Да я уже оценила ваше остроумие, — отметила богиня. — Выставить меня, как лот на аукционе?

— Ты представляешь, какова будет грызня за право провести с тобой время? Цена вырастет быстрее, чем картофеля под высоконасыщенным прахом. Не удивлюсь, если именно данная часть мероприятия и стала причиной появления на нашем скромном девичнике многих крупных игроков.

Услышав слово “скромный”, Лешая аж поперхнулась. Кусок жабытины пришлось проталкивать вглубь горла наскоро взрошенными шипчиками, выполнявшими роль концентрических рядов зубов.

— Да уж, “скромном”. Полагаю, я правильно делала, что не пыталась выяснить, сколько всё это мероприятие стоит.

— Поверь мне, меньше, чем мой девичник, — закатила глаза пани Маллой. — Хотя и пышнее в разы. Уж больно многие жаждали оказать услугу богине. Я столь великое количество настолько больших скидок в одном месте видела лишь несколько раз.

Броня спешно махнула ручкой.

— Не надо меня так смущать. Мы потом ещё посмотрим, за ночь с кем из нас заплатят больше. Кто более ценен: умная знающая женщина, умеющая видеть перспективы, или странная, чересчур могущественная для своего возраста безродная выскочка, которая может оказаться и чересчур принципиальной.

Пани Маллой хитро прищурилась.

— Так вот, в чём была причина этого “не согласна, если только вы не впишетесь в данную инициативу”. А ты хороша.

— Училась у лучших.

Если честно, Броня уже не видела разницы между участием в аукционе и самим девичником. Девушка и без того не принадлежала себе. Её водили от одной важной дамы к другой и заставляли щебетать на различные темы. Причём все разговоры лишь казались пустопорожними: даже если Лешая “не выкупала”, о чём речь, будущая свекровь давала подсказку.

Тот факт, что голова до сих пор не лопалась от поступавшей в мозг информации, казался чудом.

Броня за три года в УСиМ с трудом запомнила всех, с кем училась, не говоря уже о том,

кто кому сват, кто брат, а кто домкрат. Тут же собрались представители всех четырёх крупных учебных заведений Богемии, ВУЗов дочерних им, дворянство с других городов, да ещё и важные люди из других стран. И если кого-то, вроде Клеопатры, ещё просто было запомнить, то иных... они просто смазывались в единое многоликое месиво, из которого Броня решила выделять только особо харизматичных и тех, кто потенциально представлял особенную важность.

Пусть свекровь думает. Ей весь этот паноптикум как-то привычней. Лешая же предпочитала избегать даже обращения по имени. Никто не уличит тебя в забывчивости, если ты в принципе не упоминаешь спорного блока данных.

Отрепившись от личностей собеседниц, девушка смогла сконцентрироваться на самом процессе общения и методологии того, что пыталась исполнить свекровь.

По сути, она выделяла каждой важной даме не то, чтобы очень много времени. Исключения оказались редки. Иные правительницы или особы, к ним приближенные. И то не все. Чаще всего будущая и нынешняя пани Маллой задерживались всего на несколько минут, так сказать, просто почтить присутствием, исполнить формально хозяйский долг, да спешили дальше.

Осознав подобную истину, которую следовало бы назвать “очевидной”, Броня научилась по поведению свекрови выяснять, насколько много сил и внимания стоило уделить очередной встречной. Где просто мило поулыбаться и не пытаться вдаваться в предмет разговора, позволяя себе максимально обтекаемые фразы, а где — раздумывать над каждым словом, как в ответственный момент беседы с финальным боссом, которого ты решила заболтать до смерти.

Вскорости стало холодать. Лешей пришлось заклинанием утеплить ткань шали, да ускорить кровь в жилах, чтобы Роя не ощущала дискомфорта. Ветерок был не сильный, но крайне пробирающий. Но девушка, погружённая в общение с гостями, не особо обращала внимания на него, покуда не услышала одну очень тревожащую фразу в исполнении кучерявой марокканской принцессы.

— Погода намекает мне, что богиня не особо-то рада нас всех видеть.

Смуглокожая дочь правителя североафриканской страны блеснула идеально белыми зубами в улыбке, но ответом ей был крайне задумчивый взгляд Лешей куда-то в себя.

— А это интересное наблюдение... — пробормотала Броня немного себе под нос.

— То есть... вы сами не уверены? — глас собеседницы слегка дрогнул.

— Да кто меня знает? Я ведь богиня хаоса, — Лешая не особо-то беспокоилась о том, что подобные слова могут звучать грубо. — Полагаю, то что я выкину, в итоге станет для всех для нас, включая меня, сюрпризом крайне неприятным.

— И вас это устраивает? — чёрные глаза принцессы глядели недовольно.

— Нет. Мы работаем над этим. И, пожалуй, уже бы справились, если бы не русские. Ну не сидится им спокойно.

— Помнится мне, вы цесаревичу лицо оторвали.

— Он до сих пор дуется?

— Поговаривают, он с тех пор носит маску именно из-за того, что оно всякий раз отслаивается обратно.

— “Поговаривают”? — уточнила Броня.

— Это настолько редко комментируется официальными представителями Российской Империи, что остаётся чересчур много места домыслам. У нас есть только слухи и домыслы.

Богиня многозначительно ухмыльнулась.

— Ну да... если они признают существование проблемы, им придётся смириться с тем, что я божество, а если не признают, выйдет, что их главный играет обиженку из-за того, что его сынуля, отучившийся в “лучшей в мире академии”, оказался слабаком, который проиграл безродной богемийской студентке. Сохранять молчание — не самая худшая стратегия.

Лешая встретилась взглядом с будущей свекровью. Та без лишних подсказок всё поняла и взяла на себя труды закруглить данный разговор в кратчайшие сроки, чтобы затем отойти с невесткой в более-менее ограждённую от непрошенных гостей беседку.

— Ты чувствуешь тревогу? — спросила женщина, беря Броню за ручки успокаивающим жестом. — Это связано с Перловкой или грядущим замужеством?

Девушка задумалась. Измышлениям неплохо помогали приятные массирующие движения больших пальчиков пани Маллой по тыльной стороне ладоней. Они расслабляли. Дарили ощущение защищённости и комфорта. Как обнимашки, только без непосредственно самих обнимашек.

Волновалась ли Броня насчёт свадьбы? Могло ли это повлиять на погоду?

Вне всякого сомнения “да”! Как вообще девушка может не волноваться на эту тему? Да что там “девушка”? Лешая была уверена — Даркен мандражировал ничуть не меньше, а может даже и больше. В конце концов, для них обоих это означало вступление в новую жизнь в новом качестве. Они намеревались связать себя узами очень даже крепкими: для шляхты развод являлся отнюдь не самой простой и рутинной процедурой.

Вот только, разве эти эмоции были похожи на сей прохладный ветерок? Не-е-е-ет. То было природное явление иного настроения. Оно напоминало взгляд хищника, медленно подкрадывающегося к добыче, а не трясущуюся в ожидании неизвестного зверушку. Тут не столько ощущалось волнение, сколь напряжение. Напряжение и угроза. Беспокойство Брони скорее должно было вылиться в нечто куда как более хаотичное, нежели постепенное снижение температуры.

Плюс, какие эмоции испытывала Лешая в тот момент, когда её внимание привлекли к погоде?

Ага! Именно! Внимание Лешей привлекли! Будущая пани Маллой на тот момент испытывала скорее азарт. Её настроение следовало назвать приподнятым. Она потребляла новые знания. Она поняла, как именно их нужно потреблять. Это были те самые чувства, что испытывает человек, который только-только разобрался в механиках игры и теперь пребывал в предвкушении возможности их попробовать на практике да раз за разом получать предсказуемый результат. Наслаждаться свежеприобретённой властью над маленьким кусочком виртуального мира.

Иными словами, ветерок тот являлся отражением чувств Перловки.

Броня нахмурилась и кивнула.

— Похоже, этот вечер рискует пойти не по плану.

Пани Маллой тепло улыбнулась.

— Ну, пойдёт, так пойдёт. Не беспокойся. В конце концов, если потребуется снять лот, мы его снимем. Есть вещи поважней.

— Матушка, я так вот просто не могу...

Женщина резко вскинула подбородочек и многозначительно цокнула языком. И это движение сбilo Броню с мысли, заставив запнуться на полуслове.

— Так! — тотчас же перехватила инициативу пани Маллой. — Кому сейчас

принадлежит твоё время?

— Вам, — подняла бровки Лешая.

— Кто им распоряжается?

— Вы.

— Логично предположить, что первым делом я буду использовать тебя в своих интересах.

— Это же интересы рода...

— Это мои интересы. То как я вижу благо семьи, в которую ты войдёшь.

Броня улыбнулась.

— Но вы ведь мало того, что старше меня, что уже делает вас много опытней, так ещё и с самого детства являетесь дворянкой. И всяко понимаете в этом больше безродной выскочи.

— Именно! — подняла перст пани Маллой. — Я имею большой опыт бытия дворянкой. Не богиней. И уж прислушайся ко мне. Я расставила приоритеты. И считаю, что род куда больше выиграет, если ты не будешь пренебрегать своими божественными обязанностями ради какой-то там политики. Для того, чтобы с ней разбираться, покамест есть я.

Женщина аккуратно положила руку на щёку невестке. Взгляды нынешней и будущей пани Маллой слились в нечто единое. Словно бы создали пространство, где никого, кроме них двоих не существовало.

— Не переживай и не пытайся всё успеть. Даже несмотря на ожидаемо большой выигрыш, тот же аукцион — это лишь игра. Чую я, если ты не отразишь удар Перловки, мы потеряем много больше, чем просто денюжка в фонд.

— Я могу вернуться после сражения...

— И думать не смей. В одну схватку ты эту тварь не одолеешь. Она вернётся завтра, тут даже к пифии ходить нет смысла. Ты буквально вчера билась со своим допельгангером. Она хочет тебя вымотать. Тебе потребуется отдых.

Броня поморщилась и чуть отстранилась.

— Матушка, мне сейчас не нужен отдых. Мне нужно то чувство радости, которое приносит достижение результата. Мне потребно с головой нырнуть в работу и не выныривать. Не задумываться о лишнем.

Улыбка будущей свекрови стала снисходительной.

— А если ты попытаешься что-то успеть и не успеешь, это принесёт тебе удовлетворение или разочарование?

— Я...

— Перловка не дура, Броня. Она добровольно пребывает во власти эмоций и сиюминутных порывов, но не дура. И она умеет тебя читать не хуже, чем ты её. Я бы даже сказала, что лучше, ведь ты являешься её главной целью. Главной задачей. Она не отвлекается ни на что лишнее. По крайней мере сильно надолго. Разве что под настроение. Она повёрнута на тебе, как эльф Путанник на великом детективе пане Аджее.

Бровки Лешей взлетели вверх.

— Ого, какое сравнение!

Женщина рассмеялась.

— Ну я же мать Даркену. Ты думаешь, я не научилась с ним общаться на его языке с вечными отсылками к персонажам массовой культуры?

Броня задумалась.

— Ладно... я приму это к сведенью. Но я бы предпочла успеть везде.

— Я тебя не буду ждать. Успеешь — хорошо. Не успеешь — так ничего дурного и не произойдёт.

Лешая опустила взгляд и неспешно покивала.

— Ну, тогда...

— Действуй! — громко велела пани Маллой.

Броня вновь посмотрела на лицо собеседницы. Та выглядела такой уверенной. Словно бы точно знала, что делать. Словно бы не испытывала никаких сомнений.

Ложь! Самая настоящая ложь! Даже такая мудрая женщина, как она, на самом деле понятия не имела, что происходит и какой выбор правильный. Она боялась ошибиться. Вся эта бравурность напускная. Скрывающая истинные чувства за покровом театральности.

Странная ситуация. С одной стороны Сепия Маллой надеялась на Лешую, но с другой стороны — сама же вселяла в неё надежду. Методично. Старательно.

Броня кривовато усмехнулась и решительно кивнула.

— Бенэ.

Она обернулась в сторону молчаливо дежурившей у входа в беседку Илеги.

— Мне нужны будут Ёлко, Жаки и Ая. В первую очередь Ёлко. У нас тут суэта намечается.

Камеристка споро клюнула острым носиком воздух, будто бы только и ждала этого приказа, и тотчас же ловко выхватила мобильный, как некромаги выхватывают волшебную палочку.

2.

Как же, Лешая дери, комфортно!

Закрывшись ото всех в пустующей малой зале, вооружившись смартфонами и пончиками, пудра с которых норовила оказаться на столе, на платье, на потолке — в общем, везде — а начинка не то, чтобы сильно отставала, умудряясь попадать на не предназначенные для этого поверхности, словно бы в обход законов физики, богиня ощутила себя, как рыба, дорвавшаяся до воды.

Какой же ка-а-а-айф! Совсем немного и можно будет говорить об эйфории.

Особое удовольствие доставлял тот факт, что Броня сейчас, фактически, нарушала вообще все возможные правила. Заперлась от ждущих с ней встречи правителей и самым наглым способом считывала информацию со специализированных спутников Богемии! Да-да! Она, не работая в министерстве обороны, имела доступ к технике, если уж не являющейся вершиной военпрома, то располагалась где-то очень и очень близко.

А вот девочки выглядели отнюдь не столь довольными, как будущая пани Маллой.

Жаки и Ая вообще находились не в своей тарелке. Они, конечно, мониторили какие-то данный и даже более-менее осознавали суть того, что делают, но их отчётливо беспокоило осознание глубины собственной подкованности в вопросе. “По щиколотку”. Они боялись ошибиться, и отсутствие сколь-либо заметной активности, которая могла бы привлечь их внимание, не то, чтобы помогала.

У Ёлы дела обстояли, конечно, лучше, но не сильно. Об этом она и сообщила, громко ударив обеими ладонями по столу так сильно, что даже голодисплей у неё перед лицом дрогнул и на секунду показал перевёрнутое изображение.

— Поздравь меня, Бронь! Я только что потратила целый час времени на работу с самым передовым оборудованием Богемии лишь для того, чтобы выяснить то, что ты и без

меня поняла по лёгкому дуновению хтонового ветерка!

Лешая спешно проглотила остаток пончика, слизала с пальцев пудру и начинку, а затем подошла к любовнице и начала неспешно массировать ей плечи. Благо, они были предусмотрительно открыты.

— Расскажи подробней. Вдруг ты себя недооцениваешь, дорогая.

— Вот, — слечна Капек обвела рукой изображение, сочетавшее схематичную карту города с орбитальными снимками и цветовой дифференциацией магической активности. — Взгляни. Понижение температуры по всей Праге примерно одинаковое.

— Больше, чем в окрестных лесах, — заметила Броня.

Ёла фыркнула.

— О, да. Но что нам это даёт? Что Перловка “что-то запланировала”. Но что?

— Какой статус по шпилям?

— Магкон-пять.

— Ого? Готовятся применению ОМП?

— Презоркое Око без труда справится с любым ударом, — поморщилась Ёлко. — Но и Перловка это отлично знает.

Броня кивнула.

— Она хочет просто загрузить шпили. Чтобы никто не мог их использовать против неё.

— Не впервой. За последние три месяца твой доппельгангер сделала для богемийской массагии больше, чем все военные мира за последние двадцать лет застоя, — пояснила Ёла. — С момента появления того босса-паука скорость согласования заклинаний ускорилась. Без дополнительных приготовлений чудовище на улицы просто так не выпустишь: подобную тварюгу быстро накроют точечным ударом.

— Это если сумеют навестись...

— Я тебя умоляю. Босс-паук — это тебе не сама Перлуша. Он достаточно массивен, двигается сравнительно медленно. Там навестись можно силами любого студиоуза, а то и вовсе — чисто за счёт визуального контакта из самой башни. Это тебе не по самой богиньке палить: маленькой и вёрткой.

Броня пожалала плечами.

— Ну, Даркен же придумал систему наведения. Меня правда беспокоит, как он собирается ей пользоваться, если эта тварь спецом доводит ситуацию до Магкона-пять, прежде чем серьёзно выступить.

— Так пять же. Не семь. Плюс, как я уже сказала, напрягая наших магуёв Перлуша сослужила им хорошую службу: новые протоколы высвобождают больше спилей под иные нужды. У Даркена при текущем Магконе таких будет от одного до пяти.

— Пяти?! — у Брони аж глаза на лоб полезли.

Ёлко хитро усмехнулась.

— Он о-о-очень хотел с тобой сравниться. Быть смертным воином, достойным богини. Это подтолкнуло его не только папу с мамой поупрашивать, но и заключить контрактов по приоритетной аренде башен.

— Да я поняла, что они не с потолка взялись. Это-то и поражает. Пять башен в личное использование при Магконе-пять?! Это поистине королевский уровень!

— Ты его всерьёз мотивируешь, любимая, — мягко ответила аналитик, поддерживающе пожимая ручку богине, а затем тотчас же посерьёзнела. — Но факт остаётся фактом: мы понятия не имеем, что выкинет Перловка дальше. Уж прости, но я всего лишь студентка.

Уверена, там сейчас над этим вопросом бьются лучшие военные даже не города, а страны, но...

— Ничего страшного, — Лешая зарылась носом в волосы Ёлко и поцеловала ей макушку. — Просто держи руку на пульсе. Будем на низком старте и сорвёмся в бой при первых же признаках опасности.

Богиня обернулась в сторону Илеги, аккуратно в этот момент вошедшей в помещение с несколькими графинами сока.

— Тебе не обязательно мне сейчас прислуживать, солнце. И, вообще-то, это и твой девичник тоже.

— Мой день! И потому я делаю то, что я хочу, — фыркнула та, подходя к столу. — Успею ещё отдохнуть. Отпуск вот-вот уже на носу.

— Слышала я твои планы на отпуск. Та же работа — только в профиль, — закатила глаза Броня. — Как там доспехи?

— Уже погружены и едут. Но в городе пробки. Советую на будущее обзавестись той же системой доставки обмундирования, что зарезервировал себе твой жених. Очень удобно. Мне так Пьеро с Арлекином скидывают.

Лешая поморщилась, выражая отношение не столько к идее, сколько к тому, насколько поздно к ним всем пришла столь годная мысль.

— Ещё бы доспешек, достойный этой системы, сварганить. А то этот, чую я, не продержится хоть сколь-нибудь долго против подобной Перловке противницы.

— Адаптируй схемы Дарка, — Илега принялась разливать напиток по стаканам. — Он специальную богоупорную броню себе дизайнил. Не знаю, насколько успешно, но явно лучше того типового обвеса, который сейчас трясётся в нашу сторону.

Броня улыбнулась и благодарно кивнула, принимая сок.

— Скорей всего, в этом направлении и буду думать. Посмотрим. Но не факт, что воспроизведу один в один. Нужно будет лучше разобраться: вдруг броня начнёт меня не столько поддерживать, сколько сдерживать.

— Ой! — вдруг звонко выдала русовласая камеристочка, заставляя находившуюся рядом Жаки испуганно вздрогнуть от неожиданности. — Ты меня отвлекла и я чуть не забыла: по пути к вам видела Тессу...

— Камеристку принцессы? — уточнила Броня, прежде чем пригубить прохладный сладкий напиток с мякотью.

— Её самую. Она говорила, что Слунце хочет тебя видеть. И не похоже, чтобы слечна Лотарингская удовлетворилась фразой, что ты занята.

Ёлко поморщилась.

— На деле мы всё равно сейчас только и можем, что ждать. Она вряд ли нам серьёзно помешает.

Броня перевела взгляд на аналитика.

— Ты относишься к ней чересчур предосудительно.

— На то есть причины. Она хочет власти.

— Все во всех мирах хотят власти. Не у всех просто имеются средства.

Девушка поморщилась.

— Не уходи в абстрактное философствование. Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю. У тебя есть целых две причины опасаться Слунце. Во-первых, Дарк делает ставку на сближение с сыном короля, а потому возможная вражда принцессы с братом

ставит под угрозу его планы. А ты, по понятным причинам, очень и очень проникаешься интересами своего любовника, — богиня подняла один палец, а следом — сразу второй. — Кроме того, тебя пугает её полумифическая способность влиять на чужие мысли. Ты подсознательно избегаешь думать о ней хорошо, просто потому, что боишься, что не ты думаешь эти думы.

Ёлка скептически изогнула бровь.

— Мне всегда казалось, что последнее должно тебе быть особенно близким.

— Да. Я очень этого боюсь.

— Именно “боюсь”? Не “боялась”?

Лешая кивнула.

— Да, именно “боюсь”. До сих пор. И мне откровенно противно то, что я не могу с ней говорить на эту тему открыто. Ты знаешь, что мне не близка концепция “держи друзей близко, а врагов ещё ближе”, но... я не уверена в том, что принцесса мне враг.

Ёлка тяжело вздохнула.

— Это и правда твои мысли или...

— А имеет ли это значение? — спросила её Броня. — Послушай, Слунце ведь не абсолютное зло. Она буквально сделала для своих поданных намного больше, чем её отец и брат. Да, девочка хочет кое-чего для себя, но что в этом плохого?

— И если встанет выбор, на чьей стороне тебе выступать?

— Я буду смотреть по ситуации, — обтекаемо ответила Лешая. — У меня нет однозначных фаворитов в этой гонке. И я очень надеюсь, что этот выбор не будет предо мной стоять.

Богиня сделала ещё несколько глотков и обратилась к Илеге.

— Пусть приходит сюда. Я бы предпочла выйти и не “светить” наши экраны, но боюсь, что это может увеличить время моего реагирования на изменения обстановки.

Ёлка беспечно махнула рукой.

— Ничего страшного. Каналы, по которым я работаю, официальные. Ничего такого, о чём Слунце, если ей это было действительно интересно, не в курсе.

Илега кивнула, затем перехватила опустевший поднос, поклонилась и поспешила к выходу.

Броня вздохнула.

— Как вы мне все дороги. Насколько бы мир стал лучше, если бы общество могло стать единой структурой без подобных трещин личных интересов.

Аналитик перевела взгляд на экран, на котором что-то неуловимо изменилось, но, кажется, эти изменения не означали ничего конкретного.

— Твои мечты очень красивы, Лешая. Хотелось бы мне, чтобы они и правда исполнились. Но я боюсь, что они же ослепят тебя.

— Сколько раз ты Дарккену говорила нечто подобное?

Ёлка бросила короткий взгляд на богиню. Затем вновь обратила взор на экран. Снова стрельнула глазками в сторону Брони и опять посмотрела на схему.

На окрашенных ярким цветом губах слечны Каппек появилась лёгкая улыбка.

— Похоже, что меня тянет к таким сумасбродным мечтателям, как вы с Дарком.

И тут голос подала Ая. Она небрежно мотнула головой, отбрасывая волосы с лица и молвила многозначительно:

— Просто у Брони у самой подменьшевская аура из-за которой в неё все девочки

влюбляются.

Смех не сразу пробился сквозь атмосферу серьёзности. Он шёл окольными путями, осторожно проникал в разум, захватывал отдельные центры, велящие кому улыбнуться, а кому — весело коротко хрюкнуть. Однако на достигнутом он не останавливался и продаливал оборону до тех пор, пока все присутствующие не начали походить на гиен, подхвативших вирус ржаки.

Первой в себя смогла более-менее прийти Жаки. Она же и задала вопрос напарнице, утирая при этом слёзки с глаз:

— О, Лешая, Ая, стоит ли это понимать, как признание в любви богине?

Айярра многозначительно развела руками.

— Слушай, когда только появились первые слухи о том, что Броня у нас по девочкам и при этом она получила предложение замужества от Маллоев-старших, в УСиМ много кто захотел стать любовницей самозваной Лешей. Просто ради тёплого местечка. Чего уж говорить о том, как она манит своим могуществом сейчас?

Жаки удивлённо подняла брови.

— Я, вроде как, именно в те времена перешла в ваш ВУЗ, но не замечала такого.

— Ты там до недавних событий аутсайдершей была. Поднялась только после того, как твой статус паладьи при богине уже стало сложно отрицать.

Но тут голос подала Броня.

— Я тоже ничего подобного не замечала.

— Учитывая Цербера-Фортуну, что столько времени вилась рядом с тобой, скалясь на всех конкуренток? — хохотнула Ая. — А день, когда она покинула Богемию, совпал с тем днём, после которого тебя стало и не поймать толком: вся в заботах.

Лешая подняла руки.

— Сдаюсь! — следом она сцепила пальчики на животе и ехидно посмотрела на Айярру. — Ну так что?

Та беспечно пожала плечами, однако в следующем движении появилось нечто неуловимое, что можно наблюдать в жестах девушек, когда рядом кто-то, чьё внимание они бы хотели заполучить.

— А роду Холло за подобное будут полагаться плюшки?

Смех снова ненадолго заглянул в гости к некромагичкам. На сей раз никого пополам не складывало, никто по столу не стучал кулаком. Просто вся четвёрка отметила, что шутка им зашла.

И аккурат в этот момент отворились двери в залу, запуская принцессу.

— Бро-о-онечка, — протянула та, вытягивая вперёд обтянутые белыми перчатками ручки. — Я по тебе так соскучилась, а ты даже не подумала заглянуть ко мне!

Богиня в ответ улыбнулась, склонила голову на плечо, а после зашагала навстречу, чтобы неспешно погрузиться в объятия. Не занырнуть, как в приливную волну, а плавно зайти в неё, позволив окутать себя.

— Ты меня знаешь, Слунце. Я почувствовала угрозу со стороны Перловки и поспешила заняться этим вопросом.

Далее разговор на некоторое время затих, потому как принцесса поприветствовала богиню-фаворитку страстным поцелуем в губы. Та же в ответ не постеснялась продемонстрировать свою силу, обхватив наконец таки стан партнёрши прижав ту к себе по-мужски крепко. И сложно сказать, наигранно то было или нет, но Слунце трогательно

дрогнула в тот момент и её ножки на секунду подкосились.

Сам поцелуй не длился слишком долго. Много менее, чем через минуту он прервался и принцесса заглянула прямо в глаза Лешей.

— У тебя ещё есть время передумать до завтра.

— Моё слово дорого стоит, Слунце, — произнесла Броня и провела мягко подушечкой пальца по влажным блестящим губам собеседницы. — Если я сказала, что выйду за Даркена, значит выйду за Даркена. Если я сказала, что верна короне, значит я верна короне. Я всё ещё твоя подданная и в этом ты не можешь сомневаться. По крайней мере, если не хочешь оскорбить меня.

— Мне этого мало! — капризно стукнула каблучком принцесса.

Лешая рассмеялась.

— На самом деле тебе многого не надо, Слунц. Тебе хочется лишь мира. Желательно — всего.

— Ты меня хорошо знаешь.

— Хуже, чем хотелось бы, — Броня сделала несколько шагов к ближайшему креслу и увлекла за собой слечну Лотарингскую — Но, к сожалению, мир этот потребно сохранить. Сам он с этим не справится. Ещё и Перловка... мне скоро нужно будет лететь.

— Я в курсе, — принцесса не сопротивлялась тому, как Лешая тащила её за собой, и послушно позволила себя усадить на коленки богине. — И я сюда пришла не праздного любопытства ради. Я хочу выступить в составе твоего копья.

— Я бы не хотела подвергать тебя опасности... — начала было Броня, но тотчас же ощутила пальчик Слунце на своих губах.

— Тс-с-с-с... только не начинай. Никаких “я работаю одна”. Если бы тебе вчера на помощь не пришла твоя служаночка-простолюдинка, ты бы увидела смерть множества людей намного ближе, чем тебе бы хотелось.

— Для тебя это очень опасно. Слухи вокруг цесаревича...

— Я о них знаю. И это не слухи. Ты сделала то, чем особенно славилась Гатя, наносившая своим двуручным ключом-топором ранения, что всегда возвращались, как ты их не исцеляй, — ответила принцесса. — Проклятье, записанное прямо в душу. Ты ведь об этом говоришь? Боишься, что Перловка может это сделать со мной?

— Я бы на её месте сделала бы, — нахмурилась Лешая. — Она может навсегда лишит тебя красоты. Причём не только физической: если у тебя что-то постоянно болит, сложно улыбаться людям.

— Зато колдовать легко, — подмигнула Слунце. — Стану корсиканкой. Тем более, что во мне есть сия кровь.

Броня покачала головой.

— И не проси. Я не возьму тебя с собой. А увяжешься сама — не угонишься. Пойми, что это вопрос не только твоего блага. Ты — больше, чем просто некромагичка. Ты — принцесса.

— Но не наследная же, — хихикнула дочь короля. — В Форгерии очень глупо надеяться, что с братом что-то случится и очередь дойдёт до тебя. Не с нашей медициной, буквально воскрешающей мёртвых.

— Тем не менее, — вновь покачала головой богиня. — Не мне тебе объяснять подобные вещи. Ты много лучше меня понимаешь, насколько важна. Да и народ любит тебя.

В алых глазах принцессы мелькнула какая-то подозрительная искорка.

— Он любит меня за то, что я делаю, а не за сам факт моего существования.

— Хочешь я следующую победу посвящу тебе?

Этот простой вопрос вызвал со стороны Слунце очередной смешок.

— Не надо меня недооценивать. Это я следующую победу вполне могу посвятить тебе, моя богиня.

Принцесса ласково обвила руками шею Брони и начала беспечно болтать ножками, между делом сбрасывая с них изящные алые туфельки, украшенные бутонами кровавика.

Губы Слунце приблизились к ушку Лешей и с них сорвались тихие-тихие слова. Лёгкие, как крылья бабочки.

— С чего ты вообще взяла, что у Перловки не будет подмоги?

— С того, что она вообще никого не видит равным себе? — поинтересовалась Лешая.

В этот момент богиня краем глаза увидела, как оживилась Ая. Всего секундой позже, она озвучила причины беспокойства:

— У магической активности появился чёткий вектор или мне кажется?

Ёла стрельнула взглядом куда-то в сторону закреплённого в углу экрана чатика и ответила:

— Не только тебе. Королевские ВМаС уже набросали варианты атаки и стремительно отсеивают лишние.

Броня аккуратно сняла с себя принцессу и поднялась с места.

— Перловка оживилась, значит...

— Да, — отозвалась Жаки. — Твои доспехи не успели бы доехать, даже если бы дороги оказались пусты.

— Просто скажите, куда будет наноситься удар, который не успеют парировать ВМаС.

Богиня подошла к лежанке Рои. Змея только и ждала момента, когда она сможет скользнуть по руке хозяйки обратно к ней на шею.

Лешая ласково провела пальчиками по спинке рептилии, а затем аккуратно сняла живое ожерелье и поцеловала питомицу в мордочку.

— Придётся лапками побегать, дорогая.

Рояль ничего не ответила, но отчего-то появилось отчётливое впечатление, будто бы змеюке очень хочется тяжело вздохнуть.

Она послушно свернулась кольцами, а богиня принялась скользить подушечками перстов по шкуре зверушки, накручивая вокруг неё сложный, постоянно густеющий узор из переплетённых веток.

На фоне тем временем Ёлко докладывала об изменениях обстановки.

— Вектор чётко определён. Три варианта противодействия осталось. Всё ещё три. Всё, они отсеяли два. Ждут команды для применения. Всё ещё ждут... ждут. Пошёл сигнал. Готово.

Пожалуй что все в Праге, даже далёкие от колдовства простолюдины, ощутили в этот момент волну пронизывающего потустороннего холода. Она быстро пошла. Скорей всего большинство даже не поняли, что на них нашло. Встрепенулись, оглянулись, да вернулись к своим бытовым делам, как возвращались прежде.

Для простолюдинов и многих дворян ничего не изменилось. Презоркое Око бдит, а в королевские военно-магические силы бездарей не набирают даже по знакомству — слишком важная область.

На плечико Лешей мягко легла ладошка принцессы.

— Я организую тут всех. И вызвоню мальчишек.

— Вот такого рода помощь мне сейчас потребна, — богиня опустила на корточки и положила кокон из переплетённых ветвей на пол, позволяя тому уже самостоятельно обрести дендроплотью нужной формы. — Спасибо.

— А потом явлюсь сама, — ехидно добавила Слунце.

Броня вздохнула.

— Да делай что хочешь.

Она резко выпрямилась, а затем направилась к ближайшему окну и вышла через него, даже не тратя время на открытие. Просто сиганула через подоконник. Не прикрыла лица рукой и не зажмурилась.словно в компьютерной игре, где никто и не подумал делать отдельную анимацию для вариантов со стеклом на пути и без.

Рамка захрустела. Ей вторил характерный громкий звон. Множество блестящих осколков осыпались на одежду богини и газончик снаружи.

Броня быстрым шагом дошла до мощёной дорожки и в два прыжка сломала ко всем дриадам высокие каблуки, а затем небрежно сорвала с плеч шаль, обнажая лопатки, украшенные уже растущим на глазах остовом крыльев.

Она обернулась через плечо, нашла взглядом лик Ёлко и кивнула.

— Связи со мной у вас скорей всего не будет. Действуйте по обстоятельствам.

— Не сомневайся, Бронь, — отозвалась та, вновь зарываясь носом в данные. — Пока принцесса здесь, проблем с организацией быть не может.

Слунце обиженно глянула на аналитика.

— Предательница.

Та показала язык в ответ.

— Правильно говорить “бака”. Твой культурный уровень меня угнетает, — она повернулась к богине. — Карлов мост.

Броня благодарно кивнула, а затем помчала прочь. Она даже не стала дожидаться, когда же её крылья примут финальную форму. Девушка просто чуть согнула колени, а после выпрямилась, запуская себя в небеса.

3.

Не сказать, чтобы Дарк резко протрезвел, однако некоторая часть хмеля из его головы выветрилась.

Он замер и прислушался к внутренним ощущениям. Показалось что ли?

Или нет?

— Ты меня слушаешь вообще?

Вынырнув из своих мыслей, Даркен вновь обратил внимание на собеседницу. Темноволосую богато одетую слечну, обиженно надувшуюся и с упёртыми в боки руками. Откуда она тут взялась? Явно не служанка. Скорей дворянка. Но на мальчишнике...

— Простите, красавица, — поднял руки молодой человек. — Но у меня по спине пробежали мурашки. Кто-то колданул или мне показалось?

— Колданул-колданул, — тут же смягчилась собеседница. — Я тоже это почувствовал.

А. “Почувствовал”. Понятно всё. Теперь всё сходится.

Ну да ладно, не тем мысли Даркена были заняты.

Он обернулся в сторону принца, хотел было задать ему вопрос, но увидев, что молодой

пан Лотарингский занят на соревновании по метанию ножей вслепую, предпочёл найти взглядом Елецкого.

Тот, благо, сохранял серьёзность. Сидел себе в сторонке, в компании двух барышень, да рылся в телефоне.

— Олежа! — позвал его Дарк. — Там у нас всё в порядке?

— Да! — отозвался тот. — Проклятье парировано!

И снова по спине молодого пана Маллоя пробежались мурашки. Но на сей раз не магического, а нервного генеза.

— Курва!

Излишне феминный собеседник, что последние минуты пытался безуспешно привлечь к себе внимание Дарка, обиженно топнул ножкой.

— Да что с тобой не так? Сто лет не виделась, а ты сквозь меня смотришь!

— Просто сейчас не время пустых бесед.

— А какое время? — удивлённо поднял бровь до сих пор не названный гость.

— Время спасти Прагу.

Принц выпрямил руку и разжал пальцы. Клинок описал в воздухе дугу ровно в половину оборота и вонзился в семёрку, застряв в ней на треть длины лезвия. Вацлав картинно сорвал с глаз повязку и бодро спросил:

— Кто-то сказал “спасти Прагу”?

— Я сказал, — кивнул Даркен.

— А от чего?

— Пока не ясно, но всё, что я знаю про Перловку говорит: удар, который сейчас отражают башни, нужен лишь для того, чтобы парализовать наши силы, и без того частично ослабленные мощной тусой, куда собрался весь высший свет, параллельно являющийся ещё и лучшей военщиной.

Молодой человек уже двигался к выходу, по пути вжимая пальцы рядом с сонной артерией, чтобы подселить в плоть магический контур.

Принц смутился.

— Если бы дело было настолько серьёзным, нас бы наверняка уже позвали.

Дарк не останавливаясь выхватил из-под одного из столов мусорку и от души вытошнил в неё, избавляясь не только от алкоголя, но и от съеденного.

Он очистил язык зубами, затем ещё разок гадливо сплюнул и поставил мусорку к другому столу, не останавливаясь.

— Как раз “нас” бы не позвали. А вот кого менее знатного... знаешь, сейчас было бы пафосно, если бы я указал куда-нибудь и мы увидели постепенно собирающихся мелких дворян, но уверен, как раз они уже успели подготовиться и срулили. А вот ребята нашего с тобой уровня должны веселиться и не отвлекаться, потому что именно это и пафосно. Потому что это “уровень”, рот его дери!

Он возмущённо тряхнул головой.

— Перловка обещала отсылку к “Гоблинам”. Я умер, не успев дожидаться концовки, но то, что я успел прочитать, то ещё пугающее гуано. Увидь я такое не в ярком комиксе, а наяву...

— Хах! — принц быстро нагнал “номера один” и зашагал рядом. — Если они у нас и впрямь так думают, что не след отвлекать родовитых, нужно будет поднять этот вопрос. Мало того, что это явно неправильный вектор развития высшего общества, так ещё и

безвкусица: какой мальчишник без хорошей драки?

Даркен отметил, что Вацлав так и не успел вновь наклюкаться с момента, как они вышли от Франтишека. Видать, потому и не считал нужным прочищать желудок, однако...

— Ты не готов, Ваця.

— Что? — не понял принц. — В смысле?

— Желудок надо чистить перед подобными боями не от алкоголя, а вообще от всего. Тебе этого не могли не говорить в ЦИВКе.

— Это зачастую излишняя предосторожность...

— Не бывает излишних предосторожностей. Тем более с противником такого уровня. Она не атакует королевскую семью напрямую, но это не значит, что ей не придёт в голову забавная идея, когда она вас увидит. Вспомни цесаревича. Последствия могут быть неизлечимые.

— Для тебя тоже, — напомнил принц. — Но ты-то летишь.

Дарк улыбнулся, немного ускорился, а затем повернулся спиной вперёд и продолжил путь, разведя руками.

— Ну я же Даркен Маллой! Я главгерой этой истории!

Секундой позже его пальцы сомкнулись на рукояти магического лэнса, который ему вручил Лукан.

Здесь был не только он. Остальные парни из ковена тоже поснимались с мест и двигались к выходу. При этом Дарк им подобного не приказывал. Сами догадались? Или кто-то их организовал? Сложно сказать. Но выглядело круто, а потому, какая разница?

Лотарингский усмехнулся.

— Ты всех уже достал за столько томов. Пришло время смены караула.

Дарк перекинул оружие из руки в руку и пригрозил пальцем.

— Очисти желудок. Выбери неприметные доспехи. И догоняй.

Молодой человек развернулся обратно и тотчас же обратился к Вику, с которым поравнялся.

— Бибо и Бобо, протокол “Ланселот”. К основному входу. Известно, куда будет нанесён удар?

— Уже вызвали. Карлов мост. Если что-то и произойдёт, то в его окрестностях.

— Ну, хоть не спальные районы... хотя... напрягает это меня. Не в стиле Перловки.

— Меня тоже напрягает. Может ей интересен королевский склеп?

— Даже гадать не возьмусь, если честно. Будем делать, что умеем. Нагоняйте, как будете готовы.

Он ускорился, решительно растолкал плечами группу не особо интересующихся внешним миром мужчин, на кой-то хрен собравшихся тут в кружок, а затем и вовсе перешёл на бег.

На улице было светлее и тише, чем в казино. Причём светлее, несмотря на то, что солнце уже покинуло небосвод. И непохоже, что если бы кругом не было так много горящих вывесок, Даркен ощутил бы дискомфорт от отсутствия иллюминации. В конце концов, контрастные яркие лучи стробоскопов и постоянное мигание не то, чтобы способствовали улучшению видимости. На их фоне даже свет звёзд и луны был бы предпочтительней.

Едва лишь оказавшись на улице, Даркен оттолкнулся от асфальта и прыгнул много выше, чем позволяли обычные человеческие возможности, в полёте раскладывая лэнс в боевое положение. Вновь брэнной земли некромаг уже не коснулся: его ноги приземлились

на жёсткий корпус одного из дронов. Тот, чтобы хозяин не соскользнул, и сам вцепился манипуляторами ему в щиколотки.

Второй же дрон ухватился за левое предплечье. Он разом мог служить как щитом, так и хранилищем праха, а кроме того, ровно как и первый, имел собственное оружие.

Бибо и Бобо. А чтобы никто не сомневался в их искусственно-интеллектуальных способностях, фирмочка намалевала им лица. Одному излишне злое, а другому — дурашливое до боли.

— Я на разведку боем! — крикнул “номер один”, не особо беспокоясь, впрочем, о том, чтобы быть услышанным.

Его ковен — не маленькие дети. Разберутся. С организацией у них всё в порядке.

С такой свитой даже безнадёжный идиот может стать императором.

Глава 12. Большая отсылка к “Гоблинам”

1.

Как дошло до такого?

Когда он успел так измениться?

Примерно такие странные мысли лезли в голову Даркену, когда он летел над крышами домов по направлению к историческому центру Праги.

Казалось бы, разве время для подобных измышлений? Разве не стоит попытаться понять, что ты будешь делать, когда доберёшься до места? Постараться разгадать планы Перловки или, хотя бы, предугадать, каким будет то чудовище, что она призвала, и как с ним бороться? И будет ли то вообще чудовище, а не, скажем, портал в какой-нибудь аналог Ада, засасывающий всё вокруг туда, где не властны законы логики, физики и парафизики: в хентай-аниме, например?

Но имелось чёткое осознание, что подобное бесполезно. Пусть “номер один” отнюдь не дурак, ему далеко до главных аналитиков ковена. В его стиле, скорее, прилететь и разобраться на месте, что-нибудь сымпровизировав. Тем более, что от него сейчас нужно не победить, а просто сдерживать бяку-буку, пока не придёт подмога. Пока не заявятся основные силы, сами облачённые в доспехи и с доспехами для своего “номера один”, он им скажет “вы тормоза, я почти что справился сам”, а они ему ответят, что знают, как победить скотину. Выслушать инструкции и действовать, согласно им.

Вот и весь план. Чего тут думать? Либо подчинённые спасут день, либо Бронька. А от Дарка многого и не требуется. Просто быть крутым.

А потому он мог немного порефлексировать, покуда не вышел на визуальный контакт с мразиной. Вспомнить, как бравировал своей лихостью. Как преувеличивал свои достижения и вёл себя, подобно героям боевиков просто для поддержания имиджа, а не потому, что всерьёз полагал себя способным на какое-то время задержать сущность, призванную тёмным божеством, заявляясь на бой с голым торсом и нелепой ковбойской шляпе.

Но сейчас же... и правду говорят: если достаточно долго кем-то притворяться, можно им в итоге стать. Маски к лицу имеют свойство прирастать.

И вот, наконец, среди ломаных силуэтов, в которых угадывались характерные треугольные крыши старинных знаний, короткие шпили старых башенок и прочие изыски архитектуры прошлого, появилось нечто, выбивающееся из общей стилистики.

Линии более-менее плавные, хоть и неровные, часто складывающиеся в острые хаотично направленные стрелы. Этакая всклокоченная причёска хрестоматийной старой ведьмы или безумной бабки-кошатницы.

Очень большой старой бабки, способной рушить дома, просто зацепившись за них своими длинными волосами.

Едва лишь увидев, как накрывается одна из башен, которую даже никто специально не пытался атаковать, Даркен осознал, насколько он недооценивал эту тварь. Он по памяти воспроизвёл внешний облик создания: крупная сморщенная, покрытая струпьями голова с безумными глазами, перемещающаяся на чём-то, что напоминало разом и лапки членистоногого и щупальца, но по факту являлось чересчур длинными пальцами с количеством фаланг заметно большим, чем должно быть у существа, созданного природой.

Оно выглядит неприятно, неестественно и странно, но не являлось бы и наполовину

таким пугающим, каким было на самом деле, если бы не его странные противоестественные взаимоотношения с внешним миром.

По крайней мере так и думал Дарк. Он полагал, что лиши его того свойства, не позволяющего ни одному органическому существу и коснуться твари, сохранив при этом если не конечность, то хотя бы жизнь, и Пальцевый Кошмар, появление которого оказалось предсказуемым до разочарования, это порождение горячечного бреда Тэрола Ханта, не стал бы серьёзной проблемой.

Даркен ошибся.

Эта плывущая сквозь старинные кварталы голова, ловко цепляющаяся за каждый выступ болезненно сморщенными пальцами с уродливыми ломкими ногтями, и без дополнительных бафов оказалась той ещё занозой в седалище.

“Номер один” потёрся виском о древко лэнса, чтобы заложить в черепашку магический контур, позволяющий лучше видеть в неверном освещении, — по понятным причинам фонари в районе исторического центра приказали долго жить — а затем подался торсом вперёд, веля дрону рвануть вниз на максимальном ускорении.

И вот, ровнёхонько в этот момент тварь оказалась под обстрелом заклинаниями. Она противно протяжно заверещала и закрыла то, что было у неё взамен черепашки, своими изуродованными конечностями. Те легко лопались, словно набухшие гнойники, расплёскивая вокруг своё содержимое.

— Курва, вы идиоты! — сквозь зубы прошипел Даркен и накренил дрон в сторону атакующей чудовище группы магуев.

Однако “номер один” понимал, что даже на максимальных скоростях он движется слишком медленно, а потому, быстро прикинул, из чего Перлуша могла скрутить это создание и чем его могли так успешно бомбардировать дворяне малых домов.

Внимательный взор серых глаз отметил, что непосредственно голова не получает никакого урона, хотя, по факту, попросту было невозможным, чтобы в неё не прилетело ни одного проклятья.

Точно! Волосня!

В ней тонули атакующие заклятья, от которых страдали только чересчур быстро регенерирующие конечности.

Сложив эти два факта Даркен понял, как бы ему защитить уродину, даже не вникая особенно в тонкости её устройства. Он прицелился хорошенько лэнсом, а затем выдал один контур, созданный, чтобы парировать вражескую регенерацию, но ныне редко когда имеющей толк против разумного противника.

Он не мешало непосредственно самой регенерации, однако путал “шаблон”, по которому шло восстановление. И вот уже ломанные многосуставные конечности растят на себе не столько мясо, сколько переплетение волос, из-за чего продолжение обстрела более не вело к тому, что плоть создания расплёскивалась по округе, накрывая людей.

Людей, которых тут было до свинства много.

Отдыхающие. Туристы. Среди них Даркен заметил много детей. Больше, чем полагалось бы видеть в столь поздний час.

И тогда он понял, как выбирались время и место удара: разрушенные дома, всё же, не производят такое впечатление, как изуродованные человеческие тела посреди улицы. Особенно, если эти тела растворялись, но смерть не спешила прибираться к себе пострадавших. словно бы исходивший от них сладковато-гнилостный запах был чересчур

противен Морте Санте, чтобы та могла так сразу, не преодолевая отвращения, подойти и увести их души.

Одним ошмётки плоти ударили по спине, из-за чего само тело превращалось в студень, из которого торчали руки и ноги. У других голова стекла под воротник. Третьи пытались, цепляясь ногтями в щели между брусчаткой, уползти прочь от лужи, которая уже обратила их ноги в единый безвольный, лишённый мышц и похожий на пустой кожаный мешок хвост. А некоторые и вовсе полностью растворились и уже начали смешиваться в единую массу с множеством искажённых как ужасом, так и проклятьем лиц.

Бедолаги кричали, плакали, молили о пощаде. Казалось, с их разумами происходит то же, что и с плотью. Рациональность и умение мыслить связно растворялись под напором бесконечного ужаса. Даже не животного. Более глубокого.

В полном смысле хтонического.

Наверное Даркену было бы проще воспринимать это, если бы жертвы полностью лишились человеческого облика. Но когда здесь можно увидеть красивую женскую руку с накрашенными пальцами, а там — всё ещё остающегося в сознании и отчаянно пытающегося забраться повыше парнишку лет тринадцати, чьи пальцы уже начинали превращаться в подобие медузы, обещая вот-вот предать и позволить упасть всем телом в лужу проклятой жижи, становилось как-то особенно жутко, дурно, мерзко.

— Идиоты! — кричал Даркен, взмахом лэнса поднимая ветер столь мощный, чтобы заставить пачку некромагов перейти в оборону, просто чтобы устоять на ногах. — Вы что, не видите, что делаете?

Он закончил своё пике прямо рядом с мальчишкой и схватил его за шкибон ровно в тот момент, когда пальцы бедолаги уже остались на дверной ручке и падения было неизбежно. Бобо — дрон-щит, временно покинувший пост, — успел вцепиться манипуляторами в плечи уползающей прочь от жижи женщины и потащить прочь. Ещё где-то четверых молодой человек сумел вытащить заклинаниями, но на остальных времени тратить уже нельзя. Неразумно. Ведь спасая их, можно не успеть уберечь иных. Тех, кто ещё пока не был поражён проклятьем.

“Номер один” небрежно бросил парнишку в кусты, а затем, подлетев к командующему копьём, от души впечатал ему кулак в шлем. Достаточно мощно, чтобы тот затрепал, но не настолько, чтобы появились внешние повреждения. Всё же, требовалось скорей высказать своё отношение к ситуации и обозначить позицию альфаха, не убить на месте.

— Шелупонь низкородная! — Дарк исходил из предположения, что все серьёзные люди сейчас веселятся. Молодой человек мог ошибаться, но ни у кого он не видел герба, обязательного к запоминанию. Ну, кроме герба страны, разумеется. — “Урон есть урон”, да, тварь?! А зенки свои пустые разуть? Вытащить из них мух совокупляющихся — это вера в Семерых не позволяет? Да твоё поведение настолько оскорбительно, что Морте Санта даже поле боя почтить своим присутствием не решилась!

Он оглядел остальных. Вряд ли маги все узнали Дарка, но связываться с ним не решались. Если такое чучело явилось и качает свои права, а главный терпит, значит, так и надо.

— Проклятый студень и куски плоти скорей всего уже попали в реку. А оттуда вполне могут и в систему водоснабжения. Или не могут. Я не разбираюсь. Мне и не надо. А вот вам срочно разобраться. Эвакуация, организация фильтрации воды. Доложить о необычных свойствах в штаб. Никаких действий без моей команды! Выполня-я-ять!

Он вновь поднялся повыше, развернулся в сторону чудовища и небрежно подставил предплечье под вернувшегося к обязанностям щита Бобо.

Как оказалось, за время короткой перебранки тварь не особо-то и много сумела сделать. Неправильно отрегенировавшая конечность мало того, что не позволяла так ловко скользить меж домами, так ещё и цеплялась волоснёй вообще за всё, уменьшая степень свободы. Понятно, что тварюга обладала мощностью достаточной, чтобы освободиться, однако её интеллект оставлял желать лучшего, из-за чего Пальцевый Кошмар пока плохо представлял, как правильно прикладывать силу.

— Ага-а-а-а... — некромаг задучиво огляделся.

Где же Броня? Сложно поверить, чтобы она не летела на всех парах туда, где столь необходима её помощь. Однако богини видно не было, а потому Даркен решил начать эксплуатировать едва нащупанную слабость.

Он кружным движением двинул мимо чудовища, изучая обстановку в деталях.

Монстрота уже успела нанести достаточно урона. Улица Мостецка была залита людьми, неспешно просачивающимися в ливнёвую канализацию. Однако многим удалось спрятаться. Большинству — под козырьком музея призраков и легенд, а то и вовсе в здании. В здании, уже трескавшемся от лежащей на нём беспокойной головы ублюдины.

В голове у Даркена уже вырисовывался какой-никакой план.

Вот бы всё успеть прежде, чем перекрытия не выдержат...

2.

Что-то хрустнуло. Не то кости Брони, не то шершавый асфальт, в который её впечатали не просто с размаха, а с высоты птичьего полёта.

Падение вышло хорошим. Качественным. На все десяточки. Вон, как радостно машины все запищали. Это овации и одобрительный гул. А заодно насмешка над богиней.

Больно. Но не столько физически. Физическую боль Броня уже давно осознавала где-то на уровне потери хитпоинтов в игре. Отмечала факт, считала его неприятным, но он уже не был способен её всерьёз занять.

Больно было от того, что она могла так легко попасть в подобную переделку.

Слунце же предупреждала. Надо было послушать

Послушать и хотя бы не лететь по прямой. По настолько предсказуемой траектории.

Тогда бы её не смог бы перехватить этот... кто он?

Девушка направила в мышцы шеи силу разом физическую и магическую да приподняла голову, чтобы осмотреться.

Группа из шести мясных големов с длинными антеннами-щупальцами, растущими из бугорка, имитирующего голову. Все одинаковые, как под копирку. И в дизайне каждого наблюдался тот же почерк, что и во взращиваемом рыжевласой Ганей-тян псевдомышечном полотне униткани.

Они ждали богиню. Ровнёхонько в этом месте. Словно бы точно знали, куда её приземлит седьмой. Тот, что перехватил её в воздухе, а затем, обращая оскорбительно мало внимания на обрушившиеся в его сторону потоком заклинания, вмазал девушку сюда, в асфальт на многоэтажной автомобильной парковке.

Понятно. Хороший димагетик. Мощные псевдомышцы. Проклинать бесполезно. Весь урон должен идти физический. Их семь. Явно брались с запасом. Просто на всякий случай.

Ганнибал... а Броня думала, что они с Перловкой разошлись, как в море корабли. Но

если это было действительно так, откуда ему было знать, где и когда готовить засаду? Неужто это был такой многоступенчатый обман?

Впрочем, об этом можно будет подумать потом, а пока...

Из тела девушки во все стороны ударили могучие корни. Длинные, извилистые, очень плотные, на ходу порастающие шипами. Это был тот самый заккум, схему которого Броня оставила Ростинке.

Да, вне всякого сомнения, имелся огромный риск, что рыжая уже передала все формулы, необходимые для создания контрмер против этого типа древа, но разве существовал какой-то иной способ проверить действенность своей последней разработки, кроме как применить её?

Ганнибал парировал атаку. Но не при помощи специализированной магической формулы. Он просто развил своё преимущество внезапного нападения, позволявшее ему атаковать чуть быстрее, и оторвал Броне голову раньше, чем первые ростки заккума впились в его плоть и потащили прочь от тела богини.

На самом деле, не самая эффективная мера. Стремительно разрастающиеся во все стороны шипастые побеги лишали противника манёвренности и разделяли его силы. А сам карфагенянин уж точно не мог заложить всё на быструю победу. Он ведь отлично знал, что потеря головы не уничтожит Лешую. Его целью скорей было взять божество измором. И не важно, сам ли он дошёл до мысли, что это вообще возможно, или Перловка подсказала, но факт оставался фактом: данная тактика могла и сработать.

Броня опасалась, что против неё применят нечто подобное. Но она ожидала такой подлянки лично от Тёмной Лешей, а не от третьих лиц.

— Ты же знаешь, что я могу растереть тебя, — обратилась оторванная голова к карфагенянину. — Ты лишь смертный.

Чтобы извлекать какой-либо звук, приходилось прикладывать усилия и магией гонять воздух через верхние дыхательные пути, да ещё и следить, чтобы кровь не повлияла слишком сильно на чистоту речи.

— Можешь, — не стал спорить Ганнибал, отвлекаясь на то, чтобы разорвать опутывающие его и прижимающие к сминающемуся на глазах боку микроавтобуса шипастые корни, шипы на которых, всё же, умудрялись нанести незначительный, но заметный урон плоти. — Но не станешь. Слишком велика цена.

Блеф не сработал. Карфагенянин и правда хорошо подготовился. А это значило, что пора извлекать из заготовленного оружие, которое Броня заготовила на случай подобной оказии.

И голова взорвалась.

Обычно плоть взрывается тихо, с едва слышимым противным хлопанием. Однако здесь Лешая добавила спецэффектов. Грохота и яркой вспышки. Да ещё и колебаний магического фона, куда она вылила самую настоящую флуд-атаку, скрывая главное: что разлетелась на куски именно что черепушка, а вот мозг, описав замысловатый кульбит, вылетел прочь.

Броня предпочла бы сейчас всё бросить и бежать. Нарастить по пути плоть и заявиться к чудовищу, призванному Перловкой, во всеоружии. В конце концов, какое ей дело до того, засчитает ли себе победу Ганнибал или же нет? Его жизнь или смерть не имела какого-либо значения в мире, где его всегда могли восстановить из отрубленного пальца.

В подобных ситуациях значение имеет лишь выполнение боевой задачи. А боевая задача Лешей состояла в том, чтобы максимально уменьшить количество случайных жертв.

Да вот только карфагенянин не был идиотом. Он предусмотрел подобный поворот

событий. Специально выбрал в качестве поля боя место условно безлюдное: многоэтажную парковку. А вот сама парковочка находилась в локации, где рядышком расположились здания, полные людей. Стоит богине начать биться в полную силу или потерять контроль, как обязательно кто-то пострадает.

С попыткой убежать всё то же самое: у Ганьки наверняка имелись средства перехватить беглую Лешую. Любая неудачная попытка ретироваться приведёт тому, что полем боя станет не парковка, хоть как-нибудь отделённая от гражданских, а пространство меж домов или даже квартиры.

Это уже не говоря о том, что с древнего некромага случилось бы, заметив бегство слесны Глашек, попросту начать тут всё крошить с требованием вернуться и продолжить бой.

Броня не стала рисковать, а потому закинула свой мозг этажом ниже. Шлёпнула его о крышу одной из машин, а затем, шустро отрастив древесные паучьи лапки, поспешила уйти под авто.

Казалось бы: сколь много толку в таких убогих прятках? Если карфагенянин может перехватить беглую богиню, то и отследить подобный манёвр ему под силу. Вот только игра на человеколюбии Лешей — это палка о двух концах. Арсенал Ганьки скорей всего так же ограничен, ведь не в его интересах доводить ситуацию до такой, в которой богиня посчитает, что уже не имеет значения, от чьей руки поляжет челядь.

Он — не Перловка.

Надо знать своего врага, чтобы иметь наиболее полное представление о том, как на самом деле будет протекать этот бой.

Всего секундой позже сверху прилетел один из доспехов. С кусками бетона, проводки и арматурин. Он просто проломил пол, мешавший ему двигаться по кратчайшему маршруту между ним и целью. Остальные же, видать, стремились разорвать на куски обезглавленное тело богини и использовать его в качестве одноразовых держав с высоконасыщенным прахом.

Использовать против Брони её же запасы.

Но покамест им требовалось прорваться через стремительно растущие древесные путы, наделённые пусть простеньким, но способным вызвать проблемы, искусственным интеллектом. А до тех пор девушка имела возможность попробовать на зуб отделённый от остальных юнит Ганнибала.

Едва громила отбросил в сторону машину — как Броня и ожидала, он запустил её не на улицу, а по направлению к другим тачкам внутри самой парковки, — как ему пришлось отражать удар существа, атаковавшего столь стремительно, что ассоциации со сжатой пружиной как-то сами собой напрашивались. Во многом из-за того, как двигалось это тощее создание, отдалённо напоминающее созданный из сплетённых корней скелет.

Это был максимум того, что за столь короткий срок могла организовать себе Лешая. Не в смысле массы тела, в с точки зрения сочетания той самой массы со сложностью конструкции и необходимостью удерживать сознание от полёта в пропасть.

А ведь оно желало туда улететь. Уже казалось бы забытое чувство сковывающего разум оцепенения, сопровождающегося рябью, постепенно подкрадывающейся с границы поля зрения, возвращалось. Со стороны, конечно, оно не было заметно: тощий ловкий скелет знатно мордовал мясного голема, зрелищно разрывая плоть и постоянно перемещаясь. Он быстро и ловко вырвал растущие из “затылка” творения Ганнибала щупальца-дреды и на ходу зажевал их, отправляя в полный агрессивной магической кислоты зеленоватый

имитирующий желудок мешок, дополнивший структуру уже после момента начала схватки двух уродцев.

И пусть мясной громила отличался скоростью и точностью движений, этого не хватало для того, чтобы хотя бы зацепить деревянного скелетона.

Вряд ли Ганя ожидал именно таких контрмер. Однако у него в загашнике всё равно имелось, чем ответить.

3.

Даркен методично реализовывал свой план.

Он наносил удары так, чтобы лопающаяся плоть пальцевого кошмара расплёскивала колдовской гной достаточно далеко от гражданских, а затем вклинивался в механику регенерации. Классика. И пусть это не то, чтобы всерьёз вредило чудовищу, данное действие лишало монстра мобильности. А ведь именно в этом и состояла цель “номера один”.

Не разнести отвратительную мерзость на ошмётки, а именно что удержать её, покуда не придут основные силы с готовым планом и подходящим оружием в руках. В том, что ковен всё организует по красоте, Даркен и не сомневался: подчинённые покамест не подводили своего сюзерена. Именно поэтому молодой человек и мог оставить всё основное действие на них, а сам — броситься в безрассудную атаку, даже не прикрыв тело качественными доспешками.

В конце концов, что в этом нового? Разве “номер один” ни разу не лазал в пасть льва?

Пхе! Рутина!

Не прошло и пяти минут, как имитация Пальцевого Кошмара застыла над музеем не в силах толком двинуться: её собственные волосы, поросшие там, где их изначально не предполагалось, цеплялись за всё подряд. А где не цеплялись сами, там уж и Даркен вспомогательствовал, телекинезом намотав локоны на фонарные столбы, колонны и вбитые в асфальт и стены арматурины.

— Ха! — выкрикнул “номер один”, зависая в воздухе прямо напротив морды чудовища. — Теперь ты типичный стационарный босс! Самая бездарная выдумка разработчиков слешеров!

Гадина изо всех сил выпучила свои и без того находящиеся на выкате огромные глаза, а затем фыркнула, не то чихнув, не то сморкнувшись в Даркена целой взвесью проклятых выделений, от которых молодой человек тотчас же спрятался, поджав ноги и выставив перед собой щит, предусмотрительно расправивший дополнительные защитные “крылья”.

Да, было бы эффективней создать кинетическую защиту с лэнса, да вот только молодой человек ощутил уже к тому моменту прикосновение чего-то холодного к костям. Пронизывающее до последней клеточки тела чувство, знакомое каждому, кто попадал уже под ауру Перловки. Ту самую, что создаёт слишком много помех, мешающих творить заклинания вне плотной, защищённой от внешнего влияния среды.

Помехи влияли и на дронов. Бибо и Бобо, будучи электроникой, оказались не способны функционировать в обстановке столь мощного информационного шума.

И вот, Даркен уже начал заваливаться на бок и лететь напрямую к покрытому агрессивной проклятой жижей, однако тут, ни с того ни с сего...

— Два дебила — это сила! — радостно вскрикнули дроны, сообщая миру, что управление передано с электронного мозга на сокрытый под корпусом дендроконструкт.

Платформа под ногами сумела выровняться. Не сразу, не с первой попытки. Даркену

пришлось где-то секунды три поболтаться головой вниз, отталкиваясь от опасной улицы лэнсом, но затем магический суррогат военного чипа нащупал необходимое усилие и его направление, чтобы вернуть хозяина в положение, более ему привычное.

— Ха! — выкрикнул громко молодой человек, обращаясь не то к Перловке, попытавшейся застать его врасплох, не то к чудовищу, не то к людям под козырьком музея, в ужасе наблюдавшим за всей этой эквилибристикой. — Вы навсегда запомните тот день, когда чуть не растворился можновладелец Даркен Маллой!

Тем не менее, несмотря на то, сколь пафосно удалось избежать встречи с агрессивной проклятой жижей, “номер один” поспешил добраться безопасной твёрдой поверхности близ дверей музея и переместить Бибо из-под ног на спину: всё же, искусственный интеллект Злобека отличался от творения рук лучших программистов РагнаТека в худшую сторону, а потому от полётов стоило отказаться.

Люди без лишних напоминаний постарались освободить дорогу некромагу, так что, Даркену не то, чтобы грозило об кого-нибудь случайно обтереться запачканным слюной чудовища щитом. Тем не менее сам “номер один” предусмотрительно смахнул капельки, совместив отталкивающее заклинание с красивым пафосным жестом.

Серые глаза некромага внимательно изучали идущий трещинами бетон.

Ожидаемо, определение органики у проклятой жижи было не химическим, а алхимическим. С точки зрения этой науки камень — это не живое и никогда живым не было. Выходит, что защититься от этой напасти можно просто при помощи тех же средств, какими люди защищались от дождя, если только не считать кожаных курток и тому подобных вещичек первого приближения. Знать бы, откуда их ещё взять в таком количестве? В смысле, Даркен мог и наколдовать, да только успел бы он обеспечить всех и каждого защитой прежде, чем здание не выдержит давления?

— Целлофановые пакеты, резиновые сапоги и калоши, дождевики, зонтики, — быстро перечислил “номер один”. — Это защитит вас от протечек! В музее должны быть большие рулоны плотного полиэтилена для организации уличных выставок и перевозки экспонатов. Займитесь делом лучше, чем стоять себе и просто восхищаться моими крутизной и улётностью.

Какая-то женщина, всё же не выдержала:

— А вы нас не спасёте? — с отчаянием в голосе спросила она, впиваясь пальцами в плечи своего ребёнка, которого она своим торсом укрывала от возможных капелек с потолка.

— Прямо сейчас этим занимаюсь, милочка, — ответил Дарк, доставая из-за спины росток. — Прямо сейчас этим занимаюсь.

Бибо помимо прочего обладал умением шустренько генерировать маленьких древесных малышей из своей дендроплоти. Сейчас Даркен намеревался использовать их для того, чтобы быстро нарастить каркас, укрепляющий перекрытия музея, а также сгенерировать достаточно янтаря, которым можно будет замазать щели в автоматическом режиме: по алхимии янтарь считался драгоценным камнем, а не органикой, так что, должно было проканать в случае протечек.

Работа эта была важная, серьёзная, но тяжёлая. Причём как ментально, ибо требовала заложить в новорожденный конструктор достаточно сложную адаптивную программу, что уже не подарок, когда даже слово “трещина” надо объяснять максимально подробно и со спецификациями, так и физически, ибо тыкать лэнсом тоже не хухры-мухры. Не каждый это

может делать достаточно долго и, фактически, одной рукой.

4.

Как и следовало ожидать, Ганя хорошенько подготовился и сделал свою плоть неустойчивой к кислотам, которые использовала богиня. Это, кстати, лишний раз подтверждало факт его связи с Перловкой, ибо иначе откуда ему знать контрформулу к субстанции, которую Броня довела до ума буквально вчера?

Оторванные щупальца не желали быть пассивными объектами в эксперименте и поспешили продемонстрировать свою субъектность, прорвав псевдожелудок Брони. А ещё спустя полторы секунды объединённые усилия двух мясных големов возымели эффект и дендроскелет последовательно лишился нескольких конечностей, а затем и вовсе его кинули на землю и раздавили черепушку, вместе с защищаемым её мозгом.

Тут уже ничего не попишешь. Эта тактика показала свою несостоятельность, однако принесла Лешей кое-какие знания, которые она намеревалась использовать в дальнейшем.

На душе было тяжело. И эта тяжесть ощущалась отчётливо. Словно бы не фантомное чувство, а нечто объективно существующее. Нечто, чему не нравилось, что Броня мало того, что тратит здесь драгоценное время на этого карфагенского выскочку, так ещё и использует для этого методики, более свойственные Перловке, старательно открещивающейся от своей человечности.

Но бред же! Право слово, бред! Тело — лишь символ. Разве становится Лешая менее человеческой от того, что для начала использовала мозг, в качестве красной сельди, в качестве отвлекающего манёвра, а на деле готовила к настоящему бою поросль заккума? Ту самую, что сначала бесконтрольно обвивалась вокруг многочисленных мясных големов, затем разрывалась ими на части, а теперь вновь “ожилла”, шустро собираясь в бесформенное переплетение шипастых червей? Ведь это разумный ход! Это атака, которой Ганя вполне себе мог и не ожидать!

Более того, это и была атака, которой Ганя не ожидал!

Броня понимала это по умопомрачительной эффективности удара, без труда вскрывшего аж трёх чудовищ за раз. Плоть их рвалась, лопалась, заставляя демонстрировать пустующее нутро, в коем нет и, возможно, никогда и не было человека, но который там очевидно предполагался.

Живые автономные доспехи разделялись на куски, а корни-щупальца растаскивали их как можно дальше друг от друга, усложняя задачу повторной сборки в самостоятельный конструктор.

Это ведь успех! Это — эффективно!

Так отчего же так погано на душе? Отчего чувство такое, будто бы Броня сама себя предавала?

Отчего она испытывала столь болезненную привязанность именно что к человеческой форме? К тому телу? Ведь разум не хранится в нём! Ведь даже мысли уже не мозгом генерируются! И эмоции рождаются не из биохимии организма. Нейромедиаторы более не властны.

А что же властно?

Ответ был очевиден.

Спорить с волей сотен поглощённых душ Броня посчитала неразумным. Она смирилась. Она сдалась.

И в знак этого из центра шипастого дендромесива восстала та аватара божества, которую коллективный признак посчитал единственно достойной и каноничной. Да, сама аватара не являлась цельной. Тело уже успели порвать на куски и разбросать конструкторы Ганнибала. Они бы с удовольствием выжгли бы всю магию из девичьей плоти, если бы богиня предусмотрительно не слила из своего мяса энергию, самостоятельно “нагрев” материю. И вот теперь она вновь “охлаждалась”, пуская в себя переплетённые души.

Древесные кости максимально повторяли человеческие. Волокна мышц подменялись колдовским дендросуррогатом, который, впрочем, выходил отнюдь не грубым, а именно что выглядящим максимально схоже с тем, что был призван заменить. Движения у девушки выходили очень естественные, плавные, даже несмотря на то, что тело достраивалось на лету.

Вот только отчего же вместо властности и гордыни синие глаза богини демонстрировали печаль? Отчего Лешей не удавалось скрыть слёз?

— Даю тебе последний шанс, — дрогнувшим голосом, но очень громко и отчётливо произнесла Броня. — Я знаю, что ты им не воспользуешься, но я тебя прошу: отступи.

Ответ пришёл от одного из доспехов. Того, что лучше прочих выдержал ту внезапную атаку, находясь почти в самом её эпицентре. Его предплечья регенерировали на глазах, а щупальца-дреды в сложном плетении образовали устойчивую защиту, через которую было не пробиться шипастым корням, управляемым не столько волей богини, сколько автономным контуром.

— Отступить? Сейчас? Когда ты сама демонстрируешь, что мне удалось приблизиться к победе?

— Это не твоя победа, карфагенянин, — Броня даже не смотрела в его сторону, хотя вряд ли у Ганнибала могли возникнуть сомнения в том, что Лешая обращается именно к нему. — Ты не снимешь сливки с неё. Ты ничего не получишь. Твоя гордыня в лучшем случае будет пустой, а в худшем — ослепит тебя. Ты сам не станешь богом. Это так не работает. Уж я-то знаю.

— Я, всё же, попытаюсь.

— Глупость.

Лешая знала, что это не сработает. Она отлично осознавала, что звучит жалко и неубедительно. По сути, весь мотив её действия состоял скорее в том, чтобы снять с себя как можно больше ответственности, когда она, наконец не выдержит.

Несмотря на всю божественную мощь, девушка оказалась чересчур ограничена обстоятельствами, много более сильными, чем она сама. Теми, с которыми настоящая, оригинальная Броня Глашек могла бы справиться. Теми, с которыми она уже успешно справлялась ранее. Нынешняя же её версия, жалкий суррогат, оказалась не способна ничего противопоставить миру, столь прицельно наносящему ей удар за ударом. Без единой ошибки он давил на искусственную личность до тех пор, пока та сама не оглохла от треска, с которым ломается каркас её адекватности.

Девушка словно бы во сне, парадоксально неспешно обернулась в сторону того самого доспеха, что нёсся на неё, где грамотно уклоняясь, где парируя, а где и разрывая тернии. Причём последнее он делал с такой обманчивой лёгкостью, словно бы то был не заккум, а какой-нибудь дуб. Понятное дело, что каждое такое движение сопровождалось выверенным сложным магическим контуром, позволяющим сконцентрировать много силы в одном месте на краткий миг, но смотрелось это всё...

— Как можно быть таким умным, но оставаться таким дураком?!

Вторая часть выкрика Брони прозвучала особо громкой скороговоркой ровно в тот миг, когда вся медлительность и плавность движений богини испарились. Она быстро ушла с линии атаки и правой рукой пронзила насквозь живот доспеха. Казалось, вся мощь этого удара питалась надеждой обнаружить внутри тело истинного Ганнибала, однако же там, под слоями пропускающей через себя великое множество сложных заклинаний униткани, находилась лишь разочаровывающая пустота.

Мясной голем не остался в долгу и мощным ударом локтя промеж лопаток девушки переломал ей разом и позвоночник, и кость плеча той руки, что ныне застряла в униткани полого доспеха. И словно бы этого было мало, щупальца-дреды тотчас же впились в плоть Лешей, чтобы выплеснуть не менее десятка смертоносных заклинаний, подпитываемых силой самой богини

5.

Даркен не успевал.

Хотя, пожалуй, фраза “не успевал” заслуживала звания величайшего преуменьшения всех времён и народов.

— Агрх, курва! — рыкнул молодой человек, когда очередная секция обвалилась, мало того, что погребая под собой не менее десятка испуганных людей, так ещё и выплёскивая в залу целые потоки проклятой жижи.

И превратиться бы “номеру один”, так и не нашедшему до сих пор времени на создание дождевика, в медузу крутости, если бы его попытку отскочить назад не поддержал бы Бибо, всё ещё не чурающийся подрабатывать на ниве транспортного средства.

— Спасибо, чувак! — Дарк похлопал дрона по корпусу, взял у него несколько ростков, а затем бросил их перед собой, в полёте отоваривая лэнсом, программирующим те выстроить заслон для свежееорганизованного кислотопада и организовать хотя бы какую-нибудь заводь. — Ты не прекращаешь меня спасать.

— Не за что, кожаный мешок, — ответил тот заранее заготовленной фразой, подражающей лексикону истинно разумного Пьеро. — Это не потребовалось бы, не будь ты тупым.

— И не поспоришь, — вздохнул Даркен и, схватив свежую порцию ростков, окинул грустным взглядом разрушенную залу с дырой в потолке, ведущей в оскорбительно нежное подбрюшье пальцевого кошмара. — И не поспоришь.

Тот кусок здания, где сейчас от проклятого дождя укрывался пан Маллой, фактически всё ещё держался лишь благодаря древесным подпоркам. Надо сказать, выглядело оно весьма интересно. Хаотичные пересечения корней, сквозь которые проглядывались широкие янтарные прожилки. Красота!

Многие смогут насладиться этим в будущем. Очевидно, что многие. Вряд ли кто будет рушить данную конструкцию. Скорей оставят, как монумент в память об этом событии. В старом мире Дарка — чтобы народ помнил о трагедии, а в Форгерии, скорей, чтобы не забывал об успешном применении молодой школы магии.

Очень хотелось бы броситься дальше, организовать проход в стене, обойти этот участок, попытаться добраться до тех, кого ещё не накрыло и не растворило, однако “номер один” осознал, что он попросту вынужден остановиться и сформировать себе по-быстрому какой-никакой дождевик. И пусть доселе некромагу удавалось обойтись без него, просто спешно

отрывая от себя поражённые участки плоти и подменяя их суррогатом, вечно так продолжаться не могло.

Молодой человек не смог сдержать грустной нервной усмешки.

В конце концов, его-то, если что, оживят и приведут в порядок. А кто займётся челядью? Ну не будет никто собирать заново им плоть, чтобы вернуть работоспособность и радость жизни. Все они, все, кто попал под проклятье, и кто попадёт — инвалиды, либо трупы. Или же вовсе, сначала инвалиды, а затем трупы. И тут уже не получится выкрутиться каким-нибудь эффектным фортелем, вроде “приглашения всех на мальчишник”, чтобы нанятые лекари потрудились. Не успеют они до конца мероприятия подлатать всех. Да что там? У большинства вообще не хватит квалификации, чтобы подлатать хотя бы одного. В такой ситуации для репутации лучше вообще не браться, чем сделать всего лишь процента два-три.

Может, получится как-нибудь подпихнуть этих бедолаг кому-нибудь в ЕССР? А как проследить, чтобы их не переработали на прах?

Глупость, конечно же. Скорей корона просто постановит оставить изуродованных в Богемии, чтобы самим пополнить стремительно пустеющие во время войны магические ресурсы.

Оттого Даркену было так некомфортно тратить время на себя в ситуации, когда каждая секунда могла стоить жизни десятку-другому людей.

И не просто “жизни”, а жизни и посмертия.

И вот в этот момент...

— Пан некромаг! Пан некромаг!

Даркен отвлёкся от выравнивания тонкого, похожего на резину полотна янтарного цвета, из которого он уже успел сплести себе пелерину, да обратил внимание на подбежавшего к нему суетливого мужичонку, который вполне мог, судя по одежке, работать в этом музее. Бедолага был вынужден посвечивать себе дорогу зажигалкой, потому как, в отличие от дворянина, наколдовать себе ночное зрение возможности не имел.

— Чё как? — кивнул ему “пан некромаг”. — Тебе чего от меня надо?

— Не мне, — замотал он головой. — Там, это... пани Каша Перловая.

Лицо Даркена многозначительно вытянулось. Ну надо же, экая оказия вышла. Гонец всеми силами пытался не опростоволоситься и назвать просительницу по полному имени, однако из-за волнения в его голове всё настолько перемешалось, что он и правда посчитал, будто бы полное имя Тёмной Лешей — Каша Перловая.

Ну или государственная пропаганда оказалась настолько хороша, что челядь и правда уже не видела ничего общего между двумя версиями богини.

Последний вариант был бы весьма кстати.

— И чего пани Каше надобно? — поинтересовался Дарк, примеряя пелерину, чтобы прикинуть, где следовало бы начать вытягивать капюшон.

В голову тут же пришла идея не париться и просто изменить свойства шляпы, но... если уж свойства шляпы менять, то уж делать её метательной с заточенными полями, а не бронированной.

— Видеть вас желает.

— Пусть подпишется на мой киллстаграм.

— Э-э-э...

— Шучу я, — беспечно хлопнул гонца по плечу Дарк. — Я отлично понимаю, чего эта

курва хочет. Передай ей, что я на неё обиделся. Настолько обиделся, что сам видеть не хочу.

— Обиделся? — неуверенно переспросил мужичок.

Следом ему пришлось отвлечься на нескольких простолюдинов — все разного возраста и достатка — тащивших рулоны прозрачной, устойчивой к проклятой жиже плёнки.

Всего в несколько жестов и коротких обрывочных фраз гонец организовал новопроибывших, которые без лишних вопросов принялись на ходу мастерить укрепления там, где некромаг ещё не успел всё организовать.

— Ты знаешь, почему Перловка, которая всё это время была здесь, только сейчас меня видеть захотела?

— Нет, господин.

— По той же причине, по которой она врубила свою ауру именно в тот момент, когда я уже почти справился с чудовищем, из-за чего, кстати, я оказался ограничен в средствах колдовства: она понимает, что если не сделает это, я выиграю.

— Но если вы не выйдете...

— Она пришлёт тебя обратно с угрозой, которая меня заставит оторваться от важного дела и попереться к ней на встречу.

— То есть, вы всё равно увидите с ней.

— Да, но позже. Скажи, тебе показалось, что я хорошо справляюсь с защитой музея?

— Вы и слечна Литтес отлично всё организовали...

— Слечна Литтес?

Даркен наконец закончил с капюшоном, запихнул его под шляпу, а затем принялся творить себе защитные наручи.

— Лаврушка Литтес. Она сегодня на смене в музее. Наверное, только благодаря ей здание не начало рушиться до вашего прибытия.

— Лаврушка... — пан Маллой откровенно хрюкнул. — Любят же у нас вкусные женские имена. Но, знаешь, ты льстишь очень бездарно.

— Я не...

— По факту, наших со вкусной девочкой едва-едва справляемся. Потому Перлуша не вмешивалась раньше.

— Тогда, что изменилось?

— Очевидно же! — Дарк подмигнул собеседнику. — Помощь на подходе. А потому, каждая выигранная секунда стоит очень дорого. А потому иди и строй из себя перед тёмной богиней идиота. Но не слишком усердствуй: она, конечно, дура, но не настолько. Поэтому, чуть что, всё вали на меня — я, думаешь, зря что ли создавал репутацию повесы и раздолбая?

Мужчина кивнул. Движение вышло шарнирное. Неестественное. Причём “номеру один” показалось, что кто-то забыл наложить так просящийся сюда скрип несмазанного механизма.

Очевидно, что собеседник отлично понимал как опасность всего мероприятия, так и весь груз ответственности, лёгшей сейчас на его плечи. И этот груз он намеревался нести сам.

— Хорошо. Я постараюсь. Но, боюсь, много выиграть не получится.

— Выиграй, сколько сможешь, — Дарк закрепил наруч. Тот выглядел так, будто бы его сделали из жёлтой изоленты, банально намотанной на правой предплечье. — Поверь, нам на помощь сейчас не бегут, а летят. На всех парах. Как минимум мой ковен. Как максимум, ещё принц очень порывался в бой.

— Но его тут нет, а вы — есть.

Эти слова прозвучали очень жёстко. Но они не требовали ответа. Простолоудин просто обозначил свою позицию и двинул прочь. А Даркен... Даркен не до конца понимал, ему сейчас должно быть обидно, учитывая, что он лично остановил Вацлава, порывавшегося выступить в первых рядах, или гордиться тем, что его репутация среди челяди обретает окрас героизма?

Впрочем, сейчас надо было думать не об этом, а о том, как бы поскорей разобраться с обувью и штанцами. Создавать новую материю с нуля — тот ещё гемор, алхимическое преобразование требовало бы внимательного чтения этикетки о составе тканей, а действовать следовало быстро. Немного покумекав, “номер один” решил, что обувь стоит покрыть янтарным лаком, а штаны — пропитать самопальным составом на основе того же янтаря. Результат, конечно, выходил знатнейшей хренью, ещё и выглядящей, как потрескавшийся во время обжига горшок, но наскоро проведённые полевые испытания оно прошло, а большего, в общем-то, и не требовалось.

Ну, нечего терять время. Кое-как защитился? Иди ломай стену, ставь подпорки, закупоривай трещины. А чтобы работалось сподручней, молодой человек начал петь. Ну, как петь, проговаривать под специфичный ритм стихи. Благо, когда речь заходила о Высоцком, такое исполнение очень даже котировалось.

Не космось — метры грунта надо мной,
И въ шахтѣ не до праздничныхъ процессій,—
Но мы владѣемъ тоже внѣземной —
И самую земною изъ профессій!
Любой изъ насъ — ну чѣмъ не чародѣй?!
Изъ преисподней навѣрхъ уголь мечемъ.
Мы топливо отнимемъ у чертей —
Свои котлы топить имъ будетъ нечѣмъ!

Да... воистину. Отнять топливо у чертей. Насколько же эти слова сейчас в тему.

Именно это Даркен и пытался провернуть. Даром, что не в прямом, а в переносном смысле.

6.

Кузов машины под спиной Лешей смялся, словно бы был сделан из картона, а стёкла разлетелись в стороны мелким крошевом, будто бы радостный салют, восхваляющий очередной красивый манёвр со стороны Ганнибала.

Броня едва успела уклониться от следующей атаки, скатившись с авто на жёсткий настил парковки, где тотчас же приняла на блок очередной мощный удар одного из автономных доспехов карфагенянина. Тут бы ей вновь впечататься тельцем в машинку, только уже в районе двери, но девушка намеренно погасила всю инерцию магическим путём. И вовремя: большая часть щупалец ожидала богиню в другом месте, а потому их попытки подсадить какое-нибудь проклятье или забрать насильно часть энергии даже не пришлось парировать.

Постоянный прессинг методично выжигал всё ещё кажущиеся бездонными запасы колдовской мощи, но, что куда важнее, он выжигал самообладание Лешей. У этого процесса

даже имелся характерный индикатор — зрение Брони всё больше и больше клонилось к тоннельному. С фокусировкой на чём-то одном. Что, для богини, делавшей большую ставку на мультизадачность, являлось серьёзной проблемой.

— Ты меня вынудил, — прошипела сквозь зубы девушка.

Точнее, “прошипела сквозь зубы”, потому как речь её в очередной раз звучала в отрыве от движений губ. Лешая просто открывала рот, и из него, словно бы из динамика, доносились слова.

В следующий миг оковы разума, те самые, имевшие представление в виде ряби, рассыпались крошечком даже более мелким, чем то, что образовывалось после того, как в очередной раз кто-то из сражающихся выбивал противником или случайным ударом стёкла машин.

Нет, даже не крошечком, а пылью. Столь лёгкой, что она попросту потерялась в ночной тьме.

Лешая раскинула свою ауру. Словно бы Ратри, что распуская волосы, погружала землю в ночную тьму. Широко, будто бы весь город желала окутать.

Эта аура ударила по связям мясных големов меж собой. Со стороны никто бы и не заметил каких-то изменений, ведь доспехи отлично действовали в автономном режиме, но Броне этого хватило, чтобы тотчас же склонить чашу весов в свою сторону.

Этого, а ещё отсутствия тоннельного зрения.

Лешая вновь могла видеть всё. И даже больше, чем способны узреть простые смертные.

Она легко уклонилась от атак, несколько раз ударила в ответ, но без особого энтузиазма. Её синие глаза внимательно изучали каждого из представителей сил противника, подмечая малейшие детали в их манере двигаться и реагировать на изменения в обстановке.

Грянул гром, и лишь затем, нарушая все законы физики, сверкнула молния. И не просто сверкнула, а ударила в один из флагштоков, закреплённых на стенах стоянки, всего в десятке метров от богини. Яркий свет отметил сражающихся глубоким контрастом, а ещё спустя две секунды хлынул ливень. Мощный, могучий. Он не был холодным, но хлестал по голове, плечам, груди и спине, словно бы самая настоящая плеть. Звонко и ощутимо.

— Я не буду жрать твою душу, — она уклонилась от трёх щупалец, да столь ловко, что казалось, будто бы богиня и вовсе не двинулась. — Это было бы слишком легко для тебя и потребовало бы с моей стороны поймать каждого из вас до последнего.

Ганнибалу не требовалось объяснять, почему. В конце концов, душам свойственно рвать связи с телами при попытке выжигания. Именно так прах и становится тёплым. Однако, если станет тёплой каждая частичка плоти до последней, от души не останется ничего. Ведь именно эта связь и обеспечивает душе какую-никакую цельность. И именно поэтому души не рвут связи полностью, хотя, казалось бы, это много безопасней и практичней.

Даже Перловка, и та отрачивала себе вполне материальную, пусть даже нечеловеческую, но абсолютно телесную нервную систему под Прагой.

— Я сломаю тебя иным методом, — Броня в очередной раз уклонилась от удара, а вот следующий приняла на предплечье, чтобы затем отбросить ту версию доспеха на тернии, вновь пришедшие в движение. — Большой глупостью было явиться сюда в одном из своих воплощений.

Пожалуй, да, не присутствуй карфагенянин здесь лично, мясные големы вряд ли бы оказались столь эффективны против Лешей. Да, у них имелся довольно неплохой

искусственный интеллект, но с человеческим ему было не сравниться. Так что, полководец этой куче униткани был попросту необходим.

Понятное дело, что Ганя понимал свои шансы помереть в данном бою. В любом случае подготовил пальчик для копии, а то и целое готовое тело, дабы не терять времени. И собирай потом каждую отдельную копию, чтобы пожрать всех.

Однако, не бывает непробиваемой брони. Как не бывает атаки, от которой невозможно защититься.

Лешая вычислила доспех с живым карфагенянином внутри. Просто по тому, что он сохранял былую эффективность даже в условиях отсутствия связи, утонувшей в ауре богини. Девушка в одно движение оказалась рядом и вцепилась ногтями в плоть уродливого мясного конструкта. И дополнял сие действие характерный речитатив.

— О ты, чьим домом стала тьма, — “шептала” богиня, с заметным усилием, но всё же вскрывая защиту противника. — Чужая боль не трогала тебя...

У тело Брони вонзилось сразу несколько щупалец. Они без труда пробили кожу и мышцы, однако на том всё и остановилось. Любое проклятье банально “смывало” водоворотом ничем не сдерживаемой силы, а нанести больший ущерб телу богини за счёт мощного физического усилия не получалось. Всё, что мог Ганнибал, это лишь “жечь” впустую силы Лешей, да только делал он это явно недостаточно быстро, чтобы у той закончились души прежде, чем она сама нанесёт финальный удар.

— Жизнь других своим травил ты смрадом. Пусть бытие твоё обернётся вечным Адом!

Лешая вырвала Ганнибала из доспеха. Буквально “вырвала”. Руки-ноги мешали действию? Ну так пусть остаются внутри. Девушка и не думала их отрезать. Просто упёрлась одной рукой в корпус доспеха, а другой, пробившей грудину карфагенянина, тянула на себя, укрепляя заклинанием торс. А вот конечности не укрепляла, из-за чего те сначала выпали из суставов, а затем уже и мышечные волокна лопнули одно за другим.

Впрочем, кровь хлестала недолго. Богиня позаботилась о том, чтобы жизнь не покинула карфагенянина. Ни сейчас, ни когда тело начало скручиваться совершенно неестественным образом, хрустя ломающимися костями и хлюпя телесными жидкостями, меняющими состав. Сложно сказать, насколько хорошо вопли Ганнибала передавали испытываемые им страдания. По ощущениям случайного слушателя, пожалуй, выходило, что такую муку ни одно человеческое существо испытывать не способно, однако на деле выходило, скорей, что ни одному голосу не было дано поведать всей правды о том, что чувствовал его обладатель.

Вскорости он стал похож на одно из тех деревьев, что росли в Стенающей Роще. Но кое-какие отклонения в дизайне имелись. Как у дерева иной породы. И окончанием того превращения стало единственное движение, которым Броня сорвала с пленника его кожу-кору и отбросила в сторону.

Именно в этот момент девушка, наконец, обратила внимание на едва-едва подоспевшее подкрепление в лице закованной с ног до головы в доспехи будущей свекрови.

И тот факт, что Броня не дождалась всего лишь чуть, делал поражение ещё более обидным.

Глава 13. Пустота

1.

Лешая медленно протянула получившегося дендрочеловека находящейся в добрых пятнадцати метрах от неё дворянке.

— Отнесите это к моей роще. Просто бросьте в сторону Игги. Думаю, она сама со всем разберётся.

Пани Маллой не стала спорить, задавать вопросы или ещё каким образом задерживать богиню, а поспешила забрать у неё из рук это вопящее бревно. В действиях аристократки даже прослеживалась некоторая суетливость, которой в иное время не наблюдалось вовсе.

Едва лишь груз поступил в распоряжение нового ответственного лица, Броня оттолкнулась от асфальта с такой силой, что в точке начала полёта организовалась вмятина, да устремилась в небеса. Однако она не стала расправлять крылья. Нет, ей этого не требовалось. Богиня попросту вырвала свой правый глаз, а затем что было сил запустила его по направлению к точке, куда с самого начала намеревалась попасть.

В следующую же секунду тело девушки обмякло и начало медленно терять скорость. Плоть её лишилась всяческой связи с многочисленными душами. Ныне эти мощи более не имели никакой ценности, кроме как эстетической. Ну или в качестве объекта поклонения для тех, кому во что бы то ни стало требовалось находиться рядом хоть с каким-нибудь проявлением божественного.

2.

У Даркена сорвало крышу.

В смысле, крышу сорвало у музея, но поскольку молодой человек последнее неизвестное количество чрезвычайно долгих минут пытался эту самую крышу удержать, он её считал уже своей. Так что, когда огромный её кусок попросту сместился куда-то в сторону, молодой человек почувствовал себя так, будто бы это ему часть черепашки оторвали.

И, нет, своды выдержали. И потолок не обвалился. Верхнюю часть здания смахнули куда-то в бок. И не только её, но и Пальцевого Кошмара.

Даркен где-то секунды две пытался понять, что тут вообще случилось и как реагировать, а затем увидел сплетённую из корней огромную грудную клетку создания, которое некромаг тотчас же про себя обозвал “скагзиллой”. Дальше уже подсказок не требовалось. Это узнаваемый дизайн. Таким Броня награждала псевдотело для своей Рочки. Вот только впервые “номер один” видел эту конструкцию воплощённой в подобных размерах. Поистине колоссальных.

Захотелось сразу же выбраться наружу, да влиться в бой, но только пришлось этот порыв души задушить. Действия змеюки не то, чтобы хорошо отразились на состоянии музея. Требовалось ещё столько укрепить, столько подправить, столько удержать от разрушения...

В этот момент Даркена по плечу похлопали. Это был тот самый мужичок-гонец.

— Пани Каша Перловая снизошла до угроз. Как вы и предсказывали.

— Курва! — одновременно прогавкал и сплюнул некромаг. — Как же не вовремя!

— А разве не в этом был её план?

— Ладно, — молодой человек от души ударил собеседника ладонью по лопатке. — Перенимай эстафету. Организуй тут всех.

— Но я не некромаг...

— За неимением горничных чпокают дворников, — ответил Дарк уже удаляясь к выходу. — Ты справишься. Уж придумаешь, что-нибудь. Я в тебя верю.

Вот теперь медлить было нельзя категорически. Даркен ударил лэнсом в пол и вытолкнул себя прямо на то, что ныне заменяло крышу: смесь остатков перекрытий, заложенных при строительстве, да тех, которые ныне воздвиг сам некромаг. Кое-где виднелись результаты труда той самой упомянутой ранее Лаврушки. Она неплохо постаралась, однако оказалась раз в пять-семь менее результативной, чем великий “номер один”.

Ну, так на то “номер один” и “номер один”. Иных на роль главных героев книги не берут. Да чтобы серия ещё была такая живучая.

— Вот он я, гнида ты моя ненаглядная! — воскликнул молодой человек, пытаясь взглядом найти тёмную богиню. — И вот какой Лешей ты припёрлась?!

Ответа пришлось ждать объективно недолго. Но вот субъективно эти жалкие секунды шесть показались самой настоящей вечностью. Впрочем, не только он изнывал от предвкушения этой беседы. Каша Невкусная, несмотря на внешнюю расслабленность, двигалась чересчур торопливо. Наверное, кто-нибудь, кто не наблюдал за ней так старательно, как Дарк, не отметил бы столь неприметной детали, но Главный Герой на то и Главный Герой, чтобы просто быть лучше всех во всём.

— Я уже устала ждать! — для кого-то, столь сильно сжавшего оскаленные зубы, Перлуша говорила весьма и весьма чётко. — Ты разве не знал, что опаздывать — это прерогатива девушек?

— Как и откровенное жульничество? — закинул лэнс на плечо Дарк. — Ты влезаешь в соревнование в тот момент, когда это не предусмотрено правилами.

Молодой человек гордился собой. Ему удавалось сохранять показную бравость даже несмотря на то, что его внутренне передёргивало от того, как позади него во Влтаве борются Псевдопальцевый Кошмар и огромная нелицензионная скагзилла. Они всю воду в реке портили. Оставалось только надеяться, что посланные ранее отряды не груди девичьи мяли, а делом занимались и успели наладить качественную систему фильтрации.

Однако, даже Даркену не удалось сохранить истинно покерное лицо, когда Перловка вдруг ударила себя по груди и громко выкрикнула:

— Я тут правила пишу! Что ты, тварь смертная, думаешь, что законам подвластны боги?

— Александр Бенкендорф.

— Что? — не поняла богиня.

— Александр Бенкендорф. “Законы пишутся для подчинённых, а не для начальства. И вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться”. Это его цитата, — молодой человек демонстративно закатил глаза. — Твой культурный уровень меня угнетает.

В следующую секунду ему пришлось вскинуть перед собой щит. Бедолага Бобо принял на себя всю мощь удара богини, однако разлетелся, кажется, не оттого.

Судя по тому, по какой траектории двигались куски дрона, — куда угодно, но только не в направлении Перловки или Даркена — “номеру один” удалось создать защитное заклинание левой рукой. Логично, что корпус несчастного не смог бы остановить подобную

атаку. Скорей выходило, что некромаг выжжет большую часть запасов, впервые в жизни воспроизведя то, чему его пыталась научить невеста.

Молодой человек, конечно, сам припух неимоверно, но виду не подал.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала? — нахмурился “номер один”, доставая из-за спины Бибо, чтобы заменить им почившего Бобо, и уже под прикрытием этого действия потереть онемевшую руку. — Они же парные! Как лёд и пламя! Как кефир и сало! Истинная диада силы! Лучше бы ты мне голову оттяпала, и то менее жестоко бы вышло!

Перлуша тряхнула разок кистью, а затем спрятала её за спину и горделиво вскинула подбородочек.

— Знаешь ли ты, зачем я тебя позвала?

Где-то позади Даркена раздался громкий-громкий “плюх”. Стоило предположить, что в этот момент на берег выплеснулось очень и очень много воды.

— Знаю, — уверенно ответил молодой человек.

Но тут же он услышал грубый сиплый мужской голос откуда-то сверху. Выкрик, который явно предназначался перебить “номера один”, но не поспел вовремя.

— Ты понятия не имеешь, хе-хе-хе.

То вещал большой витр: существо с телом ворона-переростка и головой патлатого рокера-наркомана. Уродливая нарочито брутальная, но безвкусная версия прекрасной Морозницы, любимой питомицы младшей сестрёнки Дарка.

Молодой человек закатил глаза.

— А вот и знаю.

— Не знаешь.

— А вот и да.

— А вот и нет.

В следующую секунду едва лишь приземлившаяся на крышу птица вновь отправилась в полёт, но не благодаря собственным крыльям, а посредством грубого внезапного пинка со стороны богини.

Та проследила некоторое время за попытками питомца выровняться, а затем покачала головой.

— Низко летит, наверное к дождю, — взор Перлуши вновь обратился в сторону Даркена. — Я хотела тебе сказать: я уже победила.

— Для победившей ты слишком нервничаешь, — усмехнулся молодой человек, скрещивая руки на груди. — Не похоже.

— Мне удалось сломать Броню.

По спине “номера один” пробежали крупные мурашки. Каждая размером с чихуа-хуа. Но виду некромаг не подал.

— Ха! Что за идиотизм? Она же, как дюралевое весло: не ломается, только гнётся!

— Тем не менее, — развела руками Перлуша. — Она не соберётся уже вновь. Лучше готовься завтра заменить невесту.

Молодой человек покачал головой.

— Я тебя завтра, конечно же, убью, можешь не беспокоиться. Но не скажу при этом ритуальных слов, так что, когда ты вновь воскреснешь, женой моей считаться не будешь.

— Хо-хо! Хотелось бы на это посмотреть!

— Я знаю, — кивнул “номер один”.

— Но если я убью тебя, возродишься ты вновь не как Даркен Маллой, а как Даркина

Перловая. А я себе выберу новую аватару с во-о-от таким болтом, — продемонстрировала богиня своё предплечье.

Серые очи некромага смерили руку девушки.

Угроза звучала жутко. С этой курвы станется. Вот только почему-то, оно не воспринималось вообще никак. Наверное, описываемое будущее оказалось слишком фантазмагорично даже для гибкого разума молодого пана Маллоя.

— Оно в полтора раза меньше моего! — возмутился “номер один”. — Не-е-е, так не пойд...

Даркен прервался на полуслове, когда вдруг ощутил порыв ветра, что усиливался всё больше и больше, даже не думая останавливаться на достигнутом. Сначала молодому человеку пришлось прикрыть лицо щитом, а затем и вовсе вбить лэнс в остатки крыши, лишь бы не улететь прочь.

Над Перловкой же поднимающийся ураган был словно бы не властен. Он хватал её за волосы, старался порвать одежду, но богиня двигалась так, будто бы ветра не существовало вовсе. Даже торсом слегка не клонилась ни навстречу, ни по направлению порывов.

— Ха-ха! Ощущаешь это? Треснул налёт цивилизованности этой выскочки! Вот оно, её истинное нутро! То, что она всегда в себе хранила! Эта ненависть! Ты думаешь, она моя?! Да, у меня внутри такая же, но сейчас ты ощущаешь не её! Это близится твоя подружка! Та, кого ты так защищаешь! Видишь, что она тако...

Тёмная Лешая не договорила, так как в какой-то момент ветер вместе с потоками воды, что по его воле хлестали не с небес, а откуда-то сбоку, из-за чего возникало ощущение, будто бы ты на самом деле стоишь на стене, а за спиной у тебя бездонная пропасть, принёс темновласую крылатую фурию, что сбила Перловку с ног и увлекла за собой прочь.

А Даркен? А что оставалось Даркену? Он склонил голову на бок, подражая своим воспоминаниям о Локи из “Мстителей” и произнёс невпопад одну единственную фраз:

— Я слушаю...

Но этих слов никто не услышал. Их поглотил вой ураганного ветра.

3.

Столкнувшись — буквально столкнувшись — с принцем, Даркен первым делом обматерил наследника богемийского престола с головы до пят.

Тот удивился.

— Да что с тобой, во имя Семерых, такое?!

Вацлаву — да и не только ему — приходилось кричать во всё горло, чтобы ураганный ветер не заглушал его слова. И то, помогало плохо.

Ураган. Даже без учёта молний, хреначащих в громоотводы с частотой, заметно превышающей естественную, эта штука уже сама по себе была настоящим бедствием, не нуждавшимся в поддержке враждующих богинь и бившихся в речке гигантских чудовищ. Он срывал рекламные щиты, вывески и тяжёлые ветки, бился ими о стены и окна. Уровень воды на улицах поднимался так быстро, что казалось скоро машины начнут плавать. Ливнёвки откровенно не справлялись. Временами ближайшие к “номеру один” стёкла не выдерживали и лопались.

Даркену и Вацлаву удавалось сохранять относительно вертикальное лишь из-за того, что они были некромагами. И не просто некромагами, а очень хорошо подкованными в вопросе боя колдунами с позиций рейтинга, далёких от нижней части списка.

— Я одет по погоде! Не трынди! — огрызнулся “номер один”. — И я, Лешая тебя дери, говорил “неприметные доспехи”! А у тебя тут всё в твоих гербах!

— Да я не об этом! — отмахнулся Лотарингский-младший. — Ты бежишь с поля боя!

В следующую секунду в забрало шлема наследника престола врезался корпус щита “номера один”.

— Ты и правда такой тупой?! Мы бы, может, ещё могли бы угнаться за богинями в условиях более лётной погоды, но сейчас без шансов! Я уж молчу о том, что из-за их ауры ты ничем дальнобойным не сможешь воспользоваться!

— И это повод спасти свою шкуру?!

— Это повод спасти их шкуры! — Даркен навалился всем телом на воткнутый в скрывшийся под слоями чёрной, поблёскивающей серебристыми гранями волн воды асфальт, а затем указал перстом в сторону домов за сражающимися гигантами. — Ты хоть представляешь, сколько проклятой жижи, обращающей людей в слизняков, сейчас в воздухе смешалось с дождевой водой?!

“Номер один” не видел лица собеседника, но отчего-то отчётливо представил, как то начинает выражать разом понимание и ужас.

— Бе-е-езда... — не столько услышал, сколько разобрал по контексту Даркен.

— А я о чём?! — ругнулся Маллой-младший. — Самая настоящая дамоклова задница нависла над Прагой! Я сам не растворился только потому, что ветер дует не в моём направлении! Первым делом надо помочь Рое ум...

“Номер один” уже рванул было в сторону сражающихся гигантов, но принц его остановил, схватившись за пелерину.

— У нас тут твои доспехи и твои ребята, которые помогут быстро облачиться!

Даркену в очередной раз пришлось смириться с тем, что он не может броситься в бой сию секунду и вынужден медлить, чтобы впоследствии увеличить свою эффективность.

— Давай! Только быстро!

— Заползай в переулочек, там ураган не будет так мешать!

“Номер один” послушно заполз — ощущалось оно именно так — в пространство между двумя зданиями. Исчезновение давления со стороны ветра ощущалось, будто бы с плеч камень свалился.

— Уф, — размял мышцы Дарк. — Не будем тянуть!

Он нашёл взглядом Лукана и Вика. Оба уже облачены в боевое и подготовили поводки. Да, никто из них не любил это оружие, но оба специально тренировались по указке главы ковена, чтобы иметь возможность быстро одеть господина в условиях близости Перловки.

— Давайте! Как отрабатывали!

Процесс требовал хорошей сработанности, но оно того стоило. Всего четыре секунды, и вот уже Дарк стоял в противоперловой броне первой версии.

— Ого! — воскликнул он, когда понял, что ему подогнали подчинённые. — Это вы прямо вовремя!

За всех ответил Вик.

— Слечна Каппек сказала, что вы всё равно списали этот доспех с позиций основного козыря, а потому можно его использовать сейчас. А ещё она договорилась о том, чтобы подключить к системе несколько дополнительных шпилей!

Ворон бросил взгляд в сторону принца. Даркен разом добродушно и хищно улыбнулся Вацлаву. И плевать, что тот не видит.

— Да с таким мы в один миг всё исправим! Надо только забраться повыше для надёжности!

— Повыше и чтобы молния не того! — уточнил Лукан.

— Разберёмся!.. А где Гало?!

— Ёла его перенаправила навстречу к принцессе, когда получила от твоей матушки предупреждение о том, что Броня, возможно, не в себе!

— Курва! Мне бы сейчас он пригодился громоотводом поработать! Ладно, перебыюсь Виком! — Даркен задумался. — Так, Лукан, бери людей и отправляйся с Вацлавом и его бойцами! Ваця! Там ведь должны были разобраться с проклятием в речной воде?!

— Обижаеть!

— Тогда тебе самое весёлое: вали эту пальцевую гниду без жалости! Я же займусь скучным: придумаю, как защитить людей от растворяющего урагана! Вопросы?!

— Излишни! — за всех ответил принц и тотчас же рванул к монстроте.

Дарк ещё пару секунд смотрел вслед действующей, словно единый организм, словно бы управляемый сверхразумом рой насекомых, группе некромагов. Вот вам и разница между уровнями. Казалось бы, разве не мелкое дворянство, куда как чаще облачающееся в доспех по работе, должно демонстрировать такую brutальную красоту? Однако же, нет. Они в основном выполняют типовые задачи, послушно маршируют и палят, куда сказали чем сказано. А вот именно среди высшей знати куда как проще встретить столь слаженные действия в куда как более сложных условиях.

Да, конечно, далеко не все “утраблагородные” вообще любят заниматься войной, а не чем-нибудь побезопасней. Да и большую часть этой стайки составляли люди с родословной попроще. Но кучковались-то они как раз вокруг той самой, максимально чистой крови. В XXI веке в Форгерии всё ещё оставалась та самая “военная косточка”, что помыслить не могла ни о какой дворянской вольности. Та, что выступает в первых рядах в любом конфликте.

И при всех косяках принца, в благородстве этого сорта ему уж точно не откажешь.

Молодой человек обратил взор на Вика.

— Осознаёшь, что от тебя требуется?

Будь на месте ворона Гало, Даркену и не потребовалось бы задавать этот вопрос. Мегатериум не за красивые глаза место “номера три” в их ковене занимает. А некромаг печального образа... он, конечно, старается выслужиться и, как минимум, в его лояльности сомневаться не приходится, но здесь и сейчас потребна была не только и даже не столько лояльность.

— Проследить, чтобы в вас не попала ни одна молния! — каким-то образом Виктору удавалось даже повышая голос, звучать спокойно и размеренно, даже несколько лениво. — Аналогично устранить иные помехи, потому как вы будете слишком заняты гло...

— Много слов! — остановил его Дарк и поднял взгляд вверх, выискивая подходящую точку.

В боевой ситуации велеречивость Вика была излишня.

Но сам ворон так не считал.

— Может лучше Карлов мост?!

“Номер один” вновь обратил взор на подчинённого. Вопрос в серых глазах читался так хорошо, что даже забрало не помешало некромагу печального образа его понять и пояснить свою мысль.

— Высокая точка нам нужна, чтобы было меньше помех! Но ведь Карлов мост находится на достаточно открытом месте! Плюс, там попадание молнии менее вероятно вероятно, а это, помимо прочего, меньшее световое загрязнение!

— А сражение гигантов?! — напомнил Дарк про Пальцевый Кошмар и Рою, плескавшихся в речке.

— Светового загрязнения не создаёт!

“Номер один” задумался. Звучало более-менее разумно. Да и приближение огромного комка из двух сцепившихся здоровущих чудовищ заметить проще, чем случайное попадание какого-нибудь снаряда в опоры конструкции, на которой юный пан Маллой собирался зависнуть.

Виктор не унимался.

— Кроме того, внизу ветер будет не столь силён! Больше преград на его пути: благо, он дует не вдоль русла...

Решено!

Даркен ответил не словом, но делом. Он сорвался с места и, согнувшись в три погибели, двинул из переулка. Бороться со стихией ему помогал Бибо: находясь в условной безопасности, “номер один” успел набросать контур-надстройку, который научил магический интеллект дрона ряду трюков. В частности, трикоптер теперь умел по команде старательно прижимать хозяина к земле, корректируя вектор движения с учётом урагана.

Правда, чтобы это работало по-человечески, приходилось удерживать щит над головой, из-за чего Дарк оказался вынужден гордо принимать “на грудь” различный мусор, послушный воле стихии. И среди этого мусора встречалось всякое, в том числе и способное прикончить человека с одного удара. Благо, молодой человек успел уже одоспешиться.

Пройдя метров пятнадцать, “номер один” обернулся назад и проверил, как там справляется Виктор. В конце концов, у него-то не имелось чудо-щита. А отделяться от телохранителя было идеей крайне тупой. Иначе его можно было вообще с собой не брать.

Ворон, впрочем, не сильно отставал. Он удерживал клевец, словно трость, и уверенно вбивал его в скрывающуюся под слоем воды мостовую через шаг. Понятное дело, что выглядело это не столь изящно, как некромагу печального образа хотелось бы. Данная стратегия передвижения вынуждала сгибаться в три погибели, опираться на оружие большей частью торса, пытаться как можно реже и как можно на более краткий период оставаться без опоры древка, потому как поводок здесь использовался только в качестве страховки на случай, если какой снаряд настигнет колдуна в период наименьшей устойчивости.

Ну да и плевать, как оно выглядело, если работало. Раз Вик справляется с тем, чтобы поддерживать темп начальства, значит, на него можно не отвлекаться. Как и на ещё одного некромага, прибившегося к их небольшой группе. Когда принц увёл за собой основные силы, этот тип остался. Даркен понятия не имел, кто это. Не то, чтобы незнакомец скрывал свои гербы, но здесь и сейчас разглядеть их было задачей не самой рутинной, а в переулке “номер один” не уделял этому бойцу достаточного внимания. А тот и не лез. Стоял в стороне, молчал. Видать, всё же, он был не из свиты Вацлава, раз не поспешил следом за сыном богемийского короля.

Про себя Дарк прозвал незнакомца Третьим. Потому как и пёрся он последним из всей их пачки, стараясь подражать в движениях Вику. Но из-за отсутствия вспомогательного корсиканского поводка, прибившийся к силам “номера один” некромажек оказался вынужден чаще останавливаться и просто пережидать угрозу, цепляясь изо всех сил в

красивый длинный меч, раз за разом вгрызающийся в скрытый под водой камень.

Даркен продолжал движение в сторону Карлова моста, одной из главных достопримечательностей Праги. Места, с которого в куда как более спокойной обстановке открывались просто волшебные виды.

Хотя... разве может старинная архитектура, пропитанная всеми вайбами богемийской культуры, сравниться по волшебности со сражением двух гигантских чудовищ?

Титанов совершенно не беспокоил ураган. Казалось, они его замечают лишь потому, что одному из них он разведал волосы. Если вообще замечают. В конце концов, Роя и Кошмар оказались слишком заняты друг другом.

Творение Перловки сейчас больше всего напоминало паука. Не внешним видом и не количеством целых “лап”. Здесь были бы верней аналогии с осьминогом. Скорей, речь о движениях. О том, как все конечности обхватывали похожую на безглазый череп древесную морду псевдотела питомицы Брони. Любой, кто хоть раз видел сражение пчелы и одного из представителей восьмиокой братии, узнал бы эту характерную хватку.

Что до Рои, то в пылу битвы она практически полностью забыла о лапах и пользовалась ими, скорей, чтобы отталкиваться от берегов, когда их с Кошмаром клубок в очередной раз упрётся в этот аналог сетки октагона. Движения рептилия предпочитала более привычные. Она пыталась обвить противника всем телом, но из-за того, что оно было не то, чтобы шибко длинным и напоминало больше бульдожье, чем змеиное, из данной затеи выходило не больно-то много толку.

Что касается Влтавы, то реке стало уж больно тесно в русле. Битва гигантов и ураган делали реку нетерпеливой. Они заставляли её волноваться. У вот уже набережную заливали не только дождь и проклятые выделения Отсылки-к-Гоблинам, но воды главной артерии Праги. И когда они добирались до ног некромагов, тем оставалось лишь прекратить движение, вцепиться во что-нибудь покрепче, да переждать: уж больно хотелось Влтаве повалить колдунов на мостовую, за забрать к себе в вечное владение.

Впрочем, даже царица богемийских рек притихла, когда наследник престола, ведущий за собой копыя своё и Даркена, вышел на поле боя. То ли признавала его величие, то ли просто подуспокоилась из-за того, что оба гиганта в раз лишились мобильности и не могли более баламутить её вод.

Аура двух богинь, уверенно сжиравшая все заклинания, смевшие покинуть плотную среду, не стала помехой желанию Вацлава атаковать издалека. Даркен не видел, что метали в титанов послушные царственным жестам принца некромаги, но мог предположить по характерным движениям, что то были волшебные палочки. Колдуны очевидно подшаманили с инерцией, чтобы совершенно не приспособленный к броскам — даже в куда как более благоволящих этому условиях — снаряд преодолел всё необходимое расстояние и, вонзившись в плоть чудовищ, впрыснул в неё заклинание.

“Номер один” понимал, что часть волшебных палочек так или иначе попала не в Пальцевого Кошмара, а застряла в псевдотеле Рои, однако на змею это не оказало никакого заметного влияния. В конце концов, некромаги намеревались поразить в первую очередь творение Перловки, а потому их волшба оказалась не рассчитана на дерево.

На плоть Мегаотсылки, впрочем, тоже, но тут хотя бы какой-то эффект наблюдался, в отличие от.

Было видно, что Ваця явился сюда подготовленным. Вовремя Дарк наорал на днищеродных и отправил их докладываться в штаб. Какой-никакой анализ уже проведён, а

потому иные из контуров смогли пробиться через структуру Пальцевого Кошмара и интегрироваться в неё. Заметней прочего это было с заклинанием, “иссушивающим” тварину. Скорей всего, оно разрабатывалось против проклятой жижи, но мразота по всей видимости состояла на больший процент, чем полагалось бы. Пальцы стремительно теряли в обхвате, плоть чересчур крепко обнимала кости — или то, что их заменяет, — натягивалась и лишала уродину мобильности.

Роя, заметив, что противница стала сопротивляться куда как менее эффективно, просто прижала её к одному из берегов, да застыла в довольно неестественной позе. Даркен в очередной раз поразился тому, насколько эта рептилия умна. В смысле, да, во всех источниках данная мутация описывалась, как отличающаяся высоким интеллектом, но чтобы зверюга вот так с ходу поняла: лучшее, что она может в текущей боевой ситуации сделать — это зафиксировать добычу и дать её добить человекам? Да тут не каждый homo sapiens додумался бы до столь толкового применения избыточной массы не самого управляемого тела.

Так или иначе, у Вацлава имелись свои задачи, а у Даркена — свои. Молодой человек споро добрался до нужной точки, радуясь при этом, что доспешек задизайнил не просто крепким, но и непромокаемым: вот сейчас бы оказалось очень даже не к месту, если бы какая капелька смешавшейся с проклятым студнем воды добралась бы до плоти пана Маллоя.

“Номер один” вышел на центр моста, зафиксировался там, да открыл канал связи. Благо, всё было заранее прописано, продумано и даже протестировано. Магический контур грамотно интерпретировал передаваемую информацию и кодировал её. Разбивал на пакеты, формировал контрольную сумму, получал информацию об успешной их доставке.

Первым делом Даркен решил начать с доклада по ситуации. Да, ему очень хотелось сразу же запросить конкретных мер, тем более, что в голове уже крутился план действий, но молодой человек понимал — его собранные на коленке контуры могли оказаться недостаточно эффективными. Вообще, нечего соплежую лезть на территорию ВМаС: пусть они получают весь массив необходимой информации, а там уже делают, что от них требуется. Вот тут уже планы “номера один” окажутся в тему: лишней подстраховочки в таком деле быть не может.

Здесь же молодой человек уяснил, что протокол, на который он так рассчитывал, показывал себя в полевых условиях, как нечто с очень низкой пропускной способностью. Каждая повторная отправка в случае, когда контрольная сумма не сходилась, занимала слишком много времени. Тут секунда, тут три. Там пять. Всё вместе оно складывалось в серьёзную задержку.

Настолько серьёзную, что Даркен уже на месте начал продумывать альтернативу, лишённую недостатков текущего “перемигивания”. В конце концов, никто не мешал вместо нулей и единичек передавать дробные числа? Главное, предоставить принимающей системе понимание отклонения от эталонных значений в условиях особенностей среды. Даже обидно, что идея такого “бинарика” пришла в умную голову главгероя слишком поздно: за один день новый протокол не разработать и не протестировать, не говоря уже полной переделке всей системы “богоборец” под него.

А покамест приходилось ждать и терпеть. Ждать и терпеть. И стараться не отвлекаться, когда ощущаешь спиной, как Вик забирается тебе на плечи, чтобы поймать молнию, решившую-таки ударить именно в тебя.

Даже здесь, на мосту. А высокие точки, которые Дарк изначально рассматривал в качестве позиции для обмена информации со штабом, так и вовсе выглядели так, будто бы небо вцепилось в них дуговыми разрядами и сейчас старательно подтягивалось к земле, лишь на короткие мгновения отпуская шпильки лишь затем, чтобы размять свои электрические конечности.

И вот, где-то там, над городом бились Лешая и Перловка. Понять, где именно они находятся, удавалось лишь потому, что их пара тоже неплохо притягивала яркие небесные тентакли. К сожалению они более не сплетались в силуэт нагой девы. То бесформенное месиво если уж было на что-то похоже, так только на битву паука и змеи. Впрочем, Дарк полагал, что ему лишь кажется, и на деле не имелось никакого цельного образа. Просто мозг сам пытался отыскать закономерности, считая невозможным их отсутствие. А раз уж молнии, ударив в богинь, образовывали сферу, то почему бы ей не напоминать тот комок, в каком по руслу Влтавы катались Роя и Пальцевый Кошмар?

Вот настолько много времени было у “номера один” от момента формирования пакета до подтверждения факта передачи! Понятно, что это всё ещё быстрее доставки письма из рук в руки, но всё же: как много гражданских, попав под этот поистине кислотный дождь, обратятся в студень?

И вот, наконец, индикатор на краю поля зрения доложил Даркелю, что не только в штаб передана свежая информация по ситуации, но и получены запрашиваемые данные.

Карта города, направление ветра, скорость порывов. Всё необходимое, чтобы можно было отдать своим шпилям команду на создание завесы. Даже более того: алхимическая формула проклятой жижи и схематика заложенного в неё контура!

— Ай да Ёла! Ай да курвина дочь! — восхищённо воскликнул Дарк. — С этим уже можно работать!

Завеса? Нафиг завесу! “Номеру один” пришла в голову идея получше! Да, она, конечно, даст огромную нагрузку на канализации и кому-то из благородных придётся спуститься, чтобы прочистить их, — ведь челядь с этой задачей точно не справится — однако выхлоп от этой контрмеры ожидался потрясающий.

Нужно было “связать” проклятую жижу. Преобразовать её в хлопья “снега”. Вещества, всё ещё хранящего в себе проклятье, но не способного взаимодействовать с человеком и другими видами животных. Сразу будет видно, где наибольшая концентрация этой мерзости, а затем, хоть лопатами гребь. В идеале.

Молодой человек так увлёкся этой задачей, нагружая встроенный в системы доспеха компилятор работой, что не обратил внимания на огромный рекламный щит, что грохоча по улицам, летел прямо на него. Справедливости ради, здесь сейчас вообще всё грохотало, кричало, рычало и гремело. В таком шуме поди попробуй что разбери. Благо, Вик и Третий не дремали. Они взяли на себя труды встретить угрозу и выдать ей апперкот клевцом да мечом. Их обоих, правда, при этом сбило с ног, но свою задачу ребята выполнили.

Ворон предусмотрительно подстраховал себя поводком, а вот незнакомца наверняка сбросило бы в реку, если бы его вовремя не подхватил “номер один”.

— Осторожней! — только и ляпнул Дарк.

— Chi lo direbbe?!

Голос был знакомым. Да и манера изъясняться...

— Джакопо?!

— Ты удивляешься тому, что я веселюсь на твоём мальчишнике?!

— Я удивляюсь тому, насколько ты никчёмно-неуклюжий!

— *Vasiamì il culo!* — без обиды огрызнулся тот и вновь вернулся к исполнению своих обязанностей. — Готовься! Там тамада хороший и конкурсы сейчас будут просто отличнейшие!

Дарк проследил за направлением взгляда родича. Понять, о чём говорил Джакопо, оказалось несложно: это выглядело, как несущийся прямо по улице горизонтальный смерч, толкающий перед собой мобильные холодильники, куски автобусных остановок, мусорные баки, скамейки и даже каменные клумбы.

— Курва... — в одно слово “номер один” ёмко уместил идею, что надо бы им уйти с текущей позиции, да только не успеют.

Впрочем, Маллой всегда Маллой, даже если они Строщи. Уроженец Корсики всё это время не просто так тут торчал на мосту бестолку.

— Воды! — крикнул Джакоппо.

Даркен всё понял. Он тотчас же перевёл взгляд на Вика и скомандовал:

— Дай ему реку!

Ворон не стал даже на кивок тратить время, а просто сиганул через перила солдатиком. Да только волну он поднял такую, какая не от всякой бомбочки бывает.

Это было именно то, о чём просил Джакопо. Южанин буквально схватил воду пальцами, а затем рванул на себя.

Да, аура богинь рушила любой контур, находящийся вне плотной среды. Но проклятье-то продолжало работать, а это значило, что жидкость если уж не защищала заклинания от распада полностью, то по крайней мере давала им достаточно времени, чтобы отработать своё. И именно этим свойством воспользовался уроженец Корсики, дабы сплести щит, способный защитить представителей разных ветвей семейства Маллой от встречи с влекомым стихией тяжёлым мусором.

Уф! А ведь оно даже от ветра прикрывало.

Отлично! Теперь у Даркена была возможность докрутить контур до более-менее пригодного к использованию состояния, а затем уже можно будет потребовать прямого канала связи с дронами, каким-то образом умудрившимися даже в текущих погодных условиях перемигиваться с “номером один”.

Не стоило тратить времени впустую. Каждая секунда — это чья-то жизнь, а то и душа.

4.

Лешая впитала в себя очередную молнию.

Да, Тёмная пыталась этому помешать. Она всеми силами отводила разряды как можно дальше от противницы, оттягивая момент, когда же та вновь пополнит запасы сил, но на деле выигрыш от этого ничуть не покрывал затрат на искажение маршрута движения искрящейся яркой ломанной конечности неба.

В итоге любимая тактика допельгангера попросту не работала. Невозможно взять измором кого-то, тягающего энергию из внешнего, условно неисчерпаемого источника. На деле, Лешая с момента начала боя не просто не ослабла, а даже поднабралась могущества.

И это вне всякого сомнения бесило Тёмную. Но не пугало. Эта её злорадная усмешка на лице, отмеченном многочисленными свидетельствами превосходства Светлой, как бойца, не выглядела наигранной.

Доппельгангер не пыталась казаться контролирующей ситуацию. Она действительно

полагала себя таковой, даже несмотря на то, что эта её аватара даже не успевала толком регенерировать.

Лешая не могла сказать, сколько времени длится бой. Сколько раз они расходились, чтобы затем схлестнуться вновь, будто бы две бессмертные хищные птицы, решившие поохотиться друг на друга.

В сознании её у этой битвы уже не было начала. Да и об окончании сражения богиня не задумывалась. В каком-то смысле Лшая действительно напоминала ныне не столь разумное существо, сколь природное явление. Ветер дует. Молнии сверкают. Гром гремит. А Светлая раз за разом настигает Тёмную и либо отрывает от неё кусок, чтобы тотчас же его спалить, либо изменяет плоть вражеской аватары, чтобы на время затруднить той задачу уклонения.

И вот в этот порядок, отмеченный знаком вечности, вклинилось нечто, чему здесь явно не место. Оно было подобно пятну краски на белоснежном холсте или карьере среди девственных тропических лесов. Неправильное. Раздражающее.

Какое-то время Лешая старалась игнорировать это. Не обращать внимания. Однако это было подобно тому, как пытаться жить своей жизнью и не пытаться выковырять из глаза огромную муху. Жирную такую. Царапающую нежную слизистую своими острыми членистыми лапками.

Оно не “смаргивалось”, а только уходило под веко, чтобы вернуться вновь, когда тебе только показалось, что ситуации можно дать оценку “терпимо”.

Данный раздражающий фактор всё ещё не заслуживал того, чтобы Лешая уделяла ему слишком много внимания, но тем не менее богиня принялась “отмахиваться” от него время от времени. Направлять молнии, уводить бой в сторону.

Не помогало.

Три фигуры в доспехах оказались слишком настырными.

Одна — подчёркнуто женственная. В таком, пожалуй, место не на поле боя, а на параде, а то и вовсе — в спальне. Тугой корсет, приподнимающий туго обтянутую защитной тканью полную грудь. Практически ничем не искажённый силуэт бёдер. Понятное дело, что бронепластины дают лучшую защиту, но эта особа очевидно и не планировала вступать в бой сама.

За неё практически всё, порой вплоть до передвижения между крышами домов, делали двое других.

Вот они подходили к выбору обмундирования куда как серьёзней. Вторая женщина уже никак не пыталась подчеркнуть свою принадлежность к слабому полу. Оно получалось скорей само по себе. Уж больно изящной была эта воительница с щитом и копьём. Даже доспехам не удавалось скрыть этого факта.

Но куда как внушительней смотрелась третья фигура. Огромная, если судить мерками людей. Этот некромаг обходился без лишнего вооружения, а атаки Лешей блокировал, по сути, своим телом. Буквально. Как-то он попросту схватил обеих спутниц, прижал к себе и повернулся спиной к богине, припадая при этом на колено. И тем не менее, получив столь мощный удар прямо в лопатку, затем вновь встал и продолжил путь, не тратя времени даже на то, чтобы отдышаться.

И, нет, это не Лешая такая слабосильная. Хотя, да, она не вкладывала в свои попытки избавиться от назойливых смертных чересчур многого, но и этого хватало, чтобы те в своих попытках угнаться за Светлой и Тёмной постепенно оставляли по пути элементы доспехов и осколки щита.

И словно бы этого было мало, Тёмная вдруг ни с того ни с сего решила приземлиться на одну из крыш и сложить руки буквой тау.

— Брейк! Тайм-аут!

Какой ещё “брейк”?! Какой “тайм-аут”?!

Лешая и не думала останавливаться. Она рванула к Тёмной, выписывая резкую дугу, чтобы затруднить противнице определение направления атаки, как вдруг...

— Стой!!!

Прямо перед доппельгангером появилась та самая девица в “доспехах на парад”. Она сорвала с головы шлем, выскочила на позицию между Светлой и Тёмной и выставила перед собой руку, с зажатыми в кулаке локонами: чёрным и зелёным.

Лишь секундой позже смертная осознала, что она совершенно не угадала направление атаки Лешей. Когда та уже настигла цель и в один удар оторвала той разом руку до локтя и кусок торса.

Богиня уже намеревалась вновь пойти на сближение со спешно разорвавшей дистанцию Тёмной, но смертная успела таки схватить Светлую за плечи и упереться лбом ей в лоб.

— Броня, Бронечка, стой, пожалуйста! Не надо, прошу! Ты губишь себ... всех нас!

Лешая понятия не имела, почему она вообще медлит, почему слушает эту девицу, почему даёт ей шанс себя уговорить? Будто бы этот представитель рода человеческого мог сказать что-то важное.

Но он сказал:

— Ты же сама говорила, что я слишком важна, помнишь?! Буквально сегодня!

Говорила?

Кажется, да, говорила.

Неужели?

Богиня решила осмотреть девицу внимательней.

Длинные чёрные мокрые волосы липли к лицу смертной. Гладенькому. Ровненькому. Округленькому. С яркими алыми глазами.

Лешая и правда что-то такое говорила, глядя в эти глаза. Но... сегодня ли?

Быть может. Сложно сказать. Светлая уже потеряла счёт времени.

Но зачем эта смертная препятствует праведной злобе божества? Спросить бы, но вместо связной речи изо рта раздавалось только длинное сиплое:

— Кха-а-а-аткра-а-а-а... э-э-э-э...

Лешая. Просто. Забыла. Как. Говорить.

А вот Тёмная...

Её лик был хорошо различим в свете вспышки очередной молнии. Той самой, что должна была ударить в Светлую и, заодно, зацепить алооую девицу, но которую приняло на себя копьё смертной, сопровождавшей наглядку по пути сюда.

— Ха-ха-ха-ха! — хлопала в ладоши уже успевшая отрегенировать конечности доппельгангер. — Отличный трюк! Мне нравится! Она дрессированная?!

Пальчики “слишком важной” мягко проскользили по щеке богини, совсем рядом с растительными волокнами, за которыми виднелись острые шипы зубов, а затем решительно обернулась в сторону Тёмной.

— Не существует отчаяния без надежды!

Травовласая версия богини недоумённо развела руками.

— Это ты сейчас что, отсылку только что сделала?

— Ну, это зависит от твоего культурного уровня! — вздёрнула носик девица.

Движения горделивые, да вот только от находившейся к ней предательски близко Лешей не укрывалась мелкая дрожь, которой било смертную.

Но та не унималась. Она продолжала говорить:

— Так или иначе, всё происходит слишком быстро! Ты разве не планировала всё проверить на свадьбу?

Тёмная вопросительно изогнула бровь и склонила голову на бок.

— И что мне теперь? Не добивать курву?

— Нет-нет! — вскинула ручки смертная. — Добей курву! Но попозже! Завтра! Какой толк это делать сегодня? Это ведь даже не будет приурочено ни к какой дате!

— Девичник же! — усмешка доппельгангера была откровенно издевательской.

— Тогда... сделай это ради отсылки!

— К чему?

— Твой культурный уровень меня угнетает, — демонстративно закатила глаза алоокая.

— Ты сама не знаешь, к чему это будет отсылкой!

— Тогда зачем я её сказала?! Ха! Ты догадалась, что это цитата, но не поняла, откуда!

— Дешёвый развод!

— Да ты просто не знаешь!

— Знаю! И хватит уже! Совсем недавно Даркен уже пародировал этот приём из мультиков!

— Докажи! Докажи, что знаешь! Ну же!

Тёмная некоторое время стояла недвижимо. Лишь всё сильнее и сильнее шурилась с подозрением на смертную. Но затем, всё-таки, повелась.

Повелась! На такую дешёвую разводку!

Как так?!

Взгляд Светлой сконцентрировался на зелёных волокнах локонов волос доппельгангера, что смертная сжимала в кулаке за спиной.

Точно... вот оно, в чём дело.

— Не помню названия. Там потом была игра в шахматы живыми людьми против телепата.

— Да... — против воли ослабилась смертная. — Похоже на то. Это действительно отсылка к игре в шахматы живыми людьми против телепата. Ну так что? Ты сделаешь это ради отсылки?

Тёмная закатила глаза и тяжело вздохнула.

— Но только ради отсылки. Я позволю запитаться Броньке надеждой, чтобы затем... — доппельгангер вдруг сложила пальцы на обеих руках в “козу”, перекрестила предплечья, высунула чересчур длинный язык, да засмеялась. — ...она познала истинное отчаянье.

Следом она вдруг встала прилично, скромно кашлянула кровякой в кулачок, да добавила:

— Это, кстати, тоже была отсылка. Надеюсь, вашего культурного уровня хватит, чтобы это понять.

Ещё секундой позже голос этой кривляки стал плаксивым.

— Со мной, что-то твориться. Что-то происходит. Я ведь не умру, правда не умру? Но пожалуйста. Пожалуйста, я не хочу. Я не хочу. Простите.

И вот только сейчас она закончила паясничать. Просто состроила чрезмерно трагичное

лицо, прижала тыльную сторону ладони ко лбу, да рассыпалась на миллиард семян одуванчика, которые тотчас же унёс прочь ветер.

Кстати, он был порывистым, но уже не таким сильным, как ранее. Не ураганным. Да и молнии сверкали всё реже и реже, но только где-то вдалеке, а не в считанных метрах от Светлой.

Смертная где-то с полминуты смотрела вслед Тёмной, а затем наконец тяжело вздохнула, уронив голову себе на грудь.

— Ну, сама простая часть всего мероприятия позади...

Она обернулась в сторону Лешей. Было видно, что алоокой тяжело даётся каждое слово. Не в том смысле, что у неё имелись проблемы с тем, чтобы их произнести. Скорей, она испытывала огромную неуверенность в том, чтобы их подобрать.

— Броня, я...

Девушка бросила короткий взгляд на своё сопровождение, а затем подалась чуть ближе к Лешей и заговорила много тише. Точно бы боялась, что её услышит кто-то, кому не полагается.

— Броня, я могу направить твой разум. Честно, я могу направить. Но тут, как с попытками подобрать контрзаклинание: я должна более-менее понимать, о чём ты думаешь, чтобы вклиниться между мыслями. Но я понятия не имею, что творится в твоей голове. Потому...

Она собралась силами, заглянула в глаза богине, но всего спустя пару секунд отвела взгляд.

— Пожалуйста, слушай меня. Думай о том, о чём говорю я. Я постараюсь вернуть тебя в более-менее стабильное состояние. А дальше... дальше тебе придётся уже самой. Помоги мне помочь тебе. Нет, помоги мне помочь всем нам.

Перебор аргументов очень напоминал перебор ключей. Как когда ты украл связку, добрался до нужной двери, но понятия не имеешь, что именно из бренчащего на связке тебе поможет.

Алоокая точно так же даже не могла предположить хотя бы, будет ли богиня слушать её. Но... в пользу того, чтобы выслушать смертную имелся один конкретный довод:

Лешая ведь точно знала, что называла эту девицу важной.

Хотя, почему Лешая? В смысле, обладательница алых очей так старательно называла Светлую Броней, что в этом, наверное, был какой-то смысл.

Броня... Бронечка...

Перед мысленным взором возникло лицо молодой женщины. Улыбчивое. Смешливое. Богиня не могла с ходу вспомнить, кто эта женщина, однако точно осознавала, что испытывает к ней тёплые чувства. И была уверена, что это взаимно. Это тепло возвращалось как минимум в соотношении один к одному. Как минимум. Если не в более выгодном для Лешей.

А алоокая тем временем продолжала:

— Твоя матушка очень волнуется. Старается этого никому не показывать. Во всеуслышанье говорит, что уверена в тебе, в том, что ты непременно справишься и вернёшься, хотя понимает, насколько эта надежда на самом деле хрупка. Ты ведь помнишь маму?

Мама? Точно. Мама. Эта женщина — мать Брони.

За воспоминанием о родительнице находилось великое множество образов детства. Вот

женщина с глазами цвета тропической листвы подробно рассказывает дочери о проблемах отца на работе. Сама дочурка до сих пор карапуз, которому даже сидеть самостоятельно сложно. Большая часть слов незнакомы. Малышка то и дело останавливает маму и просит объяснить то одно, то другое. Приходится оперировать очень простыми понятиями, но для них обеих это было вызовом.

Бастет Глашек часто сюсюкалась с Броней, но делала это больше для себя, чем для неё. В конце концов, тихая любопытная девочка слишком рано дала понять, что она на самом деле попаданка. И мама посвятила много сил и времени, чтобы вытащить свою малышку из клетки слабосильного тела и языкового барьера, в которой оказывается заперт гость из иных миров после рождения.

Броня в ответ старалась не доставлять родителям поводов для беспокойства. Её завсегда можно было посадить на одно место с книгой, а ещё лучше — за компьютер, и быть уверенным, что даже в совсем-совсем детском возрасте она никуда не денется. Учительница начальных классов синеглазую отличницу просто обожала. Девочка же ей своего истинного отношения не высказывала. Предпочитала эксплуатировать благожелательность педагога, чтобы обеспечить себе более комфортное пребывание в классе.

В конце концов, Броня серьёзно опережала программу. Слушать о том, как делить столбиком — невыносимо скучно. Но когда другой попаданец в их классе возмущался на эту тему, в ход шла палочная дипломатия. Будущая Лешая же предпочитала иной подход: она просто за пять минут выполняла весь объём учебных задач, а затем принималась за учебники классов постарше. Преимущественно чтобы освежить знания, которые после школы выветриваются у всех, заучить местную терминологию и выяснить, есть ли какие-нибудь ещё отличия Форгерии от родной Земли, кроме существования магии и десанта из иных миров.

Родителей очень беспокоило, что у девочки вообще не складываются отношения со сверстниками. Отец частенько говорил, что отлично понимает, насколько взрослому человеку сложно общаться с мелкотнёй. Но ведь у неё в классе есть цельный попаданец без очищенной памяти.

Броня тогда ему заявила, что на конкурсе дегенератов этот дегенерат занял бы второе место, потому что он настолько дегенерат, что даже работая по призванию свыше, не сможет добиться успеха.

Алоокая говорила, а Броня вспоминала. Всё больше и больше. Целая вереница образов проносилась перед внутренним взором, а затем каждый осколок с лёгким звяканьем вставал на место.

Нет, разумеется, мозаика получалась незаконченной. Здесь — прогал в добрую треть картины, а тут — целый десяток осколков откровенно чужеродных. Из иного, не брониного детства. Но за неимением ничего более подходящего можно было использовать их.

На цельную личность это не походило, но как нечто, дающее о ней общее понимание, сгодится. С этим хотя бы можно будет работать.

Оно позволяло вновь ощутить стопами твердь. Не землю, а мокрую покату ю жестяную крышу. Ощутить, как все смертные, вечернюю прохладу, пред которой тело, не защищённое одеждой, становилось бессильно.

А следом почувствовать, как подкашиваются ноги, когда со всего размаху и без предупреждения на плечи рухнул груз осознания того, что же именно произошло этим вечером.

Хуже всего было то, что поддавшись безумию Лешая даже не задумывалась о том,

чтобы... хотя бы не убивать принцессу, а также прибывших с ней Терезу и Гало. Каким вообще чудом богини Светлая и Тёмная не разрушили до основания весь исторический центр Праги? Они ведь не проламывали друг другом домов, а предпочитали сражаться несколько повыше. Не потому ли это случилось, что в этом районе здания преимущественно коренастенькие? Это случайность или Лешая успела себя запрограммировать увести драку от жилищ смертных?

Всё же, ураган, истерично лупящие с небес молнии и попытки Светлой отмахнуться от принцессы, растерев её между делом в порошок, указывали, что заслуги Брони в вопросе минимизации жертв нет. Это всё лишь удачное стечение обстоятельств. Да и не факт, что стихия не унесла жизней больше, чем умерло бы людей, не вмешайся та, кто зовёт себя Светлой.

Дыхание пресеклось. К горлу подошёл комок. Но напоминал он не гладкий камушек, а скорей нечто шипастое, либо с острыми гранями. Хотелось выкашлять его. Или хотя бы выплакать.

Но слёзные железы будто бы пересохли. Девушка ощущала себя не столько человеком, сколько разбитой куклой. С потрескавшимися шарнирами. Полой, словно пластиковая игрушка.

Броня была благодарна дождю. Тяжёлому. Тёплому. Этому потоку льющейся вертикально вниз воды, над которой ослабший ветер оказался не властен.

Быть может хоть он сумеет заполнить ту пустоту внутри?

По крайней мере именно этого хотелось богине, да вот только, какая-то добрая душа зачем-то сочувственно накрыла её плечи плащом.

Глава 14. Весенний первый гром

1.

После окончания боя Даркену ещё имелось, чем заняться.

Быть может, если бы “номер один” просто развернулся и гордо ушёл, тут разобрались бы без него, сопливого, однако, раз уж он всё ещё здесь, на него как-то сами собой завязались кое-какие важные функции.

Не то, чтобы Дарку прямо хотелось поработать. Просто... наверное, он банально опасался того, что увидит, когда покинет эпицентр катастрофы. Нет, он понимал, что хуже, чем здесь, вряд ли будет. Скорей “номер один” избегал понимать истинные масштабы трагедии. словно бы, пока он не увидел разрушений и обращённых в студень людей, их не существует на самом деле. А там, глядишь, улицы подчистят. Пострадавших смоят в канализацию и всё прекрасно.

Хотя, конечно же, на самом деле не прекрасно.

Тем не менее именно с таким избегающим мотивом “номер один” обеими руками вцепился в организацию работ команды ликвидации. И пусть приходилось несколько раз спускаться в канализацию, это было лучше, чем столкнуться лицом к лицу с последствиями собственного бессилия. В смысле, на каком-нибудь ещё участке, кроме этого: к живому студню из десятков перемешавшихся до полной взаимной диффузии тел молодой человек был уже морально готов. Здесь хватило чёрствости разлить бедолаг по бочкам и отправить на переработку в прах.

Однако, как и всё хорошее, работа на участке подходила к концу. Ещё пара-тройка часиков и зона станет полностью безопасной для посещения. С магической точки зрения, по крайней мере. Да и сам Дарк тут уже был не пришей к кобыле рукав: всё чаще он не занимался чем-то полезным, а шатался без дела.

И вот, наконец, он решил заглянуть в музей. Посмотреть, насколько тот пострадал. Скольких завалило. Скольких расплавил. Принять, так сказать, терапевтическую дозу этого яду.

Каково же было его удивление, когда он увидел здесь ещё одну свою знакомую.

Темноволосая азиатка. В пышном бальном платье, изрядно подпорченном как грязью, налипшей на юбки, так и попыткой сочетать нечто столь шикарное с простенькой синенькой ветровкой. Она сидела прямо в парадном холле музея — как и ещё несколько девушек её возраста, одетых столь же неуместно, — прямо напротив паренька, который с волнением и надеждой смотрел на то, как некромагичка ковыряется в его потерявших форму желеобразных кистях.

Даже с расстояния Даркен мог видеть, что девушка уже собрала внутри этого нечто суррогат костей.

— Аянами? Что ты тут делаешь? — не поверил глазам своим молодой человек.

— А на что это похоже? — спросила она. — Лечу тех, кто пострадал меньше всего. Всех принять объективно не успею, но ведь есть те, с кем можно закончить быстро. Нет ничего обидней, чем когда ты из-за какой-нибудь мелочи, вроде потери рук, стал совсем нетрудоспособен.

— Так уж и мелочи, — ухмыльнулся Дарк и окинул взглядом присутствующих.

Кто тут ещё был из знакомых? Как-то уж больно много юных некромагичек вдруг

приняли бальзам прекраснодушия. Ладно ещё Аянами, она родом из простолюдинов и их проблемы ей близки, но остальные-то откуда здесь? Это “ж-ж-ж” неспроста.

Разгадка оказалась проста, блондиниста и грудаста. Ну конечно же, Тесса Галериан. Камеристка принцессы. Она была тут, среди многих. Очевидно, что за ней подтянулись и остальные колдуньи. Теперь никакого диссонанса.

— Ну я же не буду ему красивые руки делать. Это раз в пять-семь дольше. Сделаю ему практичные кисти. Цепкие. Мощные.

Дарк снова усмехнулся. Он тяжело плюхнулся на скамью всей своей одошедшей тушей. Мебель обиженно заскрипела.

— Ну да, тем более, что ты не лекарь, а големолог, — молодой человек осмотрел стоящих и лежащих в очереди людей, отметил среди них женщину, скрывающую лицо за текстильным платком и жестом велел добровольцам из числа равнодушных подданных привести её к себе. — Ладно, раз уж я всё равно тут, тож подлатаю кого-нибудь.

— Ты, вроде бы, сам не целитель.

— Знаешь, я себе на днях хлебало пересобираю, так никто вообще не заподозрил, что оно поддельное, — козырнул Дарк, стаскивая с рук перчатки. — Ща намучу барышне личико, лучше прежнего будет.

Едва лишь сняв элементы доспеха, молодой человек от души метнул их подальше в уголок. Несмотря на непрекращающийся дождь и на то, что “номер один” сам уже несколько раз прогнал очищающее заклинание по броне, чувство брезгливости после погружения в канализации никуда не девалось.

— Я думала, ты вернёшься на мальчишник.

— Ты плохо обо мне думала, Ми. Нужно было разобраться с очисткой канализации. Чем меньше этой дряни попадёт в систему водоснабжения...

— Тем меньше забьются фильтры, — хихикнула девушка. — Знаешь, не хочу насмеяться над твоим желанием помочь, но ты думаешь зачем на водоочистных станциях дежурят некромаги?

Даркен всё понял. Он закрыл глаза, закинул голову назад, да протянул усталоразочаровано:

— Вот я деби-и-и-и...

— Ну, ты по крайней мере старался.

— Буду утешать себя тем, что в бочках бедолагам будет уютней, чем среди отходов, — невесело хохотнул молодой человек, осторожно потягивая прилипший к голому мясу текстильный платок.

Работы здесь предстояло много. Но, право слово, оно того стоило.

— Ну, да... на переработке и правда лучше...

— Поменьше цинизма, Ми, — ответил Даркен. — Тебе он не к лицу.

Он выдержал небольшую паузу, а затем продолжил.

— Хотя, конечно, он потребуется, когда мы выедем отсюда. Скольких там растворило из-за проклятия, разнесённого ураганным ветром по всему городу?

— Где-то с сотню человек. Ну и неизвестное количество бродячих котов да собак.

Пальцы “номера один” ловко скользили по повреждённой плоти, с каждым касанием неся приятную магическую прохладу обезболивающего контура.

— Всего сотню? По всей Праге? Ну, я имею в виду, если не считать эпицентра.

— Очень вовремя было объявлено штормовое предупреждение. Понятия не имею, как

они это предсказали. Думаю, всё стало ясно в тот момент, когда Лешая застряла на полпути к Карлову мосту.

— Если сложить этот факт с докладом в штаб о проклятых слюнях Пальцевого Кошмара, думаю, можно было сопоставить всё и предсказать, — понимающе кивнул Дарк. — Ну слава Семерым, Иисусу, Кришне, Магомету и каждому, кто к этому хоть как-нибудь причастен. Всего сотня. Ну, думаю, можно ещё процентов тридцать заложить на тех, о чьей пропаже без вести доложат в ближайшее время... всё равно выходит относительно немного. Ребята из ВМаС свой хлеб не даром едят.

— Честно, не знаю, ВМаС надо ли благодарить или ещё кого. Я только рада, что никого из моих родных не надо вытаскивать из этой ямы... — она смахнула оставшийся “студень” с кистей паренька и многозначительно кивнула. — Всё. Готово.

Мальчуган поднял руки и несколько раз медленно сжал и разжал пальцы. Тонкие. Узловатые. Выглядели они уродливо. Но хотя бы работали.

Аянами с ходу отрезала любые возможные поводы для недовольства:

— Лучше уже не будет. По крайней мере, пока не наймёшь кого-то за деньги. Обойдётся пока этим. Освобождай место: есть те, у кого нет даже суррогата.

Юнец испуганно пискнул и бросился прочь, забыв при этом даже извиниться.

“Номер один” склонился к Аянами и тихо спросил:

— С каких пор ты так уверена в себе, что отпускаешь людей без тестов?

— Нет времени на тесты, Дарк, — в тон ему ответила девушка. — Отторжения точно не будет, а если руки будут слушаться плохо, он сможет как-нибудь приспособиться. Лучшее — враг хорошего.

— Ну, понятно.

Молодой человек не стал спорить. В конце концов, ему было, чем сейчас заняться. Работа скульптором по лицам, вообще, являлось одним из тех видов деятельности, которых пан Маллой предпочитал избегать. Долгая. Муторная. Нудная. Но прямо здесь и сейчас она помогала успокаивать нервы, потому как подбешивала в меньшей степени, чем самого Дарка мандражировало от всей этой ситуации.

— Не надумала ещё в мой ковен вступить?

— Я ведь уже в нём.

— Ты там состоишь исключительно формально. Лишь потому, что мой отец за тебя поручился. На собрания не ходишь.

— У меня есть дела.

— Это каналы в те времена, когда мы занимались исключительно тематическими попойками.

Следующей жертвой оказался молодой крепкий мужчина. У него отсутствовала нога чуть ниже колена. Его спутница стояла слегка поотдаль, время от времени бросая брезгливые взгляды на свисающую с этого обрубка бесформенную плоть, ранее бывшую полноценными стопой и икрой.

— Кем работаешь? — поинтересовался Дарк, наблюдая за тем, как пациент пытается закинуть конечность на стол.

— Non capisco il bohemien, — ответил тот.

— Ah, un turista. Chi lavori?

— Designer, Signore.

Дарк перевёл взгляд на девицу. Благо, прямо сейчас работа скульптором не требовала

особого внимания: молодой человек бездумно наращивал плоть, выжигая остатки недопользованного во время битвы праха.

— A mio cugino potrebbero servirti persone come te, — наконец произнёс “номер один”.

Продолжать расспросы как-то не было настроения. Так что Даркен ограничился упоминанием того, что у Строцци может найтись тёплое местечко для дизайнера.

Джакопо, конечно, посмеётся, услышав аргументы родича. Дескать, с чего тот взял, что тот факт — кстати, даже не подтверждённый, — что парень пострадал, вытаскивая свою девицу на руках, как-то сказывается на его качествах, как работника. “Хороший парень” — это не профессия.

Посмеётся, но возьмёт. Потому как в курсе: чутьё Даркена на людей работает парадоксально хорошо.

“Номер один” замолчал и вновь вернулся к изучению “лица” пациентки. Щёки выглядели не одинаково. Стоило правую чуть-чуть нарастить.

Хотя, конечно, после покрытия кожей всё равно править. Не умел Дарк анализировать подобные “недоделки”.

— Я приду на следующее собрание, — внезапно сказала Аянами. — Когда оно?

— Думаю, через пару дней после свадьбы... я оповещу. Просто следи за чатиками, Ми.

— Надо будет включить уведомления, — вздохнула она.

Они молчали ещё несколько минут. К этому моменту Дарк уже принялся восстанавливать пациентке глаза. Работа тоже была муторная, а потому он решил задать азиатке очередной вопрос.

— Принцесса тут уже была?

— Давно уже. Несколько часов назад, не меньше, — ответила Аянами.

— Как её встретили?

— Сам как думаешь?

— Честно? — вздохнул он. — Вообще не думаю.

Настроения шутить на эту тему у девушки не было.

— Она чуть не утонула в царившей здесь безнадеге.

— “Чуть” не считается.

— Ты прав, — кивнула Аянами. — Не утонула. Впрочем, и развеять атмосферу уныния ей не удалось. Она помогла организовать добровольцам, пообещала выплаты по инвалидности и потере кормильцев... но, если честно, мне показалось, что она мыслями совсем не здесь.

— Бывает. Почему тебя это так удивляет?

— Обычно Слунце куда как лучше держится на публике. А здесь она сама казалась измотанной. Ни искорки энергии. Просто оттарабанила обязательную программу и ушла, оставив на местах Тессу.

— Учитывая обстановку... челядь всё равно должна радоваться.

Звучало, конечно, грубо, но стоило лишь Даркену задумываться, из каких закров слечна Лотарингская собралась извлекать все эти выплаты, вспомоществия и пенсии, как ему на ум приходил лишь один ответ: из её собственных доходов. Не сказать, чтобы у девушки её положения они были маленькими — всё же, принцесса к этому моменту успела подсуетиться и занять себе несколько бизнесов, — но не стоило забывать о текущем состоянии богемийской экономики. Тут как бы фирмы самокупаемость не всегда сохраняли. Да и отток дворянства из страны вызвал обвал цен акций многих предприятий.

Челюсти подобных деталей знать не следовало. Ещё не хватало паники среди них. У страны и без того проблем по горлу.

Однако Аянами намёка не поняла.

— Ну да... радоваться инвалидности и смерти близких. — она ядовито хохотнула.

— Радоваться тому, что они не остались без поддержки, — с нажимом сказал Дарк. — Право слово, ты что, не только тактически попойки пропускала, но и разговоры о политике?

— Я политикой не интересуюсь...

— О, Семеро! — молодой человек не закатил глаза лишь потому, что был занят восстановлением органов зрения пациентки, а это требовало максимальных внимания и концентрации. — А я думал, что Броня у нас асоциальна. А ты умудрилась переплюнуть даже её.

— Мне не хотелось, чтобы меня втянули в интриги.

— Для того, чтобы тебя не втянули в интриги, ты должна перестать существовать, Ми. Во всех остальных случаях тебе лучше быть осведомлённой. Свяжись с Ёлой. Скажи, что хочешь быть полезной. Она тебе найдёт занятие.

— Ну не сегодня же... я давно не спала.

— Если потребуется, то и сегодня, — Даркен остановился, чтобы прикинуть как работать с плотью пациентки дальше. — Но тут вряд ли. Там сейчас осталась рутина, с которой справятся и без нас.

Несмотря на прорезавшуюся в голосе сталь, на деле молодой человек чувствовал себя лучше, чем всего двадцать минут назад. Волнения в его душе подуспокоились и теперь он понимал, что не будет себя ненавидеть за то, что попытается хорошенько выспаться перед церемонией.

2.

Едва лишь разглядев в ночной тьме знакомое чёрное авто, молодой человек весело подскочил к нему и от души пробарабанил ладонями по капоту.

— Даркомобиль! Родной мой, ненаглядный! Что ты тут делаешь?

— Тебя забрать явился, — ответила машина откуда-то со стороны водительского сидения писклявым голосом Ёлко.

“Номеру один” два раза говорить не потребовалось. Он ловко запрыгнул на пассажирское сидение, даже не открывая двери, и обернулся через плечо, проверяя, кто там расположился сзади.

Это были Гало и Джакопо.

— А вы тут какой Лешей забыли? — молодой человек обратился к водительнице. — Какой Лешей они тут забыли?

Ответом ему стал удар кулаком в спинку сидения со стороны корсиканского родича.

— Ты, между прочим, все уши прожужжал мне на тему того, насколько твой Даркомобиль клёвый.

— И неспроста, — поднял палец “номер один”. — Это изначально крутая тачила, а после того, как я над ней пошаманил...

Ёлко уверенно развернула автомобиль в сторону берега и двинулась напрямую к реке. Не потребовалось много времени, чтобы под колёсами машины не осталось твёрдой земли, и она обратилась из спорткара в этакий своеобразный катер.

Водительнице потребовалось где-то семь секунд, чтобы спустить Даркомобиль на воду.

И все эти семь секунд “номер один” выразительно молчал, и лишь затем многозначительно развёл руками.

— Видишь? Круто же, да?

— Знаешь, — хмыкнул Джакопо, — если бы оказалось, что на самом деле у вас уже со всех дорог деревья оттащили и прочий мусор, меня бы это впечатлило куда как больше, чем плавающая тачка.

— Твой культурный уровень меня угнетает, кузен, — закатил серые очи Дарк. — Это, между прочим, отсылка к одному из самых классных чит-кодов GTA.

— Да я уж догадался, — поморщился южанин. — Это скорее показывает у тебя отсутствие фантазии.

“Номер один” нахмурился.

— Я тебя сейчас прямо тут в воду сброшу.

— Это было бы страшно, если бы речку к этому моменту не почистили...

Дарк тотчас же потерял к родичу всякий интерес.

— Гало, а чем вы там занимались с принцессой?

— Броню усмиряли.

Пан Маллой несколько секунд молчал.

— Расскажешь поподробней?

— Нас там очень не хотели видеть. Очень. Думаю, мне бы не удалось подобраться к богиням, если бы не навигация Лотарингской.

— Навигация? В жизни не поверю, что она крыши домов знает лучше, чем я.

— И не надо. Она неплохо угадывала, куда в дальнейшем сместятся Лешая с Перловкой. Это позволяло нам то и дело идти наперерез.

Даркен нахмурился и, уперев локти в колени, примостил подбородок на сложенные вместе кисти.

Секунды через две он услышал многозначительный вопрос Ёлко.

— О чём задумался?

— Твои интонации даже не намекают, они буквально орут, что ты знаешь, о чём я задумался.

— Слунце переключилась на изучение Перловки, едва та показала себя куда как более опасной, хаотичной и неуправляемой, чем Броня.

— Это она тебе сказала?

— В каком-то смысле. Знаешь, получив доступ к инструментарию ВМаС я обратилась к специалистам в этой области не только для того, чтобы они пояснили за интерфейс, но и чтобы узнать, кто, сколько и какую помощь оказывал их структуре, — самодовольно вещала ёжик. — И, как выяснилось, слечна Лотарингская посещала их ничуть не реже брата. А то и чаще. Особенно она интересовалась спецификой контрмер против богини.

— Я сильно ошибусь, если выяснится, что следом ты пошла узнавать, насколько старательно принцесса пинает королевских аналитиков, ответственных за составление психологического портрета Перлуши?

— Вообще не ошибёшься, — кивнула Ёла. — А имея две двойки, не то, чтобы сложно получить цельную красивую четвёрочку.

— И затем ты начала по косвенным признакам определять методологию тайной магической техники нашей дорогой Слунце, как L определял методологию действий Киры?

— Понятия не имею, кто такие Эль и Кира, но звучит, как пара из корсиканской

мыльной оперы, — отмахнулась девушка. — Так или иначе, ты прав: я действительно занялась попытками выяснить границы сил девочки-подменьша. И... если честно, по факту оказалось, что это выглядит куда как более по-некромажьи, чем по-фейски.

Дарк многозначительно насупился.

— Моя быть нидавольный!

— Думаю, то, что делает принцесса связано с осознанием бесконечности четвёртой мощности.

В этот момент брови “номера один” взлетели вверх.

— Вот как? Слушай, а логично: некромагия — это бесконечность третьей мощности, мысли — четвёртой. Душа, значицца, должна располагаться в бесконечности пятой?

— Это лишь теория. Мне, если честно, осознать четвёртую мощность не просто “сложно”, я банально представить не могу, как она работает...

Перед мысленным взором пронеслась стреляющая фотончиками установка Брони и лекция о множестве вероятностей.

Даркен перевёл задумчивый взгляд на реку. Фонари на набережной всё ещё не работали, однако тучи уже подразошлись, а потому света звёзд хватало, чтобы белоснежно белые комья проклятой пены были достаточно хорошо видны. Те, что плыли по течению, напоминали пушистые облачка, но “номер один” понимал: рано или поздно и они зацепятся за бетонные борта, ограничивающие руслу Влтавы, и слившись воедино с другими такими же “овечками” выдадут свою истинную природу. Эти длинные неровные полосы вдоль берегов ни с чем, кроме грязи, ассоциаций не вызывали, несмотря на свою белизну.

— Знаешь, а вот у меня имеются кое-какие соображения, — медленно тихо произнёс он, а затем добавил громче. — Имеются кое-какие соображения.

Даркену не сиделось на месте. Он сменил положение ног, поелозил задом по креслу и повторил как-то чересчур воодушевлённо и восторженно.

— Имеются кое-какие соображения! Думаю, если я смогу поделиться ими с Бронькой, ей будет проще контролировать свою силу. Как она, кстати?

Гало выразительно поморщился.

— Ужасно. Сказать, что ей хреново — ничего не сказать. Она напоминает чёрную дыру, существующую в эмоциональном спектре. Вытягивает из окружения все светлые эмоции. Вот только сама ими пользоваться не может: лишь давит силой гравитации.

Дарк вспомнил, что говорила Ми про Слунце. Принцесса была сама не своя.

— Думаю, она сейчас хотела бы впасть в сон. Как после Сметаны...

— Вряд ли, — покачал головой Гало. — Тогда она представляла, чем хочет быть. Сейчас же — нет. Ёл, давай остановимся тут? У правого берега?

— Зачем это? — не поняла аналитик.

— Я знаю там отличную круглосуточную кафешку.

— У тебя что, свои запасы еды закончились?

— Ну... да... мы тут всю ночь. Магазинычки в историческом центре не работают по понятным причинам, а все автоматы со жратвой побило и внутрь попала вода.

Дарк хмыкнул.

— А заказать хавчик не получалось, потому что дороги залило и курьер не доехал бы?

— А ты шарить...

— Проклятье, Гало, позвонил бы мне в поместье. Пани Ковальская не просто так свой хлеб ест. Она бы тебе организовала доставку дронами.

Громила прикрыл лицо руками и завыл. Долго. Протяжно. В голосе его было много боли.

— Какой же я идиот! Почему я раньше не догадался?

Джакопо сочувственно похлопал “номера три” по плечу.

— Смирись. Ты — ничтожество и дегенерат, прямо как твой сюзерен. Ну, ничего. Осталось совсем немного потерпеть: до усадьбы максимум через полчаса доберёмся, если за городом урагана не было.

— Угу, — поддакнул Дарк. — Я уверен, сегодня ночью ни одна кафешка не работает. Кстати, о дегенератах и ничтожествах: Джак, а где твоё копьё?

— Как где? С принцем отправилось. Я же хочу оказаться на хорошем счету у Лотарингских. Вы мне другое поясните: какого Лешего в столь поздний час в тех местах было столь много детей?

— Кстатида, — поддержал вопрос “номер один” и перевёл выжидающий взгляд на Ёлко.

Та выразительно закатила яркие очи цвета фуксии.

— Так “ночь музеев” же. Сегодня после заката для всей челяди посещение всех музеев происходит за счёт семейства Маллой. В честь грядущей свадьбы.

— Не слышал, — покачал головой Дарк.

— Потому что пока одни организуют пьянки, другие проявляют заинтересованность в досуге куда как более культурном. Это инициатива Брони...

“Номер один” от души шлёпнул себя ладонью по лицу.

— О, Семеро...

— Именно, — кивнула Ёла.

— Каково же ей сейчас, небось, осознавать, что это её решение стянуло такую кучу народу под удар?

И вот совершенно невпопад в этот момент вклинился Гало.

— Я там слева вижу фонари...

— Это народ пытается устранить последствия буйства стихии, — ответила ему Ёлко.

— Но это же кафешка...

— Уверена, она тоже сейчас не работает.

— У них должны сейчас быть какие-нибудь колбаски в упаковке или ещё что-нибудь вроде этого. Ну или шоколад...

Даркен не особо вслушивался в эти переговоры. Он только сейчас осознал всю мощь удара, который нанесла по Лешей Перловка. Теперь понятно, отчего на лице Каши была столь самодовольная улыбка. Почему она так уверенно говорила о победе. По сути, если бы не вмешательство принцессы, Броня уже точно не “собралась” бы обратно. “Фейская” магия Слунце давала им всем шанс. Но и только.

Сможет ли Лешая справиться сама? А если нет? Если ей не хватит силы воли и, самое главное, циничности? Нужно придумать какой-нибудь способ помочь богиньке.

— Ёла, — обратился к возлюбленной молодой человек, — где сейчас Бронька?

— Вестимо где: в храме своём. В комнате для технических неадекватов.

— Мы не едем в усадьбу.

Это заявление для Гало было словно бы удар под дых.

— Да я ж голодный!

— Так набери пани Ковальской и попроси доставку дроном какого-нибудь жаренного

супа, — огрызнулся “номер один”. — Мы в дерьме!

— Ладно, — без обиды пожал плечами громила и полез за мобильным.

Ёлко была настроена более серьёзно.

— А куда мы едем, Дарк? Я понимаю, что ты хочешь сделать, но совершенно не осознаю, как.

— Над вопросом “как” я бился с того дня, как осознал, что Лешая глобально перестроила свою личность, — глава ковена рыцарей плюшевого енота более никак не мог усидеть на месте: он забрался на сидение с ногами и теперь перебирался на капот машины. — Я перебрал в своей голове великое множество вариантов, как вернуть “ту самую” Броню. Думаю, теперь они сгодятся, чтобы вернуть хоть какую-нибудь.

Джакопо хмыкнул.

— Я “за”. Лично не знаком ни с одной Броней, но у меня на Лешую большие планы. Не хотелось бы, чтобы моё имя было связано с падшей и сошедшей с ума богиней.

Ёла же предпочла задать вполне конкретный вопрос:

— И какое из этих “как” мы будем использовать?

Даркен занял позицию на “носу” их импровизированного судна. Он скрестил руки на груди.

Лицо и торс приятно обдувал приятный свежий ветерок. Он ласково гладил кожу и уносился прочь, забирая с собой толику сомнений и печалей.

— В прошлом томе...

— “Некромагичка для мажора: Мезальянс”? — не удержалась от шпильки Ёла.

— “Даркен Маллой и Древний Полководец”, — с заметной обидой в голосе подправил её Главный Герой. — Ну, не суть. В общем, в предыщем томе была такая сцена: я расклеился, чувствовал себя совсем не в своей тарелке, и тут Броня решила меня подбодрить. Она завалилась с гитарой в комнату, где я ванильно смотрел в окно, да начала петь...

Гало отвлёкся от оглашения заказа, чтобы вставить важную, с его точки зрения, ремарку:

— Уж прости, дружище, но это ты у нас по музыке прёшься. Я с Броней общался в тот период. Она училась играть на гитаре специально для тебя. Вспомни, как ты сам просил её спеть в позапрошлом томе: в “Некромагичке для мажора”.

— И ты, Брут? — печально зыркнул на “номера три” через плечо Дарк.

— И я — Брут, — кивнул тот. — Но я же тебя по-брутски предупреждаю. Ты можешь исходить из ложных предпосылок, бруган.

— Не из ложных. В этом томе...

— “Некромагичка для мажора: Доппельгангер”, — в один голос выдали Гало и Ёлко.

— “Даркен Маллой и Забытая Дева”, — огрызнулся “номер один”. — Так вот, в этом томе, всего несколько глав назад у нас с Броней был сюжетно-важный разговор о важности отсылок, как культурных маркеров. И о том, как эти маркеры, в силу устройства памяти, будят в нас комплексные воспоминания о культурных продуктах. А культурные продукты, в свою очередь...

Аналитик не постеснялась перебить начальника.

— Как ты сам говоришь: короче, Склифосовский. Если это было пару глав назад, не будем повторяться.

— Эй! — возмутился Джакопо. — Меня в той сцене не было: я хочу послушать!

Дарк отмахнулся.

— Короче, мы будем петь песню.

Ёлко раздосадованно хлопнула ладонями по рулю.

— Замечательно! Теперь мы — мюзикл!

“Номер один” скользнул от носа к лобовому стеклу, опустился перед ним на корточки и посмотрел прямо в глаза девушке.

— Всегда им были. Ты лучше скажи: государственная пропагандистская машина полюбому уже запустила пачку сюжетов, выставляющих эти события, как нечто классное и крутое. Как великую победу. Есть что-нибудь, связанное с Лешей?

Ёлко на несколько секунд задумалась. А затем её губы начали медленно расплываться в широкой азартной улыбке.

— Знаешь... а это вполне может сработать... как и предыдущие твои безумные планы.

— А когда было иначе?

— Мне перечислить всё?

— Я лажаю только за кадром. Между частями. Ну или чтобы казаться живым человеком, а не Марти Сьюшкой. Но в целом я же всегда побеждаю.

— Это не так работает...

— Да? Да? Да? Да?

— Дарк...

— Кто тут самый крутой парень во всей Богемии?

Ёла вздохнула, а затем резко крутанула руль и подбавила газку, из-за чего молодому человеку пришлось схватиться за верхний край лобового стекла, чтобы не упасть.

— Поехали лучше делом займёмся. Надо забрать видеоматериалы. А вы, пан Строчи, раз уж хотите нам помочь, соберите экранированный от агрессивной магической среды проигрыватель с качественным изображением и звуком. А лучше не один. Слышала я, вам подобное под силу...

— Обижаете, сеньорита...

— Даже не начинала.

3.

Комната едва-едва справлялась с тем, чтобы сдерживать напор беснующейся Лешей.

Понятное дело, что никто никогда всерьёз не рассчитывал, что бронированные стены и слои димагетика смогут стать серьёзными препятствием, пожелай богиня вырваться. Идея этого помещения всегда была в другом: дать Броне возможность подпустить пар безопасно для окружающих. Плюс, так уж получилось, что когда она находится в этой комнате, то и её влияние на погоду резко падает.

Прекрасно иметь место, где можно не сдерживать себя. Вдоволь покричать, побить кулаками о что-нибудь твёрдое. Вот только проблема в том, что эта коробка с многослойной защитой даже с этой задачей не справлялась толком. Лешей всё равно приходилось ограничивать себя.

Но хуже всего то, что девушка не видела конца и края этой бездне отчаяния. Она не могла выкричать боль, не могла выплакать жалость, ей не удавалось выбеситься. Наверное уже часы прошли с тех пор, как дверь захлопнулась и скрипнули замки, а Броне так и не стало лучше.

Ничуть.

Она всё ещё хотела даже не сдохнуть, а вообще стереть себя из ткани мироздания,

никогда не существовать.

Девушка уже пробовала напитать своё тело успокаивающими контурами, да только это не помогало. Такое количество заклинаний-транквилизаторов не просто успокаивает, оно погружает человека в сон столь глубокий, что его впору было бы назвать небытийным. Вот только нейромедиаторы были не властны над божеством. Её эмоции и чувства произрастали скорей из взаимодействия сотен душ. Тело тут являлось второстепенным. Оно стало буквально аватарой. В конце концов, если персонаж в игре напивается, не становится же пьяным игрок. Так почему должна успокоиться Лешая, если её смертная оболочка обожрётся колдовских антидепрессантов?

Броня слишком хорошо сознавала свою вину в происходящем. Она подсчитала мысленно, как много бы человек погибло, не вмешайся она тогда в Коваче, а затем сравнила с жертвами, уже павшими от рук Светлой и Тёмной Леших, да прикинула, как далеко Перловка вообще может зайти.

Поистине, благими намерениями устлана дорога в Ад.

Сковронского остановили бы. О нём было известно королю и тайной канцелярии. Нужно было просто подождать. Да, запытали бы пачку смертных до полного разрушения личности. Да, обидно. Но не родилась бы та искажённая уродливая и сверхсильная дрянь, что раскинула под Прагой свой дендромозг. Она же не остановится сама. В попытках найти смысл жизни, она будет приносить в жертву всё больше и больше людей. А что против неё смогут сделать смертные? Если они начнут действовать прямо сейчас, им потребуется при помощи ОМП изничтожить всю столицу Богемии. Оставить вместо неё кратер. Тогда ещё есть шанс.

Но они этого не сделают. Будут тянуть. Пока не станет слишком поздно и Перловка не оплетёт своими корнями сначала Европу, потом весь Старый Свет, а после и всю землю.

И как будто бы Лешая лучше? Кто сегодня вызвал ураган? Кто расплескал проклятый студень по всему городу? Из-за кого куча людей оказалась в самом эпицентре катастрофы?

Да, Броня не хотела этого. Это либо были не её решения, либо исходные данные не предполагали какого-то бедствия, либо же девушка и вовсе действовала в изменённом состоянии сознания.

Да вот только какая разница тем, кто умер и тем, кому повезло ещё меньше: кто проведёт остаток своих дней в состоянии медузы? Их будут перерабатывать на прах. Медленно. С чувством, с толком, с расстановкой. Быть может даже на высоконасыщенный. Да, это не совсем законно, но на войне все средства хороши.

Броня не могла найти выхода из этого тупика.

Но, что хуже всего, она не могла сосредоточиться на поисках выхода.

Стоило ей только начать думать — а не думать не получалось вовсе — как обязательно всплывал тот или иной факт, та или иная логическая конструкция, от которой девушку начинало бить частой дрожью. Хотелось бежать со всех ног куда глаза глядят и куда им глядеть не дано. Хотелось сломать что-то. Быть может даже само пространство-время. Насколько вообще может считаться плохой идея банально объявить весь мир, которому грозит агония, несуществующим?

Быть может, разумней просто убить себя? Выжечь до основания. Да, это не устранил Перловку, но, хотя бы, не приведёт к появлению второй такой же, когда Броня наконец окончательно сойдёт с ума. Это даст человечеству какой-нибудь шанс. А если то этот шанс профукает, так Лешей уже и плевать как-то будет. Она уже этого не увидит. Не будет

испытывать мук совести. Той будет попросту нечего грызть.

О, Семеро! Какая же глупость! Сама же назвалась Лешей. Это же сатанинский архетип. И ведь Броня очень даже оправдывала этот статус. Завлекала народ в сети ложными обещаниями, а по факту толкала мир к уничтожению. Сначала эта война с Россией, теперь катастрофа в центре Праги. Что дальше? Построение спирального храма и вызов Дементия Хорового в солнечную систему?

Бред-бред-бред. Это какой-то горячечный бред. Кошмар, который и не думал оканчиваться.

И словно бы этого было мало, Лешую обжёт свет.

Она, словно нечисть из старых фильмов, злобно зашипела и поспешила прикрыть глаза клешней от ворвавшихся в её уютную тёмную обитель лучей электрической благодати. Впрочем, уже через секунду лампочка замерцала агонизирующе, а затем и вовсе потухла. Стало комфортней. Нет, тьму всё ещё рассеивало несколько источников с доведённой до абсурда биолюминесценцией, которую неизвестный некромаг зачихал в форм-фактор живых свечек, но от этого Броня хотя бы не испытывала болезненных ощущений.

Свет тех псевдоживых свечек выхватывал несколько фигур. Мама, Жаки и несколько крепких девчат, нёсших на руках нечто, напоминавшее пузатый компьютер-моноблок родом откуда-то из конце третьей четверти XX века.

— Пшшшли вон! — прошипела на гостей богиня глухим голосом.

— Обязательно уйдём, дорогая, — ответила матушка. — Хочу просто, чтобы ты один видосик один посмотрела.

— Знаешшшь, куда ты можешшшь этот видосссик запигкрнуть?! — рявкнула Броня, резко подаваясь вперёд. — Сссказано же! Опассно!

Лешая специально вела себя сейчас несколько более неадекватно, чем на самом деле могла бы. Хотелось вызвать у смертных чувство страха. Быстрее испугаются: быстрее свалят.

— Жить вообще опасно, — беспечно ответила женщина, жестом веля установить моноблок на удачно отслоившийся от стены кусок металла, который мог бы послужить в этой ситуации столиком. — От этого, говорят, умирают.

Ох, настырная же какая. Неужели и правда придётся перетерпеть и посмотреть это тупое видео, чтобы они наконец ушли?

— Ссс чего ты взяла, что эта тупая машшина вообще запусштся? — спросиба Броня, кивая в сторону компьютера.

За матушку ответила Жаки.

— Потому что это и не машина вовсе, а некроконструкт, — девушка выразительно хлопнула по крышке моноблока. — Госпожа, Даркен старался. Мы все старались, чтобы это видео можно был...

— Запусскай! — рявкнула Броня, дёрнув головой.

Чем быстрее всё начнётся, тем быстрее закончится. Нечего растекаться мыслью по древу. Лешей не хотелось больше сдерживаться. Ей было тяжело в такой толпе. Практически больно. Боль эта ощущалась почти физически. Или даже не “почти”.

Жаклин не стала спорить. Она извлекла из кобуры палочку и принялась ковыряться где-то с тылу моноблока. Со стороны это выглядело так, будто бы она отвёрткой винтики крутит.

Всё действие заняло у фарнцуженки секунд пять, пока наконец...

Экран загорелся. Изображение оказалось тусклым, но, с учётом практически полной

темноты в убежище Лешей, это было даже к лучшему. Глаза не жгло.

На экране мелькали события. Ленточки с бегущими внизу экрана буквами выдавали, что это кадры из некоего репортажа. Шёл дождь. Явление, само по себе неприятное, но в Форгерии его всегда связывали с Лешим. С бедой, которую он несёт. Считалось, что в такие моменты Семеро, хранители порядка, хранители устоев общества, сдают свои позиции перед главным злом этого мира.

И ведь не какой-то мелкий капающий дождик. Он был достаточно сильным. Судя по тому, что улицы больше напоминали реки с отделёнными от русел посредством бордюров берегами-тротуарами, снималось это сразу после того, как ураган закончился. То здесь, то там можно было увидеть огромные сугробы пушистой белой пены, как после тушения пожара.

За кадром звучал голос дикторши:

— ВМас и МЧС только-только объявили о том, что кислотный дождь сменился обычным, а люди уже покидают свои дома. Посмотрите, прямо сейчас мы видим семью с тремя детьми. Младший пока ещё не может ходить, но уже готов полюбоваться свидетельством мощи Лешей.

Насчёт “полюбоваться” дикторша, конечно же, загнула. Когда кадр сфокусировался на лице карапуза, виднеющемся из-под бело-чёрного, с декоративными ушками, капюшона дождевика, стало понятно, что личинка человека вообще не отдупляет, зачем и куда её вытащили в столь неурочный час.

Ещё секунд через пять изображение сменилось. Теперь это была студия. Гало уже успел усесться за барабанами, но палочкам предпочитал свеженький толстый, топорщящийся листьями салата, гирс. По бокам сцены с гитарами в руках выходили Ёлко и Вик. Центр же, отмеченный цветастым ярким синтезатором, решил оккупировать Даркен.

Ребята совсем по-бытовому, лениво, словно бы пришли на репетицию, принялись играть. Музыка даже не сразу стала напоминать что-то цельное. Какую-то настоящую композицию, а не импровизацию группы болванов, решивших немного полабать под настроение.

Мотив девушка узнавала. Она не могла с ходу назвать песню, но отчего-то чувствовала, что оно очень подходит происходящему. Даже более, чем любая другая альтернатива.

Изображение снова сменилось. И опять девушке показывали улицы. Но уже другие. И записанные для другого канала. Для другого выпуска новостей. Камера сфокусировалась на группе молодых людей и их подруг, которые, заметив внимание журналистов, весело подняли руки и закричали вразнобой:

— Это город Лешей! — голоса были приглушены, чтобы не мешать звучанию мелодии.

— Это страна Лешей! — поправила предыдущих ораторов одна из девушек. — Наибольший процент лесов во всей Европе!

— Празднуем, панове!

Их голоса окончательно затихли, несмотря на то, что было видно: рты раскрываются, ребята явно пытались кричать ещё что-то. А всё потому, что Даркен не терпел, когда его перебивают.

Это был его клип.

Его песня.

Исполняемая на его родном языке.

Не на богемийском, а на русском.

Не на форгерийском, а на одном из попаданческих.

— *Дождь!*

Таковым было первое слово в этой песне.

Первое слово.

И оно же название.

Где-то в глубине памяти возникло понимание этого факта. Да, действительно, композиция так и называлась.

Дождь.

ДДТ.

Песня начиналась грустно. Даже как-то заунывно. Это удивительным образом контрастировало с веселящимся на улицах народом и дополняло образ. Было занятно видеть, насколько не в такт танцуют парочки. Бодро. Весело. Но под такой медлительный печальный мотивчик.

Детишки прыгали по лужам. Кто-то хватал пену, собирал из неё снежок и запускал в друзей. Снаряд распадался в полёте, но легковесные хлопья, всё же, порой кого-то задевали.

Словно бы сам мир спорил с настроением лирического героя, смеющего грустить в такой момент, когда вообще всем весело. Иногда их голосам удавалось пробиться через завесу мелодии. Отдельные выкрики. Они были “не в тему”, но именно своей “невтемовостью” отлично гармонировали с композицией.

Веселящиеся соседствовали с теми, кто собственными усилиями растаскивал с дорог ветви деревьев и даже не брезговал поднять опрокинутый мусорный бак. Это были не работяги в форме, кому за это деньги платили. Просто люди, движимые сиюминутным душевным порывом.

И в этот момент мелодия сдалась. Она стала громче. Бравурней. Быстрее.

Поменялись и слова. И смену эту, для самых тупых, слепых и чёрствых, отметила яркая вспышка молнии.

Грянул майский гром! И веселье бурною,

Пьянящею волной

Накатило: "Эй, вставай-ка,

и попрыгай вслед за мной"

Выходи во двор и по лужам бегай

Хоть до самого утра.

Посмотри как носится смешная

И святая детвора.

Изменилось всё настроение композиции. Оно стало веселей. Бодрее.

И почему-то у Брони не получалось сдержать слёз.

Но она и не хотела.

Эти слёзы, в отличие от всех остальных, пролитых ей этой ночью, несли облегчение.

Небось, если попробовать их на вкус, они были бы не горькими, а сладкими.

Как это вообще возможно? Что изменилось?

И почему эти люди так веселятся? Произошла же катастрофа. Неужели им не больно?

Не не страшно? Их грудные клетки не сковывают чувства, о существовании которых им хотелось бы навсегда забыть?

Тут молния снова сверкнула. И даже гром сумел прорваться к микрофону. Он был далёким, довольно тихим, но всё ещё грозным.

А люди, выстроившись в два ряда по обе стороны улицы, держа друг друга за руки, скидывали верхние конечности над головой и весело кричали:

— Да-а-а-а-а!

— Мы не боимся тебя, Перловка!

— Дура ты перловая!

— Вперёд, Лешая!

— Мы верим в тебя!

Это очень напоминало другую их игру. Броня её и ранее видела. Форгерийцы любили, сидя дома, под прикрытием стен и закрытых окон в ответ на подобный грохот, на проявление силы Лешего, отвечать потоками брани. Оскорблять и хулить его. Демонстрировать, что они ничего не боятся. Что они уверены в своих домах, дарованных им силами порядка и волею Семерых.

Сейчас они точно так же бранили Перловку. Но не из-за стёкол, не через форточку, а стоя в полный рост под дождём.

Под проявлением силы Лешей. Той, кого они славили. Той, на кого они полагались, несмотря на то, что она, по сути, виновата в том, что с ними происходит. Неужели они такие дураки и не видят этого? Почему они так спокойно вверяют себя неблагому божееству, по сути, душой и телом?

А Даркен меж тем продолжал.

И представил я: город наводнился

Вдруг веселыми людьми.

Вышли все под дождь, хором что-то пели

И плясали, чёрт возьми!

Позабыв про стыд, и опасность после

С осложненьем заболеть,

Люди под дождём как салют, встречали гром,

Весенний первый гром...

И ведь правда... именно это и происходило.

И более того, клип сменился нарезками, когда кто-то что-то говорит прямо в камеру.

— Я не вижу Семерых, — вещал суровый круглолицый усач. — Где Бог-император? Где Малфурия? Они бились с Тёмным божееством? Нет. Их здесь не было, а Лешая — была.

А вот уже другое лицо. Пожилая пани. Она не выходила прямо под дождь, предпочитая глядеть на мир из-под козырька подъезда.

— Она — ангел. Не все ангелы выглядят прекрасно или имеют хороший характер. Это ангел битвы. Женщина, без сомнения. Она любит строить. Она предпочла бы просто помогать страждущим. Но она сурова, как воин, потому что этому миру нужен именно воин. Форгерии требуется кто-нибудь с пламенным мечом.

Краем глаза Броня видела: мама улыбается. По её щекам тоже текут слёзы, и эти слёзы тоже не горьки. Это с водой покидала её жалкая толика страхов и переживаний. Мама видела, что эта инициатива имела какой-никакой результат. Теперь, быть может, богиня сможет собраться воедино к свадьбе?

А тем временем на экране вновь появился Дарк. Он спрыгнул со сцены, подошёл к камере, взял её двумя руками и снял со штатива.

— Броня. Я, как твой будущий муж, как глава нашей с тобой семьи, просто запрещаю тебе загоняться. Видишь этих людей? Это ты их вдохновила. Ты их сделала лучше. Ты воплощаешь то, чего им столько времени не хватало. Они вышли туда, куда никогда не рискнули бы просто так сунуться, чтобы просто восславить тебя, — он улыбнулся. — Они видят разницу между Перловкой и тобой. И я вижу. И мне хотелось бы, чтобы ты сама увидела эту разницу.

Он перехватил камеру одной рукой и выразительно ткнул пальцем в объектив.

— Знаешь, за что я тебя уважаю, змея? За то, что у тебя разум идёт вперёд чувств! За то, что ты способна математически доказать, почему добро — это круто. Почему альтруизм стал эволюционным преимуществом человека, и почему мы должны развивать его, если хотим возвеличить наш вид и, ну не знаю, сделать разумных обезьян с осьминогами, запустить их в космос. Зачем-нибудь. Ради лулзов.

Он прижался лбом к камере. Выглядело стрёмно, конечно, но Броня понимала подтекст этого жеста, а потому улыбнулась.

— Соберись, курва! Чтоб завтра была свежа, полна сил и готова читать лекции. Покеда. Экран погас. И Лешая мягко коснулась стекла пальцами.

— Покеда.

Она подняла взор на маму и Жаки. На языке вертелись какие-то слова, но... какие вообще? Чтобы узнать это, Броне пришлось их произнести.

— Я устала, Босс. Устала быть в дороге. Одинокая, как воробей под дождём. Я устала искать себя. Устала, что не знаю, куда я иду и зачем. Я устала от человеческой жестокости. Устала от боли, которой полнится Форгерия каждый день. Это слишком много, — она постучала себя по виску. — Здесь. В голове. Будто осколки стекла. Каждый день. Ты можешь это понять?

Мама шмыгнула носом и кивнула.

— Я понимаю. Понимаю, доченька.

Она шагнула к богине и без страха обняла её за плечи.

— Но я — рядом.

— Я устала. А это значит, нужно это изменить, — голос Брони стал жёстким. — Если я устала искать себя, значит надо перестать искать и нужно просто найти. Просто сделать это. Будете одевать на церемонию — не будите.

И с этими словами Лешая обмякла, вновь погружившись в сон так глубоко, в те глубины рассудка и полей мечтаний, куда смертным попросту недоступно попасть.

Глава 15. У Ганнибала есть слои

1.

Дарк насилу отбился от Ёлы. Любовница-возлюбленная очень хотела уложить его спать. Не верила совсем словам о том, что он обязательно завалится в кроватку, как только закончит пару дел. В самом прямом смысле “пару”.

Нет, девушку можно понять: последнее время у пана Маллоя “пара дел” имела тенденцию стремиться к бесконечности. Постоянно обнаруживалось то одно, то другое. “Номер два” не видела абсолютно никаких причин считать, что нынешняя “пара дел” означает буквально пару. То есть, ровно два дела. Но они являлись очень важными. Не разобравшись с ними спокойно нырять из объятий Ёлы в объятия Гатеи было попросту нельзя.

Ну, например, как можно отходить ко сну, когда ты даже не знаешь, в каком облачении ты будешь сражаться сегодня вечером против Перловки? В смысле, да, Ёлко санкционировала сброс старой версии противобожественной брони в исторический центр, но она это сделала раньше, чем модель от Гани вообще поступила в арсенал. Да и, в конце концов, узнать состояние доспешка — лишь одна задача из двух. И потому, какой смысл делегировать её, если Даркену и так, и так нужно лично повидать слечну Праведную?

Тут уж даже Ёлко пришлось сдаться. Она была вынуждена согласиться, что в подобных делах действительно полумистическое чутьё молодого человека может оказаться полезней чьего угодно опыта. Особенно если учесть, что “номер один” являлся чуть ли не единственным человеком, с кем Ростинка могла бы говорить сравнительно свободно.

Сравнительно.

Ну, по крайней мере так думал Дарк, пока не открыл дверь в свою мастерскую и не увидел...

— Так! Винишко-тянки! Что вы тут делаете? — первым делом спросил пан Маллой, узрев подобное непотребство.

Ростинка и Илега. Вот уж кого “номер один” не ожидал обнаружить бухающими вместе. Вроде как история взаимоотношений этих двоих не предполагала дружеских посиделок за бутылкой красного ультрасладкого. Однако же реальность решила, что пришло время удивлять, а потому оглушила столь внезапным и необычным зрелищем.

На вопрос Даркена ответ дала Илега. Она тотчас же подняла бокал, да так резко, что часть алой жидкости из него выплеснулась на стол, одеяния девушек и валяющиеся то здесь, то там детальки от всевозможных механизмов.

Некоторые из деталек, кстати, были сложены весьма специфическим образом, позволяющим предположить, что эта парочка, помимо всего прочего, нашла время для игры в городки.

— Вньшко тянем! А на что это ещё пхоже, панмлой?

Даркен сложил руки на груди и привалился спиной на дверной косяк.

— А чего не спим?

Илега тотчас же состроила возмущённую мордашку.

— А того, панмлой, шта наши с Тинкой отншения не достигли той стадии, когда нам обеим мгло бэ хтеться перспать.

Огневласая фем-версия карфагенянина беспечно пожала плечами.

— Ну-у-у-у... как сказать? Вообще, я не то, чтобы против. Даже несмотря на то, что эта русая курва, заявившись сюда, первым делом начала мне угрожать.

Ганя задумалась.

— Даже благодаря тому, что эта русая курва, заявившись сюда, первым делом начала мне угрожать. Мне нравятся слечны с характером. Люблю их подчинять.

Илега сложила пальцы в кулачок и сунула его под нос Ростинке. Надо сказать, что остренькие костяшки тут обещали удары если не мощные, то точно болезненные и чувствительные.

— Яте падчиню! Ты вообще в курсе, кто за мной стоит? Мой будущий муж в битву богинь принцеску с её lesiskой втащил! Моя elsis — вааобще Лешая! А моя lesis может убивать людей, просто громко крикнув слово “курва”.

Ростинка ничуть не смутилась. Она просто взяла и чмокнула кулачок Илеги. Та в свою очередь тут же отдёрнула руку и начала трясти кистью, точно бы хотела избавиться от тени касания губ карфагенянки.

Дарк закатил глаза.

— Под “спать” я подразумевал объятия Гатеи, а не эти ваши ножнички или как вы там это делать собирались?

— Никак! — возмутилась Илега.

— Ножнички? Звучит прикольно, — выдала Ростинка широкую лыбу. — Но вообще, я могу себе мужские гениталии нарастить. Любой формы и размеров, дорогуша.

Молодой человек прикрыл лицо рукой.

Подумать только... эти двое. И обе пьяны. При этом вытрезвлять Илегу силой — неуважение к Гало. А вытрезвлять Фемганьку — гадить в тапку собственной же идее вытянуть из рыжули немного ценной информации, которую та под алкоголем будет прятать явно хуже, чем по трезвой лавочке.

Ладно, как будто бы Дарку впервой с пьяными женщинами общаться?

Он подошёл к камеристке Брони и мягко, ласково погладил ту по волосам.

— Умничка ты наша. Что мне сказать твоему Пуфе, если он спросит меня, отчего ты не выспалась перед свадьбой?

Упоминание “Пуфи” тотчас же сделало Илегу мягкой и кроткой. Она спрятала головку в плечики и надулась.

— Не мгла я спать... и чичас не могу... Броня...

Даркен уверенно прижал моську девушки к своему животу, позволяя той выплакать внезапно потребовавшие выхода слёзы.

— Всё с Броней в поря-я-я-ядке, — протянул молодой человек. — Она крепче всех нас. Даже её имя звучит, как стальная пластина! Вот ты сейчас тут винишко пьянствуешь, а твоя госпожа уже дрыхнет.

— Д... дрыхнет?

Илега всегда быстро “переключалась”. Вот и сейчас: слёзки высохли, а широко раскрытые чуть раскосые васильковые глаза смотрят на Даркена снизу вверх с надеждой.

— Ну, конечно же! У неё же тоже сегодня свадьба. Перебесилась немножко и отсыпается. Тебе бы, кстати, тоже не повредило: представь, завтра подойдёшь к алтарю, а на тебе лица нет. Думаешь Пуфя не расстроится?

— Стмулятрв приму, — лениво ответила девушка. — А потом меня всё равно во время ритуала убвать будут. Оживят и всё будет зшбись.

— Да не будет, — фыркнул Дарк. — Тебе что, мама не рассказывала?

— Ты что, глупый? — буркнула Илега. — Онажпростолюдунка. У нас удар идёт деревянным кинжалом. Без настоящего умерщвления.

— А, да, точно, — хлопнул себя по лбу молодой человек. — Просто на всех свадьбах, где я бывал, убивали по-настоящему. Даже на свадьбах простолюдинов. Но там деньги всегда имелись на нормальный ритуал.

Он мотнул головой.

— В общем, я тебе так скажу: сразу после оживления ощущения те ещё. Душа же от тела отслаивается. Кстати, при недосыпе — тоже. Поэтому, это, давай спать иди.

— А... Пуфя приехал? — с надеждой в глазах посмотрела девушка на некромага.

— Так ведь по традиции... — Даркен заглянул в эти блестящие мутные пьяные глаза, а затем тяжело вздохнул. — Да, ладно. Когда тебя эти традиции останавливали? Приехал он.

Илега тотчас же заколотила “номера один” кулачками по груди, требуя её отпустить. Не то, чтобы тот прямо держал-держал её, но рук убрать вовремя не успел.

Девушка мотнула головой, выпрямилась — при этом качнувшись настолько опасно, что Дарк даже подорвался перехватить её в случае, если она упадёт, — да почапала гордо в сторону выхода, то и дело наступая босой ножкой на разбросанный по мастерской мусор и матерясь на неаккуратность пана Маллоя, который, кстати, конкретно к этому бардаку был непричастен. Уже покинув помещение, она тотчас же перехватила ближайшую горничную и выдала ей указывку:

— Традиции требуют, чтоб жених не видел невесту в день свадьбы и ночь перед ней... ним... пофиг! Пусть Пуфе завяжут глаза!

И даже дверь за собой не закрыла. Впрочем, это было ожидаемо.

Дарк не обломился сам затворить створку, а затем, не убирая пальцев с дверной ручки, обернулся через плечо в сторону Ростинки.

— Тебя тоже поутешать? Погладить по головке? Поприжимать к моему клёвому кубастому прессу?

Фемганя ответила не сразу. Она крутила в руке осушенную на три четверти бутылку, заглядывая на неё так, будто бы пыталась отыскать в блестящей алой алкогольной жидкости истину.

— А можно?

Ответ был... довольно интересным.

И внушающим надежду, если учитывать обстоятельства.

Даркен не стал отказывать маленькой очкастой карфагенянке в её просьбе. Подошёл к ней, мягко прошёлся пальцами по волосам, а затем ткнул девичью моську себе в живот и принялся поглаживать Ростинку по голове обеими руками.

Так они провели с минуту времени, не говоря ни слова. Лишь после молодой человек заговорил. Тихим, даже ласковым голосом. Таким, какой не разрушил бы атмосферу.

— А чего ты не спишь? Ты же ведь всё сделала, верно?

— Всё, — ответила Ростинка. — И даже больше. Когда эта остроносая припёрлась, мы ещё пару улучшений сделали. И ещё пару...

— А потом улучшения закончились?

— Гу... мы уже отправили в арсенал. Можешь вызывать. Тебе сбросят.

— Я так понимаю, финальная версия нормальных чертежей и спецификаций не имеет?

— Разберёшься. Там всё интуитивно понятно.

— Ты молодчинка.

Даркен решил выдержать паузу секунд в десять. Всё это время он продолжал гладить Ростинку по волосам. Она легко начинала волноваться. Молодой человек это чувствовал.

Но “номеру один” всё ещё требовалось задать свои вопросы.

— Так чего не спишь?

— Не хочу.

— Не хочешь или не хочется.

— Хочется. Но не хочу.

— А почему?

— Кошмары... такие живые... такие реальные... как будто бы я физически оказываюсь там... и одинаковые... но хуже всего, что они приходят даже наяву, стоит мне остаться в одиночестве. Словно бы сон сам затягивает меня.

— Твоя душа проклята, Ростинка.

— Уж догадалась, — усмехнулась она. — Чай не вчера меня родили. И не в первый раз.

— И вот что? Было не очевидно, что этим всё закончится?

— А кто сказал, что всё закончилось?

Дарк развёл руками, сделал пару шагов от девушки и многозначительно посмотрел на её бледное лицо.

— А у тебя есть варианты как с этим бороться?

— Да, имеется парочка...

— И я так понимаю, что ты мне о них не расскажешь, потому что опасаясь, что тебе эти варианты порежут.

Девушка невесело усмехнулась.

— А что? Нет причин для недоверия?

Дарк пожал плечами.

— У Ганнибала или у Ростинки?

Та изогнула бровь.

“Номер один” же многозначительно улыбнулся.

— Ты ведь в курсе, как работают души, верно?

— Ну, да, приходилось читать.

— Тогда тебе должно быть известно, что души имеют свойство “расслаиваться”, если от одной души запитано две копии, которые начинают вести себя слишком по-разному. А всё потому, что поступающие данные по разным ключам начинают слишком различаться. И когда накапливается критическая масса... — Даркен сцепил вместе кулаки, а затем с усилием разорвал этот “замок”. — Вот у нас уже две независимые души!

Девушка поморщилась.

— Это теория. Да, она себя хорошо показывает в практических расчётах. Ну, как корпускулярно-волновая теория света. Однако во втором случае все отлично знают, что она кривая и работает только на определённом приближении. Так почему в первом ты решил, что всё функционирует именно так? — Ростинка многозначительно постучала себя пальцами по вискам в такт словам. — Нет буквально ни одной возможности проверить эту теорию. Мы не умеем работать с душами. Это было доступно всегда только богам.

Молодой человек опустил голову, усмехнулся и иронично покачал бестолковкой.

— Ты так говоришь, будто бы твои выкладки опираются на какое-то более весомое

исследование? Это на какое? Ты предлагаешь ориентироваться на энграммы личности? Ну, положим... а глобальное различие какое? Положим, была заражена энграмма. Чья? Ганнибаловская. Ты меняешь структуру. В новой структуре зараза не живёт. Практическое решение не меняется...

Даркен замолчал и сверкнул многозначительно взглядом исподлобья.

— Или Слунце тебе наплела иное?

Ганька некоторое время смотрела на молодого человека, а затем тяжело вздохнула и уронила голову на грудь.

— Э-э-э-эх... а то ты можешь лучше неё в этом деле разбираться?

— При наличии интернета я становлюсь всеведущ, — фыркнул “номер один”. — Я последние месяцы плотно изучал этот вопрос. Знала бы ты, с каким количеством спецов в этой области я успел списаться... у-у-у-у... даже начинать считать лень, если честно. Ну и кое-какую картинку я успел составить.

— О, да... диванный спец против практикующего менталиста... кто же победит в этой схватке титанов?!

Молодой человек уверенно подошёл к девушке, схватил её под мышки, словно котейку, поднял, а затем уселся на её стульчик, а саму Ростинку разместил у себя на коленях.

Малышка забавно дулась. Она пыталась сидеть с максимально прямой спиной, сторонясь Даркена, насколько это было возможно.

“Номер один” улыбнулся.

— Ты знаешь, почему сейчас кошмары отступают, а когда ты наедине сама с собой — возвращаются? У этого есть научное объяснение.

— Да ну?! — несмотря на ядовитую шпильку, девушка, тем не менее, наострила ушки. — Как будто бы у кого-то имелась возможность изучить явление.

— Чёрные и белые дыры тоже, знаешь ли, не особо-то пронаблюдаешь на нашем технологическом уровне, но это не мешает нам знать о них неправдоподобно много. Так вот, речь идёт о твоей фурсоне... в смысле, персоне. Да, персоне, конечно же.

Ганя усмехнулась.

— Хочешь сказать, что я, подстраиваясь под собеседника, становлюсь чуточку менее собой?

— Это вообще некорректный взгляд на психологию. Я хочу сказать, что ты существуешь в бесконечном множестве вариаций. Персона не что-то наносное. Это важная часть тебя. Ты и есть персона плюс то, что принято называть “ядро личности”. Так мы суммируем эго и две вариации бессознательного, — Даркен как бы между делом обхватил Ростинку за талию и подтянул к себе. Девушка послушно прильнула к его груди, трогательно глядя на молодого человека снизу вверх. — На деле границы эти все довольно искусственные. В частности, твои личное и коллективное бессознательное с точки зрения тебя самой не особо-то отличимы. Личность твоя — это подвижная живая структура из которой наиболее всего твоему контролю поддаются персоны и эго.

Он сделал паузу, чтобы убедиться в том, понятна ли его лекция карфагенскому легаллоли полководцу. У последнего вопросов не имелось. Так что Даркен продолжил вещать.

— Что заразила Лешая? Твоё бессознательное. Область, поддающуюся контролю меньше всего. Однако, всё же, поддающуюся. Бессознательное имеет тенденцию меняться через рефлексии эго. А эго получает пищу для рефлексии из внешних источников. Преимущественно через общение с другими, практически невозможное без персон, — он

почувствовал, как девушка переместилась чуть ближе. — Но в твоём случае внешнее находится внутри. И соприкосновение происходит, уж прости, за неимением лучшего сравнения, когда твоя личность перестаёт активно “вытягиваться” во вне и махать персоной. То есть, в состоянии относительного покоя.

Ростинка не выдержала и прыснула Даркена прямо в грудь. Её тельце пару секунд дрожало от беззвучного смеха.

— Почему у меня сразу перед глазами встаёт картина какого-то лысого художника, который повязал на причинное место флаг и теперь им размахивает?

— Потому что ты пьяна?

— Возможно... ну так к чему ты клонишь? К тому, что методы, которые будет использовать принцесса не уникальны?

— Почему же? Вполне себе уникальны. В том смысле, что она, конечно, будет перекраивать бессознательное и делать это быстро, но вот только по итогу нужна отдать в её власть приведёт к тому, что она перекроит это бессознательное под себя.

— Это ожидаемо. Но вот только ей будет глупо надеяться, что после повышения до бога я...

В эту секунду девушка получила по губам. Не больно, но обидно. Для неё это было чем-то сродни шока. Не успела она озвучить вопрос, как Даркен пояснил причины такого поступка:

— Не говори “я” о своей мужской версии. Атака шла на его бессознательное. Тебе своё бессознательное надо перекраивать. А для этого лучше быть Ростинкой, чем Ганей.

Та усмехнулась.

— И как ты себе это представляешь?

— Ну, примерно как я ритуально похоронил Юрия Обломова, свою допопаданческую личность, и полностью принял себя, как Даркена Маллоя. Буквально сегодня ночью я смог убедиться, что этот трюк сработал. Я уже бессознательно склоняюсь к решениям, которые ранее никогда бы не принял. У Юрца хата была с краю. По крайней мере, когда кипиш становился похож на голодовку.

— Э-э-эхе... ну можно попробовать, думаю, — усмехнулась она. — А сколько перестройка займёт?

— Думаю, в твоём случае получится уложиться быстрее. Ростинка и Ганя принадлежат к архетипам куда как более различным, чем Юрец и Дарк. Последние оба являлись “повесами” и “бедокурами”. Потому и не так быстро накапливались изменения: сколь часто появлялись события, требовавшие реакции присущей только Дарку, но не присущей Юрцу?

Молодой человек мягко провёл ладонью по волосам карфагенянки.

— А что у вас? Ваши первичные модули сильно различаются. И я сейчас говорю даже не столько о поле, сколько обо всём остальном. Твоё мужское тело — мощное, как пельмень. С говяжьим мясом. Архетип крутыша и нагибатора. Альфач и все дела. А ты — милая рыжая Гаечка. Он одинок. Его последователи ему не ровня. Просто расходный материал. А ты же... — он сделал паузу, но лишь в речи, но не в поглаживанию девушки по голове. — ...дочь и сестра. Ты оступилась, но они тебя примут обратно.

Ростинка не выдержала и вновь рассмеялась.

— Предлагаешь исцелить проклятье силой любви?

— Слушай, я сегодня избавил богиню от одержимости при помощи песни. А хочешь я спою?

Ответа пришлось ждать секунды две. Наконец, девушка, всё ещё старательно прячущая мордашку в груди Даркена, тихо произнесла:

— Спой.

Молодой человек огляделся. Он подумывал на компе активировать музыкальную программку и развернуть голографические клавиши, но тут почувствовал, как его за футболку тянет маленькая ручка. словно бы он уже встал с места и оставил Ростинку одну.

Даркен улыбнулся, склонился к ушку карфагенянки... нет, к ушку богемийской Гаечки, и тихонько запел. Благо, там, на земле, Филигон тоже не особо бравурно исполнял данную композицию.

Забыты на полке,
Пылятся без толку
Старинные книги мои.
Давно уж, наверно,
Хрустальная сфера
Без дела в чулане стоит.
Я словно отшельник,
Один совершенно,
В толпе, как в космической мгле,—
Я просто волшебник,
Последний волшебник
На этой земле.

Умею я просто
Хватать с неба звёзды
И диких зверей укрощать,
Смирять ураганы
И злых хулиганов
В хороших людей превращать.
Хоть шарик воздушный,
Хоть верную дружбу
Я сделаю из ничего.
Но людям не нужно,
Нисколько не нужно
Моё волшебство.

Успокаивающий мотив песни благотворно действовал на Ростинку. Дарк специально нянчился с ней сейчас, как с маленькой хрупенькой девочкой. Ведь это вынуждало экскарфагенянина действовать в рамках архетипа, сильно отличного от привычного ему архетипа карфагенского нагибатора-полководца. Нагибаторы-полководцы не сидят на коленках у крутых главных героев. Нагибаторы-полководцы не показывают слабость и не принимают утешений. Они брутально бухают и сурово пыряют вдаль.

Иной архетип. Иная персона. И при этом обращение к коллективному бессознательному, в котором защиты поведенческие реакции маленьких очкастых хрупеньких рыжух. Это позволит быстрее перекроить это и, как следствие, личное

бессознательное.

Это лишит проклятие души привычной ему среды. Кошмары уйдут. А на подкорке у Ростинки сохранится максима: “я жива лишь потому, что не действую, как Ганя-Говнюк, а придерживаюсь линии поведения Няши-Ростяши.”

Глобально она не растеряет своей крутизны, но окажется куда как более привязана к Дарк...

А вот к последующему развитию событий молодой человек оказался не готов. Никак не ожидал он, что когда песня подойдёт к концу и он наклонится, чтобы поцеловать аккуратно рыжую макушку малышки, Ростинка вдруг извернётся и подастся навстречу.

И вот, в какой-то момент Даркен обнаружил себя целующимся с этой маленькой рыжей гадиной. В смысле, она как раз целовалась, а вот “номер один” просто молча фаломорфировал, пытаясь осознать, в какой момент они вообще к этому пришли.

Почему-то ему казалось, что его собеседница осознаёт себя, как мужчина, а потому таких порывов испытывать не может.

Это... Ганнибал в прошлой жизни был любителем мускулистых мальчиков или на него так детство и юность в женском теле повлияли?

Наконец молодой человек аккуратно отстранился, поспешно приложив палец к губам Ростинки.

— Тс-с-с... я люблю другую.

Это были самые адекватные слова, какие Даркен только мог выдать из себя в подобной ситуации. У него самого в голове сейчас вертелись афоризмы про отвергнутых женщин, а также шутка в стиле “если он миленький, то какая разница”. Кстати, вообще не имеющая отношения к ситуации, учитывая, что Ростинка даже трапом не была.

Ну... в меметичном значении этого слова, конечно же.

Но “номер один” всё ещё ощущал себя в ловушке.

Совсем без спросу ручка огневласой легла туда, где ей находиться не положено:

— Знаешь, мы сейчас находимся в ситуации, когда твои уста говорят “нет”, а вот тело шепчет... — она задумалась. — Нет, оно кричит “да”.

— Знаешь, если бы я всегда слушал, что там говорит моё тело, я бы по утрам не зарядочку делал, а валялся бы тюленем на кровати.

— Аргумент. Но мне тоже есть, что возразить: не ты ли обзаводишься разом женой и любовницей, а, принципиальный ты наш?

— Это другое.

— Ну да, ну да, — хихикнула та. — Одно для тела, другое — для дела.

— Не “для тела”, а “для души”.

— А что если я скажу, что это обеспечит мою лояльность?

— Я тебе отвечу, что ты пьяна.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

С этими словами Ростинка зажмурилась и высунула язык. Далеко. Он же у неё модифицированный. Этот самый язык скользнул чуть ниже уха Даркена, за спину. Тот успел уклониться. Скорей инстинктивно, чем сознательно.

Сумев избежать языкового захвата, молодой человек прижал два пальца к шее огневласой самоучки.

— Ща вытрезвлю. Хочешь?

Та медленно втянула язык обратно в рот, а затем насупилась.

— Мерзкий ты. И глупый.

— Ага. Дебил. Высшей пробы. Ну так что? Готова сблевануть немного?

— Я не для того напивалась, чтобы потом на рвоту переводить, — она вздохнула. —

Кроме того, потом голова гудит, как не своя.

— Ну, в каком-то смысле, она и правда не своя, — Даркен решил воспользоваться моментом и перевести разговор в более рабочее русло. Ну и заодно снять Ростинку с колен. — Тебе не приходилось задумываться, что на деле твои стремления изрядно подкорректированы Слунце?

Малышка поправила очки, а затем приложила палец к нижней губе и немного оттянула её вниз. Выходило скорее эротично, чем карикатурно. А мысли об эротичности этой бестии “номеру один” сейчас были ни к чему. Он поспешил перевести взгляд на монитор, на котором отображалась страничка какого-то музыкального сайта.

Ответ Ростинки оказался довольно ожидаемым:

— Не знаю... все мысли выглядят моими. Нигде в логической цепочке нет чужеродного элемента. Вот я хочу стать богом. Вот я пробую свои силы против Лешей. Вот я огребаю. Вот я теряю неслабую часть своей нежно пестуемой армии. Вот я заручаюсь союзниками. Вот я вновь предпринимаю попытку одолеть Глашек. С новыми силами. Предвидя возможные проблемы...

— Стоп! — поднял руку молодой человек. — Ты упустила то самое звено.

— Ась? — не поняла Ростинка.

— Ну, помимо того, что тебе требовалось сейчас заменить “я” на “он”, чтобы дистанцироваться от старого Ганнибала, в твоей речи есть ещё один косяк: с чего ты взяла, что карфагенянин решил вновь разбиться о Лешую сам?

— Потому что именно что “вновь”, — напомнила девочка. Она многозначительно постучала себя пальцем по виску. — Или ты хочешь сказать, что первый раз тоже был не его идеей.

— Первый — его. А второй — навязанным извне дублем. Я не поверю, что мудрый полководец не сделал выводов из первого поражения...

Ростинка выдала своеобразное выражение лица: разом снисходительно улыбнулась и поморщилась.

— Пытаешься дистанцировать меня за счёт уничтожения Ганнибала. Мило, но не работает. Он сделал выводы. Во второй раз он был эффективней...

— Но недостаточно! И он не мог не знать, что будет эффективен недостаточно!

— Поэтому он предусмотрел пути для избавления от проклятия Лешей...

— Которые вели его прямо в лапки Слунце! — Дарк резко обернулся, скалясь во все зубы. — Каково, а? Путь отхода, который прямо толкает его целиком и полностью отдаться мозгоправу? И он даже выдумал себе, что избавится от её власти, став богом! Но вот с чего он взял?

— А разве принцесса своей фейской магией сможет контролировать бога?

— Принцесса своей “фейской” магией сегодня ночью заставила Перловку ретироваться. Не удивлюсь, если она уже давно подправляет её решения: скажем, заставляя выбирать методы более эффективные, чем эффективные, или побуждая приурочивать ключевые события её борьбы к конкретным датам.

Ростинка медленно опустила взгляд. До неё доходило.

— Курва! Но... как?

— Чпу-у-уньк! — “номер один” не удержался от того, чтобы стукнуть подушечкой пальца девочку по носу. — Сам ломал голову. Гало упоминал, что Слунце использовала волосы Перловки, чтобы иметь связь с её душой. Броня же в прошлый раз съела всё твоё тело без остатка, но... возможно хватило того, что ты выдернула у себя из головы расчёской, оставшейся дома.

— Да я не об этом. Решение вновь атаковать чувствуется таким... моим...

— Скорее всего, потому что оно частично и есть твоё. Иное бы не прижилось. Только то, которое ты сама посчитала бы разумным. В этом и есть ограничение. И в этом же главная сила. Внедрение переживает лишь мысль, которую ты сама могла бы подумать. А какие альтернативы рассматривал Ганнибал?

— Бегство в другую страну. В ЕССР. Из того, что мы с ним успели узнать, кому-то, вроде него, там было бы проще влезть в социальный лифт, выпихнув всех конкурентов. Партийная деятельность нам была бы по зубам.

Даркен развёл руками.

— Вот оно и логично. В этом есть смысл. Но Ганнибал стал пешкой в чужой игре. Не Ростинка... как насчёт партийной деятельности в моём ковене?

— А там будет карьерный рост через постель?

— Это к Броне, — поднял руку в останавливающем жесте “номер один”.

— Не хочу, — надула она губки. — И вообще, это твой ковен.

— Мой ковен. Кому посчитаю нужным, тому и делегирую. Не царское это дело: прикажу — повысят.

Ростинка скрестила руки на груди и демонстративно вспучила щёчки, вжимая голову в плечики.

— Хочу быстрого карьерного роста. Хочу-хочу-хочу!

Даркен улыбнулся.

— Я же не сказал, что нет альтернатив.

Девочка оживилась.

— Я слушаю.

— Как насчёт твоего любимого? Ещё одной драки с богиней?

Ростинка осклабилась.

— Превзойти Ганнибала? О, эта дурь по мне...

2.

В покоях Даркена скрипела кровать.

У “номера один” вообще было очень крепкое ложе, поэтому такой выразительный скрип был возможен только если на ней буквально прыгать...

Чем Ёлко и занималась.

Видать ей стало совсем-совсем скучно ожидать высокопоставленного любовника, а потому она, переодевшись в его футболку с волчьей мордой и многозначительной цитаткой про цирк и долю безработных в мире профессиональных львов и тигров, сложила ручки за спиной и банально прыгала на месте, отталкиваясь одними лишь стопами.

Каждый раз, когда тело начинало движение вниз, полы одеяния вздымались слегка, обнажая девичьи бёдра. Не ускорив реакции, сложно было понять, имелось ли на “номере два” бельё или нет, но опыт Дарка подсказывал, что Ёла скорее всего не поддела абсолютно ничего под футболку.

— Ну наконец-то! Я уже подумывала начать тебе названивать и...

Она вдруг прекратила скакать и в момент очередного прыжка уселась в воздухе да в таком положении приземлилась обратно на кровать.

— ...Букль, ты посмотри на это!

Сов, удобно устроившись в лежанке с закрытыми глазами, отворил одно око и многозначительно посмотрел на хозяина...

И на блаженно пригревшуюся у него на ручках Ростинку.

Дарк улыбнулся. Его мимика выражала всю глубину понимания того, насколько глупо прозвучит следующая фраза:

— Ей снятся кошмары. Она сегодня поспит с нами.

Ёла не выдержала и поперхнулась смехом. Букль же и вовсе начал хохотать, довольно неплохо подражая в этот момент Морознице. Разве что у него выходило достаточно безлико и жутко, чтобы среди ночи подобные звуки могли бы вызвать у кого-нибудь остановку сердца.

— Хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо...

Ростинку же не смутили ни реакция актуальной фаворитки Даркена, ни его питомца. Она поелозила слегка макушкой по груди “номера один”, да с довольной расслабленной улыбкой проворковала:

— Спасибо, господин, вы тако-о-ой милаха.

Ёла склонила голову на бок.

— Ладно, Дарк, хорошая шутка. А на самом-то деле в чём причина? Я, конечно, аналитик, благословлённый лично Тотом, но, во-первых, я уже собиралась лечь поспать и перевела мозги в энергосберегающий режим, а во-вторых, с тобой вообще ни в чём нельзя быть уверенной.

Молодой человек подошёл к постели и аккуратно положил на неё Ростинку, после чего тут же двинулся в сторону птицы.

— У-у-у-у! Ножки! — капризно выкрикнула девчуля, болтая в воздухе обувкой. — Ножки!

— Сама справишься...

Но Ёлко оказалась помягче. Она поймала Ростинку за щиколотки и мягко стукнула по коленке.

— Я помогу. Боги, да она в хлам!

— Хотю, чтобы Дарк! У него руки ласковые! — не унималась очкастая.

— У меня тоже очень ласковые...

— Ты — не Дарк.

— Я — его первый заместитель по вообще всем делам.

— Насколько по всем?

— Когда его не будет дома, я буду греть постель его жены.

— Это шутка такая?

— А что тебе говорит твоё чувство юмора?

Сам же молодой человек, скинув пьяную барышню на Ёлко, навис над Буклем.

Сов сделал вид, что спит и ничего не замечает.

Даркен несколько секунд молчал, пуча брови, быча шею и очень многозначительно и тяжело дыша.

А затем выдал:

— Кайдзю-Роя! Кайдзю-Роя, Букль! А ты, курва пернатая, вообще в бою не участвовал! Птиц отреагировал на обвинения со спокойствием индийского йога.

Никак.

— Ты понимаешь, как я глупо выглядел? Меня читатели засмеют! Сначала у этой выскочки Глашек у первой появилась забавная животинка. Затем она это уже кайдзю! Кайдзю, Букль!

Спектр реакций мудрого сова не изменился.

— Молчишь, да? Сказать нечего! Ну, конечно же! Ты же занят был! Жрал тараканов и нежился в девичьих грудях... я могу сказать, что я бы тоже выбрал это всяким мутным движухам, но... кайдзю-Роя! Я хочу себе Кайдзю-Букля!

Птиц открыл один глаз. Убедился, что хозяин всё ещё на месте, никуда не уходит, а затем вновь опустил веки, делая вид, что спит крепким сном и ничего не слышит.

Зато слышала Ростинка:

— Я могу сделать кайзю твою! — весело воскликнула девица. — Я понятия не имею, что это за кайдзю такая, но уверена, что справлюсь!

Дарк тоже был уверен, что она справится. Да, он покамест не обговаривал это с огневласой. Момента не выдалось. Но было бы глупо полагать, что та, чьим главным козырем во времена античных сражений было создание чудовищ, не справится с созданием псевдотела для Букля.

Молодой человек выдержал небольшую паузу, а затем выразительно покачал головой.

— Так долго продолжаться не может. Нет. Ты не будешь вечно есть тараканов и нежиться в девичьих грудях. Не задаром. В следующем томе ты должен появиться огромной кайдзёй! — Дарк развёл руки в стороны, имитируя размах крыльев. — Будешь буревестником! Твоя тень должна быть подобна наступлению ночи! И ты будешь молниями бить... хотя... не... молнии — это уже менстрим какой-то. Огненное дыхание — тож попса.

— Саранча! — подала голос Тинка. — Мошкара! Слепни! Пчёлы! Тараканы!

Даркен задумался.

— А что? Звучит неплохо. И не заезжено, вроде. Мне нравится.

И тут вмешалась Ёлко.

— Наговорился уже? Закончил? Может уделишь уже внимание возлюбленной? А то как-то некрасиво выходит: я ждала, пока ты выполнишь пару дел. А тут ты приходишь. Тащишь левую пьяную девицу. Скидываешь её на меня и уходишь общаться с совой.

— Ну, я же говорил, что у меня есть пара дел. Это — одно из них, — отшутился молодой человек, а после резко посерьезнел. — Послушай, я сам не рад, что всё так складывается. Пытаюсь подстроиться под ситуацию. Но... Броня прокляла душу Ганнибала. А Ростинка пока ещё от него не отслоилась.

Ёлко тяжело вздохнула.

— Так вот о каких кошмарах идёт речь? Пакеты информации из Стенающей Роши?

Тинка не преминула вставить ремарку:

— С настоящей неподдельной болью, кстати!

“Номер два” понимающе покивала.

— Алкоголь туманит рассудок. Но это не очень хорошее средство спасения.

Дарк кивнул.

— Я пытаюсь педалировать перестройку личности. Ну и кое-какие суррогаты сгодятся. Вроде использования максимально далёких от привычного самосознания Ганнибала персон.

Он полагает себя альфачом, а мы сейчас с ним — как с маленькой девочкой. Проснётся от ужаса, вцепится в кого из нас. Авось полегчает. Может в таком режиме и дотянет до полной перековки.

Ёла невесело не то улыбнулась, не то просто поморщилась и отвела взгляд.

— Вилами по воде писано.

— А как же “это достаточно нелепо, чтобы сработать”?

— Это достаточно разумно, чтобы сработать. Но не уверена, что мы сможем достаточно ослабить влияние...

— Она выдержит, — уверенно ответил Даркен. — Тут удачно сошлись звёзды: кардинально противоположные архетипы, долгая история взаимоотношений с семьёй Праведных, сильная личность. Без последствий вряд ли обойдётся, но выдержит.

Ёла перевела взгляд на возлюбленного и тепло, дружелюбно улыбнулась.

— Раз ты так говоришь... у тебя фейское чутьё на людей.

Молодой человек принялся избавляться от лишней одежды, чтобы заскочить перед сном в душ.

— Рад, что ты меня поддерживаешь. Но сегодня поддержка нужна не только лишь всем...

В следующую секунду “номер один” ощутил прикосновение ручек Ёлко. Аналитик как-то ловко и совершенно беззвучно скользнула с кровати и прямо за спину своему господину. Она стала помогать Даркену избавиться от одеяний. И было это скорее мило, чем эротично. В конце концов, в задачи девушки входило отправить возлюбленного выспаться. Ну, насколько это возможно с учётом ограничений по времени и беспокойной Ростинкой под боком.

Пан Маллой осёкся. Всего на секунду. Но затем продолжил уже медленней, тише и спокойней:

— Точнее поддержка нужна не прямо вот всем, а каждому... в этой комнате... хотя бы...

— Вали уже в ванную, — толкнула его Ёлко. — Я свожу Ростинку после тебя.

— А мы можем вместе... — попыталась подать голос огневласая, но её разом перебили Дарк и его возлюбленная:

— Исключено!

3.

Глаза у Даркена уже слипались, но он стойко переносил этот дискомфорт. Не хотел отправляться в объятия Гатеи, не дождавшись девочек.

И вот, наконец, сначала затихли звуки журчания воды, а после, через некоторое время, из ванной вышли Ёла и Тинка. Последняя, кстати, тоже облачилась в футболку “номера один”, но уже другую. Беленькую. С надписью: “Привет, я КРУТОЙ”. Ей очень шло.

Едва лишь увидев девчат, молодой человек откинул в сторону одеяло и похлопал рядом с собой...

И тут фем-версия Ганнибала не выдержала. Она засмеялась во весь голос. И даже более: её буквально сложило пополам.

— Аха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Вот умора! Бва-ха-ха-ха-ха!

Дарк задумчиво склонил голову на бок.

— Что не так?

Ёла пожалала плечами. Она подошла к Буклю, взяла его на руки и прижала к груди, почёсывая пёрышки.

— Думаю, её смущает твоя пижамка-медвежонок.

— А вот и зря, — горделиво вздёрнул нос “номер один”. — Это шикарная штука. Зачарованная ткань. В такой можно уснуть в канаве под дождём и всё равно будет комфортно!

— Думаю, ей просто кажется, что ты выглядишь нелепо.

— Нонсенс! Я выгляжу круто! А ещё — миленько!

Ростинка тем временем нашла в себе силы, чтобы выдавить из себя пару фраз. Ну и заодно протереть выступившие на уголках глаз слёзки.

— Это ты специально, чтобы отбить у меня желание напялил.

Ёла вздохнула.

— Нет. Просто иногда он такой.

— Какой?

— Невыносимый.

“Номер два” вручила птица гостье, после чего взяла последнюю за плечи и повела к кровати.

— И с этим придётся смириться. Без этой черты Дарк не был бы Дарком.

Молодой человек тем временем многозначительно пригрозил Ростинке.

— Смотри, не обижай Букля. Он тебя приспит, конечно. Да и вообще, крепче других сов его породы. Но всё же, он — живое существо.

— Я тоже.

Ростинка забралась под одеялко и прильнула к телу “номера один”, после чего её бровки удивлённо взлетели вверх.

— Ого! Что это за ткань такая? На тебе как будто бы ничего нет! Я чувствую рельеф твоих мышц, словно бы ты с голым торсом лежишь.

— Говорю же — зачарованная, — молодой человек жестом показал Ёлко устроиться так, чтобы по итогу рыжая самоучка оказалась между ними, как если бы была их дочуркой, испугавшейся бабайки из шкафа. — В основе шёлк, как ткань, на которую проще всего писать заклятия, но по итогу её переделали до основания.

— Шикарно! Хочу себе такую же! Это ты сделал?

— Не-е-е-е. В смысле, идея-то была моя. Кое-что из заклинаний — тоже я. Но по итогу оно шло под заказ. В конце концов, мне просто дико лень заниматься рутинной, а профессия швеи, она, как бы, подразумевает эту самую рутину.

Тем временем Ёлко уже заняла местечко рядом с Ростинкой, не постеснявшись прижаться к ней поплотней. Чтобы та даже во сне чувствовала, что не одна. Дарк рывком накрыл их всех одеялом. Впрочем, аналитику всё равно пришлось подтягивать уголок со своей стороны.

— Тогда ты...

Молодой человек прижал палец к губам самоучки.

— Спи.

— Колыбельную!

— Чтобы ты снова полезла целоваться?

— Не полезу!

— Честно?

— Да.

— Почему я должен тебе верить?

— Твой капюшон с ушками меня конкретно вымораживает и не даёт забыть о том, что ты сейчас изображаешь из себя большую мягкую игрушку. Я, быть может, и приняла бы это нормально, дай ты мне привыкнуть сначала к этим самым ушкам и только потом откинь одеяло, но нет же: тебе надо было меня огорошить!

— У тебя просто нет хорошего вкуса, — фыркнул Даркен.

— Тебе это сейчас на руку, идиота кусок. Так будешь петь колыбельную?

Ёлко вздохнула.

— Это всё чересчур напоминает мюзикл.

“Номер один” возмущённо фыркнул.

— А ты-то чего ворчишь? Ты же любишь, когда я пою.

Аналитик улыбнулась. Хвала богемийской косметологии, некромагичкам не требовалось смывать боевой раскрас перед сном, потому они ложились вечером и вставали с утра всегда настолько красивыми, насколько могли себе позволить. Так что, здесь и сейчас не стоило удивляться ярким розовым блестящим губам Ёлы.

— Ага. Да. Люблю. Я вообще люблю тебя, хотя ты меня часто бесишь, бака.

— В последнее время бешу реже.

— Я просто привыкаю. И смиряюсь с тем, что ты вот такой.

— Хорошо... тут все понимают русский?

Ёлко просто отфыркнулась. Букль обиженно нахохлился, а Тинка — закатила глаза.

— А ты ещё сомневаешься?

— Ну, тогда...

У Даркена не было времени художественно переводить эту песню на богемийский, а вот на форгерийский русский — тут можно не задумываться. Ни ритм, ни рифма почти никогда сильно не сбиваются.

А оно и хорошо. Дорога ложка к обеду, а песенка из фильма “Чародеи” — ко сну.

Спать пора,

И не вздумай со мною ты спорить,

И не вздумай глаза открывать до утра.

Всѣмъ живущимъ въ долинахъ, въ горахъ,

Подъ землею и въ море

Спать пора, спать пора...

Ночь рѣшаетъ проблемы любя:

Простыя и сложныя

Всѣ что день натворилъ, наломалъ

Исправляетъ подрядъ.

Обо всѣмъ остальномъ людямъ знать не положено...

Почему ты не спишь? Спи, тебѣ говорятъ!

Мягкий тихий голос “номера один” убаюкивал. Успокаивал. Обволакивал.

Ростинка, кажется, провалилась в сон прежде, чем Даркен закончил последний куплет. За ней следом в объятия Гатеи отправился и Букль, успевший привыкнуть к тому, что его

порой используют, как мягкую игрушку.

Лишь Ёла и сам исполнитель песни не спали. Они наблюдали за тем, как огневласая девица мелко подрагивает. Даже с учётом алкоголя и близости трёх живых существ, проклятие брало своё.

Аналитик решила не оставлять всё на откуп случаю. Она аккуратно зарылась в оперенье Букля и извлекла оттуда пушок. Мало кто знал об этом милом свойстве питомца пана Маллоя, как быстро отрастающий, копящий лишнюю энергию пух, который в случае чего можно использовать замест праха. Но Ёлко была одной из таких посвящённых.

Сейчас это свойство пришлось как никогда кстати. Не требовалось выбираться из кровати и тревожить птица. Не нужно было заигрывать с корсиканской магией, которую Ёлко не очень-то котировала. Зато имелась возможность здесь и сейчас подправить состояние Ростинки.

Даркен не знал, что именно использовала его возлюбленная, но, судя по эффекту, по действию оно было сравнимо с сильными наркотиками. Результат не сказать, чтобы полностью удовлетворял: очевидно, маленькой рыженькой самоучке всё ещё было страшно и физически больно. Однако теперь девочка воспринимала это не столь остро. Это был сон. Горячечный, отвратительный, но способный худо-бедно выполнять свою функцию.

Наверное так выглядят раковые больные поздних стадий, которым не дано получить помощи от некромага. Сам Даркен никогда сам подобного не видел и, пожалуй, был этому несказанно рад. Но он слышал о том, что даже самые мощные, самые тяжёлые сильнодействующие средства перестают помогать. Они лишь глушат муку. Помогают её перенести. Со временем такие люди падают в сон лишь тогда, когда сил оставаться в сознании уже нет.

“Номер один” не хотелось об этом думать. Подобные мысли до добра не доведут. Проблемы бывают двух типов: имеющие решение и не имеющие его. О первых беспокоиться не нужно, надо просто их устранять, а о вторых — бессмысленно.

Он сделал, что мог для Ростинки. Со временем она отслоится от Ганнибала. Её душа изменится. Проклятье лишится силы. А у бывшего карфагенского военачальника уж хватит крепости духа выдержать этот период. Не сломается.

А раковые больные из челяди... и о них позаботятся. Не о всех, конечно. Но за двумя зайцами погонишься — от каждого огребёшь. Курс Брони Глашек... будущей Брони Маллой на широкое распространение дендромагии рано или поздно приведёт к качественному скачку в массовой медицине. Он сделает доступней многие колдовские средства. Нужно будет планомерно способствовать разработке методологии и внедрению.

И тогда многим станет проще.

Эти измышления успокоили Даркена. Сейчас, имея чёткий, конкретный, внятный, а самое главное, удовлетворяющий ответ на вопрос “а сегодня что для завтра сделал я”, молодой человек мог себе позволить и сам погрузиться в объятия Гатеи.

В конце концов, в скором времени он сможет называть богиню мироходцев своей дочкой. Надо налаживать контакт с ребёнком. А не то совсем уж от рук отобьётся.

Эх, молодёжжжжжж...

1.

Предсвадебная суета Даркена почти не коснулась.

Почти.

В конце концов, он ведь мужчина. Что ему? Напялил заранее заготовленный костюм и жди. Его и правда непосредственно сама свадьба беспокоила куда как меньше, чем ожидаемый визит Перловки на это мероприятие.

Другое дело — женщины. Матушка. Ёла. Сеструня. Даже пани Ковальская, и та не удержалась и попросила на время герра Кёстера принять бразды правления слугами. Это, конечно, было не совсем по профилю “тёмного дворецкого”, но экономку в доме уважали все, а потому, когда она захотела уделить внимание доведению своего и без того будоражащего кровь величественного образа до идеала, шляхта отнеслась к этому начинанию с пониманием.

Из-за всего этого Даркену казалось, что пропасть между мужским и женским сообществом сегодня куда как глубже, чем даже вчера. В конце концов, на мальчишнике им хотя бы уделяли внимание слесари с пониженной социальной ответственностью, а сегодня... а сегодня же женщинам было настолько не до мужей-сыновей-женихов, что те ощущали себя чуть ли не призраками.

Время текло медленно. Ужасно медленно. “Номеру один” казалось, будто бы Хронос насмеялся над ним и специально, когда молодой человек не смотрел, замедлял ход секундной стрелки. Словно бы специально хотел измотать главного героя, дабы тот к моменту финальной битвы тома уже стал подобен выжатому лимону.

Но ведь Даркену было буквально нечем заняться. Он ещё вчера сделал всё, что считал необходимым. А что не сделал, уже всяко не успеет. И что теперь?

Молодой человек видел лишь один ответ на этот вопрос.

И этот ответ показался окружению “номера один” достаточно нелепым, чтобы позабавить того.

Было ласковое солнце. Лишь редкие облачка порой бросали тень на купающуюся в лучах светила траву. Луга, окружающие усадьбу Маллоев выглядели обманчиво умиротворённо. Даже неестественно. Словно бы на деле Даркен смотрел на мир через шлем виртуальной реальности. Не должно существовать столь ярких красок. Миру, предвкушающему появление Перловки, полагается быть тёмным, мрачным, серо-коричневым. Однако же он не внемлял логике.

Как и группа молодых некромагов, что при полном параде вышла сюда поиграть в мяч.

— Я чувствую себя нелепо! — наконец не выдержал Лукан.

Спортивный снаряд сейчас находился у него. Но нувориш не спешил его бросать. Перекидывал из руки в руку, да переминался с ноги на ногу.

— Дарк, ну это ни в какие ворота. Мы же не играем. Двигаемся, как беременные улитки, чтобы не испачкать, не помять и не повредить шмотки да не получить за это нагоняй от своих слесен и матерей.

И он прав. Не то, чтобы некромаги не могли быстро заштопать и очистить одеяния, но женщины сейчас были на взводе. И сложно сказать, из-за самой свадьбы или же из-за того, в

какую бурю событий предстояло вместить этот “самый счастливый день объединения двух семейств”.

Ответил Лукану Вик. Он не выглядел ничуть скованным необходимостью поберечь праздничные одеяния. Наверное потому, что они не то, чтобы сильно отличались от того, что некромаг печального образа носил в повседневной жизни.

— Полно вам, пан Кучера. Неужели вы не понимаете, к чему всё это? Давно пора бы уже всё выучить. Ваш культурный уровень угнетает нашего сюзерена.

В следующую секунду Виктору пришлось ловить мяч, который Лукан запустил со всей дури, явно намереваясь сбить оппонента с ног. Ну, сбить не удалось, однако вынудить ворона выпустить трость — вполне. А это уже само по себе можно считать победой.

Улыбнувшись своему небольшому, но показательному успеху, нувориш вновь обратился к Даркену.

— Ну и к чему эта отсылка?

— К шедевральному фильму. В Форгерии его не существует. А жаль. Это самое настоящее пиршество. Смотреть его — всё равно, что потреблять сыр с плесенью, откусывая куски прямо от головки.

— На такое способен только Гало, — усмехнулся Лукан, после чего был вынужден ловить ответочку от Виктора. — Ух!

Дарк повторил усмешку нувориша, после чего обратился к “номеру три”:

— Кстати, как там Лега? Выспалась хоть?

Тот небрежно закинул несколько орешков в сахарной глазури себе в пасть.

— Вроде того. Пришлось, правда, магией её бодрить. Она к своему здоровью относится попросту безответственно...

“Номер один” рассмеялся.

— А то ты во время событий трёхмесячной давности, когда она с сотней вооружённых мужланов в соло дралась, не заметил.

Даркен пришлось отвлечься, чтобы принять мяч. В следующую секунду снаряд устремился уже к громиле.

Тот небрежно поймал его одной рукой.

— Ну, ничего. Я нашёл способ с этим бороться?

— Какой?

Гало посмотрел на сюзерена с выразительным разочарованным неодобрением, а затем вместо ответа запустил мяч тому прямо в грудак.

Даркен перехватил снаряд. Тот громко и довольно болезненно хлопнул по коже ладоней.

— Да ладно?!

— Я отнёсся к твоему совету серьёзно. Разве это удивительно?

— Если честно, я стебался тогда, предлагая тебе влиять на Илегу через Марию.

— Но ведь работает же. Насколько это может работать с такой своевольной слечной.

— Завтра она будет уже своевольная пани Ллорко, — широко улыбнулся Дарк, после чего метнул мяч обратно в Гало, помогая себе при этом магией.

Громила инстинктивно понял, что происходит нечто не то, отбросил упаковку орешков и поймал снаряд двумя руками. Пошатнулся, но устоял. После начал по очереди трясти кистями, да бросать печальные взгляды на рассыпавшуюся вкусняшку.

— Ну вот зачем ты так?

— Соизмеряй силушку... — Дарк поднял взгляд на небо и увидел там парящую витру.

Морозница в принципе всегда была красивой птицей, но сегодня, когда ей в волосы вплели длинные шёлковые ленты да живые цветы, а лапы украсили драгоценностями... возможно у кого-то из гостей появится новый фетиш, о котором он ранее и не догадывался.

Юный пан Маллой выставил в сторону руку, словно насест. Дополнительно колдовать для того, чтобы укрепить ткань, не требовалось: в конце концов, “номер один” изначально рассчитывал, что за его предплечье время от времени будет цепляться когтями Букль, а потому озаботился.

— Эй, красавица! Что ты смотришь свысока? Почти нас!

Витра описала пологую дугу, после чего вышла из неё в короткое пике на руку Даркена. Ей нравилось, что тот не особо-то дёргался после того, как птица таким образом наваливалась на живой насест всем весом с разгону.

— Я с посланием от твоей сестры.

— Вещай, — горделиво поднял подбородок “номер один”.

Морозница набрала воздуху в грудь, зажмурилась, а затем выдала, что было мощи:

— Где ты шляешься, братик-дурак, мне одиноко!

— О, Семеро, — прикрыл лицо ладонью Дарк.

Его партнёры по игре в мяч все рассмеялись. Даже Виктор, и тот позволил себе короткое “хохо”.

— Такова селяви.

— Твоя свобода закончилась вчера!

— Это кара за мою почти целую пачку орешков.

Даркен беззлобно показал товарищам неприличный жест.

— Друзья ещё называются. Злые вы. Уйду я от вас.

— Скатертью по хребтине!

— Каблук!

“Номер один” улыбнулся им.

— Нет. Просто заботливый старший брат. Девочки таких любят.

От этих типично пацанских насмешек на душе стало тепло. Почти даже удалось забыть о том, что за беда ожидает впереди.

Даркен двинул к дому. Взор его вновь был обращён к небу. Он был не уверен, кажется ли это ему или вправду облаков стало чуть больше, а сами они обрели тяжесть, какой всего полчаса назад не наблюдалось.

Иронично. Небеса были главным ориентиром в вопросе предсказания дальнейших действий Перловки. И пусть они могли менее чем за минуту полностью сменить своё настроение, какую-никакую связь, всё же, давали. В конце концов, Тёмная Лешая не отличалась особой стабильностью, необходимой для идеального контроля эмоций.

И именно поэтому ласковое солнце казалось столь фальшивым, наверное. Ведь это не ему, не Даркену оно светит своими лучами. Оно отмечало будущее, что зрит для себя Перловка.

А её безоблачное грядущее для всех жителей Праги — хтонова бездна.

— А я — её страж...

— Что? — не поняла Морозница.

Даркен мотнул головой.

— Я это вслух сказал?

— Возможно, — хитро прищурилась девоглавая птица.

“Номер один” хищно усмехнулся.

— Ах ты, ехидная дрянь...

— Ну я же витра. Витра обязана быть ехидной дрянью. За это меня и любят.

— Аргумент.

— Так о чём ты говорил?

— О том, что я идиот, который много на себя берёт.

— За это тебя и любят, Даркен Маллой. За то, что ты много на себя берёшь. Но кажется, до этого момента ты вытягивал.

— До этого момента я всего лишь подставлял плечо Броне, моя дорогая ехидная дрянь.

И даже в этом состоянии я показал себя плохо.

— Разве?

— Она постоянно оступалась и падала. Её личность буквально разбита на осколки...

— Но падала она тогда, когда это уже не критично. Выполняла задачу, а потом — мордой в асфальт.

— Больше ей падать нельзя, — мотнул головой Даркен. — А это значит, что я должен выйти в полный рост и всё сделать сам. Так, чтобы ей даже не пришлось подыматься...

— Или просыпаться?

Молодой человек не сдержался от улыбки.

— Или просыпаться. Она, кстати, так и не открыла глаза?

— Нет. В храме очень надеялись на то, что она очнётся, но... Илега и твоя будущая тёща сейчас вынуждены облачать в свадебное платье безжизненное тело.

— Так даже лучше, — кивнул Дарк. — Не люблю, когда тёплая и дышит.

Шутки шутками, а на деле, молодой человек надеялся, что Броня и правда не очнётся. Опыт предыдущего раза показывал, что богиня вполне способна решительно оттолкнуть от себя ласковую Гатею и вернуться в этот мир, дабы спасти смертных от гибели. Именно это ведь и произошло тогда. Именно потому Лешая не успела завершить перестройку.

Значит, если Даркен окажется достаточно эффективен, его невеста будет спать спокойно. Она откроет свои синие очи уже полноценной, а не собранной на коленке пани Маллой.

— Всё шуткуешь? — улыбнулась птица. — Это выдаёт твои волнение и неуверенность.

— История говорит, что большей всего ошибаются как раз те, кто во всём уверен.

— Ты убеждаешь меня или себя?

— Я констатирую факт.

Последние слова были сказаны таким твёрдым голосом, что Морозница будто бы ударила о них лбом. Ударилась и замолчала, не решаясь более спорить с юным паном Маллоем.

Так в молчании они и добрались до беседки, где его ожидала сестра.

Гиа выглядела чрезмерно печальной. Её голубые глаза не выражали надежды. Они смотрели вперёд и чуть вниз, но видели, кажется, что-то извне этого мира. Что бы не предстало пред её взором, отражалось оно ледяной коркой на радужке.

— Отлично выглядишь в этом платье, сестрёнка! — поприветствовал её с порога Дарк, спуская витру на перила. — Ты что, решила затмить собой обеих невест?

И правда, одеяние у Гиацинт Маллой было шикарным. Пышное длинное платье из множества слоёв. Каждый следующий — короче предыдущего, а самый длинный был

частично прозрачным, открывающим вид на изящные туфельки с ма-а-а-а-ахоньким каблуком. Плечи открыты. Но никакого декольте, и даже спину полностью окутывала ткань. Идеальное сочетание, подчёркивая разом и невинность юности и тот факт, что сей цветочек уже начал цвести.

Девушка улыбнулась. Одними лишь губами. Затем слегка вздрогнула, сбрасывая с себя оковы неуверенности и страха.

— Затмишь Броню. Как же? Мы с матушкой знали, что на свадьбе будут очень и очень важные дамы. Наряд твоей невесте подбирали такой, чтобы выдерживал соревнование с ними.

Даркен понимающе кивнул. Он постоял так пару секунд, а затем уселся рядом.

— Большая часть знакомых мне женщин мужчин сегодня не замечают. А ты прямо захотела видеть меня. Нужен совет? Поддержка?

— Да что ты сейчас посоветовать-то можешь? — закатила она глаза. — Поддержка мне нужна

Молодой человек мягко обнял сестрёнку за плечико и подтянул к себе, давая достаточно времени, чтобы девушка могла извернуться и побережть творение стилистов, сплетённое из её волос. Та же прильнула головой к его груди, не выказывая никакого опасения за причёску. Привычка, оставшаяся с предыдущей жизни “номеру один” ныне, в обществе некромагичек, была не особо нужна.

— Смешно, да, Дарк? Я хотела стать поддержкой для вас, а всё равно сама в ней нуждаюсь. И вроде бы не со мной происходит самое страшное, но почему мне так больно? Слабачка.

— Напротив. Нужно много силы, чтобы разделять с другими их страдания и кошмары. Проще о них просто не думать, — он сделал небольшую паузу. — Ты ведь сейчас в храм поедешь?

— Да. Я и матушка. Им там сейчас нужна помощь. Бесчувственная Броня... это вам не манекен облачить. Даже хуже. Нужно будет придумать, как её доставить к алтарю, сохранив её величие, если она так и не проснётся. Думаем о худшем...

— О лучшем. Ей этот тип сна был нужен давно. Она не добрала. И пусть момент несколько неудобный... лучше так, чем иначе.

— Понимаю, о чём ты, Дарк. Но Перловка...

— Возьму её на себя. Ты мне веришь или нет?

— Да какие тут могут быть сомнения? Если в мире и есть смертный, достойный богини, так только тот, что носит фамилию Маллой. А поскольку дедушка слишком дедушка, а папа уже женат...

— Остаёмся мы с тобой.

Они оба рассмеялись. Причём Даркен развеселился ещё больше, когда Гиа начала его кулачками по груди дубасить.

— Гад ты! Гад! Всё лирическое настроение испортил! Я же так красиво страдала!

— А разве не для этого ты меня позвала? — подмигнул молодой человек, впрочем, не переставая хохотать.

— Для этого! Но ты всё равно гад!

Она ещё несколько раз стукнула Даркена, а затем сменила “гнев” на “милость”.

— Кстати, как там прошла ваша ночёвка с Ганнибалом?

— Ростинкой. Называй её Ростинкой.

— Чтобы потешить твою гомофобию?

— Чтобы душа рыжули побыстрее отслоилась, — совершенно серьёзно ответил молодой человек. — У неё сейчас проблемы с проклятьем.

— Поэтому ты взял её к себе в спальню?

Дарк закатил глаза. Ох уж эти слухи. Разносятся по дому быстрее, чем запах свежих булочек доходит до носа магуя-корсиканца.

— Да-да-да, утешил тем способом, какой недалёкие мужчины полагают лучшим решением всех проблем.

— Спел песенку? — хихикнула Гиацинт.

— Дважды, — поддакнул “номер один”.

— Может и мне споёшь?

Даркен улыбнулся.

2.

По традиции мужчины появляются в месте проведения церемонии пораньше, чем женщины. Нет, никто не запрещал кавалерам сопровождать своих дам и наоборот. Просто... “так исторически сложилось”.

Частично это связано с тем, что жениху полагается ждать у алтаря, а невесте — прибыть к началу церемонии. Жениху надо меньше готовиться — невесте больше. За женихом следуют его знакомые, друзья и те, кто желает стать партнёрами по бизнесу, а за невестой — её подруги, мать, свекровь, знакомицы и те, кто был бы непротив протолкнуть какое-нибудь решение за чашечкой чая с тортиком. Впоследствии практическая подоплёка подзабылась и всё это начало обретать очертания традиции, существующей лишь потому, что так поступали предки.

Зато стало веселей. Пожалуй, даже чересчур весело. Настолько, что Даркену пришлось просить о помощи Джакоппо, чтобы он взял на себя сначала часть просителей, а затем уже всех.

Всё же, как бы ни хотелось “номеру один” забыться, закрыть глаза и открыть их вновь в момент, когда на горизонте появится Перловка, позволить себе такого он не мог.

Тем более что и погода постепенно начинала портиться. Нет, она всё ещё была хорошей. Облака, хоть и увеличились в размерах, всё ещё могли считаться пушистыми, а не тяжёлыми. Да и прохладный ветерок в лесистой местности вряд ли должен чем-то смущать.

Но Даркен чувствовал в нём ту характерную потусторонность. Едва ощутимая, но та была она.

Не отсутствие тепла, а присутствие чуждой воли.

Взгляд Тёмной Лешей.

А как оно могло не ощущаться, когда церемония изначально была запланирована буквально в самой вотчине божества хаоса?

Да, несомненно, специалисты облагородили его. Вырубили кучу деревьев, расставили статуи охранителей. Возвели постройки разной степени функциональности. Но тем не менее, этого не хватало, чтобы некромаги, истово верующие в Семерых, не ощущали спиной марша боевых мурашек.

Даркен находил это особо забавным. В Семерых веруют, а на свадьбу Лешей явились. Что за двуличие: надеяться на охранителей, буквально предавая самим фактом своего присутствия здесь, весь старший пантеон.

Если кто-то погибнет сегодня, ещё неизвестно, кого надо винить: неблагое божество или оскорблённых гарантов порядка.

А может и обоих.

Принц обнаружил Даркена рядом со статуей Воителя Георгия. Молодому человеку этот охранитель приглянулся потому, что по копыю Жоры было сподручней замерять размеры облаков.

— Прячешься ото всех? — спросил Вацлав.

Даркен огляделся вокруг и выразительно посмотрел на пана Лотарингского. Одного лишь взгляда хватало, чтобы понять, над чем решил посмеяться наследник Маллоев.

Открытая местность. Здесь каждого будет видно издалека. А уж когда рядом почти никого нет...

Принц поморщился.

— Не делай вид, будто бы не в этом была твоя цель. Ты выставил между собой и гостями сразу несколько преград. Кто сумеет минуть энергичных Строщи, пытающихся выжать из твоей просьбы помочь весь сок, обязательно столкнётся с этим нелюдимым громилой, что одним лишь взглядом способен заставить слабых волей направить свои стопы прочь.

Дарк хмыкнул.

— А ещё, ему достанет наглости сопроводить тот взгляд словом и даже жестом, если гость будет менее знатным, чем вы, пан Лотарингский.

— То-то я и говорю: прячетесь, — ответил принц, поправляя ослепительно-белое жабо. — А зря. Вам следовало бы собрать вокруг себя воителей...

— Я собрал всех, кого считал нужным, Ваця...

— Разве я не говорил, что мои намерения поучаствовать в великом сражении тверды, как никогда?

— Смотрю я, в следующий том ты попасть не хочешь, — вздохнул “номер один”. — Я уже прямо слышу мелодию, под которую мы все танцуем.

— Магии фей не существует, Даркен.

— Полгода назад многие говорили подобное про богов, полагая себя людьми рациональными, образованными, способными выстоять пред давлением суеверий. Я уже прямо вижу, как это будет: день свадьбы, когда все сюжетные линии сплетутся в одном месте. Те, о которых я знал и те, о которых даже не догадывался...

Он недобро ослабилась одними лишь губами. Взгляд Даркена оставался холодным, как серое осеннее небо.

— Принц получает смертельное проклятие. Богиня и молодой представитель рода, потенциально способного стать занозой в седалище, сваливают в Корсику. Причём с подачи того самого принца...

— Это уже паранойя! — рявкнул Вацлав.

Рявкнул резко. Зло. Тон сказал куда как больше слов.

Но Даркен не дёрнулся. Он лишь скосил взгляд на собеседника и обнажил зубы в кривой усмешке.

— Вот ещё одно подтверждение того, что я прав... но на удивление беспомощен пред этой угрозой.

Вацлав вздохнул, а после положил ладонь в успокаивающем жесте на плечо собеседника.

— Послушай, я понимаю, что тобой руководят лишь благие побуждения. Но пытаюсь разрешить всё сам, ты лишь загонишь себя. Тебе кажется, что кругом враги...

— Я не был параноиком, пока вы все не сговорились.

— Всё ещё дуешься за инцидент со “Сметаной”?

— Дуюсь? — Даркен склонил голову на бок, сверяя размеры нового облачка с наконечником копья Жоры.

Новая “небесная овечка” щеголяла не только чемпионскими размерами, но и темноватым брюшком, выглядящим подобно грязь на белоснежной шкурке.

— “Дуюсь” — не совсем правильное слово, Ваця. Я тебя не из-за обиды на то, что ты тогда мне не помог, отговариваю от схватки. Впрочем... плевать. Мне потребуется поберечь моральные силы для основного действия. Думай, что хочешь. Делай, что хочешь. Но помни, что если мой клинок пробьёт твою спину, то только лишь оттого, что падение от моей руки ударит лишь по твоим отношению ко мне и гордости, а не душе.

— Ещё и по репутации.

— Я тебя умоляю, — отмахнулся Даркен. — Да никто и не разберёт ничего. Ты разве не видел, как богини сражаются?

— А ты думаешь, что сможешь за ней угнаться?

— Мне не придётся... а вот гостям будет полезно ретироваться. Не удивлюсь, если многие главы государств не уйдут с этой церемонии без печати на душе. Или не многие... — “номер один” склонил голову к другому плечу. — Глобальный хаос или точечные уколы?

— Когда речь идёт о богине хаоса?

— Если хаос будет всегда хаотичен, это сделает его чрезмерно предсказуемым. Когда нечто является отрицанием чего-то и следуя в своём отрицании до конца, становится похоже на то, что пытается отрицать, рождается отрицание отрицания.

— Мы его теряем, — обратился Вацлав к сопровождавшему его Елецкому.

Тот многозначительно кивнул.

— Я считаю, что не будет хуже, если мы послушаем пана Маллоя и уделим внимание обеспечению безопасности гостей. Незачем будет мешаться им двоим под ногами.

— Даже если забыть, что этим уже занимаются компетентные органы... звучит трусливо.

Русский пожал плечами.

— Разумное зачастую звучит трусливо. Риск должен быть оправдан.

— Вот ты и займись, — фыркнул Вацлав. — Хорош я буду, если всю славу отдам Маллоям.

— Оу... — протянул Даркен, осознавая, в чём соль.

— Понял, наконец? — хмыкнул принц. — У меня попросту нет выхода. Я или наказываю вас за ту выходку, либо демонстрирую всему магическому сообществу, что тоже не пальцем делан.

— Курва, — ругнулся “номер один”.

Он опустил взгляд вниз, пару секунд поразмыслил, а затем от души стукнул Жору по постаменту:

— Курва!

И почему шляхта так редко говорил прямо о своих намерениях и причинах поступить тем или иным способом?

Ловушка захлопнулась. Тут все скачут, как марионетки, по воле кукловода. И вроде как

ты и видишь эти ниточки. Но поздно. Ведь теперь ты оказался в такой ситуации, когда отклонение от сценария хуже следования.

Но отклониться надо бы.

Хотя бы, чтобы попробовать.

Даркен выпрямился и посмотрел на Вацлава цепким птичьим взором.

— Никто не разберёт деталей боя. Никто не сможет заснять на камеру и проанализировать позже. Все свидетели будут заняты тем, чтобы не попасть под горячую руку. Тебе не обязательно наносить удары или что-то ещё. Достаточно просто участвовать. Никто не сможет тебе и слова сказать.

Вацлав улыбнулся.

“Номеру один” эта улыбка не понравилась.

Он подался вперёд и выставил указательный палец прямо перед лицом принца.

— Не вздумай. Не вздумай, Ваця. Если у меня будет выбор “ударить Перловку или спасти тебя”, я ударю Перловку. Не мешайся под ногами. Будь на подхвате. Ты не готов.

— Той пальцевой ведьме так не показалось... — снисходительно улыбнулся пан Лотарингский, но Дарк не дал ему договорить.

— Ты не готов. Я отработывал эти тактики месяцами. Я советовался с лучшими умами Форгерии. Мне написали сложный компилятор, учитывающий сто сорок семь видов магических помех и бесконечное количество сред их распространения. Я знал, что меня ждёт. Я тренировался с Броней. А что ты? Один раз в помехах активничал...

— Ты забываешься! — отрубил Вацлав, резким жестом отбрасывая руку Даркена в сторону. — Я — Лотарингский, Маллой. И моё обмундирование, мои катализаторы и тактики прорабатывали лучше королевские аналитики. Не надо меня недооценивать.

Даркен вздохнул.

— Я всё сказал, Ваця. Я всё сказал. Дальше, как знаешь. Ты уже взрослый мальчик. Сам решишь, будешь ли участвовать в этом бою и в каком качестве, и как об этом объявить публике.

В следующем томе принца можно было не ждать.

3.

Облака становились всё тяжелее и тяжелее.

Они уже достаточно разрослись, чтобы кусать друг друга за шкурку совершенно не стесняясь ни своих пристрастий, ни грязно-чёрных брюшек, через которые солнечный свет пробивался с большим-большим трудом. Так они ещё и бежали шустрее, чем ранее, намекая на то, что это тут, внизу леденящее безветрие, а там, в небесах, потоки воздуха живее всех живых.

Вот уж... Лешая. Холодный ветер — твоё дыхание. Безветрие — взгляд.

Куда ни плюнь, всюду знак твоего могущества.

Зато хоть связь ловила. Сравнительно стабильно. Папа лишь иногда “квакал”.

Даркен сидел на постаменте, у ног Жоры, да смотрел на выплывающие из-за верхушек деревьев молодые недотучки.

— Жаль, что тебя тут нет, отец, — грустно сказал “номер один”.

— Мне тоже. Напутственные сл...ва родитель, всё же, должен говорить лично.

Молодой человек не удержался от улыбки. Он слышал в речах отца завуалированную похвалу.

Очень хорошо завуалированную.

Надо быть мужчиной семейства Маллой, чтобы разглядеть её.

— Ну, хоть так... — вздохнул “номер один”.

— Мне по...азалось, что ты вообще не ждал моего звонка.

— Я ждал. Но не звонка. Да.

— Я знаю. Но...ледуя к цели, не становись слеп к дороге и кустам на обочине.

Даркен не удержался и рассмеялся. Тихо. Без особого задора.

— Уж постараюсь.

— Умей вовремя остановиться, отступить и приглядеться...

— Научусь.

— Не перебивай, когда тебе ст...ршие умные вещи говорят.

— Да ни в жизнь, — тут в веселье “номера” вернулась искренность.

— Не показывай м...е язык, даже если думаешь, что я тебя не вижу.

— Да как ты узнал?

— Я был рядом с тобой с младенчества. Я наблюда... за тобой, даже когда ты думал, что это не так...

— Теперь это звучит жутко, — нахмурился Дарк.

Родитель тяжело вздохнул.

— Я тебе сейчас с рук спускаю то, как ты паясничаешь, только пот...му, что в курсе, какую ношу ты на себя взвалил. И понимаю, что тебя не успокоит, но: ты не единственный, кто готовится к этой битве.

— Они ж все чмыри, отец.

— Казалось бы, попаданец, а гонор — семейный. Маллойский.

Даркен обернулся через плечо. Он видел, как прибывали гости. Всё больше и больше красивых платьев среди костюмов. Но все они где-то там. Никого более громила не подпустил к сюзерену. “Номер три” не уходил с поста. Всё стоял на страже покоя господина, хотя, казалось бы: это ведь и его, Гало, праздник тоже. Сегодня была двойная свадьба. Броньдарк. Илегало. Но верного подручного это не смущало.

Раз пан Маллой воспринимает это событие, как военную операцию, а не как праздник, значит и пан Ллорко туда же.

— Загадка мироздания, — согласился с родителем “номер один”. — Но ты можешь сказать, что я не прав? Без экивоков? Без попыток принизить моё эго ради блага? Просто сказать правду?

Серые очи Даркена взирали на многочисленных гостей, так беспечно общавшихся в преддверии бури, так спокойно, без каких-то особых эмоций, поглощающих угощения. Будто бы те не были людьми. Так смотрят на фигуры, занявшие своё место на доске. На полигональных болванчиков на карте в пошаговой стратегии.

— Скажи, отец, ты и правда считаешь, что они справятся лучше?

— Сегодня? Я думаю они все выступят примерно как ты. Со с...оим ковенном. При поддержке моих сил.

Дарк ядовито усмехнулся.

— А я уверен, что ты не посчитал штуку, которую я сегодня с утра организовал.

— Ты про слеч...у Праведную?

— Но Лешая дери... как?!

— Я же говорил...

— Разговор шёл за закрытыми дверями в моей спальне! — возмутился Даркен. — Ты что, поставил скрытые камеры и снимаешь хоум-видео?

— Нет. Просто до с...х и не убрали радионяню.

— Так и знал!

На самом деле, скорее всего то, что “номер один” считал своим ноу хау в сфере борьбы с Перловкой оказалось чем-то, для родителя очевидным. Ну или по крайней мере, если он не задумывался об этом раньше, то узнав о том, что из спальни сына выходит рыжая версия карфагенянина-богоборца, на счёт “раз” сложил две двойки.

— Потому что ты ведёш... себя, как младенец.

— Шутка заходит слишком далеко, — хмыкнул Дарк. — Как у вас там?

— Плохо. От...тупаем.

— Планово маршируем в тыл или сверкаем пятками.

Ответ пришёл не сразу.

— Пл...хо.

“Номеру один” тоже потребовалось время. Он не хотел знать правду о том, что собирался спросить. Но понимал, что без этого никак.

— Выжженная земля?

— Если мы можем что-то унести оттуда, мы унесём?

— Прах?

— Да.

— Оставь.

Секунда тишины.

— Чт...?

— У вас там было совещание, на котором вы все дружно решили быть ублюдками? — уточнил Даркен. — Я не хочу, чтобы имя моей семьи было связано с этим.

— Это война.

— Да. И твоё участие в этом — трата репутационного ресурса, который я собираюсь использовать. Будь последователен. Ты забыл, кого сам мне выбрал в невесты?

Молчание.

Молодой человек вздохнул.

— Я понимаю. Мы все сейчас находимся под большим давлением. И ты тоже.

— Если мы не используем...ти ресурсы, их ис...ользуют против нас. Выбор...е богатый.

— Но ты же можешь сделать это хотя бы так, чтобы руки сохранили пусть даже видимость чистоты?

Говоря это, Даркен ощущал, что умирает внутри.

— Хорошо. Я выполню т...ою просьбу. Я в это... принимать участия не буду. В таких... елах плести паутину...жи совершенно не выгодно. Но на...и позиции в глазах короля п... шатнутся.

— Это печально.

А что ещё мог сказать “номер один”? Напомнить родителю о том, что тот и без того давно готовился к падению монархии? Упомянуть лишний раз, что он сомневается в принцессе? Выдать ещё какие-нибудь сведения, которым не место в телефонном разговоре?

Отец понимающе хмыкнул.

— Надеюсь, хо...ь часть зёрен умных мысле..., что я пытался до тебя дон...сти, упали на плодору...ную почву?

Даркен выразительно возмутился.

— Да как вы смеете сомневаться? Я оскорблён! Разве я не дал достаточно оснований, чтобы каждому стало понятно: вся благодатная почва в моей голове поросла уже сорняками!

Отец тяжело вздохнул.

— Надеюсь..., ты сегодня делом... не словом докажешь, ч. о я могу тобой го...диться.

Даркен усмехнулся.

— Глашеки пусть и вырастили богиню, а вот Маллои справились с тем, чтобы взрастить смертного, способного с ней потягаться.

Дарк не стал прощаться. Он прервал звонок, а затем и сам спрыгнул с постамента. Точно бы сбросил незримую негу безысходности. Успокаивающую. Ласково шепчущую на ухо, что всё бесполезно. А раз не видно разницы, зачем напрягаться больше?

Но Даркен собирался напрячься. Он собирался выжать из себя всё. До последних крох. Ведь каждая секунда, пока он сражается, это... секунда.

Проклятье, разве нужно что-то ещё пояснять? Сколько смертных вообще способны биться на равных с божеством? Ганя? Кто ещё? Да никого больше! Да и он, в общем-то, скрещивал клинки с Броней, ограничивающей себя.

Это символ. Перлуша любила символы. Сама ли? Или с подачи принцессы, заранее пытающейся обеспечить ахиллесову пяту непобедимой богине? Какая разница, если это буквально единственный способ одолеть её? Ни одно оружие всерьёз не повредит Тёмной Лешей. Ни одно заклинание.

По сути, эту курву можно было лишь убедить перестать существовать.

И даже если в этой схватке Даркен будет, по сути, плясать под дудку Слунце... пусть будет так. Это та цена, которую он готов заплатить. Наступит на горло своей гордости. Стерпит. Но не забудет никогда. И не успокоится, пока эта дрянь сама не отправится следом за доппельгангером Брони.

“Номер один” прошёл мимо Гало. Тот без лишних слов присоединился к начальнику. Ничего не спросил. Не уточнил. Вот это железные нервы.

Даркен чуть склонил голову к громиле.

— Думаю, она специально отсчитывает часы и минуты. Атака произойдёт ровнёхонько когда я замахнусь кинжалом.

— То есть, сценарий, который ты изначально рассматривал, — спокойно кивнул Гало.

— И который мне всегда казался самым худшим, — поморщился Даркен. — Единственный плюс в нём — предсказуемость. Но всё остальное...

— Знаю-знаю. На бумаге рассмотрено. Отдельные действия отрепетированы.

— Мы никогда не отрабатывали в комплексе...

— Если бы отработали, она бы не пришла...

— Не зачитывай мне мой текст, — отмахнулся “номер один”. — Я это и сам знаю. Я же это и говорил.

— Плюс, “Сметану” и “Ковач” мы вообще брали с наскока. А там тоже были... неучтённые факторы.

— То — мутаторы, ныне — боссятский, — вздохнул Даркен. — И вообще, не успокаивай меня. Мне важно быть на взводе.

— Плохая тега, — спокойно ответил Гало.

— Все с неё начинают.

— Это не делает её лучше.

— За неимением горничных, тяжко придётся дворникам, — отмахнулся “номер один”.

Даркен вернулся к гостям. Добровольно занырнул в хоровод фальшивых улыбок и лести, но стоило лишь одному из дворян заговорить с ним, как молодой пан Маллой тотчас же прервал его.

Грубо.

В одно слово.

— Плевать.

— Что? — не понял тот.

Внешность просителя явно отсылала к испано-португальской моде. Высокий. Изящный. С тонкими усиками и клинообразной бородой.

Это было всё, что Даркен мог сказать об этом типе. Что он косит под испанца или является им.

— Я сказал “плевать”, — повторил “номер один”, глядя собеседнику прямо в глаза. — Абсолютно. У меня сегодня есть дела поважней, чем обмениваться фальшивыми любезностями. Если кто-то что-то не успел обсудить вчера на мальчишнике, то я вас поздравляю. Сегодня мне не интересны все ваши предложения. И если вы не можете понять, “почему”, значит, скорее всего, ваши предложения будут неинтересны и в другой день.

Благородная публика оторопела от такого напора. Большая часть, конечно, так или иначе наслышана о норове Маллой-младшего. Мужчины, как минимум, на вчерашнем мальчишнике успели побывать. Но, в конце концов, одно дело — слышать, а другое дело — видеть воочию.

Но была тут одна тонкость. Под хамство попал какой-то не особо важный дворянчик, а не высшая знать. Уже сам факт этого намекал, что просителю скорей всего нечего предложить сыну ректора УСиМ, самому настоящему наследному маркграфу. В конце концов, что позволено Цезарю, то недопустимо для осла.

А потому, стоило ли удивляться, что иные из свидетелей слегка усмехались, не особо, впрочем, пряча хищный оскал феодализма.

Сам же Даркен тем временем прошёл слегка вглубь “благородного общества”, а там самым наглым образом забрался на спинку скамейки, не стесняясь наступить на седушку.

— Панове! — развёл руками молодой человек и огляделся, убеждаясь, что он привлёк достаточно внимания. — Я вам гарантирую, что эту свадьбу вы не забудете!

На самом деле, ещё после того, как “номер один” отшил того “испанца”, великое множество пар глаз взирало на него с интересом. Ожидали, что же такого ещё выкинет этот скандалист и повеса.

— У кого аналитики палец из носа вытащили, кто следит за новостями или, хотя бы, погодой, те уже догадались, что тамада на свадьбе ожидается отменный, а конкурсы — просто *la magnifique*.

Гало хмыкнул.

— Эта шутка уже была.

Дарк пожал плечами.

— Когда меня это останавливало? Тем более, что её не все слышали!

Он вновь обратился к гостям.

— Надеюсь, у вас у всех есть страховка? Потому что администрация не несёт ответственность за потерю конечностей, рассудка, смысла жизни и девственности. Есть шанс, что вы увидите ядрёную хтонь. И всё, что я от вас хочу, всё, о чём я вас прошу... —

Дарк сделал небольшую паузу, чтобы окинуть взором как можно больше гостей, заглянуть в глаза каждому. — Нет, всё, что от вас требуется ради вашего же блага: не мешайтесь мне под ногами, когда начнётся самая лютая часть нашей заварушки.

Он многозначительно начал тыкать пальцем в невидимую крышку стола, чеканя каждое своё слово:

— Я. Сегодня. Категорически. Не. Намерен. Вас. Развлекать. Мне плевать, что вы о себе думаете и насколько важными себя считаете. Быть может сейчас вам кажется, что это всё гонор охамевшего мальчишки, но к концу дня вы измените своё отношение. За меня будут говорить мои дела. Будет петь оружие. Голосок у него, конечно, тот ещё, так что у кого-то пойдёт кровь из ушей, но на эту жертву, так уж и быть, я готов пойти.

Молодой человек двинулся по спинке скамьи, без труда балансируя на столь узкой поверхности. Будто бы ему вообще не требовалось задумываться о равновесии.

— Вижу, у некоторых тупое выражение лица, а в глазах читается вопрос “что, Лешая его дери, несёт этот мальчишка?”. А я несу чушь, конечно. Потому что на самом деле это уже не секрет ни для кого из тех, у кого на мозге имеется более нуля извилин. Именно “Лешая дери”. Причём Тёмная, — он хищно осклабился. — Сегодня. Здесь. Состоится бой, который с неслабой долей вероятности станет финальным. И тех, кто не подготовился, размажет по декорациям просто ударной волной от охрененности этой схватки! Вы, кстати, можете попытаться сбежать, но мой навык специалиста по чтению будущего с облаков, намекает, что любого, кто попытается покинуть это торжество, ждёт участь хуже не только смерти, но и пожизненного прослушивания детских концертов, записанных на мобилку с отстойнейшим динамиком.

Он хлопнул в ладоши, потёр их, улыбнулся гостям мерзотнейшей из улыбок, да спрыгнул на землю.

Ушей его коснулось великое множество шепотков. Даже те, кто заранее знал или догадывался о том, что Маллои ожидают появления Тёмной Лешей, испытывали нужду в том, чтобы обсудить официальное подтверждение этой информации. Ну и заодно форму подачи. Дурак ли Даркен или просто умело эксплуатирует данный образ? Действительно ли он уверен в том, что сможет одолеть божество? А насколько громким будет его провал? Сколько он продержится? Секунду или пять? Какое оружие будет петь? Как он вообще посмел подвергать опасности столь важных гостей... часть из которых специально приехала, чтобы потом бравировать тем, что они де видели воочию не только Броню, но и Перловку.

И среди всея этого шума особенно выделялись тихие, едва слышимые хлопки. То была правительница Финляндии. Прекрасная, степенная, спокойная. Она шла напрямую к Даркену, не особо даже беспокоясь о том, кто стоит у неё на пути: её слуги споро устраняли преграду, умудряясь при этом к каждому найти свой подход. Кого с улыбкой просили, а кому просто выразительно кивали в сторону спокойно ступающей Кустаа V Аты.

— Suuri! Hieno! — эти умеренно восторженные возгласы “номер один” услышал лишь после того, как расстояние между ним и княгиней сократилось до нескольких метров. — А мне нравится ваш настрой. Если вы сможете подтвердить свои слова красивой песнею оружия...

Она многозначительно улыбнулась, прищурила небесно-голубые очи и чуть наклонилась вперёд, заставляя Даркена гадать, каким волшебным образом эта пышная грудь вообще удерживается в столь глубоком декольте? Замешана ли магия, двухсторонний скотч или же всему виной тот факт, что корсаж этого чрезмерно пышного платья несколько

тесноват и тем самым он сдерживает плоть от излишне свободного передвижения.

Впрочем, пусть отвлекающий фактор и был чрезмерно интересен сам по себе, “номер один” всё-таки отметил, что его собеседница не явилась на праздник невооружённой или вооружённой лишь формально. Она, словно бы на трость, опиралась на красивый длинный скипетр. Украшений на нём имелось достаточно, чтобы подчеркнуть статус владелицы, но не чересчур много, чтобы не быть помехой в сражении.

— Вы сомневаетесь? — ответил Даркен максимально нейтрально, сопроводив свои слова хамской усмешкой.

— Женщина, никогда не сомневающаяся в словах мужчин, быстро обесценивается.

— Никогда не смотрел на мир с этой стороны.

— Понимаю. Я бы хотела поговорить с вами.

— О политике? — прищурился “номер один”. — Думаете, что я для вас сделаю исключение, потому что вы княгиня? Или потому, что вы со мной флиртуете?

— Можно и о политике, если есть такой интерес. Но я не настаиваю. А ещё, советую вам заменить “или” на “и”.

— А что ваш муж? — поднял бровь Даркен.

— Вы не боитесь биться с богиней, но опасаетесь человека, чьим главным достижением в жизни было рождение в богатой семье?

— Остро, — прищелкнул языком молодой человек. — По-заграничному.

Так просто отделаться от Кустаа, как от того типа с тонкими усиками было нельзя. И не только потому, что она — королева, разве что зовущаяся княгиней. Куда важнее был тот факт, что она правит Княжеством Финским. А оно расположено так удачно на одной из северных границ Российской Империи. Коль эта дама надумает открыть там фронт... это может неслабо помочь войскам Богемии. Да и иные плюшки от неё были бы не лишними.

Но вот чего хотела она для себя? Не воспринимать же всерьёз её флирт. Даркен, конечно, неотразим и всё такое, но не настолько же, чтобы от него головы теряли не только юные некромагички, но и прожжённые интригантки.

Хотя, разумеется, княгиня будет старательно делать вид, что как раз она-то голову и потеряла.

Мужчины любят верить, что женщина им благоволит. Даже если они такие однолюбы, как юный пан Маллой ныне. Это тешит гордость.

— Так чего вы от меня хотели? — решил не ходить вокруг да около молодой человек. — Уж простите мою грубость, но мне сегодня предстоит нежелательная, но необходима встреча.

— А я как раз хотела вам составить приятную компанию. Ну и заодно, слегка репутацию обелить, — она подалась к “номеру один” и тот, как-то сам, без лишних намёков, понял, что ему надо выставить локоть, чтобы женщина могла за него взяться. — В конце концов, если вы, сразу после столь громких речей завяжете надолго в беседе с правительницей государства, теоретически способного оказать Богемии военную помощь...

— ...я выставлю себя человеком, который не держит слово?

В следующую секунду Даркена настиг подзатыльник. Ну как “подзатыльник”. Княгиня его скорей просто очень быстро погладила.

— Не паясничайте, молодой человек, — строго ответила Кустаа, продолжая шествовать под руку с “номером один”. — Вы будете выглядеть вспыльчивым, наглым, но деятельным.

— С чего бы такая забота? Поговорка про бесплатный сыр.

— У меня внук вашего возраста, — хитро улыбнулась некромагичка, лишний раз напоминая попаданцу, что дворянки в Форгерии очень и очень долго сохраняют цветущий облик. — Ну или я, впечатлённая вашей бравостью, рассматриваю вас в качестве потенциального фаворита. Вот и гадайте теперь, юный пан Маллой.

— А зачем гадать?

Он резко выскользнул из хватки княгини, а затем сам поймал её за талию, скрывающуюся под жёстким корсажем, и прижал к себе, высокомерно глядя женщине прямо в глаза.

Высокомерно и очень внимательно.

Достаточно внимательно, чтобы понять: если ранее женщина вполне могла и не рассматривать возможность интрижки, то теперь у неё такая мысль точно появилась.

— Пан Малло-о-ой, — протянула она с игривой улыбкой, оправляя не нуждающуюся в этом причёску. — Saisit hävetä. Похоже вы и правда хотите, чтобы мой муж вызвал вас на дуэль?

— Разогреюсь немного, — он аккуратно отпустил княгиню. — Но если честно, мне сейчас не хотелось бы доводить до международных скандалов.

— Всего пяток минут назад во время вашего громкого выступления мне казалось совсем иначе.

— Это ради их же блага.

— Ради их же блага — знать, что Тёмная Лешая придёт, или же знать, что не стоит вас сейчас лишний раз трогать?

— Почему тут “или”, а не “и”? — улыбнулся молодой человек.

— Может, потому что если кто-то не знал о появлении божества, он уже не успеет подготовиться?

— Голь на выдумки хитра. Не надо недооценивать людей, которые вдруг поняли, что очень хотят жить.

— Вы так сильно недооцениваете свою будущую противницу?

— Я так сильно недооцениваю количество её внимания, которое получают наши гости. Если люди догадаются молчать и не выступать, ни одна атака не будет направлена непосредственно на них. Плюс, королевские ВМаС наверняка придумали что-нибудь, чтобы прикрыть весь этот... всё это благородное сборище.

— Королевские ВМаС? Не вы?

— У нас совсем недавно состоялся конфликт с принцем из-за того, что я слишком много на себя беру. А зачем мне лишний раз заставлять Лотарингских нервничать? Ради того, чтобы излишнюю бравость показать? Право слово, в этом нет никакой нужды: вскорости мы с Вацлавом собираемся продемонстрировать всем и каждому, насколько мы на самом деле бравые.

— То есть, он всё-таки будет участвовать?

— Если бы вы не были так увлечены мной, то заметили бы, что сейчас вокруг себя слушателей собрал именно королевский наследник. Мы с ним идеально уравниваем друг друга: я — хамло и повеса, и он — серьёзный, строгий, рассудительный.

— Ох уж это притворство, — закатила голубые очи Кустаа. — Без него в высшем свете никуда. А каков вы на самом деле, пан Маллой?

— Романтик, трепетный сердцем. Мечтатель и поэт. Какой же ещё?

— Личина, чтобы клеить девушек?

— Именно её видят мои будущие жена и любовница.

— Как я и говорила.

Молодой человек улыбнулся.

— Вы так говорите, как будто бы “истинные мы” имеем ценность сами по себе. Это красивая идея, но проверку суровой реальностью не выдерживает.

— Как-то непоэтично и жестоко.

— Моя противница не обременена необходимостью подбирать личины. У неё нет нужды быть кем-нибудь, кроме себя самой. Но, что иронично, такая она не нужна даже сама себе.

— Так вот, какая ваша настоящая личина? Циник. Прагматик...

— Но герой, — улыбнулся Дарк. — Пусть пока не в широком смысле слова, ибо отправляясь на подвиги я думаю больше не о всём человечестве, а только о дорогих мне людях, но... я работаю над собой. Думаю, со временем я изменюсь... в лучшую сторону.

— Но нотка романтизма, всё-таки, имеется.

— Вам судить, — подмигнул пан Маллой. — Зачастую со стороны незамыленным взглядом видно больше.

— Кстати... а где ваш Букль? Я наслышана о нём...

— Дома остался. Что я, зверь что ли, беззащитную животинку брать с собой на подобные мероприятия?

Он усмехнулся.

— Ну, по крайней мере, пока она не умею обращаться в кайдзю и жарить всех мухами... единственное, что меня смущает, не отвлечётся ли этот проглот посреди боя на поедание всего этого инсектария?

1.

Чапыжка не знала, любит ли её Лешая, хотя, пожалуй, стоило бы знать. Ведь в день их знакомства аватара хаоса прямо сообщила ей, что любовь является плохим фундаментом для построения семьи. Потому что «прозрачные правила поведения» гораздо больше подходят для укрепления уз между друг другом. Но это... Звучало так неправильно. Будто бы ваши отношения превращались в исключительно деловые, как у двух коллег, начальника и подчинённого. Но ведь «семья» — это что-то другое. Зачем Лешая вообще удочеряла её, если могла сделать простым наёмным рабочим, вроде тех, что работали в её храме?

А любовь... Да, такое глупое слово, совершенно не подходящее Форгерии, но оно, пожалуй, значило слишком много для маленькой дриады. Такое бывает, когда за обе жизни ни одна из твоих матерей не проявила тебе ни капли внимания или ласки. А это говорило о многом, ведь при недостатке положительных эмоций мозг цепляется за каждый единичный случай, чтобы холить и лелеять его годами. Но у Чапыжки их попросту не было. И плевать, что по общему возрасту она давно стала взрослой девушкой. Недостаток материнской любви в детстве способен отравить всю жизнь — хоть тебе двадцать, сорок или сто. Оно закрадётся к тебе на край сознания, чтобы аккуратно вцепить в него острые когти. Ты этого не заметишь первое время. Но потом у тебя появится достижение, которым будет не с кем поделиться. Натолкнешься на трудность, захочешь получить совет, но некому его будет тебе дать. Или просто увидишь, как родитель покупает своему ребёнку мороженое, а тот начинает капризничать, что хотел съесть его из стаканчика, а не рожка. И только тогда ты обратишься к тому участку мозга. Только тогда ты почувствуешь эти когти — и никто не сможет их оттуда достать. Ни ты, ни твоя вторая половинка, ни даже дети. Это мог сделать только один человек. Мог.

Мало кто видел медленное увядание Чапыжки. Свита из четырёх девчонок никогда не была достаточно чуткой, чтобы замечать малейшие изменения в настроении их госпожи, особенно если это не касалось наказаний. А так оно и было — Вельзевула не стала более агрессивной, злой или опасной. Напротив, пожалуй, та самая искорка из обиды на весь мир, позволявшая девочке двигаться вперёд исключительно на морально-волевых, стала тусклее, незаметнее. И не то что бы кого-то это волновало. Ведь, в конце концов, кто она? Несломимая слуга-дочь Лешей — так сказала сама богиня. Значит, это факт, базис, а кто эти людишки такие, чтобы с этим спорить?

Поэтому, когда в очередной раз отворилась дверь в её незамысловатую камеру, Чапыжка даже не повернулась в сторону входа. Пока у неё была пачка чипсов и рука, которую в неё можно было просунуть, её мало волновали изменения во внешнем мире. Снэки хрустели на зубах вместе с мухами, что придавали привычный мясной привкус пище. Где-то впереди, на ковре цвета газировки, рублилась в консоль троица непосед из семьи Праведных да младшая сестра тёти Илеги Шайс. Их вполне устраивало то, что госпожа не участвует в процессе лично. По правде говоря, Вельзевула не участвовала в процессе даже опосредованно — её глаза пялились в экран плазмы без попыток считать с неё информацию. А зачем? Она тут сидит, не сломанная, а погнутая. Это очень круто само по себе.

— Привет, дочка, — наконец услышала Чапыжка, когда на её диван плюхнулась названная мать. Захрустели оброненные чипсы и придавленные мухи, а из ткани, кажется,

даже выдавилось немного пролитого сока. — Как ты себя чувствуешь?

Броня вальяжно откинулась на спинку и перебросила одна ногу через другую, а сама повернулась в сторону дочери. Синие глаза внимательно изучали профиль Вельзевулы, по которому сейчас ползало по меньшей мере с десятков мух. Оделась Лешая повседневно, никак не заявляя о своём статусе — синие джинсы да какой-то лёгкий топик белого цвета, идущего в контраст с чёрным бюстгальтером. Сочетание внешнего вида, слов и поведения, почему-то, рождал в голове Чапыжки образ человека, который очень хочет кому-то понравиться, но делает это крайне неумело, потому что ничего не знает о личности того, с кем хочет сблизиться. Наверное, попытка похвальная, но все равно немного тошно.

— Да нормально, — сказала дриада и запихнула ещё немного чипсов в рот, сама так и не удосужившись встретить Лешую взглядом. С одной стороны, это было проявлением неуважения. По крайней мере, две прошлые её матери определённо бы нашли способ наказать подобное поведение. Но на самом деле... Это было неким криком о помощи. Заметит ли богиня странности в её поведении, попытается ли докопаться до того, что же случилось, исправит ли причину? Вряд ли. Но было что-то особенно приятное в том, чтобы окружающие игнорировали эти сигналы. Ты понимаешь, насколько прав, что никому не нужен, что мир по своей сути не изменился, и ты, как всегда, остался в нём в одиночестве.

— Ты уверена? — голос Лешей имел в себе ровно столько заботы и поддержки, сколько ожидаешь услышать от незнакомца на улице, который подумал, что ты, маленький ребёнок, потерялся. Это было даже пугающе — настолько велико было сходство. Прохожему, конечно, не плевать, но и к тебе он не испытывает ничего выше «о Семеро, этот ребёнок умрёт, и если я не помогу, это будет вечно на моей совести». Но единственным способом помочь для этого незнакомца оставалось отвести тебя к органам правопорядка, или, если повезёт, к родителям. А к кому собралась отводить её Лешая?

— Ага-а-а, — протянула Чапыжка, наконец, сместив внимание с экрана телевизора на играющую через него свиту. Иренка, кажется, только что одолела сразу двух рыженьких близняшек в файтинге, когда как её «напарница» отлетела в самом начале боя. Вой поднялся дикий — проигравшие пытались закидать «победившую» пустыми банками от газировки, и к ним, почему-то, присоединилась последняя рыжуха, которая была в команде с Иренкой. А вот виновница торжества никак не отбивалась, лишь хохотала на спине, пока её дрыгающие ножки пытались отбить хоть один из летящих снарядов.

— Почему ты не играешь с ними? — Лешая стала более серьёзной. Видимо, поняла всё же, что что-то не так. Может, мысли читать умела, просто палиться не хотела? Ну что же, сейчас самое время показать, что богиня будет делать с подобной способностью, особенно если всячески вставлять ей палки в колёса. Потому что любящий родитель не обойдётся ответом «нормально» и «ага».

— Так файтинг же на четверых, — пожала плечами Повелительница мух. — Я там буквально как пятое колесо буду. В какую команду мне вступать? Дисбаланс же будет.

Ответ, кстати, получился очень логичным. Если бы родителю было плевать, он бы им удовлетворился. Да и не «плевать» — тоже. Ну не заставишь же играть впятером в игру на четверых. И что Лешая будет делать?

— И? Сыграйте во что-то другое, или играйте по очереди. Почему моя дочь должна сидеть в одиночестве на диване, пока другие веселятся?

Голос становился всё серьёзнее. Но в противовес этому Лешая придвинулась чуть ближе. Она обняла Чапыжку, заставила слегка проехаться по чипсовому покрытию дивана и

прижала к своему боку. Её руки были тёплые, совсем не похожие на те, в которых постоянно плещется ледяная магия, совсем не похожие на руки Перловки. Чапыжка вздохнула.

— Так мне и так очень весело, — сказала она тоном человека, который не испытывал веселья уже десять лет. Конечно, это было не так, но не то чтобы Вельзевула была плохим актёром.

— Та-а-ак, ясно, — Лешая ещё раз стиснула дочь и уставилась на кишачий мухами потолок. — Тогда рассказывай, что случилось, и я постараюсь найти способ тебе помочь.

Всё-таки поняла. Правда, хотелось бы, чтобы она поняла и саму причину её поведения без необходимости в допросе, но такова была суть рациональной богини — зачем играть в угадайку, если можно спросить? Ну не осознавала она, что важно не столько решение проблемы, сколько внимание, уделённое её поиску. А говорили ведь, что Лешая перестраивала свой организм... Видимо, эта деталь от неё ускользнула во время перестройки. Впрочем, ничего удивительного — она от многих ускользала.

— А тебе точно интересно? — осмелилась спросить Чапыжка, наконец, повернувшись в сторону мамы. Видимо, ей до сих пор было тяжело сохранять с ней зрительный контакт, потому что Лешая отвлеклась — было очень кстати. — Ты... Не пытаешься просто набрать какое-то количество «очков» у меня, чтобы заслужить мою лояльность?

А четвёрка камеристок продолжала играть. Их совсем не интересовала ни богиня, ни их госпожа. Не то что бы они были совсем непослушны, если Повелительница мух приказывала им что-то сделать, но сейчас не видели никакого резона вмешиваться в диалог. Оно и к лучшему. Признаваться в подобном у всех на виду — было слишком непривычно для Чапыжки. Девочка сомневалась, что сможет признаться вовсе.

— Дорогая, — покачала головой Лешая. — Разумеется я пытаюсь набрать у тебя «очки», чтобы заслужить твою лояльность. Но, боюсь, ты сама не понимаешь, что именно вкладываешь в эти слова.

Она снова повернулась к дочери, и Вельзевула поспешно отвела взгляд.

— Просто такова основа человеческих взаимоотношений, даже если сами люди этого не понимают, но все они так делают. Это наше эволюционное преимущество — альтруизм, помощь друг другу. Потому что добрые дела имеют свойство возвращаться, причём, в тех видах, которых мы не ожидаем.

Угу. Очередная лекция, которая превращает чувства в набор нулей и единиц. Именно в этом она так нуждается.

— Однако это не значит, что мной движет исключительно холодный расчёт, — добавила Лешая неожиданно мягко. — В конце концов, я тоже — человек, пусть и богиня. Неужели ты думаешь, что набор «очков» у тебя — самое полезное из дел, которым я могу заниматься?

Вельзевула чуть нахмурилась, поджала губы, затолкнув внутрь рта очередное членистоногое. Чтобы оно не мешало мыслительному процессу, пришлось его пережевать и проглотить.

— Ну, наверное, нет?

— Не наверное, а точно. В моём окружении бесконечное количество влиятельных людей, услуга которым с моей стороны принесёт мне неоспоримое преимущество в дальнейшем. Так ответь же на вопрос — зачем я пришла именно к тебе?

Чапыжка окончательно зажмурилась и подтянула колени к подбородку — с ногами на диван. Ответ напрашивался сам собой, но его не хотелось признавать. Потому что пришлось

бы признавать слишком многое, то, что признавать она ещё не была готова. Значит, нужно было идти в наступление.

— Но... Но... Ты не понимаешь меня! Никто не понимает! — вдруг вскрикнула она, сжала кулаки и повернулась на Лешую. В этот момент её не волновала возможная реакция богини, насколько бы яростной та ни могла быть. Это была отчаянная атака, о проведении которой жалеешь после, но никогда — в моменте. — Вы все здесь... Другие!

Ещё до того, как она успела получить ответ, Чапыжка вырвалась из объятий Лешей и указала рукой на прекратившую игру свиту. Их явно заинтересовали крики, и девчонки с любопытством развернулись на ковре, впрочем, не выражая ни капли страха на лице.

— Они жили в своих счастливых семьях, обычными детьми! К тому же, они, они почти в два раза младше меня! — Вельзевула чуть ли не захлебывалась словами, множество мух почувствовало изменение в настроении хозяйки и стало кружиться облаком по комнате. Навязчивое жужжание будто бы стало эхом слов Чапыжки.

— А ты... А ты, — не растеряв запала, девочка обернулась к Лешей. Та продолжала пялиться на неё взглядом, не выражающим эмоций. — Ты вообще из знати, сейчас выйдешь замуж за мажора, а я? Останусь совершенно одна, потому что кто я такая, обычная мутантка, которая даже за силу не ценится, так, немного почесать чужую потребность... Я не знаю, потребность иметь детей!

Чапыжка почувствовала, как глаза увлажнились, и одновременно с этим дрогнул её голос. Мухи продолжили летать по комнате агрессивной кучей, но сильно замедлились, будто лишились половины крыльев. Свита же впервые за долгое время выглядела озадаченной — ну а как ещё, если они так долго думали, что госпожа чувствует себя прекрасно? А Вельзевула чувствовала себя как угодно, но не прекрасно. Признание, наконец, вылетело из её уст, словно река прорвала плотину, но стало ли ей легче? Вряд ли, ведь этого было мало...

— Ты ошиблась по нескольким пунктам, — Лешая слабо вздохнула и направила взгляд перед собой. Обе её руки легли на спинку дивана так, что вниз свисали только кисти. — Во-первых, это не я выхожу замуж за мажора, а мажор женится на мне. А во-вторых... Как это вообще может меня описывать?

Богиня прикрыла веки и продолжила вещать, пока её дочь боролась со слезами и контролем над мухами.

— Знаешь ли, я тоже проживаю жизнь уже не первую, а души во мне готовы поделиться воспоминаниями о детстве любой степени мрачности. Я не преуменьшаю тяжесть твоего бытия, однако тебе стоит поверить мне — моё прошлое далеко от радостного. Впрочем, как и настоящее с ближайшим будущим.

Лешая покачала головой.

— А люди все в своей подкорке... Одинаковые. Мажоры, средний класс, крестьяне. Испытываем одинаковые эмоции, чувства. Если, конечно, не бодем ничем, — она вдруг улыбнулась и снова обратила внимание на дочку. Чапыжка почувствовала, как тёплые руки богини дотронулись до её бока и начали щекотать. — Но мы же обе не психопатки, да?

Богиня явно знала, как надавить на слабые точки в организме Вельзевулы, потому что щекотка не могла не спровоцировать смех, а смех плохо сочетался с грустью. Чапыжка дернулась в сторону, чтобы избежать пытки, но Лешая усилила натиск и придвинулась ближе к дочери. В результате нападения девочка всё же была вынуждена улыбнуться, несмотря на все попытки отбиться.

— Я ведь тоже из не из верхов, — щекотка продолжалась, а Чапыжке становилось всё труднее и труднее сдерживать хохот. — Хочешь докажу?

— Хо... Хо-хо... Хочу! — из-за возни с Лешей девочка практически перестала задумываться над её словами. Что-то в их столь простом взаимодействии успокаивало больное сердце Повелительницы мух, смазывало его бальзамом. И она... Была рада забыться в этом смехе, небольшой близости с той, кто называла себя её матерью. Потому что девочка чувствовала, как те когти... Впервые за долгое время ослабили хватку.

— Тогда сиди и жди! — так же быстро, как началась атака, она и прекратилась, а Лешая моментально приняла вертикальное положение. Пальцем богиня ткнула в прохлаждающийся на ковре квартет. — А вы! Быстро защекотали госпожу до смерти! Если она будет жива к моему возвращению, лично научу вас рыгать мухами вместо неё!

Передав важный приказ, богиня сорвалась с места и покинула комнату. После хлопка дверью ещё какое-то время в помещении царило молчание, разбавленное жужжанием мух, но свита быстро пришла в себя. Они одновременно вскочили с пола.

— Это кто здесь «другие»? — Иренка откинула чёлку от лица и демонстративно похрустела пальцами.

— И у кого это было счастливое детство?! — ударила кулаком о ладонь одна из близняшек.

— Мы чего-то не знаем? — вторила ей другая.

— Да! Чего это мы не знаем? Два плюс два это четыре! — невпопад добавила третья.

Несмотря на некую комичность, Чапыжка почувствовала искренний страх, потому что свита приближалась к ней настолько угрожающе, насколько угрожающе могли приближаться четыре ребёнка, не вошедших в пубертат. А это было крайне угрожающе!

— Стойте, ха-ха! — всё ещё вытирала слёзы после щекотки Лешей Вельзевула! — Не смейте подходить ко мне! Это приказ!

Не помогло.

— Мы следуем субординации! Лешая выше в иерархии! — сказала Иренка, напрыгивая на Чапыжку.

От смерти от щекотки Чапыжку спас лишь скрип двери. Она уже не могла дышать и даже дрыгать ногами, лишь ворочалась в разные стороны на диване, покуда квартет уничтожал её центры восприятия информации своими пальцами. Клубок из детей ещё какое-то время по инерции продолжал выполнять приказ Лешей, но после её возвращения был вынужден попадать на пол и уставить на богиню.

— Она мертва! — указала пальцем Даска на Вельзевулу, до сих пор хохотавшую и прижимавшую к животу руки.

— Подтверждаю! — повторила жест другая близняшка.

— И можем добить! — третий палец выстроился по направлению к Вельзевуле.

Лешая несколько секунд наблюдала за спектаклем, после чего мягко улыбнулась и кивнула. Квартет воспринял это как успех, после чего перекатился обратно в сторону консоли и плазмы. Вельзевула же только к этому моменту смогла немного очухаться и попытаться хоть как-то приподняться на подушке.

— Узрей же! — богиня плюхнулась на край дивана, по обок от дочери, после чего толкнула её ладонью, чтобы та не смогла встать. — Самая ценная вещь в моей жизни!

Чапыжка тут же повернула голову в сторону предмета, который Лешая держала в руке. Ей пришлось проморгаться, чтобы понять, что же именно она видит.

— Это моя игрушка, которую мама подвешивала над моей кроватью в детстве! Годы! — в голосе богини зазвучала ностальгия. — Сколько же раз я пинала её ногой от безделья! Грызла! Плевалась! Полагаю, сама можешь догадаться.

Плюшевый енот выглядел так плачевно, как это вообще возможно. Такой облик принимают вещи, после того как они от деда переходят к отцу, от отца к сыну, от сына к внуку, и где-то между этими передачами они переживают пожар, битву с домашним котом и, похоже, обливание кислотой. Звереныш весь был плешивый, без одной лапы, а когда-то пушистый хвост превратился в мочалку. Печальное зрелище, но...

— Он такой уродливый, — неожиданно громко заявила Чапыжка. Мама же от этого восклицания лишь улыбнулась.

— А то!

— Мне нравится! — сказав это, Вельзевула вырвала енота из рук Лешей и прижала его к сердцу. Потому что она поняла сразу — это её игрушка. Это она, то, кем Чапыжка является — побитая, погрызенная, с кучей торчащих ниток, но она. Связь между девочкой и незамысловатым подарком установилась так быстро, как только это было возможно, словно бы енот являлся её тотемным животным. Чапыжка чувствовала, как искренняя, не спровоцированная глупостью свиты или жестокой щекоткой, улыбка, появляется на её лице. Потому что она вдруг осознала наиболее важную черту, которая присутствовала и у неё, и у игрушки.

Они обе были важны Лешей.

— Спасибо, — прошептала Чапыжка, чувствуя, как слёзы возвращаются к глазам. Сколько эмоций за один час, словно катарсис, нахождение себя. Но именно этого ей так не хватало. Именно этого она так долго ждала.

Как и объятий от человека, в любви которого уверена.

— Вот видишь? Теперь тебе не придётся чувствовать одиночество, — пыльцы Лешей перебирали светлые волосы Вельзевулы, иногда спотыкаясь на живших в них мухах и отщелкивая их в сторону.

— Я... Такая глупая, — почувствовала стыд Чапыжка, вспомнив свою недавнюю истерику. — Прости...

— Это ты меня прости, — богиня нажала ей на острый носик. — Ведь я дала тебе повод усомниться.

Они просто замолчали, чувствуя эту близость, связь, доселе тонкую и почти невидимую, но теперь упрочившуюся в стократ, ставшую напоминать крепкий канат, а не жалкую ниточку. Чапыжка никогда не могла позволить себе этого счастья, ни в прошлой жизни, ни в этой. И что-то подсказывало ей, что Лешая... тоже.

— Помнишь мы говорили о заработке очков? — вдруг сказала богиня. Вельзевула открыла глаза и увидела, как в руке мамы был деревянный геймпад. — Теперь мы можем поиграть три на три!

2.

— Как вы... Как вы посмели!

Пыжащийся рыжеволосый мужичок в белом костюме, совершенно не сочетающимся с обстановкой, встал практически вплотную к Дарку, предпочитая теперь сжимать и разжимать кулаки, не в силах подойти ещё ближе.

— Это кто? — «номер один» отвернул голову от дворянина, после чего задал вопрос княгине. Она же предпочла не отвечать, видимо, зная, что мужчина в долгу не останется.

— В смысле «кто»?! — вскрикнул он так, будто его неожиданно ущипнули. — Я — финский князь Гидеон Аты!

Дарк едва удержался от того, чтобы закатить глаза, и пожалел о том, что не надел заранее тёмные очки, в которых подобный жест оказался бы незаметен. Впрочем, не то что бы его волновало, что о нём подумает дворянин, которому для того, чтобы его узнали, необходимо выкрикивать своё имя.

— Не признал, не признал, богатым будешь, — покачал головой Дарк и подмигнул Кустаа. — Что же тебя привело к нам в столь счастливый час?

Наблюдать за тем, как задыхается в собственной злобе и напыщенности князь, которому титул «князь» действительно подходил куда больше, чем фактический ранг короля, было достаточно забавно.

— Вы... Флиртуете с моей женой! У всего света на глазах! Чуть ли не целуетесь в моём присутствии!

Дарк скосил глаза на бывшую собеседницу. Его взгляд нёс с собой немой вопрос, который опытный политик легко мог считать по контексту и ситуации. А именно «серьёзно, он»? Ответ же княгиня тоже смогла дать без единого слова, при помощи небольшого наклона головы: «будто не знаешь, как работают династические браки».

«Номера один» ответ полностью устроил, и он вернул внимание на Гидеона. Тот же, казалось, был готов взорваться, если бы игнорирование продлилось ещё несколько секунд. Дарк, конечно, был не против проверить гипотезу, но решил повернуть диалог в иную сторону.

— Да, флиртовал. У всего света на глазах! Хотя уже не так светло, — он задрал голову и приставил ладонь ко лбу. Облака шли вереницей настолько плотной, что фактически уже образовывали одно большое дырявое полотно, через которое время от времени проглядывало солнце. — Смеркается. А что, ты против?

Вообще, конечно, судя по тому, что Гидеону потребовалось около минуты, чтобы добраться до Дарка и своей жены, он явно не видел напрямую факт того самого «флирта», который между ними произошёл. Очевидно, какие-то дворяне из свиты Кустаа оказались не столь надёжны, и предпочли сообщить князю об этой небольшой интрижке, возможно, даже приукрасив её в процессе. Тем более, что «поцелуем» там даже и не пахло. Похоже, княгине явно придётся разобрататься с лояльностью своих подчинённых, раз уж они готовы высасывать из пальца любые поводы для скандала, лишь бы хоть немного насолить госпоже.

— Вы... Да вы... Вы хоть знаете, кто я?!

— Гидеон Аты? — неуверенно спросил Дарк, чувствуя, что если дуэль не начнётся в ближайшие пару реплик, он станет совершенно небоеспособен из-за пробирающего его смеха.

— Да! То есть, нет! Что ты о себе возомнил, молокосос?! Думаешь, женишься на богине, так тебе всё можно?

— Ну типа?

«Номер один» стал различать смешки, исходящие от столпившихся у сценки дворян. Несмотря на то, что сынок ректора явно вёл себя более непотребно, чем его оппонент, финский князь действовал настолько потешно и жалко, что присутствующие невольно занимали сторону жениха. Возможно, Гидеон почувствовал это, а потому был вынужден обнажить палочку в отчаянной попытке сохранить лицо:

— Тогда ты должен знать, что я не потерплю такое оскорбление! Я вызываю тебя на

дуэль!

— Ну наконец-то.

Дарк схватил палочку врага левой рукой, впитал идущее через неё проклятье и вернул его назад через удар под дых. Гидеон моментально захрипел, согнулся пополам и повалился на землю, определённо чувствуя, как внутренние органы тела сшиваются друг с другом и начинают работать... Несколько непривычным образом. Это стало понятно по тому, как финский князь через секунду стал блевать на пышную траву, да как мощно! Такое без пары литров случается редко. «Номер один» вовремя сделал шаг назад, чтобы его отполированные до блеска ботинки даже не подумали о том, чтобы загрязниться.

— Не знаю, чего я ожидал, — он обратился к Кустаа, для вида поправляя костюм. — Но что-то мне подсказывает, что вы вряд ли удовлетворены увиденным.

— Ну что вы, Даркен, — величественная дама, что совершенно не соответствовала мужу, над которым теперь хлопотала свита, улыбнулась «номеру один». — Я увидела то, что хотела. А именно — человека, отвечающего за свои поступки, и способного проявить себя не только через слова. А то, что у него была на это лишь секунда... говорит только о его высоком умении.

Дарк действительно жалел о том, что финский князь оказался таким тюфяком. Разве можно было назвать это разогревом? Да таким разогревом даже чай не вскипятить, не то что Перловку одолеть и уничтожить. И рыжие волосы Гидеону не помогли — они, конечно, гарантировали его неуязвимость к проклятьям, направленным на душу, но от всего остального защиты не давали.

— Что же, пани Ати, тогда я рассчитываю, что вы поступите благоразумно, — Дарк чуть придвинулся к женщине, убеждаясь в том, что никто не сможет услышать их разговор, — и князь вместе со своей свитой не переживёт события текущего вечера. Не с концами, разумеется, но ради уменьшения вероятности... осложнений.

— Не переживайте, пан Маллой, — бледные пальцы княгини как бы невзначай прошлись по посоху. — Осложнения не возникнут.

Закончив таким образом разговор, Дарк попытался вернуться к мыслям о предстоящей свадьбе. Броня всё так же задерживалась, очевидно, не сумев проснуться от попыток растрепать её. Это определённо задерживало церемонию, хотя знать не была против. Даже после эпатажного выступления жениха настроение собравшихся не изменилось. Кто-то был слишком глуп, чтобы воспринять его слова всерьёз, а те, кто были достаточно умны, понимали, что паника не поможет. Потому праздные беседы так и не затихли, и даже тень заботы не опустилась на лица дворян.

Что же, тем больше у него было времени подумать о предстоящих сегодня событиях. Нет, не бою с Перловкой — он и так не выходил из его головы последние недели, а о... Том, чем должна была быть сегодняшняя свадьба. Его реализация, как человека, как дворянина, как мужчины. Женитьба на богине. Как известно, лето было порой жизни, осень — увядания, а зима — смерти. И так уж вышло, что Лешая собралась переродиться в самое подходящее время — весной. Символизм лился изо всех щелей, помогая Дарку одним своим наличием. Ведь если сама природа велела в эти дни начинать новую жизнь, то кто была Перловка с ней в сравнении, чтобы диктовать собственные условия?

Но пока что условия диктовала исключительно Лешая — своим отсутствием. Конечно, её опоздание не отменит церемонию, в конце концов, «убить» её ритуальным клинком можно было и во сне, но Дарку казалось это... Неправильным. Ведь символизм должен быть

обоюдным. А как можно прочувствовать его, если ты пребываешь в забытьи? Как можешь переродиться, если не имеешь на это желания? Именно поэтому сын дома Маллой всё же рассчитывал, что если Броня таки прикатит сюда на лимузине, то сделает это в полном здравии. Но пока она задерживается... Придётся пожертвовать Гало.

— Так, я не понял, — «номер один» нашёл «номера три» у одной из колонн, стоящего в отдалении от собрания, как недавно делал сам Дарк. — Ты где гирос нашёл, чертяка? К столам нельзя притрагиваться до окончания церемоний!

Мегатериум виновато посмотрел на остатки лепёшки и проглотил ту её часть, что активно пережевывал всё это время. Его карии глаза обратились к Дарку.

— Дак это... Нервы же. Свадьба, как бы, первая, — было достаточно забавно наблюдать за этой машиной, которая перед лицом женитьбы превратилась в обычного волнующегося человека. — Ну я сказал заехать перед этим в кафешку... Ну и вот.

Гало показал другу остатки гироса, будто бы до сего момента они были невидимы. Дарк потёр переносицу пальцем:

— А где ты их всё это время хранил?

— Как где? В карманах.

Дарк не хотел это видеть, но «номер три» чуть оттопырил ткань плотного костюма, из-за чего сдобная поверхность лепёшки показалась миру. Некромагу осталось только выругаться и, пожалуй, впечатлиться непосредственностью друга, который использовал дорогие одежды в качестве средства для переноски пищи. Тем более, что в свадебных костюмах по традиции карманы должны были быть зашиты.

— Тогда быстро доедай второй гирос и готовься к церемонии! Пока Броня не очухалась, будете забивать эфир.

Дарк уже было хлопнул «номера три» по спине, но его рука не дошла лишь несколько сантиметров до тела мегатериума. Всё потому что он увидел, как плеча Гало коснулась снежинка.

3.

И вот, мама лежала перед ней, совсем бездыханная. Будто мёртвая, едва ли разницу можно было понять со стороны, сколько бы информации не пытались передать ползающие по Лешей мухи. Поэтому единственное, что могла делать Чапыжка — стоять в сторонке, прижимая к груди плюшевого енота, пока тёти Ёлко и Сепия пытались ещё что-то сделать.

— У неё макияж сам счищается, — воскликнула ёжик, подняв обе руки в воздух и признавая своё поражение через отпускание палочки, которая звонко шлепнулась на пол. — Бесполезно!

— Броне он и не нужен, — мирно проговорила леди дома Маллой и в очередной раз прошла расчёской по тёмным волосам невестки. — Богиня хаоса и без него прекрасна.

Лестные речи подходили Лешей и облику, что она приняла. Платье, в которую нарядили Броню камеристки, почти не соответствовало мрачной некромагии. Модельеры хотели отразить «древесную» сущность богини, и вышло у них это с блеском. Тёмно-зеленая ткань каскадами свисала в стороны, но ничуть не скрывала тонкую талию, перетянутую корсетом, стилизованным под кору. Декольте же выглядело скромно, но отвечало своей сути, оголяя ровно ту часть груди, в которую необходимо было воткнуть животворящий-смертоубийственный кинжал. Разумеется, это фактурное чудо сопровождалось прелестной вышивкой, напоминающей корни, а плечи были слегка распушены в некое подобии листвы.

И, пусть богиня и лежала в это время на кровати, она всё ещё сохраняла величие своего образа, словно спящая красавица, право на власть которой признавалось всеми. Но как бы ни выглядела мама... Чапыжка чувствовала это беспокойство, сосущее ощущение под ложечкой, что что-то не так. Что-то идёт не так, пойдёт не так, или уже давно пошло не так. Ей хотелось хоть как-то помочь, повлиять на ситуацию, отплатить Лешей хотя бы каплей добра, которую она от неё получила... Но не имела ни единого понятия, как это сделать. Ведь ей даже запретили посещать церемонию — и далеко не из-за мух, нет. Богиня прекрасно понимала, какой опасности подвергает всех, кто будет находиться на свадьбе, и если у неё и была возможность не подвергать риску хоть кого-нибудь из близких людей — то были её бесценные дочери. Чапыжка не сомневалась, что бесценные.

— Ладно, — кивнула тётя Ёлко и нагнулась, чтобы подобрать выроненную палочку. — Последняя деталь — украшение.

— Я попросила семью Глашек найти что-нибудь ценное из своих запасов...

Сепия Маллой открыла скромную шкатулку, после чего запустила в неё руку. В слабый свет люстры попала брошь с красивым изумрудным камнем. Ну, как «красивым»? Разумеется, ничего из бижутерии семьи Глашек не могло сравниться с богатством рода Маллоев. На каждую такую брошь у них нашлось бы по сундуку драгоценностей несколькими порядками красивее, чище и благороднее, но ведь суть была не в этом. Украшение должно было представлять символическую ценность, а не материальную, потому подойти могло что угодно — хоть плохенький изумруд, хоть кривенькое ожерелье, хоть...

— Стойте! — вдруг воскликнула Чапыжка и подорвалась к троице. Обе тёти тут же замерли и повернулись на девочку. — Мама говорила, что это — самая ценная вещь в её жизни!

Две пары глаз уставились на облезлого енота в вытянутых Вельзевулой руках. На лице Ёлко тут же заиграл скепсис, она нахмурилась, но не успела ничего сказать, потому что выступила свекровь богини:

— Пожалуй, раз она так сказала, — брошь вернулась в шкатулку, и элегантные пальцы ухватились за потрепанную игрушку. — То кто мы такие, чтобы ей перечить?

Ёлко фыркнула и пожалала плечами, но тут же пришла на помощь к Сепии в вопросе подвязки енота к платью. Пока обе тёти работали с иглой, Чапыжка продолжила стоять у кровати, заламывая теперь опустевшие руки. Она чувствовала, как сердце идёт ходуном, а к лицу прилила кровь. Решиться на это было тяжело, но Вельзевула понимала, что... поступила правильно. У неё было ощущение, что эта игрушка действительно имеет ценность, что енотик как-то поможет богине, даже если она спит... Или... Именно потому что она спит.

4.

Начавшийся снегопад не мог оказаться поводом для того, чтобы прекратить торжество. Напротив, скорее, это было знаком того, что им стоило ускориться. В конце концов, каким бы ни обещал быть сегодняшней бой, не стоило заставлять Гало жениться в полумраке, вызванным густыми облаками. Стоило дать его церемонии хоть капельку света, покуда тот не исчез окончательно.

Поэтому все начали вставать по местам. Черная ковровая дорожка оказалась разделителем гостей, который вёл к красивой арке с изображенной на ней крылатой богиней Морте Сантой. Там, у самого изголовья, стоял Гало, не знавший, куда деть руки, и постоянно поправляющий то воротник, то пуговицы, то рукава. Даркен стоял в первых рядах и от души

веселился нервозностью друга — этим человеком-глыбой, самым яростным бойцом УСИМ, мегатериумом от мира людей. Ни одна дуэль, ни одно сражение не могло вызвать у «номера три» и четверти эмоций, которые он сейчас показывал на лице.

— Мой мальчик становится взрослым, — смахнул слезу Дарк, чем привлёк внимание стоящего рядом с ним Вацлава. Тот никак не прокомментировал фразу и просто обратил взор к началу ковровой дорожки.

Там, в своей самой прелестной ипостаси из всех возможных, на невысоких каблучках шагала вперёд Илега Шайс — под ручку со своим поджарым и активным папой, который явно негодовал от необходимости замедлить своё движение в такт дочери. Дворяне тут же замолкли, показывая свои манеры — уж то было меньшим из того, что они могли сделать на свадьбе, по сути, простолюдинов. Тем более, что невеста выглядела просто сногшибательно. Если бы Броня оделась хотя бы в половину так роскошно, как её камеристка, Дарк, пожалуй, мог признать, что в его сердце имеется немного места под любовь к будущей жене. Форгерийская мрачность шла острым черта Илеги, как влитая, пышное чёрное платье с закосом под звёздное небо выглядело красиво, таинственно, и, стоило признать, оригинально. А готический макияж на лице девушки, способный показаться нелепым в иной ситуации, однозначно соответствовал церемонии.

Дарк перевёл взгляд обратно на Гало, который теперь просто тянул лыбу на половину лица. К тому же, теперь он находится под аркой не один — откуда-то родилось форгерийское подобие священника, ответственное за воскрешение невесты. Причем, он действительно имел определенное внешнее сходство с католическими попами, но роль играл несколько иную. Этот некромаг не был обязан зачитывать возвышенные речи из христианства, и, скорее, был затычкой в церемонии, без которой вся эта фишка с «перерождением» просто не работала.

После того, как отец Илеги помог той взобраться по ступенькам к арке, он откланялся и ретировался в толпу дворян, где растворился с концами. Невеста выпрямилась, расправила плечи, и с улыбкой взглянула на своего суженого, который ответил ей взаимностью. В этих взглядах Дарк видел многое, но чётче всего виднелось самое очевидное — любовь. Любовь вечная, нет, не до гроба, до скончания веков, ведь она обязательно продлится до Антарктиды, и ничуть не уменьшится даже после отправки на морозный материк. Это тепло переживёт любой холод — и изгнания, и уж тем более тот, что оказался вызван сегодня причудами Перловки.

И «номер один»... Повесил нос. Как бы он ни хотел радоваться за друга, он завидовал ему. Чёрная зависть, белая, всё это было не важно. Просто хотелось оказаться там же, на его месте. Нет, не с Броней, ни спящей, ни бодрствующей. Со своей настоящей возлюбленной. Ёлко Каппек, дворянкой едва ли высших эшелонов, а потому — не имевшей ценности в рамках возможного брака для сына ректора УСИМ. Его родной ёжик не будет смотреть на него так же, а у него не получится давить эту тупую лыбу, обменяться кольцами, и передать своей невесте гордую фамилию «Маллой». Для него она навсегда останется Каппек, даже если выйдет замуж за другого. Потому что это не имело значения...

— Гало Ллорко, согласен ли ты взять в жёны Илегу Шайс? — некромаг достал из пол чёрной мантии костяной кинжал, который вложил в руки «номера три».

Незамужняя девушка не просто переходит в семью мужа, а буквально умирает. С концами. И перерождается с другой фамилией. Словно попаданец, прошлое которого более не играет роли. Ритуал передачи жертвы родителями невесты и жертвоприношения членом

другой семьи — является связывающим актом. Он чем-то напоминал ритуал кровных братьев, сцеплявших порезанную руку. Только в этом случае — более возвышенный и напыщенный.

— Да.

— Илега Шайс, согласна ли ты умереть и переродиться в ином облике, став женой Гало Ллорко? — для невесты у некромага тоже имелся сувенир — венок увядших цветов, который оказался погружен на голову девушки. Та даже не отвлеклась на это, продолжая смотреть на возлюбленного.

— Да!

Весь мир замер. Наступила самая священная часть ритуала. Даже самые родовитые из некромагов не могли позволить себе отвести глаз от того, что должны было произойти с секунды на секунды. Исчезли все чувства, кроме зрения. Именно поэтому, пожалуй, Дарк не сразу услышал слова Гало:

— Морте Санта, святая и благая смерть, распорядительница жизней и силы, прими эту жертву и даруй моей семье — Ллорко — ту, что повинуюсь воле твоей, приведёт её к величию.

Гало слегка загнусявил от волнения, но то, что был обязан сказать — сказал. Илега же ни на секунду не прекращала улыбаться, очевидно, ни капли не боясь будущей смерти. Это не имело смысла. Ведь смерть — это не плохо. — Это просто начало новой жизни.

Когда костяной клинок вонзился в центр груди невесты, она даже не успела вскрикнуть. Гало знал, где находится человеческое сердце, и точно так же знал, как пробить так, чтобы не запачкать кровью прекрасное платье. Дарк попытался на секунду абстрагироваться от происходящего и взглянуть на церемонию глазами обычного жителя Земли. Всё-таки, сцена протыкания жены кинжалом, пока вы оба выражаете на своих лицах максимальную радость и счастье — являлась несколько сюрреалистичной. Но в Форгерии это было нормой, и Дарк не видел причин считать иначе.

Вдруг увядший венок на голове Илеги стал наполняться жизнью. Листья налились краской, расцвели, и прекрасные бутоны белых роз раскрылись во всём своем величии. Вместе с этим новоиспеченная пани Ллорко открыла глаза, и тут же бросилась на шею Гало с радостным «уи-и-и!» Суженые сцепились в объятье столь крепком, что, казалось, сейчас свалятся с алтаря, и сопровождалось их буйство обильными аплодисментами со стороны гостей. Дарк среди них хлопал в ладоши сильнее прочих, и одобрительные выкрики с его стороны были громче иных. Он всё же не мог не радоваться за своего друга, даже если понимал, что никогда не будет на его месте.

Глава 18. Единственный, кого они боятся

1.

Когда к лесу бесшумно подъехал черный лимузин, надежда на благоприятный исход ещё не окончательно покинула Дарка. Когда из него вышел только отец Брони, слабые отголоски надежды продолжали тлеть в его сердце. Но когда Мирек Глашек подошёл к задним дверям и, открыв их, не отошёл в сторону, а нагнулся в салон — надежда погибла с отдающимся эхом в ушах стоном. «Номер один», впрочем, не выразил эмоций, максимум — поджал губы и поднял голову, будто ему совсем не было интересно, что там происходит с лимузином и в какой форме прибыла его невеста.

А прибыла она в форме «лёжа на отце». После того, как мужчина высвободил дочь из заточения автомобиля, богиня перекинулась на его плечи, её ноги свисали со стороны груди, а туловище с головой — спины. Под всеобщее молчание Глашек стал медленно идти к алтарю, на котором уже стоял Дарк. Путь его пролегал через ковровую дорожку, которую, впрочем, уже нельзя было назвать чёрной — снег отбелил её цвет, ровным слоем заняв всё пространство. Снегопад заметно усилился, его ещё нельзя было сравнить с метелью, но ассоциации с поздней осенью уже могли возникнуть запросто. Впрочем, многие из гостей, несмотря на то, что уже были покрыты россыпью снежинок, не испытывали дискомфорта. Согревающие контуры были настолько элементарны, что их умели накладывать дворяне даже до начала магического образования, что уж говорить о тех, кто прекратил учёбу десятки лет назад?

Поэтому мало кого волновало ухудшение погоды, все взгляды были прикованы к летаргичной Лешей. В конце концов, многие из присутствующих здесь если и видели богиню, то только мельком или через экраны гаджетов. Существовал целый пласт людей, планировавших хоть немного поговорить с аватарой хаоса ради минимальных привилегий, и Дарк был уверен, что сейчас эта аудитория испытывала разочарование. Вообще, при взгляде на Броню создавалось много эмоций, и «величие», «страх» и «благоговение» не были среди них.

Это только в фильмах и играх важные для сюжета моменты должны подаваться максимально величественно, так, чтобы пафос тёк изо всех щелей, а зритель или игрок жрал его двумя руками, причмокивая и прося ещё. Чтобы великая Лешая вышагивала вперёд в своём шикарном платье, окружающие ловили каждый её взгляд и вздох, союзники чувствовали защиту, а недруги — ощущение приближающегося конца. Но реальная жизнь была куда более нелепой. «Номер один» разве что мог порадоваться тому, что Броню не везли вперёд на тележке из супермаркета. Нет, он бы не рассмеялся, не сорвал свадьбу и церемонию, но определённо умер бы внутри ещё сильнее, чем был мертв уже.

А ещё Дарк чувствовал, что с каждым шагом Мирека Глашек погода ухудшалось, словно бы Перловка установила какой-то триггер на движение главы семейства. К снегопаду добавился ветер, движения которого создавали неприятные слуху завывания, а небо настолько плотно затянулось облаками, что ранний вечер ощущался не иначе как поздняя ночь. Запах инея бил по лёгким, не жёг их, но создавал неприятное чувство... ожидания. Повисшего в воздухе, которое должно было скоро прекратиться, но чем... Этого знать не хотел никто.

Но он знал.

Броню возложили на заранее подогнанный кем-то пьедестал из мрамора. Дарк даже не заметил, как это произошло, но был очень благодарен, что кто-то озаботился этой деталью. Его совершенно не привлекала необходимость убивать Броню на плечах её отца. Тот как раз закончил укладывать дочь на её лежбище, устало взглянул на Дарка и, зачем-то, кивнул. Но «номер один» кивнул ему в ответ. Оба понимали эти жесты по-разному. Скорее всего, Глашек признал законность ритуала, согласился потерять дочь, отдать её кому-то другому. А может он просто просил защитить её. По крайней мере, именно это «номер один» и пообещал своим кивком.

Сама же Лешая предстала перед ним далеко не так торжественно, как Дарк ожидал. Скорее всего, виной тому был сон — тяжело выглядеть, как богиня, когда ты выглядишь, как труп. Бледная кожа, лицо без макияжа, руки, сложенные на животе... Её уже действительно будто убили. Что от него тогда нужно? Какой в этом смысл? Нелепость. Впрочем, не настолько нелепо, как прикреплённый к груди Брони плюшевый енот Тимка. Кому пришлось в голову нацепить его в качестве украшения? Впрочем, разве была какая-то разница?

— Даркен Маллой, согласен ли ты взять в жёны Броню Глашек? — уже знакомый некромаг задал вопрос повторно, но теперь не Гало, а ему. Вообще, по изначальному плану церемонию должен был проводить кто-то из знати, уровня там Вацлава или Слунце, но Дарк отказался от этой затеи. Пышность и понтовость свадьбы, конечно, была хорошей вещью, но сейчас в ней имелось совсем мало смысла. Хотя бы по причине того, что «номер один» был уверен, что Перловка банально не даст завершить церемонию.

— Да.

— Броня Глашек, согласна ли ты умереть и переродиться в ином облике, став женой Даркена Маллоя?

На секунду, нет, пожалуй, на долю секунды «номер один» поверил, что Броня сейчас откроет глаза и огласит свой ответ, но... Разумеется, этого не произошло. Снег продолжил накапливаться на лице девушки, превращая её в, скорее, ледяную скульптуру, чем живого человека. И, разумеется, эта скульптура не могла сказать «да».

Поэтому некромаг и не ждал дольше необходимого. Он умел сохранять хорошую мину при плохой игре, поэтому отсутствие ответа не могло помешать ему. Не могло помешать ему... Но могло помешать Дарку. Потому что... Лешая дери, это неправильно! Она должна дать согласие! Если Броня не ответит ему лично, то всё это не будет иметь смысла! Не изменится её фамилия, не произойдёт чудесная малая смерть, и, разумеется, Перловка не угомонится от подобного исхода, посчитав его нелегитимным! Да что там, весь цивилизованный мир посчитает такую «свадьбу» нелегитимной, но будет молчать в тряпочку исключительно из-за престижа богини! В чем, курва, смысл?!

— А как же сценка, где главный герой истории врывается в храм и орёт во всю глотку «протестую»? — этого голоса Дарк ждал, но... Не в такой форме, в другом месте и от другого человека. Броня продолжила молчать, а вот её более мерзкая и отвратная версия с именем Перловка, наконец, дала о себе знать. Зеленовласую фигурку было тяжело различить из-за обильного снегопада, но тот словно бы специально расступался вокруг своей хозяйки, позволяя увидеть силуэт самозванки. Она заняла место на ковровой дорожке, и вырядилась специально таким образом, будто именно Перловка должна была быть невестой на свадьбе, и вообще произошло какое-то недоразумение. Причем, платье этой версии выглядело куда более древесным, чем у Брони, словно бы она полностью покрылась корой, и превратилась в какое-то подобия энта. Выглядело это, на самом деле, не очень. Лешая, конечно, имела с

собой воспоминания кучи народа, но модельеров среди них не имелось.

— А ну выйди и войди нормально! — Дарк положил кинжал на пьедестал и с вызовом уставился на Перловку. — Тебя даже отвести некому до алтаря! Где твои родители, а, а?!

— А мне и не нужны родители, ведь женой будешь выступать ты, и-ти-ти-ти! Насколько мне известно, твоя матушка ещё в Богемии. Кстати, где она?

Перловка стала медленно шагать вперёд, то и дело смотря по сторонам. Из-за метели Дарк плохо видел гостей, но не сомневался, что они инстинктивно отодвигались прочь от Тёмной версии богини. По крайней мере, те голоса и вскрики, которые слышались в завываниях ветра, говорили ему именно об этом.

«Номер один» был уверен, что мог бы сейчас зачитать скороговоркой слова ритуала и в секунду проколоть сердце Брони. Куда меньше он был уверен в том, что это бы её убило. И куда меньше он был уверен, что это будет иметь смысл. Перловка со всей её любовью к символизму прекрасно понимала, что наскоро завершённая церемония, в которой Броня играла роль трупа, а не невесты, не возымеет никакой силы в мире Форгерии. Она признает ни смерть, ни перерождение, ни смену фамилии. Просто подойдёт к нему, отберёт кинжал и прикончит сама, а затем уже воскресит — в форме Даркини Перловой, с бубой пятого размера и талией в шестьдесят сантиметров. Возможно, первая брачная ночь начнётся в тот же момент, на потеху всего высшего света. С этим «номер один» смириться не мог.

Но, как выяснилось, не он один. Из всех дворян, что сейчас стремительно отодвигались прочь от ковровой дорожки, на неё вышла одна фигура. Дарк прекрасно понимал, что из всех собравшихся только один из них был достаточно глуп и настойчив.

— Вацлав, твою же маму...

— Боюсь, ты прибыла не в самый подходящий момент, — принц начал возвышенно и горделиво, как и полагается его сану. Он выпрямился и обнажил неизвестно откуда взявшийся клинок — хоть немного подготовился. Потому что идти с волшебной палочкой против Перловки было не просто глупо, а за гранью идиотизма. — Перед тобой принц Вацлав Лотарингский, наследник богемийского престола, и я не позволю тебе причинить вред ни моим подданным, ни верным союзникам!

Казалось бы, совсем недавно финский князь занимался тем же самым — упоминал свой титул, кичился перед лицом соперника и размахивал оружием... Но сейчас впечатление было совершенно иное. Потому что за этими словами слышалась власть, желание постоять за себя и за страну, искренняя попытка защитить близких тебе людей. Но и эти ощущения рождались не на пустом месте. Потому что Гидеон Аты рассчитывал, что будет сражаться против зарвавшегося мажорика из золотой молодёжи. Вацлав Лотарингский же знал, что выступает против богини.

— И-ти-ти, как это мило! — Перловка же не лишилась своего энтузиазма. Она встала всего в метре от мужчины, как раз в радиусе поражения его клинка. — А «принц» — это вкусно? Его душа питательнее, чем душа крестьянина? Потому что убить его мне будет ни капли не тяжелее, чем крестьянина...

Пропев последние слова, Перловка решительно зашагала вперёд. Вацлав же решил не выдавать никаких пафосных ван-лайнеров, а замахнулся из-за плеча и издал боевой клич. Дарк не видел смысла помогать принцу или пытаться остановить его. Время попыток давно закончилось, и Вацлав своё решение принял. «Номер один» разве что мог приготовиться нажимать метафорическую кнопку «F».

Но то, что произошло дальше, едва ли было ожидаемо хоть кем-то. Вацлав не разлетелся на кусочки, не расплавился в слизня и даже не превратился в дерево из Стенающей рощи. Его меч как сквозь масло прорубил Перловку напополам и отделил верхнюю часть тела от нижней.

2.

И-ти-ти-ти...

Зловещий смех исходил откуда только возможно, но только не от трупа Перловки. Её голос растворился в метели, кружил над лесом, шептал в уши и проникал внутрь разума. Там он, словно паразит, вгрызался в твои мысли, заставлял повторять неприятные звуки уже внутри черепной коробки, принуждал теряться в догадках — смеется ли до сих пор Перловка, или твоё разыгравшееся воображение попросту не может забыть это мерзкое ощущение.

Дарк достал палочку и наставил её на затянутое облаками небо. Черета вспышек вырвалась из наконечника, и послание было отправлено к кружащим над полем боя дронам. Однако тут же до «номера один» дошла простая и в то же время ужасная истина.

Дроны. Нихрена. Не видели.

Метель стала настолько сильной, что даже самый клюквенный режиссер из Голливуда, снимавший фильмы о сибирских ГУЛАГах, не смог бы повторить такой размах. Снег превратился в крайне плотный туман, пожирающий всё вокруг себя, в котором ты лишаешься всех органов чувств — зрения, запаха, по сути, даже слуха, если тебя удовлетворяло слышать лишь вой ветра, напоминающий ураган. Дарк и вовсе не мог быть уверен, что рядом не было урагана, и вообще терялся в догадках по поводу того, что происходит дальше пары метров от него. Даже некромаг, ответственный за церемонию, то ли уже куда-то слился, то ли отошёл буквально на шаг в сторону, от чего стал невидим. Они остались с Броней одни.

— Пан Маллой! — голос Лукана стал усладой для ушей «номера один». Он тут же повернул голову в сторону звука, и обрадовался ещё сильнее увидев, что подчинённый принёс с собой. Паны Кучера и Злобек тащили при помощи поводков приличных размеров голубую бочку, которую легко можно было бы встретить в шутерах, будь она красной. — Мы нашли...

— Красавцы! — оборвал его Дарк. — Быстро взрывайте!

Дворян дважды упрашивать не пришлось. Поводок Вика вскрыл бочку одним взмахом, и потоки воды тут же закружились вокруг «номера один». Столб из жидкости вскоре обрёл стабильную форму и начал расти вверх, ограничив зрение Дарка ещё сильнее во все стороны, кроме оси зед.

Во время подготовки к бою никто не рассчитывал, что с погодой повторится та же ситуация, что и вчера. Однако глава ордена рыцарей плюшевого енота не был бы главой ордена рыцарей плюшевого енота, если бы не подготовился и к этому варианту. Водяной щит отлично показал себя ещё в Праге, так в чём был смысл отказываться от него в лесу? Разумеется, вряд ли Перловка намеренно пыталась вырубить связь между некромагами и дронами, преследуя больше символизм ради символизма и хаос ради хаоса, но из-за её хотелок вся стратегия борьбы с ней чуть ли не пошла по наиболее красивому женскому месту.

— Я крутой! — крикнул Дарк и выстрелил в открывшееся небо серией вспышек. Ещё до того, как «номер один» успел убрать палочку, воздух вокруг него засвистел, и послышался

звук мощного удара о землю, который затем повторился с более низкой громкостью. — Воду сохраните!

Дарк успел заметить, как Вик собирался метнуть заслон из жидкости в сторону, но вовремя остановился и начал чуть ли не буквально наматывать её на поводок. Как только щит перестал мешать зрению «номера один», он увидел два напоминающих гроба контейнера. Лукан подорвался к самому большому из них и «вскрыл» его пинком в крышку.

— Вик, доложи обстановку!

Зеленая преторианская броня закреплялась на Дарке с щелчками соединений, вставок и прочих деталей, которые только могла запихнуть в него Ростинка. Униткань прилипла к телу, как плотный комбинезон, наполнила мышцы силой и объёмом, а бронепластины, помимо защиты, придали образу форгерийского думслэера непередаваемый стиль.

— Мы практически ничего не увидели, — ответил некромаг печального образа, не прекращая закручивать на поводке водяную дубинку. Она бы наверняка давно замёрзла, если бы её всё это время не грели специальные контуры. — Направились сразу к вам.

— Насколько я понял по крикам, — добавил Лукан, помогая «номеру один» впихнуть руки в перчатки. — Перловка как-то оцепила периметр, в результате чего все, кто пытаются из-за него выбраться... Явно не испытывают положительные эмоции.

Пока пан Кучера устанавливал на голову начальника тяжелый шлем, тот вскрыл палочкой оставшийся запёртым «гроб». Крышка со слабым лязгом отлетела в сторону, скрылась в сугробе, и Дарку открылось содержимое столь драгоценного контейнера.

— О-о-о да-а-а...

Уже через стекло визора «номер один» впервые увидел свою малышку — цепной меч из множества сегментов, способных как расходиться, чтобы превратиться в более длинное подобие корсиканского поводка, так и собираться вместе, становясь двуручным клинком из пласта. Конечно, ему не довелось воспользоваться столь прелестной игрушкой, но он уже знатно потренировался с яплетью, а потому мог быть уверен в своих силах. Да и как можно не быть уверенным, когда ты одет в лучшую броню планеты, имеешь лучшее оружие планеты, а сам являешься лучшим некромагом планеты?!

— Вперёд, оруженосцы! — крикнул Дарк, указал вперёд мечом и сорвался с места. — Зачистим область, покуда не объявилась сама Перлуша!

В таком снаряжении «номер один» чувствовал себя не то, что танком, скорее, бронепоездом, которому было плевать на непогоду, препятствия и неровности ландшафта. Он понимал, что если сейчас прыгнет — то взлетит в воздух на несколько метров, начнёт бежать — побьет рекорды олимпийских чемпионов, а если вмажет кому-нибудь «отдающей» рукой — от того не останется и мокрого места. Но устроить хаос мешала пара проблем — во-первых, его оруженосцы оставались всё так же одеты в свадебные костюмы, а потому каждый шаг, каждый метр, каждый сугроб — давался им с величайшей трудностью. Особенно Вику, которому приходилось поддерживать на поводке баланс жидкости.

А во-вторых — Дарк банально не знал, куда ему бежать.

— Вик, вода, видимость!

Некромаг понял, что от него требовалось. Поводок выпрямился, и потоки жидкости превратились в сплошную водную стену длиной метров в десять и шириной в полтора. Заслон работал прекрасно — метель, несмотря на всю свою силу, не могла пройти через него, а потому Дарк и соратники могли позволить себе увеличить видимость буквально в несколько раз. За счёт этого у них и вышло разглядеть в буряне отдалённые фигуры.

— Лукан, защищай Вика! Если с ним что-то случится, подхватывай воду!

Эта вода сейчас стояла больше жизней обоих оруженосцев вместе взятых. Всё потому что она оставалась единственным способом передать дронам сигналы — а шесть из семи козырей Дарка работали только за счёт связи с внешним миром. Такое большое преимущество отдавать было кощунственным, и «номер один» рассчитывал, что подчинённые продержатся подольше, даже если из-за этого рискуют попасть под прицел Перловки. Ему было жаль Лукана и Вика, но он не мог пожертвовать всем только ради их выживания.

Сразу после того, как группа пришла в движение, до неё начали доноситься отдалённые крики, смешавшиеся со стоном метели. Теперь же, когда заслон прочистил видимость, стали видны и источники этих криков. Где-то недалеко проходил бой, и Дарк не долго силился с тем, чтобы понять, кто были его участниками. Он просто пригнулся и совершил мощный прыжок вперёд, после чего в миг приземлился перед двумя неизвестными фигурами. Его появление заставило сугроб под ногами взорваться фейерверком, что сыграло как отвлекающий фактор. Дарк схватил одну из фигур за горло и, как только он увидел, что та одета в броню — с силой сжал пальцы. Жалобный хруст димагетика возвестил о смерти бедолаги.

Второй же некромаг только к этому моменту понял, что произошло, и в страхе поднял перед собой клинок — но выпущенное из него проклятье «номер один» поймал на труп, оставшийся в его руках. Затем этот труп был использован в качестве снаряда, сбившего противника с ног, и ботинок Дарка закончил работу, раздавив голову врага. Снег совсем ненадолго стал красным, пока метель не вернула ему исходный цвет.

Рыцарь ордена енота прекрасно понимал, что из всех людей, находящихся на свадьбе, доспех мог носить только он. Ведь остальным полагалось быть гостями, и даже если они и знали о возможной бойне, пронести броню на церемонию было если не невозможно, то, по крайней мере, очень сложно, тем более — сделав это незаметно. Вывод оставался один — Скворонский в очередной раз повёлся на обещания Перловки и пошёл фидить Даркена своими самоучками.

Однако перед этим предатели успели устроить небольшой дебош. То было понятно по уже наполовину занесённым снегом трупам какой-то дворянской четы с палочками в руках. Видимо, они отделились от основной массы гостей, за что и поплатились. Дарк не мог их винить, в таком хаосе даже он не сразу понял, что ему стоит делать, но воскрешать дворян не решился. Пожалуй, трупами им будет безопаснее.

— Эй! — Дарк приставил к горлу клинок и усилил свой голос. — Меня ищите?! А я туточки!

Он подождал ровно пять секунд, после чего прыгнул обратно к Вику с Луканом, которые так и не успели догнать «номера один» из-за сугробов, доходящих им уже до колен. Некромагу печального образа же приходилось тяжелее всего — если нувориш ещё мог помогать себе поводком, тому приходилось удерживать магией щит.

— Вик, — Дарк нагнул голову к оруженосцу, который всячески старался удерживать прямую мину пока браслет ломал его руку уже на протяжении нескольких минут. Благо, воспоминания о боли он тут же запускал в поддержку контура, но перед этим её все равно приходилось испытать. — Устрой-ка нам раскрутку!

Пан Злобек вопросительно поднял бровь, и «номеру один» пришлось сделать оборот на триста шестьдесят градусов, чтобы его указание стало понятным. После этого печальный

некромаг кивнул и начал медленно переводить кисть правой руки по часовой стрелке. Барьер стал смещаться, как и поле зрения, и не бесплодно — Дарк увидел то, что ожидал. А именно — бегущих в их сторону фигур — высоких людских и не очень высоких, но передвигающихся на четвереньках. Конструкты.

— Ву-ху!

Даркен влетел в заварушку с очередного прыжка, который с хрустом и криком закончился на теле какого-то некромага. «Номер один» тут же развернулся и выпустил цепь клинка в сторону членистоного, и на таракана намотались все шесть звеньев оружия. Каждое из них выдало в тварь свой контур проклятий, и существо попросту разорвалось на кусочки от перегруза системы. Сзади слышались шаги, Дарк скрутил клинок в спираль за спиной, и брошенный в него кусок статуи с грохотом развалился на части.

— Извини, меня ждут дела! Встретимся на следующем обороте!

После чего Дарк серией прыжков догнал смещающийся щит Вика, который продолжал чертить круг. Водяной щит оголял всё больше и больше врагов, которые, очевидно, всё так же ориентировались на крик «номера один», изданный недавно с целью привлечь внимание. У врага со связью тоже были проблемы, а потому приманка вышла знатная. Никто из них даже и не думал о том, что повеса из рода Маллоев не будет стоять на месте, а сама кинется в атаку, уничтожая всё в десятиметровом радиусе от своих оруженосцев.

— Раз! — пинком в прыжке Дарк снёс голову новому предателю, подхватил её цепью и бросил в бегущего на него конструкта. — Два!

Пропитанная заклинаниями башка взорвалась фонтаном, и кровь со свойствами кислоты впиталась в панцирь монстра. Тот успел только поднять богомольи лапки вперёд в отчаянной попытке укрыться. Но его было совсем не жаль.

— Три! — «номер один» захлестнул конструкта сверху-вниз, и оплавленный панцирь лопнул, как стекляшка на огне. Кончик же клинка уперся в землю, закрепившись, и Дарк смог подлететь к трупике за счёт соединения звеньев друг с другом. — Четыре!

В своей преторианской броне парень мог позволить себе скакать по полю боя с умопомрачительной эффективностью. Доспех постоянно жёг его левую руку, заполняя тело магическим потенциалом, а «номер один» был только рад высвободить его при любом удобном случае — тем более, что он даже не притронулся ко внутренним запасам праха. В таком темпе Дарк мог сражаться вечно, тем более что наложенные на него магические контуры только распалили разгоряченное адреналином тело. Сердце стучало, как бешеное, удерживаемое не столько грудной клеткой, сколько защитной пластиной, кровь била по виску бешеной мелодией, а сам «номер один» уже откусил половину нижней губы, чувствуя незабываемый коктейль из эмоций. Ростинка — справилась. Он — разогрелся. А Перловку... Уже ничто не спасёт.

3.

Радар — одно из лучших изобретений человечества. О, нет, он не сравнится с интернетом или паровым двигателем, куда ему. Но сейчас дела обстояли так, что у Дарка не было ни интернета, ни парового двигателя. А радар — был. И именно он позволял «номеру один» устроить небольшую локальную промышленную революцию, единственным производимым товаром которой были трупы.

Вик продолжал крутиться волчком, а Дарк не прекращал прыгать с места на место и по пути уничтожать всех встречающихся противников. Любая цель в его радиусе поражения не имела шансов ни на выживание, ни уж тем более на попытку нанести ему какой-то вред.

Конечности летели во все стороны, кровь следовала за ними и уносилась метелью, и только энтузиазм «номера один» оставался прежним. Даже то, что водяной барьер оруженосца разбивался о фигуры врагов перед тем, как сомкнуться вновь, не сильно мешало бою. Да, часть жидкости оставалась на чужой броне или хитиновом покрытии, но это не было критично — Лукан поводком выжигал снег и набрасывал получившийся продукт на Вика. Схема была самодостаточной... Но не отказоустойчивой.

Проблемы начались тогда, когда Дарк внезапно для себя осознал, что он начал выбирать не «крутые» способы разобраться с силами противника, а более эффективные и быстрые. А причиной было, очевидно, то, что неприятелей становилось всё больше. Если раньше «номер один» мог позволить себе в красивом трюке убить всех врагов, высвеченных радаром, а затем ещё и подскочить к заслону в ожидании новой порции фрагов, то теперь ему буквально приходилось «впрыгивать» из метели в зону нормальной видимости.

В результате этого Дарк стал всё сильнее смещаться к Вику и Лукану, сужая радиус области, за которую был ответственным. Это помогало угнаться за радаром, но не помогало избавиться от врагов. Они же не могли до сих пор бежать на тот крик, или могли? Может, «номер один» недооценил их, и кодла Сковронского смогла замутить себе связь в условиях антимагического поля Перловки? Столько вопросов, а в качестве ответа Дарк мог предложить только насилие по отношению к противнику.

— Так, я понимаю, что глаза у тебя фасеточные, но искренне заверяю — я не вкусный, — прокомментировал «номер один, когда после очередного убийства самоучки ему в запястье вцепился таракан-переросток. Не имея возможности прожевать пласть, он выглядел даже немного мило — будто собака, принесшая мячик. Только этих «собачек», желавших принести ему «мячик», в поле зрения наблюдалось не менее десятка, и все они находились в опасной близости от Лукана и Вика.

Два удара рукоятью меча хватило, чтобы раздробить череп жука, но не хватило для того, чтобы его прикончить. А это было критично — на Дарка напрыгнуло ещё два конструкта, по шпуре на каждое плечо, и начало пытаться протолкнуть тоненькие клешни в щели между броней. «Номер один» тут же намотал вокруг себя цепь, чтобы серией заклинаний взорвать тварей, но не успел наложить контуры — прямо в грудь ему из метели влетела мраморная голова какой-то из статуй. С громким «уф» Дарк полетел назад, прямиком на Вика, который в отсутствие новых приказов продолжал крутить радаром. Некромаг печального образа успел только вскрикнуть, как с его начальника тут же слез один из конструктов и вцепился ему прямо в грустное лицо.

— Лукан, курва, лови воду! — только и успел проговорить Дарк, не уделяя внимания крикам подчинённого и осознанию того, что у него только что стало на союзника меньше. Впрочем, Вика воскресить легко, а вот нагревать несколько десятков литров снега — куда как тяжелее и дольше.

— Ловлю! Ловлю!

Пока на начальника продолжало напрыгивать всё большее и большее количество конструктов, Лукан совершил нелепый прыжок вперёд, будто вратарь, пытавшийся дотянуться до мяча — только не руками, а поводком. К сожалению, в высоких сугробах шансов у оруженосца было немного. Даже распластавшись на полную длину тела, он едва ли успел «ухватиться» за краешек падающей воды, в то время как жестокая физика уже «съела» дальний край барьера на земле. В результате нувориш смог спасти только жалкие два-три литра жидкости.

Всё снова погрузилось в белую тьму метели — мир исчез за рамками противников, облепивших Даркена на земле и не дававших ему подняться. Твари были умны — упёрли длинные задние лапки в землю, чтобы повисить свою устойчивость, а верхние использовали для того, чтобы кромсать недруга. Не имей «номер один» под пластинами комбинезон-униткань, то очень быстро бы лишился конечностей и головы. Сейчас же он лишался только своей гордости, впрочем, костюм уже начал задействовать внутренние запасы праха для восстановления повреждений доспеха.

А это было плохо. Хиханьки-хахоньки, но он **ВООБЩЕ** не должен был потратить никаких сил на свору Сковронского, особенно столь трудновосполнимых, как прах. Предатели-самоучки были настолько незначительным препятствием, что не заслуживали от него и процента ресурсов, которые должны были уйти на Перловку. Но жизнь любила портить любые планы, и с этим оставалось только смириться. Однако Дарк не собирался смириться.

Какофония из стука хитина о металл резко прервалась, когда клинок в руке «номера один» совершил оборот без движений руки и снёс с доспеха всех членистоногих. Тут же цепь упёрлась в землю и помогла Дарку вскочить на ноги. Он окинул взглядом ползающих под ним располовиненных жуков, продолжавших тянуться к нему лапками-клешнями.

— Гост... бастерс!

Цепь стала крутиться перед мужчиной, как лопасти вертолета, создавая мощные потоки воздуха и превращаясь в едва ли различимое месиво. Если ты сунешь палец под винты вентилятора, то рискуешь оказаться с поломанными костями, но оружие Дарка было более брутально. Мужчина просто шагал вперёд и превращал попавших под «горячую руку» противников в кровавую кашу. Пожалуй, слова «мясорубка человеческих размеров» лучше всего описывали зрелище вместе с его звуками и запахами, а «номер один» и не думал прекращать «крутить ручку» своего «инструмента». Сначала он просто зачистил зону вокруг себя от недобитых тараканов, а затем стал пробиваться к бывшему местоположению Лукана, чтобы узнать, что с ним случилось.

Путь же его был сопряжён с некоторыми помехами. «Помехи» представляли собой конструкторов и некромагов, которые в условиях метели видели всего лишь на метр вперёд, а потому могли различить вентилятор смерти только когда он начал перемалывать их кости. Стоны и крики заполнили пространство, пластины брони и хитин хрустели в унисон, а доспех Дарка уже с ног до головы был покрыт кровью, из тёмно-зеленого превратившись в багрово-красный.

— Лукан, живой? — Дарк вовремя остановился, сумев кое-как различить на земле черную ткань костюма вместо блеска металла. «Лопасть» тоже заглохла.

— Я притворялся мёртвым, — признался оруженосец, поднимая голову из сугроба, в который упал. Его лицо, впрочем, не было белым — а в цвет кишков, выпущенных недавно из союзника. — Я прощупал Вика, и он определённо больше не с нами. Отправил, конечно, на него пару контуров, но вряд ли ему это помо...

Слова Лукана оказались резко прерваны толчком. Нет, не так, **ТОЛЧКОМ**. Земля сотрясло с такой мощью, что будь гравитация на ней чуть слабее, все эти многометровые массивы снега поднялись бы в воздух минимум метров на сто, и вот даже не факт, что они вернулись бы назад. Потому Дарк и не удержался на ногах, ему пришлось свалиться на четвереньки, оказавшись лицом к лицу с оруженосцем. Тот понимал явно ничуть не больше, чем свой начальник.

— Вода! — крикнул ему Дарк, озираясь по сторонам. — У тебя есть хоть сколько-нибудь, чтобы засветить обстановку?

Мощный толчок повторился, и теперь «номер один» понял, что у него имелось направление. А именно — чуть спереди от них. Совсем, совсем близко. И тут, крутость не крутость, но нервишки у Дарка стали пошаливать. Нет, не потому что он терялся в догадках о том, ЧТО могло быть причиной таких звуков. Просто «номер один» поднял голову и понял, что водный радар им больше не нужен. Теперь в качестве барьера выступала тридцатиметровая фигура человека, находившаяся в шаге от них.

— Есть! — обрадовался Лукан, узнав, что может показать пользу, но не узнав, что именно находится за его спиной. Непрозрачный визор начальника также не помогал проследить за взглядом оного. — Пока лежал, сжёг с десятков килограмм снега, вот, посмо...

Уже вторая реплика нувориша оказалась прервана, но на этот раз куда более грубо. Из метели вылетела мясная нога нечеловеческих размеров, смела голову Лукану, подхватила тело Дарка и запустила его в долгий полёт через снежную бурю.

4.

«Номер один» мог бы разделить участь своего оруженосца, если бы его броня не была выкована гением-кузнецом. На самом деле, находясь в полёте, Дарк задумался именно о том, почему Ростинка вдруг являлась гением-кузнецом, если её оригинал специализировался именно на големах... Вроде того, что сейчас заглянул к ним на свадьбу.

Мысли же не долго бороздили разум мужчины. Очередная статуя «поймала» его спину, но подачу не выдержала и разлетелась на кусочки белым дождём, слившимся с бурей снежинок. «Номер один» едва слышно вскрикнул и вдруг осознал, что его скелет явно не пережил то ли удар, то ли приземление. Подумаешь, мелочи... Какие-то кости. Костюм запыхтел, проводя через тело потусторонний холод и прах, превращавшийся в кальций на замену утерянному. Затраты ресурса, но это было простительно. В конце концов, Ганя метил на роль бога, значит, рассчитывал быть примерно на уровне «номера один».

— Вот только одну деталь ты упустил, — прокряхтел Дарк, вставая на колени. — Ты не такой крутой...

— Босс! Вот ты где!

Из метели вырвался знакомый силуэт шкафа с натянутым на него костюмом. Гало подхватил Дарка под руки и помог подняться. Может, в иной ситуации «номер один» оценил бы такую инициативу, но не сейчас.

— Курва, ты что творишь?! — закричал он. — Почему не с Илегой?! Ты должен её защищать!

— Уже защитил, — Йотун невозмутимо показал кулак с надетым на него кастетом, по которому стекала кровь. Почему-то этот жест в сочетании с внешностью Гало и костюмом напомнил Дарку «авторитетов» из девяностых его прошлой жизни. — Сковронский кончился.

— Серьёзно?

Номер один чуть подзавис. Нет, конечно, Гало ни по каким параметрам не был слабаком, но без брони одолеть столь мощного противника? По крайней мере, казавшегося мощным. Как же низко пал этот некогда внушавший ужас дуэлянт... Он ведь даже был кем-то вроде финального босса в позапрошлый книге о приключениях Дарка «Даркен Маллой и душный завод». Теперь же он по законам дешёвых РПГ превратился в рядового противника, лёгкое убийство которого показывало игроку, как сильно тот прокачался. Жизнь имитирует

искусство...

— Ну да, но не совсем, — громила почесал затылок. — Нас тут всё-таки много. Он пришёл толкнуть какую-то речь, ну а мы ему тоже решили кое-что кое-куда затолкнуть.

— А, много. Кто ещё?

— Куча гостей же, босс. Тут край свадьбы, дальше — какие-то бессмертные энты. Пытаешься прорваться через них — становишься таким же, как они.

— Я-я-ясна.

Перловка устроила им тут широкий загон с чётко обозначенным игровым полем. Судя по всему, сама она на праздник жизни ещё не заявила, но за происходящим как минимум наблюдала и ждала момента, когда ей будет удобнее всего совершить свой ход. В таком ключе максимально очевидно становилось то, что Сковронский и Ганнибал не рассматривались, как серьёзные противники для Дарка — скорее, небольшое развлечение для Тёмной богини хаоса. Впрочем, «номер один» и раньше это понимал, и имел чёткое осознание, что бой точно разделится на «до» и «после» появления Перловки.

— Тогда возвращайся к гостям и охраняй их от всякой шушеры. Не думаю, что ты захочешь дважды жениться на Илеге, потому что, если её труп не найдут, Илега Ллорка исчезнет без следа, и придётся снова умерщвлять Илегу Шайс!

— Понимаю, босс, — Гало кивнул, после чего подпрыгнул от грохота сбоку. Он повернул голову в сторону ставшей заметной в метели фигуре — Тебе там это, вторая фаза. Иди, разбирайся.

— Вторая фаза? Фе! — Дарк тоже развернулся и характерно поправил шлем на голове. — Это — мобики перед настоящим боссом. Фазы будут у Перлуши!

После чего прыгнул вперёд, чтобы увести возможный бой как можно дальше от гостей, да и заручиться какой-никакой гарантией, что очередной пропущенный пинок не превратится в полёт до энтов с последующим превращением в кусок дерева.

В пару рывков «номер один» добрался до голема, и вовремя отскочил в сторону, чтобы увернуться от попытки вдавить его ступней в землю. Столкновение мяса с землей привело к новому толчку с бурей поднятого в воздух снега, но Дарк не лишился равновесия, потому что зацепился мечом за палец конструктора.

— Я уже делал в этом томе отсылку на Атаку титанов! — крикнул он, усевшись на ноге голема и задрал голову. — Придумай что-нибудь новое!

И голем придумал. Не то что бы он стал совершать отсылку к какому-то другому произведению, но Дарк почувствовал, как что-то длинное и продолговатое пытается дотянуться до его тела через пластины, и этого длинного и продолговатого было как-то чересчур в избытке. Множество проклятий и контуров навалилось на броню, перегружая её систему и создавая риск полной поломки. «Номер один» спрыгнул обратно в снег, после чего обернулся, чтобы понять, что его только что чуть не прикончило. Осознание было вполне себе ужасающим.

ВСЁ тело Ганнибала состояло из тех самых щупальцев, которые были использованы в предыдущих его творениях. И уже тогда их было слишком много для одного некромага. Теперь же... Их число превышало тысячи. Было невозможно ФИЗИЧЕСКИ использовать столько праха и воспоминаний, чтобы подпитывать такую махину хотя бы секунду. Поэтому единственным очевидным решением оставалось только одно...

— Он питается от сети Перловки...

Будто бы в награду за правильный вывод, голем совершил очередную атаку — но на этот

раз не ногой, а рукой. Причем, с направления, идущего поперёк наиболее очевидным путям отхода, но это ему не помогло. При всех своих габаритах конструктор являлся крайне медлительным и предсказуемым. Когда стелящаяся по земле кисть согнувшегося гиганта стала приближаться к нему, Дарк банально закинул на её верхний край цепь клинка, подтянулся, и перепрыгнул руку, как козла на уроке физкультуры. Щупальца «кожи» попытались дотянуться до него, чтобы высосать немного энергии из доспеха, но контакт был слишком кратковременным, чтобы причинить хоть какой-то вред.

А вот Дарк ситуацией сумел воспользоваться. Оказавшись в воздухе после своего рывка, он задрал голову и увидел псевдолицо голема, в котором, по правде говоря, тот не нуждался, как и в башке в целом. Это заинтересовало «номера один», и он закинул цепь уже к носу конструктора, после чего подтянулся к её концу. Мордашка у монстра была знатная. Без глаз, без губ, ушей — какое-то издевательство над формой человека. Но самой интересной деталью его внешности было то, что на носу, теперь уже вместе с Дарком, на своём мече висел Вацлав Лотарингский.

Глава 19. Флаги смерти

1.

— Ну привет, Ваця. Погода здесь премерзкая, не находишь?

То, что это был Вацлав, у Дарка сомнений не было. В конце концов, кто ещё из присутствующих оденется в доспех с богемским гербом, да к тому же будет достаточно глу... то есть, бесстрашен, чтобы полезть в самое пекло против такой махины? Одно только несколько удивляло — принц сумел таки где-то надыбать броню, что повысило его компетентность в глазах Дарка на пару пунктов. Выходило, что теперь у него имелся союзник.

— Сейчас не время для твоих шуточек! — глухо раздалось из-под шлема.

— А для чего сейчас время?

Вопрос был вполне резонный, ведь в данный момент оба рыцаря просто болтались на носу гигантского мясного голема, как два особо смелых комарика. Дарк искренне не знал, как развивать сражение с этой точки, да и Вацлав, судя по всему, тоже.

В отличие от Ганнибала. Он начал медленно вставать с колена, на которое опустился, чтобы прихлопнуть "номера один", и щупальца, из которых состоял его нос, пришли в движение. Оравой они накинудись на обоих "гостей", пусть и некоторые из них были слишком коротки, чтобы дотянуться до доспехов. Дарк не прекратил раскачиваться на цепи, но задействовал левую руку, чтобы отбиваться от тентаклей — ловил особо настырные из них и поглощал энергию, как и возможные проклятья, поступающие через плоть. Лишившись таким образом заряда, щупальца безвольно обвисали, и их можно было вырвать с корнями до того, как Ганнибал успевал починить систему.

После парочки таких итераций, Дарк подсчитал: у него не было в запасе нескольких сотен лет, чтобы таким образом расчленить всего голема. Поэтому "номер один" и решил обратиться к Вацлаву, который, впрочем, дела имел хуже, чем его подданный. То ли он не додумался высасывать заряд из щупалец, то ли боялся это делать, то ли банально не умел, но принц только тыкал палочкой в щупальца, и те ненадолго отбрасывались назад, чтобы вскоре прийти в себя и атаковать вновь. Ухудшало его позицию и то, что меч Вацлава был куда короче цепи Дарка, а потому и сражаться ему приходилось с большим количеством отростков.

— Как ты добрался до сюда вообще? — спросил Дарк и пнул ногой одно из щупалец, которое пыталось незаметно обвиться о союзника. Ганнибал, тем временем, все ещё поднимался.

— Свита подсадила, — процедил сквозь зубы Вацлав и вдавил палочку в кончик очередного отростка так, что то лопнуло, как переваренная сосиска.

Ответ был исчерпывающим. Дарк же, приловчившись к новому для него виду сражения, задумался. Конечно, голем медленен и неповоротлив, но избавиться от него стоило в кратчайшие сроки. В конце концов, Перловка сама по себе была настолько мощна, что не нуждалась в преимуществах, но если бы она их получила, то шансы на победу над ней и вовсе снижались до нуля. Другое дело, конечно, что она и вовсе могла не явиться до поражения Ганнибала. Так или иначе, вывод оставался один: с ним стоило расправиться.

Но как? Можно было, конечно, воспользоваться одним из козырей, но это было бы максимально расточительно, ведь все они предполагались на конкретный босс-файт с

Тёмной Лешей. Однако ни один из способов классического сражения не мог здесь помочь — слишком велики были масштабы голема, чтобы ему можно было нанести хоть какой-то урон. Как ни посмотри, связь Ганнибала с сетью Перловки была мощным оружием... Связь... А где она? Через что они соединяются?!

— Вацлав, айда наверх!

— Чего?!

Свободной рукой Дарк схватил Вацлава, чуть поднапрягся, вырвал его вместе с мечом из плоти Ганнибала и закинул над собой. Принц вовремя сообразил и воткнул клинок обратно в противника, но уже на пару метров выше, чем раньше.

— Лыжню! — крикнул Дарк, и закинул цепь на ногу Вацлава, после чего раскачался и подлетел на уровень к принцу. Сделал он это крайне вовремя, потому что из метели в нос Ганнибала прилетел огромный кулак, который обязательно бы размозжил обоих бедолаг, останься они на том же месте. Рыцарей тряхнуло так сильно, что они чуть не сорвались с орудий, но голему, размозжившему себе половину лица, сейчас было явно хуже.

— Это был твой план? — спросил запыхавшийся Вацлав, скорее, выражая мысль "ты что, нас спас?", чем "и что дальше?"

— Если я что-то делаю, и у меня получается, то это мой план! Если я что-то делаю, и у меня не получается, то... Такого не бывает, понял?

Вацлав повернул голову на Дарка и просто молча смотрел на него. Несмотря на металл шлема, представить выражение его лица было достаточно легко.

— Нам нужно найти его точку соединения с сетью Перловки! Ты готов?

— Да посто...

"Номер один" решил не ждать, пока принц наберётся решимости, и продолжил буквальную переброску в сторону макушки голема. Вацлаву ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Тем более, что Ганнибал продолжил самоизбиение и крошил своё лицо в самый натуральный фарш, пока что безуспешно. Похоже, у него не было достаточно времени, чтобы научиться пользоваться собственной игрушкой, и Дарк не хотел предоставлять ему такой возможности.

Где-то на третьем прыжке, когда Вацлав уже не висел на лбу конструкта, а забрался поверх него, "номер один" смог занять твёрдую позицию на голове противника. Тогда-то он и увидел, что здесь, буквально с высоты птичьего полёта, метель если не была слабее, то как минимум — менее густой. А потому, при желании, он мог бы послать новый сигнал дронам, если бы этого требовала обстановка.

— Я знаю, почему у этого голема есть голова, хоть она и совершенно не нужна конструкту, — Дарку приходилось чуть ли не плясать на макушке гиганта, чтобы щупальца, из которых та состояла, не ухватили его за ноги. Цепью он указал в сторону затылка Ганнибала, с которого свисала к земле длинная лента, похожая на корни. — Сеть закреплена с задней стороны шеи, оборвём её — и у куклы быстро сядет зарядка. Сама же голова банально мешала нам добраться до связи.

— Так чего мы ждём? — пыхтел Вацлав, который тоже танцевал вполне виртуозно, но его доспех явно не обладал такой прочностью, как у Дарка, а потому рисковал впитать в себя шальное заклинание. Поэтому принцу и приходилось то и дело рубить с плеча щупальца, словно он косил сено, но взамен каждому уничтоженному отростку появлялись два.

Без лишних слов они оба рванули вперёд, длинными прыжками сокращая дистанцию и преодолевая шершавую поверхность головы. Однако забег продолжался недолго — Дарк

резко осознал, что "земля" уходит из-под его ног, прогибается в саму себя и восстаёт кочкой в другом месте, и делает это повсеместно! Мощнейшая тряска вывела из равновесия обоих рыцарей, движение заглохло и теперь уже все ресурсы организма уходили банально на то, чтобы не свалиться вдоль виска Ганнибала. Похоже, полководец прямо во время боя изобрёл новую фишку, и решил устроить им небольшое землетрясение, чтобы не дать добраться до источника энергии.

Это было скверно даже не столько из-за того, что пробраться вперёд было невозможно. Первейшим приоритетом стало банальное выживание, потому что толчки становились более точными, более скоординированными, и уносили Вацлава с Дарком все глубже и глубже в какую-то яму, что становилась с каждой секундой уже, будто петля на шее. Стоит ей сомкнуться — и щупальца просто перегрузят их системы, после чего мигом прикончат. Даже сейчас наиболее настырные из отростков щемились между пластинами, и потусторонний холод, теперь уже вместе с естественным, пробил тело "номера один". Он вскрикнул, чувствуя, как какие-то проклятья стали всерьёз добираться до тела. Доспех успевал нейтрализовать их, но это не мешало его владельцу успевать прочувствовать на себе первичный эффект проклятий. Кости заломило, тошнота подступила к горлу, а органы грозили полезть наружу прямо через кожу. А каково приходилось Вацлаву... Дарк даже не мог и представить.

"Номер один" привёл цепь в движение, заставив её крутиться вокруг себя с умопомрачительной скоростью. Острые грани перерубали в фарш стенки "ямы", пытающиеся поглотить их, но едва ли это имело смысл. Принц же и вовсе прекратил движение, свалившись куда-то к ногам Дарка, но это было и к лучшему, потому что так он хотя бы не рисковал попасть под движения "лопастей". Однако всё это было бесполезно. Как бы "номер один" ни потел, как бы не вертелся вокруг своей оси, из ямы просто не было выхода, выбраться из неё можно было только если взорвать голову Ганнибалу. Неужели придётся потратить на это целый козырь? Это будет разгромным поражением...

За всеми звуками свиста цепи и крошащегося мяса, Дарк не услышал глухое и очень низкое свиное уханье. Тем слаще был сюрприз, потому что мощнейший удар по голему откуда-то извне заставил того отшатнуться назад и запрокинуть голову. Это было лучшим, на что мог рассчитывать "номер один" — дыра в яме из положения над головой сместилась им под ноги, и гравитация сама потащила рыцарей прочь из ловушки. Дарк и Вацлав полетели вниз с высоты в десятки метров. Отсюда прекрасно было видно корни сети, тянущиеся из затылка, но в отсутствие опоры добраться до них было невозможно. Но, как бонус, из-спины голема удалось опознать силуэт их спасителя. Это был гигантский Букль.

2.

"Ай да Ростинка, ай молодец!"

Пока что рыжеволосая тянучка принесла пользы больше, чем Вацлав Лотарингский, который летел рядом с Дарком безжизненным мешком картошки. Может, "номер один" бы и попытался как-то его защитить, но не мог разорваться на несколько дел одновременно, потому что ему требовалось передать дронам сообщение, покуда его брэнное тело не вернулось обратно в метель. Цепь вытянулась в руках Дарка, и её звенья замигали разноцветными огнями — куда эффективнее обычной палочки, ведь каждый элемент оружия передавал определённую часть сообщения. А передать было что — во-первых, саму суть приказа, а, во-вторых, координаты относительно местоположения Дарка, по которым и должна была прийти "посылка". Если бы палочкой "номер один" сообщал всё это секунд

десять, то с цепью удалось уложиться за секунду. Как раз вовремя, потому что метель сгустилась и снова ограничила видимость до минимума. Что же, стоило позаботиться и о пафосном приземлении. Дарк сгруппировался, убедился, что его ноги смотрят в землю, а не в небо, согнул руки в локтях и... О, да!

Взрыв снега оповестил всех вокруг о возвращении "номера один". Упор на колено, словно у рыцаря, дающего присягу, выглядел настолько филигранно и отточено, что, казалось, Дарк практиковал его годами. Возможно, это действительно было так — но знать об этом никому не следовало, потому что крутость происходящего уменьшалась, становилась не искренней, искусственной, и она уже не так сильно поражала сердца людей, как настоящие трюки.

Впрочем, не Дарк один решил совершить "эффектное" приземление. Судя по тихому хлопку где-то сбоку, Вацлав тоже добрался до земли, спиной вперёд. А судя по мощнейшему землетрясению, которое подняло лавину из снега и Дарка в воздух, грохнуться вниз решил и Ганнибал. Не по своей воле, конечно — похоже, Букль банально одолел его в борьбе, и вся эта массивная мясная туша просто рухнула вниз. По крайней мере, это подтверждало довольное уханье некогда ленивого и, по правде говоря, неамбициозного птица.

"Вот это у Букля арка вышла! Ну а что, змеюка Брони свой фоновый бой заслужила, а он чем хуже?!"

Мысли Дарка в очередном невольном полёте были куда спокойнее, чем, пожалуй, должны были. Разве что негодование слегка отравило его разум, потому что уже третьи кувырки в воздухе за последние десять минут заставляли его чувствовать себя не слишком-то и круто, а тут ведь как у Дюка Ньюкема — опустеет шкала Эго, и всё, считай, что умер. Поэтому очки требовалось срочно восстанавливать!

Было ли то случайностью или заранее спланированным "номером один" действием, но ещё не долетев до земли Дарк подтянулся к падающему на него контейнеру, который он вызвал минуту назад, пока падал с головы Ганнибала. Парочка ударов цепью — и металлические пластины разлетелись во все стороны, будто внутри ящика взорвалась бомба. Миру показался он — тот самый Даркоцикл, с чёрным корпусом, неравномерными ручками и, разумеется, циркулярной пилой на носу. Но времени на наслаждение гениальным дизайном не было — "номер один" перекинул ноги через сидение и прочно вдавил педаль газа.

Как раз к моменту, когда колеса врезались в снег, двигатель взревел и понёс мотоцикл вперёд. Разумеется, зимнюю резину на транспорт никто не устанавливал, но, когда речь заходила о поделках великого Даркена Маллоя, такие вещи как "сцепление", "сугробы" и "трение" переставали существовать. Это были слишком обыденные понятия, которым места в сюжете просто не имелось.

Именно поэтому "номер один" не испытывал никаких проблем с тем, чтобы гнать вдоль лежачего тела Ганнибала, приближаясь все ближе и ближе к ногам конструктора. Мотор ревел, хлопья снега летели во все стороны, а едкий аромат бензина дышал в ноздри. Букль тоже повлиял на список ощущений, испытываемых Дарком — очень шумно и активно махал крыльями, в результате чего вокруг него даже расходилась метель. Да уж, видимость в этом сражении была чуть ли не самым главным параметром, и приходилось искать любые способы вернуть её себе хотя бы на пару мгновений. Только так можно было отследить движение противника — Ганнибал уже начал поднимать вверх торс, а обоими руками удерживал клюв Букля запертым, поскольку тот являлся наиболее страшным оружием птица

на данный момент.

Вообще, питомец для первого раза справлялся неплохо. Это даже не было инициативой "номера один", скорее, Ростинка сама решила помочь ему в бою лишней вундервафлей, но Дарк абсолютно точно не был против. Конечно, ни к какой сети Букль не был подключён, но она ему и не требовалась — без миллиона автономных щупалец, птиц мог распоряжаться только когтями да клювом, что снижало его затраты энергии на чёрт знает какое количество порядков. Другое дело, что и защищаться от такого количества атак он не мог, а потому питомцу явно требовалась помощь от хозяина.

Дарк проехал достаточно далеко, чтобы сражающиеся гиганты остались позади, после чего развернулся при помощи цепи, упершейся в почву. Шины закрипели, задымылись от насилия, но с работой справились. Спина Букля показала "номеру один" во всех красе, и, по сути, представляла собой один большой наклон, уходящий куда-то в небо, разве что не сплошной — лишь чуть-чуть нижний край не доставал до земли. Впрочем, это не было большой проблемой.

Дарк вдавил на газ и под свежее "вр-рум" мотоцикла полетел вперёд. Скорость с каждой секундой удваивалась, мир вокруг смазлся, и всё, кроме цели, вышло из фокуса. Хвост Букля всё приближался, и "номер один" выставил руку с оружием в сторону. Такие манёвры он ещё не делал. В правильно подобранный момент цепь прочной линией врезалась в землю идеально под мотоцикл, Дарк подлетел в воздух, не срываясь с седла, будто приказал коню совершить прыжок — и забрался на спину своего питомца, ничуть не сбавив скорости.

Теперь вместо сугробов ехать приходилось по перьям, что упрощало путь, но недостаточно. Поэтому всё то время, что "номер один" взбирался наверх под шум колёс, он помогал себе выверенными забрасываниями цепи вперёд. Букль то и дело сотрясался от ударов, полученных от голема, одной лапой уже сорвался с ноги Ганнибала, а в постоянных взмахами крыльями виднелся больше панический характер, чем боевой.

— Давай, дружище, продержись ещё немного, я совсем рядом!

Дарк прижался как можно ближе к корпусу мотоцикла, чтобы уменьшить то незначительное сопротивление воздуха, что испытывал, и выехал на голову Букля. Трамплин подошёл к концу, и "номер один", впервые за долгое время, самостоятельно оказался в воздухе: на этот раз с целью добраться до затылка Ганнибала и перерубить его связь. Голем всё так же находился под птицем, но позицию занял куда более выгодную — сидя, из которой легко мог мутузить пернатого противника любым из доступных способов. И способы эти были крайне эффективны, потому что золотистый клюв Букля уже развалился под действием проклятий, а перья на его мордочке выглядели обугленными — у бедолаги не было никакой возможности остановить заклятья.

Поэтому помощь Дарка была как никогда кстати. Он планировал приземлиться идеально на край макушки Ганнибала, откуда до затылка можно было добраться одним прыжком, однако полководец не был бы полководцем, если бы не понимал это сам. Поэтому навстречу Дарку уже летела ладонь с сомкнутыми пальцами, словно мухобойка, готовая прихлопнуть назойливое насекомое. "Номер один" включил бензопилу на носу мотоцикла и приготовился к столкновению, но его не последовало — один из пальцев голема... просто отвалился и упал вниз, позволив Дарку пролететь через щель между фалангами. В недоумении "номер один" обернулся, и обнаружил Вацлава, стоявшего на костяшке ладони конструкта с окровавленным мечом.

— Спасибо! — крикнул "номер один" принцу без надежды, что его будет слышно в

завывании метели и уханье филина, после чего приземлился на край головы голема. Он вонзил цепь в плоть конструкта, чтобы не уехать дальше, и свалился вертикально вниз, к корням, протянувшимся до шеи Ганнибала. В полёте Дарк слез с мотоцикла, схватился левой рукой за сиденье, и напрягшись, перекрестным ударом цепи и бензопилы перерубил корневую связь гиганта с сетью Перловки.

— Серьёзно, я уже делал в этом томе отсылку на Атаку титанов, так что не знаю, на что ты рассчитывал!

Сразу же после этого он вернулся на транспорт, а затем — и на землю. У него была небольшая фора, позволившая отъехать в сторону перед тем, как "обесточенный" гигант свалился вниз. Но победу праздновать ещё было рано.

— Не дайте ему подсоединиться вновь! Обрубайте все новые связи, пока окончательно не закончится энергия!

Чтобы сообщение дошло до Вацлава, его свиты и Букля, Дарку пришлось вновь усилить свой голос. В принципе, ему было плевать на возможные последствия в лице приманки врагов, потому что любое количество приспешников Скворонского и тараканов-переростков не стоило того, чтобы убивать Ганнибала второй раз. А он мог им это устроить — "номер один" не сомневался, что из тех скромных запасов энергии, что остались в теле гиганта, полководец мог попытаться вырастить новые корни, благо, сеть Перловки находилась буквально в паре метров под ним. И выход из этого был один: рубка.

Дарк объединил усилия бензопилы и цепи, чтобы во время своего "объезда" вокруг голема отрубать всё большие и большие куски плоти от конструкта. В движении "номер один" иногда видел других некромагов, которые послушались его приказа и вручную отрезали отдельные щупальца, тянущиеся к земле, но эффективность этого была невелика. В какой-то момент Дарк осознал, что Ганнибал мог просто воспользоваться теми кусками тела, до которых невозможно было добраться извне — например, пустить корни из центра спины или ног. И эта бы стратегия определённо помогла полководцу, если бы Букль не схватился когтями за его грудь и не начал пытаться взлететь в воздух. Конечно, у него это не вышло, но на пару метров ввысь поднять мясную тушу вполне получилось. Этим-то Дарк и воспользовался — теперь Ганнибал не имел "слепых зон", защищённых от вражеского оружия, и всадник на мотоцикле легко проезжал под его спиной, поясницей и бедрами, обрубая ещё живые отростки и зачатки новых корней. Спустя пару минут мясорубки, последние щупальца прекратили движение.

— Какой же он был душный, — выдохнул Дарк, только сейчас осознав, что на его голос так и не прибежал ни один противник. Видимо, все они закончились по правилу хорошего гейм-дизайна. — Букль, расчлени его. На всякий.

Неизвестно, как птиц умудрялся ухать без клюва, но такое незначительное препятствие не могло остановить его от издавания ехидных звуков. Когтями филин принялся отделять руки и ноги от тела голема, и Дарк позволил себе забыть о питомце. Потому что на его голос пришли другие союзники.

— А ты говорил, что это будет опасно, — сказал прихрамывающий принц, за которым следовало двое мужчин без доспеха. — Вот видишь, обошло...

Длинная лиана вылетела на Вацлава из метели, обхватила его и унесла прочь из поля видимости.

3.

Вацлав превысил лимит флагов смерти. Он отчаянно пытался показать вселенной, что

понятия "флаг смерти" не существует, а потому намеренно бросался в наиболее опасные столкновения и сражения, не боясь за своё здоровье. Благородно, но незнание драматургии сгубило принца, который по глупости ляпнул слова о том, что бой был слишком лёгким. Промолчал бы — выжил. Но нет, надо было выёживаться. Почему Дарк был так уверен в этой теории? Потому что в неё была уверена Перловка.

— Наследника Богемии мы больше не увидим, — сообщил "номер один" свите принца, которая с раскрытыми ртами смотрела в ту часть метели, в которой скрылся их сюзерен. — Рекомендую вам свалить в случайном направлении, если не хотите закончить так же.

Рекомендации не являлись приказами, а потому Дарк не стал ждать, пока некромаги начнут действовать. Он лишь дёрнул ручкой мотоцикла и поехал за Вацлавом. Именно сейчас "номер один" чувствовал максимальное спокойствие, будто накачался слоновьей дозой седативных, да ещё и приправил всё это дело некромагией. Потому что волноваться уже было поздно. Пусть этот замес и будет финальным, самым сложным, самым нечестным, Дарк просто не мог позволить себе увидеть будущее, в котором он проиграет. Рухнет слишком многое. Брак Гало и Илеги, его родители, Ёлко, Богемия и Прага, в конце концов, Броня, отцу которой он пообещал её защитить... Всё это просто исчезнет. Сотрётся из существования на его плане бытия, ход времени примет худший из возможных исходов, и эта версия Форгерии будет обречена.

Но именно осознание этого и давало ему покой. Эта версия. Значит, есть другие. Бесконечное их множество, и среди них — бесконечное множество Форгерий, в которых Дарк одолел Перловку. И разве может быть хоть одна причина, по которой он живёт не в одной из них? "Номер один" готовился, тренировался, планировал, и занимался этим с таким рвением, такой тщательностью, как никогда в жизни. Так что Перловке придётся постараться, чтобы объяснить ему, почему он должен проиграть.

Шесть козырей в рукаве, пять из которых требовали связи с дронами. Курлыкающий Букль позади. Даркоцикл с практически полным баком и в идеальном состоянии. Примерно половина от начальных запасов праха в его броне. Он был готов.

Помимо рёва мотора и уханья питомца Дарк стал различать иные звуки. Они были ему знакомы — настолько знакомы, что ещё находились в кратковременной памяти. Он слышал их, когда крутил цепью вокруг своей оси аки вентилятор — эдакий методичный и беспрерывный свист ветра. Долго думать, что же именно издаёт такой звук "номеру один" не пришлось — его источник показался впереди из метели.

— Что, удивлён? Никогда не видел босса-вертолёта? — услышал Дарк ехидный женский голос.

Видел. Разумеется он видел. Правда, обычно их вставляли в игры в ином виде. Они не состояли из древесины, не превышали размерами жилой дом, а внутри кабины, как правило, сидел пилот. Выходил, скорее, какой-то дрон, потому что Перловка машиной управляла явно удалённо. Хотя можно ли было это считать правдой, если учесть то, что Богиня находилась одновременно во всех точках пространства?

— И это всё, на что у тебя хватило фантазии?! — крикнул Дарк, даже не утрудившись использовать магию для усиления голоса. Все равно Тёмная Лешая его слышала. Он предпочёл выровнять курс мотоцикла и направиться напрямую к вертолёту. Букль, судя по уханью, скакал за ним. Положительной стороной было то, что "аватара" Перловки, за счёт действия лопастей, разгоняла снег вокруг себя, что делало её куда заметнее в метели.

— Конечно нет! Но ведь это босс твоей истории, а она закончится не на грандиозной

ноте. Так зачем стараться ради посредственности?

Ещё не закончив говорить, Перловка выпустила из ракетомётов в Дарка полноценные взрывоопасные снаряды, или же те только претендовали на такой статус — проверять мужчина не хотел. Поэтому он вывернул руль налево и сошёл с линии обстрела — как раз вовремя, потому что ракеты взорвались за его спиной с оглушительным рокотом. Сразу после этого застрекотала пулемётная установка под днищем вертолёта — и от неё уворачиваться было куда тяжелее. Дарку пришлось выставить цепь в сторону и начать её раскручивать, чтобы полученный таким образом щит блокировал снаряды. Неожиданно для "номера один" звенья его оружия начали хрустеть, будто трескающееся стекло. Судя по всему, Перловка накачала свой боезапас проклятьями под завязку, и даже его вундервафля не могла удерживать такой обстрел долго. Ну а кто говорил, что будет легко?

Даркен вовремя увидел перед собой одну из статуй, украшавших свадьбу, и вырулил таким образом, чтобы она встала между ним и вертолётном. Расчёт оказался верным — мрамор ненадолго задержал обстрел, что позволило "номеру один" починить структуру оружия, пусть и с небольшими потерями. Однако это не было единственной причиной, почему Дарк решил подъехать к статуе — он очертил круг у скульптуры, подхватил цепью обломки и катапульты запустил их в вертолёт.

Разумеется, его каменный подарок был не без сюрприза. Каждое звено цепи наложило на снаряды серию проклятий, которые должны были возыметь эффект после триггера в виде столкновения. Это была необходимая мера, потому что аура Перловки поглощала все заклинания, распространявшиеся вне твёрдой среды, так что им приходилось находить другой способ доставки. Дарк надеялся, что его "получатель" оценит такое внимание.

— Какой ты наивный чукотский юноша! — сообщил вертолёт после того, как осколки разбились о его поверхность. — И это всё? Ты повёлся на ложную механику, поломка статуи тебе не поможет!

Дарк рассчитывал хоть на какой-то эффект. Нет, разумеется, его горсть камушков не имела никаких шансов нанести Перловке хоть сколько-нибудь ощутимый урон. Но он должен был быть хотя бы заметным. И не в плане, что она бы пострадала, а в плане... Чтобы он вообще был! Чтобы отлетел кусок коры, прогнулась часть структуры, да хотя бы чтобы появилась одна мелкая царапина!

Неужели она неуязвима для него?

— И-ти-ти-ти! — расхохоталась Богиня и пустила в Дарка новый заряд ракет, изрядно приправив его очередью из пулемёта. "Номеру один" снова пришлось начать маневрировать так, как не делали это самые умелые гонщики ралли, и даже так его оборона с трудом сохраняла целостность. Однако полностью пасть она не успела.

Букль, наконец, допрыгавший до Перловки, вступил в сражение. Исполинский филин в отсутствии клюва мог атаковать только когтями, что он и сделал — взлетел на несколько метров в воздух и вцепился в кабину. Это тут же буквально сместило "баланс" сил в пользу рыцаря на мотоцикле — вертолёт накренился, и пулемётная установка стала стрелять куда угодно, но только не в Дарка. Правда, возникли и ощутимые минусы — чтобы схватиться когтями за кабину, Буклю пришлось подтянуть голову на уровень лопастей, что привело к закономерному результату. Боевое уханье крайне быстро замолкло, и пространство наполнялось звуками пропускаемого фарша вместе с самим фаршем и отходами в виде серых перьев. Однако птиц упорно продолжал держаться за кабину, не давая Перловке атаковать Дарка.

"Номер один" ценил жертву своего питомца. Несмотря на то, что Ростинка наверняка не подключила филина к нервной системе его мясной оболочки, наверняка сейчас Букль испытывал уровень стресса, превышающий все возможные пределы. Тем более, что закончив с оболочкой, Перловка запросто могла перейти и на самого "пилота", который находился где-то в глубине этой мясной туши. Именно поэтому Дарк спешил, стараясь ехать к вертолёту по самому короткому маршруту. Ещё не хватало лишиться своего источника фансервиса.

Подбирался же "номер один" к своему сопернику вплотную с одной целью — отдать новый приказ дронам. Метель вокруг вертолёта заметно ослабевала, потому можно было рассчитывать на то, что у Дарка удастся отправить очередную серию сигналов. По крайней мере, он ничего не терял от одной лишь попытки, и это все равно было его единственным возможным ходом действий.

Бэтмен запил, Спайдермен — лоботряс!

Даркен — герой, потому что всех спас!

Гитлер, Собчак, даже босс-вертолёт,

Всем им легко Даркен зад надерёт!

С боевым кличем "номер один" выехал к Перловке, чувствуя, как лопасти вертолёта физически затрудняют движение мотоцикла. Но дальше ему и не было нужно — цепь выпрямилась в сторону и замерцала.

Воздух пронзил аномальный холод, погрузивший тело Дарка будто бы в омут с холодной водой. Мурашки побежали по коже, перебарывая даже плотный комбинезон, дыхание спёрло прямо в лёгких, будто бы в них начали образовываться сосульки. И через секунду — отпустило. Потому что на Перловку прямо с неба обрушилось гигантское костяное копьё размером с Останкинскую башню. Шпиль выстрелил.

Глава 20. Воспоминания о будущем

...А копьё просто брякнулось о винты и свалилось в сторону, как срубленное дерево. Совсем без звука, потому что падение приглушил снег. Реакция Даркена, впрочем, была куда более красноречива — он даже забыл, что управляет мотоциклом, потерял управление и врезался в очередную статую, которая с грустным хрустом развалилась под металлом брони и транспорта.

«Номер один» даже ненадолго, совсем на небольшую чуточку, потерял желание существовать. Не жить, а существовать. Большая разница — если ты умер, то твой позор все равно будут помнить десятилетиями. Если ты не существуешь — тебя стёрли из мироздания, и никто не сможет припоминать твоё имя как имя неудачника, который спустил прах от смертей тысяч людей в унитаз.

— И-ти-ти! Призрачный самогонщик свалился со своей клячи! И у кого из нас мало фантазии? Ты даже горящий череп скопировать не смог!

Шпиль. Гений некромагической мысли, орудие массового поражения и орудие сдерживания — полноценная замена атомной бомбы, позволившая избежать всех мировых войн и любых хоть сколько-нибудь крупных конфликтов. И вся эта мощь, вся сила и тысячи сожженных в пепел людей... Просто шлёпнулась на лопасти и скатилась в сугробик. Может, Перловка неуязвима? Всемогуща? Что было такого в её арсенале, что самое продвинутое оружие человеческого разума оказалось бесполезно? Дела не могли обстоять так плохо. Что-то было такое в уравнении, чего он не учитывал...

Даркен с трудом восстановил самообладание и перевернул мотоцикл в исходное положение. Сдаваться он не собирался. Тем более, что у него оставался ещё один козырь, тот самый, который не требовал мобильной связи, регистрации и СМС. По крайней мере, «номер один» рассчитывал, что был. Потому что, говоря правдиво, он и сам не знал, что за вундервафлю спрятал в своём рукаве.

Букль ещё держался, или, если точнее, висел на кабине, пока Перловка разряжала в него боезапас из минигана и ракетных установок. Каждый снаряд, каждая пуля и выстрел отрывали от птицы гигантские куски мяса, с чавканьем разлетающиеся во все стороны. От бывшего гиганта уже ничего не осталось, кроме крыльев, торчащих из-за спины — и то, они были обрезаны сверху лопастями вертолёта. Но, покуда Букль не пал окончательно, Даркен мог попытаться что-то сделать.

«Козырь» лежал в отдельном отсеке брони, близком к телу — так, чтобы даже после повреждений нужный карман не пострадал. «Номер один» извлёк мятый и старый конверт, на котором было написано: «не открывать до первого шпиля». В нетерпении Дарк разорвал оболочку и уставился на содержимое послания.

Это была формула. Не математическая, нет, пусть и можно спутать — колдовская. Заковыристые указания, на первый взгляд не имевшие смысла. Но Дарк, всего минуту назад обжегшийся с собственным промахом, прекрасно понимал, что ему рассказывали из будущего. Кто — неизвестно. Может, дед, может, он сам, может, и вовсе потомки дома Маллой. Но было очевидно, что этот подарок, спустившийся с неба пару дней назад, был самым ценным оружием в его распоряжении.

«Номер один» толкнул в сиденье мотоцикл, пустил по руке простой контур, и дендроконструкт внутри двигателя с рёвом потащил себя вперёд — хозяин остался позади. К

этому моменту Перловке надоело расстреливать Букля, и последний взрыв ракеты отправил остатки его тушки прочь.

— И что, всё? — ехидно спросил вертолёт. — Остались ещё гениальные идеи, верные союзники?

— Я жертвую тебе венец собственного творения! — кричал Дарк, прыгая в ту сторону метели, где, по подсчётам, должен был лежать Букль. — Даркоцикл! Слышишь, как круто звучит? Пока ты будешь его взрывать, я придумаю, что с тобой делать, и тебе не поздоровится!

Какое-то время тишина прерывалась только воем ветра и работой лопастей. Через секунд десять Перловка вздохнула:

— Какой же ты, всё-таки, кретин...

И начала стрелять в гонящий на автопилоте Даркоцикл, который во всю задействовал возможности дендромозга и выписывал невозможные дуги, восьмерки и окружности. «Номер один» смог воспользоваться временем, которое выиграл ему транспорт, для продолжения поисков. Огромный окровавленный сугроб являлся ничем иным, как останками Букля, которому сначала сожгли клюв, потом отрезали голову, а затем ещё и подорвали внутренности залпом, способным снести гору. Сердце Дарка ёкнуло, стоило ему допустить возможность, что оригинальный птиц мог пострадать от обстрела — Перловка вполне могла добуриться и до него. Но горевать не имело смысла — свои «пальцы» филин исправно отправлял на хранение, а потому его было легко воскресить. Если ему, конечно, не прокляли душу...

Стараясь не думать о плохом, «номер один» запрыгнул на сугроб, уткнул меч в мясо и пустил магическую волну, которая смахнула успевший накопиться снег с птица. Таким образом, он смог определить, где находятся крылья — единственные относительно целые части тела, и засел между ними. Дарк мимолётом взглянул вперёд — силуэт вертолёта всё ещё виднелся в снегопаде, и пока что не прекратил бомбардировку Даркоцикла. В конце концов, Перловка знала, что ему нужно больше времени на осуществление своего плана, а потому не собиралась портить всем веселье чрезмерной компетентностью.

«Номер один» направил замысловатую серию контуров в Букля. Воскрешать здесь было нечего, но то не являлось его целью — он просто подключился к аналогу нервной системы и обнаружил в ней крылья, вполне способные проработать ещё какое-то время. Доспех стал жечь руку в повышенном темпе, запасы праха пришли в действие, Дарк затаил дыхание. Гигант начал движение с громким хлопком и взмыл в воздух. Крылья дергались быстро, неумело — «номер один» и понятия не имел, как ими управлять, но пока конструкция шла вверх, а не вниз, его мало заботила нелепость маневров птицы. Десять метров, двадцать, тридцать. Метель начала ослабевать, ночное небо раскрылось перед Дарком мириадой звёзд, и он пустил последний контур в позвоночник Букля, отправив вместе с ними остатки праха. Труп продолжил полёт самостоятельно, а «номер один» смог вырвать цепь из его плоти и начать передавать новый сигнал, задрав высоко цепь. Ветер свистел и угрожал скинуть рыцаря со спины питомца, в то время как внизу стало подозрительно тихо, но ничего из этого не могло остановить Дарка. Он пересылал код — длинный, самый подробный, способный полностью описать формулу, которую так важно было передать. Тем временем, Букль становился медленнее, его крылья всё меньше отрывались от тела, но это было далеко не так опасно, как то...

Что вертолёт Перловки вышел с ними на один уровень, и его пустая кабина замерла

напротив филина с его наездником всего в десятке метров от Дарка.

— Что, жёнушка, — ехидно произнёс вертолёт, направляя на них все стволы. — Сбежать удумала? Это не форгерийский обычай, ловить тебя долго я не буду!

Дарк закончил передачу формулы. Дело осталось за малым. Последнее сообщение, в котором были только координаты. «Номер один» вцепился как можно крепче в тело Букля, его цепь замерцала, и он крикнул:

— Эпичная фраза главного героя!

2.

Это плохо описывало то, что произошло дальше. Заряд умопомрачительной силы разверз небо и с хрустом вонзился в деревянный корпус. Лопасты перебились напололам, кабина начала крошиться на множество кусков, а сила удара заставила многочисленные пушки просто отвалиться от креплений. Но последствия выстрела на этом не прекратились. Ледяная волна разошлась во все стороны сильнее взрывной и быстрее звуковой, некромагический холод с головой накрыл Дарка и пустил Букля кувырками назад. «Номер один» не смог удержаться на питомце, и очередной переворот филина просто заставил того полететь головой вниз. Если бы рыцарь не был закован в лучшую броню современности, то точно бы не пережил столкновения — контур парализовал всё его тело, и, кажется, даже на какое-то время заставил лишиться сознания.

Поэтому, с диким кашлем, Дарк пришёл в себя только в сугробе. Сработало. Он нашёл подход к Перловке, и то, что она не кричала «Mayday» во время крушения говорила о том, что это небольшое поражение её как-то встряхнуло. Если раньше тёмная версия богини видела борьбу с Дарком как некоторую игру, то теперь всё было серьёзно. Ставки выросли. Правда, он уже потерял большинство своих фишек.

У «номера один» совершенно не осталось праха — весь он ушел на спонсирование тушки Букля для полёта. Даркоцикл наверняка был разбомблен до атомов, количество козырей сократилось до оставшихся трёх использований шпиля — и Дарк не имел ни малейшего представления, как ему передавать сигналы в подобной метели... А также — как ему воевать с Перловкой.

— Что... Ты... Сделал, — мужчина услышал хруст, похожий на крайне интенсивный рост дерева. Костюм уже починил его тело, поэтому Дарку ничего не осталось, кроме как встать из сугробов и поспешить в сторону голоса. — Как ты... Это сделал? Откуда тебе известна эта формула?!

— Бывает, Перлуш. Кому-то на создание непробиваемой структуры нужны дни размышлений и сотни вычислительных мощностей в виде запятанных душ, а кому-то — достаточно просто не быть бездарем.

Послание из будущего. Либо из параллельного мира. Дарк не знал, как, кто, и откуда передал ему формулу, способную пробить броню Перловки, но был крайне благодарен сему загадочному бенефициару, который за счёт собственного опыта или навыка смог найти и передать ключ к этой небольшой загадке. Было бы ещё хорошо получить уверенность, что письмо исходило именно из будущего — тогда бы это, пожалуй, являлось росписью в их победе. Ведь если Перловка не окажется уничтоженной, то вряд ли у кого-то будет возможность создать машину времени. Другое дело, что тогда автор письма мог бы и написать, что в будущем Перловка окажется побеждена... И если он этого не сделал — значит, с этого момента могло произойти что угодно.

Дарк пожал плечами, прекрасно зная, что богиня его видит, но чего он совершенно не

ожидал, так это того, что вскоре увидит богиню сам. И нет, то было не просто обломками вертолёта, и даже не привычной аватарой в виде зеленоволосой девицы. Всё было во много раз хуже. В завываниях метели «номер один» не сразу услышал шелест движения корней, не сразу понял, что чьи-то отчаянные стоны принадлежали не ветру, и не сразу осознал, что к ним пришла сама... Симвург.

Изначальная Броня Глашек, которая пожертвовала собой при штурме Ковача и превратилась в гигантское дерево, на всех парах приближалась к обломкам вертолёта, больше напоминающим кучу дров. Корни трещали, входя и выходя из земли, а снег летел во все стороны, расходясь перед толстым стволом. Дарк замер, не в силах обработать увиденное, придумать план действий, оторвать глаз от древесного тела прекрасной девы, положившего всё ради спасения незнакомых ей людей.

«Неужели... Перловка её подчинила?»

Ответом на вопрос был громогласный смех Тёмной Лешей, исходящий от вертолета. Толстые лианы потянулись от обломков к Иггдрасиль, обхватили кору тела, стали притягивать к себе и притягиваться сами. Дарк в прямом эфире наблюдал за синтезом двух версий богини, и это было самое проклятое из действий, которые он когда-либо видел. Наблюдать за тем, как что-то настолько чистое, идеальное и непорочное оказывается поглощено тварью импульсивной, жестокой в своём эгоизме и не имеющий ни единого желания, помимо самоудовлетворения... Было больно. Потому что на выходе не получался обычный человек со всеми его пороками и добродетелями, нет. Это было нечто совершенно искаженное, симулякр личности, имеющий по отдельности всё необходимое, но не нашедший между ним связи, просто... другая форма жестокого чудовища.

— Борьба со своим суперэго — работа неблагодарная, — Дарк с ужасом обнаружил, что слова теперь исходили ото рта Иггдрасиль. Немая и молчаливая ранее дева обрела голос, и это было совершенно не то, что он хотел услышать. — Но крайне увлекательная! Знаешь, почему?

Дарк поднял перед собой цепь.

— И почему же?

— Потому что в ней проигрывает только тот, кто этого хочет!

В следующий миг пространство разразилось истеричным хохотом Перловки, а из Иггдрасиль на него полетело множество жирнейших лиан, и Дарку ничего не осталось, кроме как совершить прыжок в сторону. Но эта форма богини уже с ним не церемонилась. Она достигла вершины симулирования личности Брони, и, пусть никогда не смогла бы сравниться с настоящей Лешей, более не видела необходимости играть в поддавки. В каждой атаке «номер один» видел искреннее желание, и, что самое страшное — способность его убить. Одна пропущенная лиана — и ему конец.

Поэтому Дарк перекатывался. Поэтому Дарк прыгал. Поэтому Дарк пытался прорубить лианы, зажимавшие его в угол, чтобы затем проскочить между ними и оставить Перловку с носом. Атаки шли одна за другой — первый зеленый хлыст оказался отражён в сторону цепью, от второго получилось отодвинуть голову так, что оторвало всего лишь четверть шлема, третья шла слишком низко, и её удалось перепрыгнуть. Все движения — за долю секунды, «номер один» двигался на пределах человеческой реакции, но этого было мало — тому, кто хочет одолеть бога, нужно перестать быть человеком.

Поэтому самая первая лиана, отправленная в сторону, попросту развернулась и пронзила Дарка в живот. «Номер один» захрипел и прыгнул вперёд, что позволило ему не

только соскользнуть с зеленого шупальца, но и избежать попадания под все остальные, что летели на его предыдущую позицию. Однако всего лишь миг, проведенный на лиане, сказался на рыцаре максимально негативным образом. Проклятье заставляло его кашлять, не давало запустить в лёгкие воздух, сокращало внутренние органы невпопад, давило тошноту к горлу, а кровь — прочь от головы. Костюм не справлялся с мощью богини, и Дарк рухнул на колени, тут же начав блевать через шлем прямо в снег. Лишь спустя секунду он смог взять над собой контроль, как раз вовремя, чтобы укатиться налево от преследующих его лиан.

Пока растения заходили на очередной круг, «номер один» смог отползти за спасительную статую какого-то божества. В надежде, что Перловка перестала его видеть, Дарк погрузился в сугроб и буквально поплыл под огромными массивами снега, параллельно выжигая его цепью и собирая новый водный заслон, который он бы обязательно использовал, если бы... если бы его не нашли.

«Номер один» сквозь доспех ощутил, как что-то схватило его за ногу и стремительно потащило назад и вверх. Вся нагретая вода тут же стала нерелевантна, да что там, Дарк чуть не выпустил оружие от стремительности натиска — потому что Перлова трясла им во все стороны, лишала ориентации и не давала даже дотянуться до лиан, что подняли его воздух. Ему ничего не оставалось — пласталевые пластины ботинка уже трещали по швам, и не могли ему дать ни единой лишней секунды. Цепь прошла прямо под коленом «номера один» и отсекала его ногу в одно движение, позволив мужчине вырваться из захвата и вернуться в снег.

— Какая трагедия! — хохотала Перловка. — Ты готов разбирать себя по частям, в надежде выиграть хоть немного времени! Но всё это бесполезно, ведь ты не можешь тронуть меня и пальцем!

Она была права. У Дарка даже не было физической возможности как-то повредить Перловку. Нет, он подобрал правильную формулу на её броню и, пожалуй, мог бы повредить Иггдрасиль, но «номер один» просто не мог подобраться к дереву, не превратившись в дуршлаг от лиан. Можно было бы сказать, что это было концом пути — ведь без одной ноги у него не вышло бы даже обороняться. Однако фигура, внезапно вышедшая из метели, перевернула соотношение сил.

Некромаг печального вида окончательно завершил свою трансформацию в гота, потому что выглядел максимально мёртвым. Бледный, как снег, в рваном черном костюме — и с головой, неаккуратно пришитой к телу так, что был виден красный шрам, и шея, кажется, могла смотреть только прямо. Но Дарку было плевать, как выглядел пришедший ему на помощь Вик. Потому что на поводке мужчина накручивал массивы растаявшего снега, и, не дожидаясь указки «номера один», окружил того водой.

— Это что, вы что удумали?! — голос Перловки не звучал испуганно, но явно лишился той уверенности, что в нём была до этого. Это она правильно.

— Поехали! — крикнул номер один, из положения сидя задирая цепь. Звенья замерцали разноцветными огнями, и сигнал пошёл через огороженный от метели туннель напрямик ввысь. Это потребовало всего несколько секунд, и Дарк в предвкушении прикусил остатки губы. Поломанный и потрёпанный костюм уже не мог направлять ресурсы на то, чтобы восстанавливать столь незначительные повреждения — он только-только окончательно справился с последствиями старого проклятья, и приступил к выращиванию «номеру один» функциональной ноги. Разумеется, без кожи, во многих местах неравномерную — и с костяным утолщением на ступнях, чтобы соответствовать ботинку на уцелевшей ноге. Дарк

готовился к следующему раунду, потому что шпиль выстрелил вновь.

3.

Может, в таком порядке были выстроены магические башни, может, они работали одновременно, «разогреваясь» от выстрела к выстрелу, но каждое отправленное через них заклинание было сильнее предыдущего. Если первое выразилось в слабом пшике, который Перловка могла и не заметить, а второе — одолело её мемную оболочку, третье же разнесло в клочки её аватару, не оставив и сухого места. Да что там: оглушительный взрыв был настолько мощен, что магическая волна, расходясь во все стороны, превращала сугробы в натуральные массивы плотного льда, от чего поля боя превратилось в гигантский каток.

Дарку пришлось вонзить цепь в землю, чтобы его не снесло силой шпиля — и даже так он почувствовал, как его тело отрывается от земли и начинает развеиваться над землёй, как флаг, подчиняясь мощнейшим потокам воздуха, несущим с собой только разрушение и холод. В какой-то момент, впрочем, «номер один» осознал, что занимается подобным делом не один — Вик успел обхватить его целую ногу поводком, и теперь развеивался точно таким же образом, как его босс, просто на метр дальше.

— Как ты меня нашёл? — решил завязать с напарником светскую беседу Дарк, пока система подгружала следующую стадию битвы с боссом. — И как ты выжил?

— Полагаю, — голос Вика был хриплым и едва различимым в таком урагане, — ваш бой было слышно на всю округу. Удивлён, что никто кроме меня не пришёл на помощь.

К этому моменту последствия выстрела начали затухать. Дарк не мог не признать их мощь — если шпили были способны на подобное в условиях антимагического поля Перловки, были все причины полагать, что магические башни действительно являлись неплохим аналогом атомных и ядерных бомб. Всё-таки, объединённые человеческие усилия показывали, что бог — всего лишь титул. Если ты по силе равен сотне лучших некромагов, то какая разница, если ты все равно один, а их — две сотни?

— А, кхм, моё состояние, — Вик опустил на лёд перее Дарка и тут же заскользил по нему туфлями. — Полагаю, заслуга Лукана. Горло он мне точно сшил сам, возможно, направил несколько контуров регенерации, и мне ничего не оставалось, кроме как воскреснуть. И вот — я здесь.

Звучал некромаг, конечно, так, будто он куда больше жалеет то, что воскрес, чем то, что находится «здесь». Однако Дарк понимал, какой смелости стоил такой поступок. Рискнуть пойти против Перловки, зная, что не имеешь при себе ни брони, ни хорошего оружия, и даже не будучи в полном здравии... И имея полное понимание, что все, кто бросят ей вызов — могут уже никогда не вернуться.

— Вик... Я хочу сказать тебе одно, — «номер один» звучал угрюмо. — Мне очень жаль. Перловка тебе не простит этого. Ты сам знаешь, чем это грозит. Поэтому...

Дарк поднялся с колен и повернулся к напарнику. Ладонь в пласталевой перчатке грузно упала тому на плечо. Взгляд чёрных глаз был покорно направлен на его забрало. Хмурая улыбка, одним краем губ, появилась на лице Вика.

— Отныне и до самого конца — ты будешь четвёртым в моем ковене.

— Как это мило! Какая романтика! Может, вы ещё засосётесь?! Если книгу отменят из-за пропаганды ЛГБТ, побеждать меня будет не нужно!

Как менялась сила шпиля между выстрелами, так менялось и настроение Перловки. Если с самого начала она была игрива, потом — стала серьёзной, то теперь в её голосе читалась исключительная злоба. Что это для них значило?

То, что ледяные массивы вокруг некромагов начали лопаться и разверзаться, внешне превращаясь в порталы в морозную версию преисподней, ведь из них начали выбираться поистине демонические существа. Кривые, древесные, будто ожившие ветки, когда туловища изогнуты в разные стороны, а головы часто запрокинуты или смотрят вниз. Но внешняя нелепость энтов была обманчивой — шипастые корни позволяли им с умопомрачительной скоростью скользить по льду, а острые пальцы позволяли маневрировать из стороны в сторону, вгрызаясь в землю.

Дарк перехватил оружие, и они встали с Виком спиной к спине — чтобы дать ещё один бой. Первый энт налетел на «номера один» и получил ударом цепи поперек тела — но едва ли замедлился от этого, и продолжил переть вперёд, будто локомотив со сломанными тормозами. «Номер один» заскользил назад по льду, двигаясь за оружием, пока конструкт пытался проколоть его руками-вилами. Некромаг не знал, как ему стоило выйти из этой ситуации, если бы Вик, выпрыгнувший из-за него, не принялся рубить поводком энта.

Щепки летели во все стороны, кроме хруста древесины было слышно только скольжение других противников в их сторону, но энт никак не хотел переставать давить на Дарка. В конце концов Вик избрал другую методику — обхватил поводком голову монстра, дернул рукой, и тому не осталось ничего, кроме как вонзиться спиной в лёд.

— Они явно куда более лёгкие, чем хрупкие, — прокомментировал это Дарк и развернулся, чтобы встретить сразу двух противников. Раз уж прямые удары были бесполезны, стоило попробовать другой путь — цепь вонзилась в землю, продавливая лёд вниз и шипами выводя его чуть впереди. Получившийся таким образом снежный барьер подбросил в воздух конструктов сразу на несколько метров, ненадолго выведя их из сражения.

Окружающий холод был слишком велик. Проклятая метель всё никак не хотела ослабевать, а доспех, как бы ни был шикарен, не мог найти так много энергии для того, чтобы согреть Дарка в температуру крайнего севера. Останься у него хоть немного праха — можно было бы позаботиться о своём удобстве, но сейчас «номеру один» не оставалось ничего, кроме как стиснуть зубы, пока его конечности получали новые степени обморожения и леденели всё сильнее и сильнее.

Энты продолжили валить изо всех щелей. Перловка явно постаралась с тем, чтобы сделать их как можно более крепкими, возможно, даже поделившись с ними частью собственных сил. Почему она до сих пор так и не показала ему в своём «истинном облике» — Дарк не знал, но догадывался. Вполне вероятно, она уже уловила закономерность, и не хотела, чтобы её прикончили одним выстрелом. Хотя почему «прикончили»? Разве она просто не сможет вырастить себе ещё тело?

Взмах, взмах, удар — древень опрокинулся и покатился назад, сбивая тем самым с «ног» других энтов. Выпад вперёд — обхватить конструкта цепью и закинуть его в новую группу противников, чтобы замедлить их движение хотя бы на секунду. Поднырнуть под следующую тварь — схватить её руками и силой вонзить в лёд, заставив потратить ещё какое-то время на то, чтобы выбраться. Эта стратегия изначально было проигрышной. Количество противников в ней не могло уменьшиться, лишь расти, и в какой-то момент Дарк просто должен был стать неспособен разорваться на такое огромное количество направлений... Тем более, что время играло против него.

Разумеется, в таких условиях невозможно было вести бой всухую. Энты кололи руками, выворачивали головы и позвоночники так, чтобы укусить пластины — и часто были в этом

успешны, пусть и ломали зубы начисто, но их было слишком много, а доспех — всего один. Броня крошилась, изнашивалась, а раны от редких ударов, прошедших в незащищённые части, слишком долго восстанавливались. Если раньше во время сражений Дарка снег под ним был красным из-за крови противников, то теперь лёд изменил окраску жидкостью его тела лично. Его и Вика.

У некромага печального образа не было доспеха. Не было оружия, не было даже такого же навыка, что у босса. Лишь сила воли поддерживала жизнь в его теле — потому что под тяжестью полученных увечий он всё больше превращался в решето, из которого разве что внутренности не выпадали — а может и выпадали, в пылу сражения различить это было невозможно. Было ясно только одно — осталось не долго. Они понимали это оба.

— Это было честью для меня, — прохрипел Вик, делая последний шаг в сторону Дарка и падая на колени. Лицо его было изрублено, без одного глаза, волосы собрались в сосульки, а от костюма осталось одно рванье. «Номер один» ногой отшвырнул энта, пытавшегося обезглавить подчинённого, и тот, кувыркаясь, откатился на пару метров назад. Вокруг них практически не осталось свободного пространства — небольшой пяточек земли, в который так стремились ворваться энты, но пока что не могли укрепиться на нём, спотыкаясь и мешаясь друг в друге. Дарк заметил, что Вик смотрит на его выращенную с нуля ногу — ту, на которой больше не было ботинка.

— Не можете уйти? — некромаг печального образа задал вопрос, казавшийся риторическим и издевательским одновременно. — Я помогу...

Кусок оборванного поводка упёрся в костяную ступню и заполз под неё. «Номер один» сразу же понял, какой является последняя воля подчинённого, и согнул целую ногу, готовясь к прыжку. Они в последний раз встретились с Виком глазами — хотя, стоило сказать, что в первый, потому что только сейчас забрало Дарка отлетело в пылу сражения, открыв его лицо. Он не знал, что сказать, да и имело ли это смысл? Оставалось лишь кивнуть.

Дарк взлетел в воздух, отправленный вперёд остатками костюма и поводком Вика. В движении он мог заметить, как через секунду энты настигают Вика и протыкают его когтями, вгрызаются зубами в плоть и обхватывают конечности корнями так, чтобы оторвать их. Всё, что осталось от «номера четыре» — кровавый фонтан, который быстро скрылся в метели, когда Дарк отлетел на хоть сколько-нибудь приличное расстояние.

О том, чтобы сгруппироваться и устроить себе мягкую посадку — речи быть и не могло. Это был даже не тот контролируемый прыжок, которыми Дарк так легко орудовал в самом начале боя. Скорее, выстрел из пушки на половину силы. Закончился он соответствующе — «номер один» проехался лицом по льду — лучше, чем твёрдая земля — но носу и зубам было плевать. Они захрустели в унисон, размазываясь тонким слоем по поверхности, пока тело мужчины не прекратило движение, и он, слабо постанывая, не смог подняться на четвереньки.

Что дальше? Разбитое лицо он мог пережить, пусть костюм ещё и не обработал все раны, что остались после древней. Но как он мог правильно распределить остатки ресурсов так, чтобы одолеть Перловку? У него оставалось ещё ровно два выстрела шпиля, и то — для их наводки требовалось выбраться из метели, что являлось невозможной задачей в столь сжатые сроки. А что уж говорить про общее состояние? Избитый, лишившийся маневренности, запасов праха и львиной доли брони... И даже союзников у него не осталось.

— Вперёд! Защитим страну и отечество, наших жён и наших детей! — Дарк услышал

знакомый ему голос. Знакомый слабо, но от одного факта понимания, КТО именно говорит эти слова... Он поперхнулся. Потому что Гидеон Аты решил вступить в бой. И, судя по множественному числу в его речи, умереть собирался не он один.

— Стойте, кретины!

Дарк, спотыкаясь и поскользываясь, побежал в сторону топота ног, издаваемого отрядом дворян, пошедших за финским князем. Идиоты, полоумные — они даже на треть не представляли, что их ждёт, даже если им придётся столкнуться с одним процентом мощи Перловки — вся эта братия не одолеет и одного энта, лишится собственных жизней, душ и посмертия!

— Вижу их! — орал Аты, будто бы специально игнорируя возглас сопляка, который недавно утёр ему нос. Преисполнившись отчаяния, Дарк совершил прыжок вперёд на одной ноге. К его удивлению, это принесло результаты — ни о какой устойчивости не могло идти и речи, а потому «номер один», преодолев с десяток метров, шлёпнулся на задницу и поехал вперёд по льду. В идеальный момент, чтобы добраться до расчленённых трупов некромагов в костюмах, когда последний из них свалился на землю с отрубленной головой.

— Курва, — вздохнул Дарк. Он знал, что ему не стоило пытаться их спасти, но надеялся, что некромаги продержатся хотя бы несколько секунд. Возможно, тогда бы у него получилось выстроить какую-никакую оборону и отступить, но реальный мир был слишком жесток.

Объёмы этой жестокости «номер один» должен был понять самостоятельно, когда из метели на него стали выплывать фигуры энтов. Слишком близко — он бы не успел даже встать, куда уж скрыться, и, пожалуй, это было финалом его истории. Отлететь от саммонов. Какой позор.

— А откуда это они ко мне пришли? — зазвучал голос в ушах Дарка, когда его настиг первый энт, и, вместо того, чтобы пронзить его острыми когтями, поскользился вперёд. — Там что-то есть интересное? А может быть... кто-то?

Всё нутро его перевернулось и замерло, кровь заледенела, став единой со морозом окружения. Перловка посчитала это объявлением войны. Пока гости сидели себе на краю «арены» и не отсвечивали, как и не пытались выбраться за её пределы, Тёмную Лешую вполне себе устраивало положение вещей. В конце концов, кто они такие, чтобы обращать на них внимание? Разве человек заметит муравья, гуляя по улице? А как насчёт муравьев, что залезли к нему в кровать и попытались нагадить на подушку?

Армия энтов обогнула Дарка и неспешно стала продвигаться в том направлении, из которого припёрся Гидеон со своей свитой. Слишком много, и они были слишком сильны. Даже если сейчас на страже находился Гало и другие более мощные да разумные некромаги, у них не будет ни шанса остановить врага, как не было ни шанса у дуэта Дарка с Виком. Они все погибнут, и погибнут навсегда. Что с ним сделает Броня, если, проснувшись, узнает, что Илега погибла безвозвратно?

А может, это и есть единственный способ разбудить Броню?.. Может, именно поэтому Перловка и направилась туда?.. Ведь он, Даркен Маллой, последний щит Праги, исчерпал себя. Стал скучен, и, лишившись ресурсов, небоеспособен. Зачем было тратить на него силы, если он никуда не денется? Перловке и не требовалось его добивать, потому что она уже засчитала свою победу, и теперь взывала к бою кое-кого, кто был равен ей по силе.

Но какой ценой?

Дарк рванул со льда, и обхватил цепью тело одного из некромагов, после чего бросил

его в сторону другого. Раз, два, три — операция повторялась, пока из разрозненных трупов и конечностей не собралась целая горка из мяса, обернутого в красивые костюмы. Перловка, всё же, не была способна учиться. Ид поглотивший Сверхэго не становится умнее, не обретает тех качеств, которые имело Эго. Поэтому она продолжала погружаться во всё тот же океан высокомерия, из которого Дарк уже дважды вылавливал её гарпуном магического шпиля. Что же, пришла пора сделать это третий раз.

— Ищешь достойного противника?! А про меня ты забыла?! — трупы некромагов взорвались от одного контура, передавшегося от тела к телу. Гигантский массив крови окружил Дарка, укрыв от метели, и сделал ровно то, что раньше делала вода. Жидкость перекрыла снегопад и выстроила канал в окружающий мир. Серия вспышек. Взрыв.

4.

Финал. Последний акт. Армия энтов повержена безоговорно — по отдельности они ничего не стоили в масштабах богов, а выстрел от шпиля обрушился на каждого из них лично. Новая волна льда опрокинула Дарка, и, если бы не куча обескровленного мяса за спиной, занесла бы его Лешая пойми куда. Однако такое положение всё же не было удобным — в него то и дело летели древесные ошметки конструкторов, каждый из которых обладал такой скоростью, что мог пробить каменную стену. «Номер один» прикрыл лицо цепью, ведь в отсутствие забрала не мог рассчитывать пережить подобный удар. Но и остальному телу пришлось туго — дробь ударов застучала по пластинам, продолжая гнуть и продавливать их, не забывая при этом ломать кости и повреждать внутренние органы.

Но это было мелочью. Мелочью, потому что Дарк приватизировал державы мёртвых некромагов, и сейчас абсолютно и полностью восстановил собственные запасы праха. Костюм приобрёл второе дыхание и заработал на пределе возможностей — тело согрелось, бывшие проклятья выветрились без остатка, и даже на замену выбитых в бою зубов отрасли новые. Хоть что-то, хоть какой-то небольшой шанс — этого хватит не на много, если речь идёт о битве с богом, но на большее, чем хватило бы Дарка в иных условиях. А будет ли этого достаточно — он сейчас узнает.

— Значит, ты действительно считаешь себя достойным соперником.

Эти слова звучали слишком личными. Слишком... оживлёнными. Они не кричали в уши, не расходились по пространству эхом и не разбавлялись посторонним шумом. Простой голос, идущий спереди, и постепенно приближающийся, становящийся чуть-чуть громче и отчётливее. «Номер один» убрал цепь от лица, поняв, что осколки прекратили лететь в его направлении. Это позволило ему увидеть нечёткий силуэт женской фигуры, который с каждым её шагом обретал краски.

— Скажи мне, — сказала Перловка. — У тебя вообще есть план? Ты действительно считаешь, что «обнулив» моё тело несколько раз, мои запасы энергии придут к концу, и я просто выключусь, как робот на батарейках?

Дарк молчал.

— Потому что я хочу сказать, — тёмная версия богини подошла достаточно близко, чтобы стала заметна лёгкая улыбка на её лице, обрамлённом зелёными волосами. Тонкий пальчик наставился на гору трупов за спиной Дарка. — Что души этих умников подарили мне больше сил, чем ты забрал за последний час.

Дарк молчал.

— Но я не буду лишать тебя возможности красиво помереть. Всё-таки, ты смог

впечатлитель даже меня. Я не испытываю к тебе ни уважения, ни жалости, но ты заработал себе на смерть. Я не буду на тебе жениться, просто сотру с лица Форгерии. Ведь я всего лишь желаю, чтобы самозванка не добилась того, чего желает она.

— По статистике, — бойко ответил Дарк. — Длительный монолог перед боем уменьшает шансы антагониста на победу на восемьдесят девять процентов.

— Ладно.

Без какого-либо перехода и боевого клича Перловка устремилась на Дарка, спеша проколоть его правой рукой. Скорость её была нечеловеческой, но «номер один» заделал ногу в ботинке и отпрыгнул на пару метров, заставив Тёмную Лешую пронзить гору трупов вместо него. Небольшое окно возможностей — и Дарк обрушил цепь на спину Перловки, вкладывая колоссальное количество праха в удар. Раздался мощный хруст, хребет богини надломился и потянул её к земле. Там Дарк встретил лицо Перловки пинком, заставив её откатиться по снегу назад.

Могло ли это повлиять хоть на что-то? Разумеется, нет. У него не было ни шанса, и мужчина это понимал. Даже если остатки ресурсов могли подарить ему какое-то преимущество, они были конечны, в то время как аватара Тёмной Лешей могла черпать их безгранично, а использовать — куда эффективнее. Всего секунда — и со щелчком позвоночник Перловки встал на место, и она лишь снисходительно покачала пальчиком Дарку, поднимаясь на ноги.

Раунд два. Рука богини превратилась в толстую лиану, которая ударом слева направо должна была сбить «номера один» с ног, пока сама Перловка бежала на него с примерно той же целью, что и в прошлый раз. И вновь — всего доля секунды на реагирование. Дарк подпрыгнул на одной ноге, перелетел лиану, после чего сверху-вниз ударил противницу цепью по голове. Немного усилий — и оружие перенесло его за спину Перловки, воспользовавшись её телом, как опорой. После завершения манёвра богиня осталась с проломленным черепом, и её зелёные волосы смешались с кровью. Однако Перловка не упала, а лишь сделала несколько шагов вперёд, после чего резко развернулась.

— Я могу так целый день! — пританцовывал Дарк.

— Не можешь. У тебя кончился прах, — улыбалась она.

— Курва!

Новый рывок Перловки, и «номер один» ударил цепью в землю так, чтобы отскочить на пару метров назад, а затем тут же захлестнуть оружием богиню. Воздух засвистел, металл цепи прошёлся по носу противницы и стёр его в порошок — будто ластиком. Однако Перловка продолжила наступать, теперь не прибегая к бегу, а предпочитая двигаться быстрым шагом.

— Всё это — ради капли крови? — спросила богиня, выращивая деревянный посох, пока Дарк пятился назад. — Ты каких размеров предпочитаешь? Большие, маленькие? Говорю сразу: смазка в набор не входит!

— Мне нечего компенсировать! — гордо признался Дарк и встретил удар посоха цепью, рукоять которой обхватил обоими руками.

— Действительно! — их лица были максимально близко, пока оружия упирались друг в друга и замерли на месте. «Номер один» чувствовал тёплое дыхание Перловки, которое даже в условиях невероятного мороза и метели не могло охладиться. Зелёные глаза смотрели ему в душу, и мужчина мог увидеть, как в них разгораются желания примитивного разума богини. С какой жестокостью его прикончить, что при этом сказать, насколько протянуть

его мучения — кратковременные чаяния, которые не вели ни к чему, помимо сиюминутного удовольствия. — Скоро тебе действительно будет нечего компенсировать!

После кратковременной борьбы они отскочили друг от друга, и Перловка снова приступила к натиску. Отказавшись от стратегии брать «номера один» тараном, действия богини стали куда как эффективнее. От атак уже не получалось уклоняться — маневренность Дарка на короткой дистанции буквально «хромала» из-за отсутствия одного из ботинок, и он мог лишь поспешно перебирать ногами прочь от Перловки, да изредка отпрыгивать в сторону, если в очередном ударе читалась слишком большая сила.

Взмах встречался со взмахом, дерево с металлом, желания бога с желаниями человека. В быстром танце они обменивались с Перловкой ударами, ни один из которых не достигал ни плоти, ни брони. Дарк знал, что не переживёт прямое попадание по нему, а потому всеми правдами старался его отсрочить. Он уводил атаки в сторону, сдвигал туловище и голову, пригибался и подпрыгивал, в то время как Перловке не нужно было тратить и половины его усилий на ведение боя. Однако это не значило, что она тратила именно столько. Напротив: богиня действовала на максимуме скорости, не жалея ни противника, ни ограничений хрупкой аватары. Дарк слышал, как от каждого удара что-то в теле противницы лопается, рвётся, затем шумно срастается и снова приходит в действие. И никто, ничто не могло это остановить.

Подстраивалась ли Перловка к его стилю боя, или же он стал банально уставать, но спустя несколько минут фехтования Дарка стали всё чаще ловить на ошибках. Не смертельно, но максимально неприятно. Посох задевал доспех, разнося его в пыль, достигал остатков комбинезона, сжигая его в секунду, как солому, а оружие всё чаще приходилось использовать для блокирования, а не отведения удара. «Номер один» практически буквально развалился на части, и совсем скоро на нём было пластали меньше, чем костюма, а затем и костюм начал рваться на швы даже не от ударов, а банальной скорости сражения.

Дыхание спёрло, пот водопадом стекал по разгоряченному телу, встречаясь с морозом погоды. У Дарка банально не имелось времени наложить на себя согревающий контур, и это ещё сильнее замедляло его движения и реакцию. В итоге критическая масса сторонних факторов накопилась в самом неприятном для него ключе. Он банально не смог обработать то, что Перловка разбила посох на две части, и атаковала его половинками оружия, взяв по штуке в руку. По привычке «номер один» отпрыгнул в сторону от одного удара, но слишком поздно осознал, что их два. Всё, что он успел — прикрыть тело цепью, которая впитала в себя всю силу богини. Треск — и самое нижнее звено оружия отвалилось от рукояти, после чего рухнуло на лёд.

Не успел Дарк прийти в себя, как Перловка хищно улыбнулась, и наступила на остатки цепи, от чего те лопнули множеством осколков. Не то что бы «номер один» планировал ими воспользоваться, но ровно на этом моменте он осознал, что всё кончено. Уверенность подкрепило то, что пятясь назад Дарк банально поскользнулся на льду и свалился на задницу. Подобный толчок заставил остатки брони свалиться с его тела, полностью оголив его перед миром и Перловкой.

— И-ти-ти, — тихий смешок вышел изо рта Тёмной Лешей. — Похвально, но едва ли достойно. Ну что, у тебя есть какие-то пожелания?

Вот и всё. Его поражение, полное и безоговорочное. Что с того, как долго он держался? Да пусть бы он сдерживал её неделями, глобально бы это ничего не изменило. Слишком слаб и незначителен, чтобы что-то поменять. Стремления человека повторить силу бога...

Какая, всё же, наивность. Ты мог создать пантеон с собой во главе, взять крутой титул и имя, но по факту оставался всё таким же смертным — сколь талантливым ни был. И вся эта фактада просто рушилась, когда в мир самозванцев приходил «оригинал». Образ, к которому все стремились, но никто не смог даже приблизиться. И плевать, беневолентен ли он, милосерден или же просто стремится высасывать этот мир досуха, пока в нём ещё оставались соки. Ничего не имело значения... И им просто не повезло, что злодеям всегда было легче получить силу.

Дарк достал палочку. Зачем? Почему? Это не имело значения. Чем бы ни были омрачены его мысли, он просто не хотел сдаваться. Пусть он погибнет, помня себя, как героя, чем паршивого труса, опустившего руки, когда всё, что он строил — пошло прахом.

— Ты такой смешной, — сказала Перловка, подходя к Дарку вплотную и садясь перед ним. — Хотя мы, пожалуй, не так уж и сильно отличаемся. Я стремлюсь к самоудовлетворению, и ты делаешь совершенно то же. У тебя просто не выходит, и ты ищешь новые грани, которые позволят тебе испытать те эмоции, что я испытываю каждую секунду своего существования. Но зачем?

Она протянула руки вперёд и обхватила «номера один». Это не ощущалось, как объятья — скорее, как захват, который легко можно было использовать для того, чтобы переломить хребет. Дарк вздрогнул и поднял палочку в воздух. Его глаза упирались в небо... Очищенное от облаков и снега.

— Почему ты просто не пойдёшь по легкому пути, если в результате получишь то же самое? Объясни мне, что ты чувствуешь? — её голос стал медленно меняться. Из ласкового и приторного он стал... Неуверенным. Обезоруженным. Действительно задающим ему вопросы, а не издевающимся перед убийством. — Что ты находишь во всём, что делаешь?

Похоже, он всё-таки победил. По многим причинам. Но сейчас лишь одна из его побед требовала реализации. Та, которая привела к тому, что небо, наконец, очистилось.

— Морте Санта, святая и благая смерть, — закричал Дарк, отправляя сигнал палочкой вверх, — распорядительница жизней и силы, прими эту жертву и даруй моей семье — Маллой — ту, что повинуюсь воле твоей, приведёт её к величию!

Глава 21. Будет ласковое солнце

1.

Разум — самая хрупкая часть человека. Он обрабатывает всё, что поглощает, и навсегда хранит в себе, позволяя влиять на себя и даже управлять собой. Когда человек только родился — он представляет собой ничего больше, чем устройство, которое движется в соответствии с желаниями нервной системы. Желудок просит кушать — кушаем. Мочевой пузырь просит писать — писаем. А когда не получается покушать и пописать — плачем, потому что бессильны, и надеемся, что кто-то иной придёт на помощь. Точнее, «надежды» здесь никакой нет. Устройство на неё не способно. Оно просто хочет этого, и делает.

Поэтому, чтобы перестать быть таким беспомощным, психика начинает адаптироваться. Плохо, конечно, слабенько. Но она делает первые попытки скорректировать себя под внешний мир. Начинает понимать взаимосвязи дальше уровня «покушал» — хорошо, «не покушал» — плохо. Уже можно попросить маму о помощи словами, или, например, убрать игрушки в своей комнате, чтобы тебе купили вкусняшку из магазина. Правда, если что-то идёт не по плану, то хрупкий разум начинает отступать, сдаваться, забывать пройденное развитие. Рептильный мозг сильнее, он снова закатит истерику, вернёт слёзы, и уж точно не захочет убирать комнату по просьбе мамы. Просто потому что у него были миллиарды лет эволюции, а у разума — всего несколько лет.

И так вот оно идёт достаточно долго. Ребёнок растёт, взрослеет, начинает лучше понимать законы окружающего мира. Поверх его личности нарастают правила этикета, поведения, общения со сверстниками и старшими. Ограничения накладываются на него одно за другим, и та древняя часть его личности, разумеется, против, но её становится чуть легче не слушать. Потому что разум обретает силу. Осуждение окружающих для него больше не пустой звук. Вина становится сильнейшим мотиватором. Почему это происходит? Может, таков стандартный путь любого организма, который «отрачивает» в себе способность испытывать эту эмоцию, как выращивает волосы и молочные зубы? Или же это всё-таки последствия подчинения тому фундамента психики, который знает, что вина приведёт к последствиям, а последствия — больно, неприятно, и к удовольствиям не ведут?

А когда ты богиня — могут ли для тебя быть последствия? Способен ли хоть кто-то во всём мире наказать тебя, заставить играть по правилам? Не-а. Ты всемогуща. Ты можешь всё. Удовлетворить свою любую прихоть сразу же, как только это захочешь. И не нужно пытаться увилить, говоря, что тебе недоступна любовь, дружба и тепло родителей. Ты всё это можешь мимикрировать, а психика даже не будет задумываться о том, что фальшивка хуже оригинала. Потому что она уже упростилась настолько, что мысли дальше одного шага вперёд её не интересуют.

Значит, если просто избавиться от всего этого мусора, который нарастает на хрупкий разум за первые годы жизни, то тебе станет лучше. Стань ребёнком, и обретёшь счастье. Ведь, в конце концов, ради чего живёт человек, если не ради счастья? Ради продолжения потомства? Да нет, никто не заставит тебя это делать, а от того, что у тебя родится пара детей — твоя жизнь никак не изменится в корне. Может, ради достижения каких-то великих целей? А зачем тебе это? Ну цели и цели. Что тебе даст их выполнение?

Счастье. Именно оно. Оно ведёт тебя вперёд, мотивирует каждое действие, будучи наркотиком для хрупкого разума. Вся жизнь — попытка собрать как можно больше

дофамина и серотонина, ведь он придаёт миру краски, даёт возможность наслаждаться своим существованием, да просто продолжить дышать на один день побольше, мать возьми! У человека можно отобрать многое — семью, хобби, достижения, но если после этого он останется счастливым — то захочет жить!

Проблема в том, что человек, потеряв семью, хобби и достижения, счастливым не будет. Отбери у него всё это, и источники спасительного наркотика иссякнут. Он по инерции ещё продолжит вставать по утрам, чистить зубы, идти на работу. Серый мир уже не будет так ему мил, но отчаянные попытки восстановить счастье будут продолжаться какое-то время. Человек не совершит суицид, ведь им до сих пор управляет вина. Ведь его смерть ранит кого-то, расстроит, введёт в отчаяние. Он будет вынужден продолжить существование, потому что должен. Ради других.

Именно так себя ощущала Броня Глашек. В этом мире её держала исключительно вина. Вина за смерти невинных, вина за беспредел властей, вина за сожженные без остатка души. Ведь она, как богиня, могла остановить всё из этого. И если депрессивному человеку всего-то нужно было оставаться в живых, чтобы не испытывать чувство вины, то великой Лешей следовало стремиться к выполнению всех обязанностей, которые она на себя возложила.

Вот именно, что сама. Всё, что наращено поверх разума — можно искоренить, забыть, как страшный сон. Сон, в котором она и пребывала сейчас. Сон, который прокручивал перед её глазами сцены её неудач и поражений, говорил, как тщетны её попытки, и, разумеется, насколько всё это опционально, не нужно, не важно... Просто сдайся. Отбрось ненужные пристройки. Вернись к тому, кем была с рождения. Ведь тогда, именно тогда ты получишь своё счастье.

Отрекись от своей человечности, ведь ты больше не человек. Ты — набор воспоминаний сотен душ, и если в них где-то и затесалась Броня Глашек, то голос её совсем слаб и тих. Ты загнала себя в форму, которая больше никогда не получит удовольствия от простых действий, ведь каждое из твоих воспоминаний тянет тебя в разные стороны, имеет собственные желания, надежды и мечты. Единственное, что их объединяет — усталость от бесконечных страданий, которые и лишили их жизни. А сейчас ты снова страдаешь, потому что нагрузила этих бедняг необходимостью защищать слабых, совершенно не справляясь с поставленной задачей.

А зачем вообще ты это сделала?

2.

Лежащей на пьедестале Броне Глашек было абсолютно плевать на то, что происходит вокруг. Может, она и была в курсе происходящего, но уже не видела смысла открывать глаза. Крики, взрывы, тряска... И лишь одно оставалось стабильным — снегопад, покрывающий тело девушки всё больше и больше, будто бы закапывая её в могилу.

Но, похоже, в Форгерии остался ещё кто-то, кого развивающаяся ситуация не устраивала. Массив снега, под которым находилась богиня, зашевелился, и сугроб начал сползать в разные стороны от пьедестала. Зелёная мордочка Рои показалась миру, пусть никто и не мог увидеть её в этот момент. Змея облизнула носик красным язычком и поползла прочь из-под платья хозяйки. Сделав это, рептилия забралась на её туловище и перекусила верёвку, на которую игрушка плюшевого енота была привязана к одежде. Сразу же после этого Роя толкнула Тимку вперёд, и он покатился по плечу Брони вдоль тела, заканчивая движение на ладони Лешей.

3.

Вечер в спальном районе. Он не был прекрасным местом для смерти. Не пропитан ощущением старости, безысходности и заброшенности. В нём всё ещё были краски и контраст, и всё находилось на своих местах. Наверняка в нём было приятно гулять со своим партнёром, имея возможность слышать детский смех у игровых площадок и чувствовать запах чьего-то ужина из открыт окон. Здесь хотелось находиться, пусть и не долго — всего момент, который требовался, чтобы добраться от метро до собственного дома. Эти мысли, пожалуй, разделяло большинство жителей многочисленных хрущёвок, забивших улицу в качестве составляющих повторяющихся букв «П». Но не разделял их один мужчина, который шёл по району в одиночестве.

В свои тридцать с лишним он абсолютно утратил волю к жизни. Звучит наигранно и поспешно, ведь диагноз ему никто не ставил, но кому нужны эти доктора, если правда преследовала его все последние годы, подпитываясь происходящими с ним неудачами? Выучился на бесполезную профессию, пусть и с отличием, по которой работа если и была, то заключалась она в обучении студентов тому, чему тебя обучил твой профессор. Девушки не было и быть не могло — мужчина считал себя слишком занятым для того, чтобы тратить на это время, пусть и в тайне рассчитывал, что к нему может просто ни с того ни с сего прийти какая-нибудь красотка и познакомиться. А вероятность этого была крайне мала: уж больно мужчина слабо следил за собой, пусть и при неплохих исходных данных. Щетина небрита, короткие тёмные волосы вечно засалены, а прикид ему покупала ещё его мама на рынке в позапрошлом году. И лишь глаза — его пронзительные синие глаза — ещё могли впечатлить кого-то своим взглядом, если бы не смотрели постоянно вниз. Потому что уже было не важно то, что впереди.

Рассчитывал ли мужчина изменить что-то в своей жизни? Вряд ли, потому что уже не мог. Не теоретически, нет. Всегда можно найти новую работу, привести себя в порядок, отыскать вторую половинку на сайте знакомств. Но ведь это теория. Реальный мир абсолютно точно иной. Много вы знаете людей, способных повернуть свою жизнь на сто восемьдесят градусов? Они есть, да. Но мужчина был уверен, что не один из них. Что он обычный, не гений и не талант — простой человек, любящий глобальные стратегии, аниме и музыку девяностых. И воли изменить что-то у него не хватит. Как и прекратить этот сюр.

Он возвращался домой поздно — в тот промежуток, когда «вечер в спальном районе» угрожал превратиться в ночь в нём же. Почему? Да просто так, пожалуй. Мужчина закончил смену продавца-консультанта, закрыл магазин и пошёл шататься по улицам. Была ли это попытка найти что-то, способное вернуть в нём любовь к жизни, или, может, наконец оборвать её — оборвать так, чтобы вина лежала не на нём, чтобы ответственность принял кто-то другой, и он смог закрыть глаза с улыбкой на лице, испытав катарсис от финала собственной истории? Неизвестно. Так или иначе, в тот день он нашёл и то, и другое.

Два подонка зажали в переулке девчонку. Классика. Она истошно кричит, но всё, чего она этим добьётся — того, что кто-то включит в соседнем доме свет, а его обитатель пробормочет: «о господи боже мой». Кто-то, может, и вызовет полицию, и, даже если сделает это вовремя, она точно опоздает. Жизнь бедняги будет разрушена навечно, а ублюдки просто хапнут свою порцию гормонов, которая закончится до конца недели. Мрази.

Кирпич под ногами — хорошее оружие. Особенно — когда бьёшь им в затылок, и чувствуешь, как что-то хрустит — но тебе не надо гадать, ты знаешь: так звучит череп, а не крошащийся цемент. Особенно легко поверить в это, когда твоя ладонь окрашивается

кровью, а противник — падает мордой вниз, прямо на девушку, которую хотел изнасиловать. Она визжит ещё истошнее, и второй упырь, очевидно, пьяный, только тогда понимает, что что-то не так. Надо было бить его первым — ведь именно он угрожал жертве ножом, ожидая, пока друг «закончит» своё дело.

Это не была драка. Мужчина замахнулся ещё раз, но к моменту, когда кирпич нашёл кончину на лице подонка, нож свое дело сделал. Мамина куртка не выдержала стального лезвия, полопалась в нескольких местах, словно нарыв, содержащий кровь — она и помчалась вдоль его тела. Оба человека рухнули на землю — упырь спиной назад, а мужчина — на колени, силясь удержать ладонями утекающую сквозь пальцы жизнь.

Почему он это делал? Разве не искал он так отчаянно собственной смерти, не хотел закончить всё это и прекратить, поскольку был уверен, что уже слишком поздно? Чёрт возьми, это было больно. Так отрезвляюще — он никогда не пробовал наложить на себя руки, но сейчас был уверен, что остановился бы сразу же, как начал бы чувствовать что-то хоть немного похожее на это. Но теперь мужчина не мог остановиться, и решения принимал не он. Ведь ответственность лежала на другом человеке.

— Стойте, слышите? Держитесь, я вызываю скорую! — кричала ему спасенная девушка. Она не бросила его, помогала зажимать раны, в окровавленной ладони держала телефон, по которому просила робота позвонить в «911». Что-то щебетала оператору, постоянно смотрела на него, пыталась приободрить взглядом, нелепой улыбкой, но мужчина уже не понимал ничего из того, что происходит. Разве что было одно чувство, совсем им забытое, название которого крутилось на языке...

— Как вас зовут? — дошел до его сознания вопрос. Пожалуй, слишком поздно для того, чтобы дать ответ. Он не мог дать его устно, нет. Но мог дать хотя бы самому себе.

Его звали Александр.

И он был счастлив.

4.

Умопомрачительной силы взрыв разнёс свадебный пьедестал — по крайней мере, Дарк рассчитывал, что правильно назвал координаты шпилью. И не просто назвал, но сделал это вовремя. Ведь прекращение метели могло значить только одно — Лешая пробудилась. Зачем и почему — для него было неизвестно. Но он удерживал Перловку достаточно для того, чтобы это произошло. Его долг был исполнен. Дальше можно было и умирать.

Чего, впрочем, сделать у него не вышло. Потому что тёмная версия богини просто отпустила его и позволила рухнуть на лёд. Она медленно встала и посмотрела вперёд. Броня Маллой спокойно шагала к ним, пока её тело формировалось на ходу. Если первые секунды в движении был всего лишь скелет, а через пару секунд — мясная фигура, то, когда между ними осталось всего пару метров, поверх мышц выросла и кожа. Голубые глаза встретились с зелёными, и только одни из них горели решимостью.

— Я проиграла? — голос Перловки звучал невероятно устало. Настолько устало, что Дарк даже сначала не понял, что говорит именно она, а не Броня. Он приподнялся на локтях, чтобы лучше следить за собеседницами.

— Зависит от того, что считать проигрышем, — ответила светлая богиня. — Если ты хотела сорвать моё перерождение — то в этом ты постигла неудачу. Но если ты хотела прекратить своё жалкое существование обрубком человека — то сегодня я смогу удовлетворить твои желания.

Перловка усмехнулась.

— Похоже, меня ждёт пиррова победа.

— Тогда мне придётся её тебе нанести.

Лешая спокойным шагом направилась вперёд, пока Перловка даже не думала сдвинуться с места. Она лишь потупила взгляд и сложила руки под грудью, застыв, словно статуя, которой было плевать на мороз, ветер... и на всё остальное. Поэтому, когда Броня положила ладонь на лоб своему злому клону, та даже не вздрогнула.

— Помнишь, мы договорились, что победит та, кто сделает лучшую отсылку на Гоблинов? — вдруг спросила Перловка.

— Было дело.

— Это нечестно.

— Я делаю её прямо сейчас. Гоблинов не существует в этом мире.

— И-ти-ти...

Это не был смех. Скорее, попытка мимикрировать под саму себя. Потому что Перловке вряд ли было смешно... И вряд ли она уже могла испытывать веселье. Потому что, протянув последнее «и», тёмная версия богини просто обмякла, и, свалившись на лёд, разлетелась в прах.

— Вообще-то, — сказал Дарк, — в этом мире есть Гоблины. Я их даже читал.

— Доколе ты будешь портить мне притчи? — усмехнулась Броня и сделала несколько шагов к нему. «Номер один» обратил внимание на то, что его жена после смерти от шпилья совершенно не имела одежды, и решил как-то прокомментировать это:

— У нас же сейчас первая брачная ночь, верно?

— Это намёк?

Ответом ей был храп. Броня улыбнулась и села рядом с мужчиной, после чего приподняла его израненное тело и прижала к груди. Небольшие капли дождя падали на изнеможенное и худое лицо Дарка, смывая с него остатки крови и снега. Его грудь мерно вздымалась и опускалась, и ничто не могло более изменить её ход. Броня запустила пальцы в слипшиеся волосы мужчины и запела:

Нас построили новым порядком чуть свет.

Мы похожи на стаю бескрылых птиц.

Был объявлен ветер, но ветра нет -

Ветер трудно поднять шелестом газетных страниц.

Шелестит до звона в ушах:

Как шагать еще быстрее и какими нам быть?

Но мы никак не решимся на главный шаг,

Я боюсь, что мы разучились ходить.

И пускай вопрос не похож на ответ,

И вроде бы нет шор на глазах,

И вроде бы дали зеленый свет,

Но кто-то держит ногу на тормозах.

И мы травим анекдоты под морковный сок,

Задыхаясь соломой своих сигарет,

И все никак не можем поделить кусок,
Которого, в общем, давно уже нет.

И мы смеемся сквозь слезы и плачем без слез,
И следим за другими, не следя за собой.
Из тысячи вопросов главный вопрос:
Кто крайний? — Я за тобой!

И со многих ртов уже снят засов,
Теперь многословию нет предела,
Слишком много красивых и славных слов.
Не пора ли наконец заняться делом?!

И пускай словами не разрушить стен,
И никто не верит в хозяйскую милость,
Но мы смотрим на небо и ждем перемен.
Это значит, что-то уже изменилось.

И я слышу вопрос и не знаю ответа,
Но когда наконец я закрываю глаза,
Я отчетливо вижу полосу света
Там, где ветер надежды наполнит мои паруса.

5.

— Ты можешь прекратить битбоксить на моём смертном одре?

— Прости. Я не мог удержаться и не сделать отсылку на тот никому не известный мем.

Вацлав вздохнул и устремил взгляд к роскошному потолку. Он умирал не в госпитале и не больнице — ему не могли помочь ни врачи, ни некромаги. Прощальный подарок Перловки, проклятье, которое легко наложить, но невозможно снять. Словно бы неразрушимый узел — закрути, как хочешь, разматывать всё равно не тебе. Поэтому наследнику богемского престола только и оставалось, что доживать последние дни во дворце Праги, не имея возможности ни выйти перед подданными, ни хотя бы встать с кровати.

— На самом деле, можешь делать что угодно, Дарк. Я прошу от тебя всего лишь одну вещь.

«Номер один» прекрасно понимал, что от него потребует Вацлав. Его уже просили это сделать, и не раз, но принц пытался сделать всё возможное, чтобы упокоиться с миром. Поэтому, если эта просьба могла хотя бы на долю процента повысить вероятность успеха миссии — её стоило сделать. Чтобы Вацлав мог поверить, что делал всё, что мог, до самого конца.

— Отправляйся в Корсику. Найди нам союзников. Помоги справиться с Российской империей. Я слышал, что Финляндия открыла второй фронт, но... О Семеро, этого мало, — он вздохнул и, судя по дрожи в руке, попытался протереть лоб, но даже не смог оторвать её от матраса. — Это наша последняя надежда на победу, да что там, простое сохранение суверенитета.

— Я обязательно сделаю это, — Дарк взял принца за ладонь и крепко сжал её. Тот

слабо улыбнулся. — Я боролся с богиней один на один и вышел живым. Неужели это будет сложнее?

— Да уж, не смог я сравниться с тобой... Самоуверенность меня погубила. Наверное, именно поэтому мне так тяжело поверить в твой будущий успех, — Вацлав закашлялся и выплюнул себе на грудь сгусток крови. — Будь осторожен. У нас много врагов, и они находятся везде. В том числе и в Корсике.

Вацлав с невероятным трудом для себя повернул голову на Дарка:

— Это всё. Я не буду тебе мешать. Вели никому больше не входить сюда от моего имени. Пусть подданные запомнят меня человеком, бросившим вызов божеству, а не погибшим от него.

Дарк кивнул и встал со стула, после чего направился к выходу. Он не обернулся, зная, что Вацлав не хотел бы этого. Пусть и в голове своего самого преданного вассала останется образ этого решительного дворянина, который сделал всё ради защиты своей страны, в результате чего помог одолеть Ганнибала. Пусть его история закончится на мажорной ноте, и не нужно вписывать под конец печальные отрывки.

За дверью его ждало несколько человек. Дед, жена и дочь. Да уж, прямо вся семья собралась, и все требовали внимания. В таком случае следовало обращаться по старшинству.

— Так ты мне объяснишь, что это за бумажка? — с нетерпением «номер один» затряс формулой, победившей Перловку, перед вейпящим Руфусом Маллоем. Тот невозмутимо забрал мятый листок и спрятал его в карман лабораторного халата.

— Тебе это больше не нужно. А я пойду передам кому-нибудь ещё.

— В смысле?! — вспыхнул Дарк. — А кому ты давал её до этого?

Дед сделал несколько затяжек из электронной сигареты и, зачем-то, потёр её кончик о стену дворца.

— Конкретно я — никому. Но какой-то другой Руфус услужливо передал эстафету и поделился формулой пробития брони богини с нами. Соответственно, мне нужно продолжить это начинание, если я не хочу, чтобы количество Форгерий с победившей Перловкой выросло по экспоненте.

— Серьёзно? У тебя всё это время была машина, способная передавать сообщения между параллельными мирами?

— Да.

— И ты нам об этом не сказал?

— Да.

Дарк хотел спросить что-то ещё, но Руфус просто развернулся на своём гироскутере и укатил вдоль по коридору, сбив по пути какую-то вазу локтем. «Номер один» ещё какое-то время смотрел в спину спасающегося в паническом бегстве старика, после чего вздохнул и повернулся на другую часть семейства. Броня-теперь-уже-Маллой спокойно игнорировала диалог мужчин семейства, уделяя всё свое внимание Чапыжке, пытаясь защекотать ту под рёбрами. Девочка звонко смеялась, от чего её мухи летали туда-сюда пьяным жужжащим облаком.

— Ну что, готовы отправляться в Корсику? — спросил их Дарк. Почему-то он не мог перестать смотреть на свою приемную дочь. С чего бы? Может, потому что она была олицетворением пройденного им пути? Награда за победу над Перловкой? Или он просто стал больше ценить такие простые вещи, как отдых, сон и смех?

— Разумеется, — ответила Броня. — Но не сегодня. Нам ещё нужно попрощаться с

друзьями.

Дарк кивнул. Конечно, у них было мало времени, и медовый месяц обещал превратиться в очередное смертельное приключение на незнакомой земле. Но сейчас, в моменте, когда он был рядом с вернувшейся Броней, его новоиспеченной приемной дочерью, а на душе больше не лежал груз неразрешенных проблем... Он мог вздохнуть полной грудью. Потому что теперь знал без сомнений... Будет ласковое солнце.